

Олег Верещагин
Не остаться одному

Путь домой – 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2771805
«Путь домой. Книга вторая. Не остаться одному»: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-53194-3

Аннотация

Плен для бойца хуже смерти! Унижения хуже ран и мучений! Где взять силы, чтобы не сойти с ума в этом аду? Где взять мужество, чтобы жить дальше и надеяться вернуться к своим, зная, что они ждут вожака и друга. Олег, три года назад попавший в жестокий негостеприимный мир, только внешне похожий на Землю, вместе со своими одноклассниками после одного из боев со свирепыми чужаками урса оказывается у них в плену. Но те, против обыкновения, не убивают мальчишку, а везут в загадочный Город Света, который никто не видел, но все слышали самые невероятные легенды. Однако то, с чем ему предстоит столкнуться наяву, оказывается куда страшнее легенд.

Олег Верещагин Не остаться одному

*Мы будем помнить
Путь в архипелаге...*
В. Крапивин

*Только эхо в горах,
Как прежде, поет
Голосами друзей-мальчишек...
Голоса их все тише...
Время не ждет.*
Группа «ЧайФ»

*Я посвящаю эту книгу
моим друзьям — тем,
кто своей жизнью опроверг слова:
«Игра важнее тех, кто в нее играет»,
доказав, что все игры на свете
делаются ЛЮДЬМИ*

Рассказ первый Город света

*...Но все же нашла на камень коса:
Тебе повстречался я.
Тебе не поладить со мной добром,
Как водится меж людьми.
В гробу я видал твое серебро,
А силой — поди сломи!*
М. Семенова

Около недели я провалялся на соломе в вонючем сарае, и урса несколько раз начинали обсуждать, съесть меня, пока не сдох, или еще подождать. Меня это мало колебало, потому что я был без сознания и, наверное, умер бы, если бы не ребята, которых содержали тут же. Это оказались двое испанцев помладше меня, и они меня поили и кормили тем, что им самим давали. Я был в отключке, но пил и глотал. Потому и не умер...

Я не узнал, как их звали. Их убили в тот день, когда я все-таки вынырнул из забытья и лежал на отвратительно разящей соломе, ощущая тошнотную слабость во всем теле. Вошедшие урса скрутили обоих и, обезглавив точными ударами топоров, начали потрошить и разделявать. А двое подошли ко мне. Я слишком слаб был, чтобы пошевелиться, поэтому просто плюнул в них и выругал, не узнавая собственного голоса, на нескольких языках. Урса стояли надо мной, переговариваясь и разглядывая меня. Я ощущал неудобства от того, что голый, под их взглядами не больше, чем в присутствии собак или козлов. Другое дело, что собаки или даже козлы не вызывали у меня такой ненависти.

Они вздернули меня на ноги и, вывернув руки назад синхронным движением, легко поставили на колени. Нога уперлась мне в спину между лопаток — так, что я невольно выгнулся, вытянув шею и почти касаясь лицом земли. От нее пахло сырыми нечистотами, и я ощутил не страх, не боль, а глухую тоску при мысли, что этот запах и эта мокрая земля будут последним, что я смогу ощущать и видеть в своей жизни. Стоило выживать!!!

И я ждал этого удара. Сопротивляться не было сил, я представлял себе, как выгнется, расплескивая кровь, мое обезглавленное тело, откатится в сторону голова (сколько раз я видел такое!) — и...

И я больше никогда-никогда не увижу Танюшку. Это и было почему-то обидней всего. Только три года. Не пять, я не дотянул до «среднего срока».

Меня отпустили, и я упал на эту землю уже всем телом. И медленно подумал (странно, именно так), что, кажется, остался жив.

* * *

Я всегда боялся боли. Но, как и любой нормальный мальчишка, еще больше я боялся, что о моем страхе узнают, потому что это означало унижение, а унижение — намного страшнее. Еще *там*, на *той Земле*, я *научился терпеть боль. Здесь, на этой Земле, я научился смеяться, когда мое тело полосовали сталью. Научился отдавать приказы в то время, когда на мне по-живому зашивали раны — колотые, рубленые, резаные. Научился терпеть выматывающую, ни с чем не сравнимую* боль от заживания этих ран — по несколько дней кряду.

Не смог я научиться только одному — терпеть унижение. Не только не *смог* — я и *не мог* этому научиться, потому что окружающий меня мир не располагал к безответности, а четко и определенно говорил: на оскорбление словом отвечают ударом клинка. Тот, кто не хочет его получить, — не будет оскорблять. Граждане пассажиры, будьте взаимно вежливы.

Можно посадить на кол человека. А можно посадить на кол душу. Нет, не ту, с крылышками и арфой, я в нее не верил никогда. Вернее, просто никогда о ней не думал. Душа — это честь, достоинство, верность, любовь. Нематериальная, но самая важная составляющая настоящего человека.

Честное слово. Дико звучит. Не поверишь даже. Но посаженная на кол душа — страшней, чем посаженное на кол тело.

Страшней.

А еще страшней — смириться, свыкнуться с тем, что тебя растоптали, унизили, обесчестили. Смирившись — умираешь. Живет только твоя оболочка. Кому-то — все равно. Но если ты несколько лет свыкался с тем, что в тебе живет душа, тебе «все равно» уже не будет.

Наверное, к страху можно привыкнуть, научиться жить одним мгновением, радуясь тому, что именно в него, в это мгновение, с тобой еще не случилось ничего плохого. Я это понимал, но сам так не мог.

Может быть — пока не мог?

Больше всего я боялся не смерти. Нет, не смерти, не боли, а... изнасилования. В этом было что-то чудовищно унижительное и мерзкое — меня, мальчишку, и мальчишку сильного, отважного, стойкого, бойца и рыцаря, заставили бояться именно этого.

Я бы предпочел умереть. Хотя и жить хотелось очень-очень, до воя, до онемения внутри. Но меня терзала неотступно одна мысль: почему они меня не убили? Почему меня не оставили жить, почему не сожрали, перед этим «попользовавшись»? Почему лечили худобно? Куда меня везут?

Говорят, если впереди неизвестность, то человек то впадает в отчаянье, то начинает надеяться. Со мной было не так. Неизвестность впереди была страшней, чем смерть сейчас, хотя путь в эту неизвестность продлевал мою жизнь...

Я точно не знаю, сколько провел еще в этом сарае в одиночестве. Меня кормили и поили. Когда я более-менее восстановился, то попробовал копать, но земля пола была утрамбована вдоль стен до твердости бетона, да и, судя по звукам, урса были вокруг постоянно... Меня несколько раз охватывала лихорадочная, сумасшедшая надежда, что плен вот-вот кончится, как кончился он в прошлые два раза. Я вслушивался, почти уверенный в том, что вот-вот послышится шум, лязг стали, голоса людей, — и этот дурной сон оборвется. Наверное, я бы чокнулся от этих мыслей, если бы в конце концов не запретил себе к ним возвращаться. Алгоритм, как в разделе «Игры с Чипом» журнала «Пионер»: п.1: надо бежать; п.2: бежать нельзя. Значит — п.3: надо сначала просто выжить. Потом см. п.1.

Хуже всего срасталась левая рука, но и она восстанавливалась достаточно быстро. Просто удивительно быстро, если учесть, что я был в плену.

Я не считал дней. Это не имело смысла просто потому, что я не знал, сколько провалялся без сознания и где вообще нахожусь, — может, меня сюда неделю везли? Но мое заключение в сарае кончилось — просто открылась все та же дверь, и трое урса без разговоров выволокли меня наружу, где, как оказалось, было весьма оживленно.

В большую крытую повозку были впряжены четыре медлительных и флегматичных безрогих вола. Кузов кривовато сидел на неровных колесах, доски — и его, и верха — были обшиты пятнистыми шкурами.

Меня пихнули в спину. Двое урса открыли, отодвинув засов, заскрипевшую дверь в кормовом торце. Снова толкнули сзади, потом мерзко «подсадили» лапами под зад. Я оглянулся через плечо — лапавший меня ниггер, ухмыляясь, облизнулся, и я, с трудом переведя дыхание, ввалился в душное, темное нутро фургона. Позади стукнул засов.

То, что в повозке я не один, я ощутил мгновенно. Она дернулась, поплыла вперед в каком-то мерзком, взбалтывающем нутро ритме; я не удержался на ногах и, падая, попал рукой в человека. Тот немедленно отодвинулся, а я сел, буркнув:

— Извини, я не хотел...

— Ничего. — Голос был тихий. Кажется — девчоночий... но, может, это просто младший мальчишка? Хоть не урса... Я таращился в темноту, стараясь поскорей к ней привыкнуть.

— Ты советский? Русский?

Это точно была девчонка, и я различил в голосе акцент.

— Советский, — отозвался я.

— Я догадалась. Я слышала, как ты говорил.

— Еще я голый.

— Я тоже... — Она сдержанно дышала в темноте. — Теперь, по крайней мере, не так страшно. Тебя как зовут?

— Олег, — сказал я, садясь на ощупь удобней. — А тебя? Ты откуда?

— Дейна... Я из Ирландии.

— Ты давно здесь?

— Здесь — это здесь?

— Ну... нет, в этом мире...

— Четвертый год.

— Я тоже... — Я вроде как начал различать ее в темноте — как еще более темный силуэт. — А в плену?

— Почти месяц, — вздохнула она. Помолчала и спросила: — Ты очень устал?

Вопрос был странным, но я почему-то понял, чего ей хочется, и ответил:

— Да нет, не очень... Ты поговорить хочешь, да?

— Ага. — Она все-таки хорошо знала русский. — Понимаешь, я раньше думала, что ничего не боюсь. За эти годы столько всего было... всякого, и я правда не боялась. Ничего. А тут так страшно...

— Я понимаю, — тихо сказал я. — Мне тоже страшно.

На самом деле страх немного отпустил. Дело в том, что мужчины (настоящие, конечно; ну и мальчишки — тоже) так устроены: если рядом с ними кто-то слабее них, то становится не до страха за себя...

...Дейна Джиллиан могла бы и не пересказывать свою историю, настолько обычной она была. В этом мире Ирландия была соединена с Британией перешейком, и они вместе представляли собой северный полуостров Европы — Темза впадала в Рейн. Дейну схватили в Малой Азии, раненую — их привел туда эрл (очевидно, такой же упертый, как я!) Джаспер, англичанин по национальности. Не добили, даже не насиловали, а зачем-то вылечили...

— У тебя есть девушка? — закончив рассказ, спросила Дейна.

Я стиснул зубы, прикрыл глаза и отрывисто ответил:

— Да.

— А моего парня убили. — Она что-то сказала на непонятном мне, но красивом языке.

— Он не смог меня защитить и погиб...

— Он тоже был ирландец? — спросил я.

— Нет, — вздохнула Дейна. — Мы познакомились здесь, он был валлон из Франции... Веселый и сильный. Его звали Леон... А твою девушку как зовут, Алек? — так она произнесла мое имя, довольно красиво, кстати.

— Таня, Татьяна, — сказал я, и у меня перехватило дыхание.

— Таттиан, — повторила она. — Тебе хорошо. Она будет ждать...

Я уже неплохо ее видел. Ну насколько это вообще возможно. Дейна была красивой, что и говорить. Черты лица я не очень различал (вообще почти не различал), но видел широкие скулы, копну растрепанных волос, крупную красивую грудь, длинные ноги (она сидела, подогнув ноги вбок и опираясь ладонью об пол). Деталей не было видно, и я надеялся, что и она меня видит примерно так же. Не то чтобы я стеснялся, просто...

— Ждать, — усмехнулся я. — Не знаю, может, лучше пусть и не ждет... Послушай, Дейна, — я невольно понизил голос, — я убегу. Ну, попробую убежать, как только возможность будет.

Несколько секунд было тихо, только слышно, как она дышит. Потом вздохнула:

— Если поймают — убьют.

— Наверное, — согласился я. — Ну и что? Ты сама подумай: ну куда нас могут везти? Хуже не будет.

— Да я согласна, — кивнула она. — Возьмешь меня с собой? Все равно же кончится тем, что в какое-нибудь рабство продадут... и изнасилуют, что тебя, что меня. А подстилкой жить не хочется.

Меня передернуло — ирландка угодила точно в мой страх. И, скрывая его, вновь появившийся, я заторопился:

— Мы, наверное, где-то в Персии. Один мой знакомый как раз из этих мест выбрался... Главное — постараться духом не падать сейчас. И хоть как-то силы поддерживать, а то надо будет бежать, а мы и не разогнемся... Ну, Дейна? Руку?

— Руку, Алек. — И я почувствовал, как ее сильные пальцы сжали мою ладонь.

В краю, где пурга свистит,
Где ветер и снег,
Вдруг может на полпути
Устать человек.

Начнет отступать,
Начнет ругать пургу.
Но друг разведет
Костер на снегу.

Кто мрак раздвигал плечом
У скал Ангары,
Тот знает, они почем,
Такие костры.

И станет теплей вокруг,
И дым уйдет в пургу.
И друга спасет
Костер на снегу.

Сейчас за окном цветы

И в мире тепло.
Но если заметишь ты,
Что мне тяжело,

Что я отступить могу,
Упасть могу,
Ты мне разведи
Костер на снегу.

Пускай не трещат дрова
В ладонях огня,
Скажи мне, что я права,
Что ты — за меня.

И будет назло беде
Светить в пургу
Костер на снегу,
Костер на снегу.

А. Зацепин — Л. Дербенев

Мы тащились на волах двое суток, останавливаясь на ночь. Круглые сутки в закрытой повозке было жарко. Ночью — абсолютно темно, днем светлело, и через кожу полосками — пошире, поуже — просвечивали щели между досками. Нас аккуратно кормили три раза в день — какой-то кашей из сильно разваренного зерна и мясом. Точнее — птицей, мясо из рук урса я бы не рискнул есть. Раз в день ставили деревянное ведро с водой, тепловатой, но свежей. Самым неудобным был туалет — тридцатисантиметровая дыра в носу повозки, хотя каждый раз тот, кто был «не у дел», уходил в корму и там устраивался спиной ко второму. К тому, что мы оба были нагишом, и я и Дейна по молчаливому уговору относились так, словно не замечаем этого.

Мы много разговаривали, вспоминая в основном свою жизнь в *том* мире — я свой Кирсанов, а Дейна такой же маленький городок Клонмел на реке Шур. Здешнюю свою жизнь вспоминали реже — она у нас была похожей... да тут любой сказал бы то же самое о своей здешней жизни. А в нашем коротеньком мирном прошлом оказалось много такого, о чем приятно и даже весело было вспоминать.

О будущем своем мы не говорили, если исключить вопрос побега. Отсюда бежать было невозможно — доски, несмотря на грубую работу, оказались подогнаны прочно. Но мы были готовы использовать малейший шанс.

Вечером третьего дня повозка остановилась вновь. И мы невольно застыли, стиснув зубы, когда застучал засов...

...Солнце садилось за плоские гряды лесистых холмов на западе. В километре от нас текла широкая ленивая река, ветерок, теплый и легкий, качал заросли тростника, над которыми кружились густые птичьи стаи, устраивавшиеся на ночлег. Было жарко и сыrovато, трава, короткая и жесткая у наших ног, становилась ближе к реке все выше и сочнее.

Фургонов, оказывается, было несколько, но такой, крытый, как наша тюрьма, — только один. Урса я насчитал не меньше двухсот, и среди них увидел самок и детенышей. И те, и другие держались от нас подальше, хотя то и дело поглядывали в нашу сторону. Да и воины на нас не обращали особого внимания. Несколько, правда, уселись вокруг нас, как часовые, но именно уселись, и я внезапно понял (с удивлением): нас выпустили просто *погулять*.

У ирландки тоже было удивленное лицо. Очевидно, и до нее это дошло.

— С чего это они такие добрые? — процедила она.

— Скорей всего — мы уже близко к цели, — так же тихо ответил я.

Мы переглянулись тревожно. Дейна пожала плечами:

— Ладно, хоть разомнемся. — Она неожиданно упруго подскочила вверх, вскинув руки над головой, а ноги стремительно разведя на шпагат. Я присвистнул от восхищения, а ирландка, ловко приземлившись, предложила как ни в чем не бывало: — Станцуем?

— А они? — Я кивнул в сторону урса, ощущая, как во мне начинает петь какая-то шальная струнка, словно зуд по всему телу идет. Мне определенно хотелось выкинуть что-нибудь вызывающее.

— Да пусть смотрят! — Дейна гордо-презрительно вскинула свой классический прямой нос с легкими веснушками. — Могут даже самоудовлетворяться, если хотят.

— Давай, — выдохнул я. — Танцор я не очень, но кое-что умею...

— Подстрахуй. — Она сделала знак, чтобы я чуть отошел, и упруго перенесла вес на левую ногу, чуть согнув колено.

— Давай, — шевельнул я левой рукой...

...Дейна действительно умела танцевать. То, что мы делали, походило на смесь гимнастики, акробатического рок-н-ролла и спортивного танца-аэробики. А то, что мы выступали нагишом, только «заходило».

Представьте себе эту картину: где-то в глубине Персии, про которую никто тут не знает толком, что это Персия, в окружении вооруженных урса самозабвенно и весело отплясывали взятые ими в плен обнаженные мальчишка и девчонка, забывшие обо всем на свете, кроме танца. Та еще картинка, правда? Не знаю, что меня подталкивало, но скорей всего это был своего рода вызов урса. По-моему, и Дейна ощущала то же.

Когда я выпустил ее руку, дыхание ирландки ничуть не сбилось. И на меня она смотрела вполне одобрительно.

— Это ты называешь «не очень»? — поинтересовалась она. — Тебя учила твоя Таттиан?

— И еще мама, — усмехнулся я. — Она занимается аэробикой. Но *там* я танцевать так и не научился.

Приятный разговор был прерван самым поганым образом. Меня огрели по заднице ладонью, и, обернувшись, я увидел высоченного урса — костлявого, как Смерть, и такого же страшного. Скался — типичная их улыбочка — он одной рукой массировал свой член, а другой сделал мне недвусмысленный жест.

Лицо у меня вспыхнуло куда жарче мягкого места. Урса окликнул кто-то из его приятелей (сожителей, блин!) — вроде бы предупреждающе, но он лишь визгливо огрызнулся и, упершись лапой мне в шею, попытался наклонить.

Угумс. Щазз.

Я наклонился... одновременно приседая на колено и, разворачиваясь корпусом, рубанул урса снизу вверх ребром ладони в промежность.

Тот коротко ухнул и согнулся так, что его выпученные глаза оказались вровень с моими.

— Больно? — осведомился я и стиснул в кулаке мужское достоинство горе-насильника, который судорожно открыл рот в ожидании дальнейших неприятностей. Он не ошибся. — Это еще фигня, — сообщил я и, не сводя глаз с глаз урса, с улыбкой повернул кулак по часовой и рванул на себя, с хрустом сминая гениталии. Урса коротко, задумчиво икнул.

— Отлично, — прокомментировала Дейна, влепив урса в зад пинка — он зарылся в траву у моих ног и вяло закопошился. — Ненавижу пидаров. А тут еще и зоофилия.

Нагнувшись, я вытер о его спину ладонь и, снова выпрямившись, спросил у обалдело молчащих зрителей:

— Ну? Кто еще хочет попробовать комиссарского тела?

* * *

— Даже не били, — почти с неудовольствием заметил я, когда засов со стуком закрылся. Вместо ответа Дейна показала мне толлу. — Блин! — вырвалось у меня. — Откуда?!

— Когда там переполох начался, кто-то выронил, я ее и подняла, — Дейна была явно довольна собой, — и просто в дверь швырнула.

— А-а-а-атлично!!! — тихо пропел я и, приобняв ирландку, поцеловал ее. Совершенно неожиданно ее сильные руки обвились вокруг моей шеи, и я замер. Потом тихо сказал: — Дейна... не надо...

Ее руки упали — и упавшим был тихий голос:

— Мы, наверное, погибнем... и даже если выберемся — ты вернешься к своей Таттиан, Алек, а мне не к кому будет вернуться... Извини. Я понимаю.

Я почувствовал, что против воли кусаю губы. А потом услышал свой собственный тихий голос:

— Ты правда хочешь этого?

— Да...

— Тогда давай.

«Прости, Таня, — попросил я, кладя руки на плечи Дейны и вслед за нею опускаясь на тряский пол. — Прости, если сможешь. А я не обману тебя, если... когда вернусь...»

...Засов вновь стукнул уже под утро, и мы (мы в первый раз за эти дни спали, обнявшись — нипочему, просто так, чтобы ощущать себя живыми...), откатившись в стороны, вскочили. Но урса не вошли внутрь, даже не заглянули. Вместо этого — зашвырнули кого-то, и этот кто-то упал мне на ноги.

— С прибытием, добро пожаловать, — сказал я (на всякий случай) по-английски, отодвигаясь и садясь.

Можно было различить, что этот новенький — мальчишка. Наверное, помладше нас с Дейной, такой же длинноволосый, как почти все здесь (волосы — пепельно-русые). На мир мальчишка смотрел одним испуганным синим глазом, второй был подбит, и здорово. Не сводя с нас взгляда, он быстро сел, подтянув колени к подбородку.

— Привет, ты кто? — вполне дружелюбно спросила Дейна. — Я — Дейна, это — Олег, — она очень постаралась выговорить мое имя.

— Я... Димка... — ответил он по-русски, переводя взгляд с одного из нас на другого. — Данилов, Димка...

— Так ты тоже русский?! — возликовал я.

* * *

Как выяснилось, ликовал я зря. Не знаю, что делали с Димкой, но сейчас он вздрагивал, даже если его просто окликали. На вид с ним не было ничего особо страшного, но, очевидно, его просто-напросто надломили страхи перед будущим. Когда мы это поняли, то сильно озаботились.

Дело в том, что именно в этот — четвертый — вечер мы решили начать подготовку к побегу. И вот, пока Дейна скребла бороздки на двух досках, намечая контуры лаза, я подсел к новенькому.

— Слушай, — начал я без обидняков, — мы бежать решили. Сам видишь, у нас толла есть. Ты как — с нами?

Его взгляд метнулся влево-вправо, потом остановился на мне — жалобный:

— Нет... — вяло шевельнулись губы.

— Ты что?! — Я схватил его за плечо. — Ну, не сходи с ума! Бежать надо! Да ты не бойся, мы тебя не бросим!..

— Они догонят, — вновь еле слышно шепнул Димка, и я увидел, что он беззвучно плачет. — Догонят и... хуже будет...

— Да куда хуже-то?! — выдохнул я. — Все равно конец...

— Везут же куда-то, — покачал головой мальчишка. — Может, там можно будет приспособо... приспособиться... хоть как-то жить...

— А если я не согласен «как-то»?! — зло спросил я. — А ну и черт с тобой!

Я переместился к Дейне и, сменив ее, начал ожесточенно скрести доски. Ирландка, подтолкнув меня, шепнула:

— Что он?

— Не хочет бежать, — ответил я зло, — боится.

— Я попробую с ним поговорить, — решила Дейна, перебираясь к Димке. Я резал доски, по временам прислушиваясь и замирая. Все было в порядке, если не считать того, что работа продвигалась, конечно, медленно.

Вскоре вернулась Дейна. Покрутила головой:

— Да, боится. Очень... Слушай, как бы он нас не выдал...

Я ничего не ответил. Только вновь зашоркал по доскам...

...Весь следующий день мы, осмелев, продолжали с короткими перерывами резать доски. Димка сидел в углу, опустив голову на руки, скрещенные на коленях. Мы практически не обращали на него внимания, охваченные лихорадочным нетерпением. Но вечером, когда мы остановились, а лагерь уgomонился, доски начали шататься — а потом с тихим хрустом просели наружу, удерживаемые только кожаной обтяжкой.

— Все, — выдохнула Дейна (резала как раз она). И мы снова оглянулись на Димку. — Слушай, мне его жалко. Он же не виноват... Мы ведь тоже боимся.

— Мы боимся и спасаемся, — ответил я. — А он боится и сыт, лапки сложил... Дайка. — Я взял у нее толлу.

— погоди, ты чего хочешь?! — Она цапнула меня за плечо. Я молча освободился и перебрался к Димке, который вострепанно вскинулся. Открыл рот. Вжался в доски так, что они скрипнули под его спиной.

Сказать честно?

Я собирался его убить. И не то чтобы очень пожалел. Просто... ну, не знаю. Я сел рядом с ним и, дернув за плечо, сказал:

— Слушай, мы сейчас уйдем. Не хочешь с нами, боишься — ладно, черт с тобой. Но крик не поднимай. Будь человеком, а?

Я встал и, не глядя больше на Димку, отошел к Дейне. Присел и начал резать кожу — осторожно, оттягивая ее и поглядывая наружу.

* * *

То ли по наитию, то ли еще как, но дырку мы прорезали — в самый раз пролезть и, вывалившись в нее, плотно прислонили кожу на место. Посидели у колеса, прислушиваясь и присматриваясь. Дул ветер — сильный и теплый, шумели неподалеку деревья. Небо было чистым. Я нашел взглядом Полярную.

— Идем на нее, — шепнул я Дейне. — Пошли...

...До рощи за лагерьем мы добрались без приключений. Там лично мне стало не по себе — отовсюду слышались стоны, вздохи, завывания. Неподалеку что-то плескалось, кто-то ревел. Будь моя воля — мы бы забрались куда-нибудь на дерево, заночевать. Но в том-то и дело, что сейчас вопреки разуму нужно было как раз идти ночью.

Дейна, конечно, тоже боялась, хотя я и отдал ей толлу — какая-никакая, а защита. Но шла следом молча и бесшумно, никак не реагируя на все угрожающие звуки. Да, если вдуматься, большинство из них вряд ли были угрожающими на самом деле...

...Я провалился в грязь по колено, ткнувшись в тростники. За ними тихо плескалась вода.

— Река, — сказала за моим плечом Дейна. Я раздвинул камыш.

Перед нами в самом деле была речная поверхность, в которой ярко отражалась луна. До соседнего берега — шелестящей черной стены таких же, как здесь, камышей — было метров

сто. Но по этой глади неспешно крейсировали отлично видимые теперь источники того самого плеска и рева.

Крокодилы. Или что-то вроде. Их было много, и были они офигеть какие огромные.

— Вот твари, — процедил я. — Отмель... пошли, Дейна, ниже по течению, там глубина... и их там не должно быть...

Мы полезли через камыш, то и дело проваливаясь в грязевые ямы, но при этом стараясь не слишком шуметь. Какая-то здоровенная тварь с визгом, ревом и хрюканьем рванула мимо нас откуда-то из грязи — мы едва не рванули с таким же визгом в другую сторону.

— Кабан? — выдохнула Дейна, держась за мое плечо. — Какой огромный...

— Энтелодон, — вспомнил я название водных кабанов. — Он неопасный... — вот в этом я как раз не был так уж уверен. — Пошли, пошли...

— Эти сволочи плывут за нами. — Дейна указала толлой на воду. «Сволочей» во множественном числе я не увидел, но один крокодил действительно плыл параллельным курсом. То ли по своим делам, то ли имея в виду нас.

Река стала еще шире (хотя и не намного), а крокодил внезапно наддал и ушел вперед с сильным отрывом. Мы переглянулись, и я вошел в воду первым, разгребая ее руками перед собой. Когда стало по живот — оттолкнулся и поплыл. Дейна быстро нагнала меня и двинулась рядом, ритмично взмахивая руками — в одной был зажат нож.

Нельзя сказать, что я не боялся. Но страх был каким-то глухим и не особо беспокоящим, словно боль в заживающей ране.

Никто не тронул нас на этой переправе. Никто и не заметил того, как мы, тяжело дыша — не от усталости, а от волнения, — выбрались на берег и исчезли в камышах...

* * *

Если честно, это все не очень походило на Иран, который я себе представлял как равнинную пустыню. Вместо этого мы шли через субтропический лес, поднимаясь постепенно вверх и вверх, а с проплешин впереди поднимался горный хребет.

— Эльбарс, — сказала Дейна, — а за ним — Каспий. — Она, кажется, знала географию не хуже Танюшки. — Если возьмем западней, то выйдем на Кавказ, но это далеко и опасней. А здесь есть риск никого не встретить, на побережье появляются только казачата из Астрахани...

— Лучше пойдем к Каспию, — предложил я. — Кавказ кишит урса... А там как-нибудь.

— Авось, как вы любите говорить, — подколола она меня, поворачиваясь. Она шла первой. Еще утром мы соорудили себе набедренные повязки, а Дейна вдобавок — накидку на плечи.

— А что, — улыбнулся я в ответ, — авось — это великая вещь... Слушай, мы себе ноги не посбиваем?

— Я бы не сказала, что ты такой неженка, — хмыкнула Дейна. — Ниггера того ты уработал здорово... Есть охота. — Она сменила тему резко и неожиданно.

— Пошли, — кивнул я ей, — стоя на месте, мы так и так ничего не отыщем...

Финики — и в офигенном количестве — мы нашли там, где начался уже настоящий подъем в горы. Я никогда не ел свежих фиников, и то ли с голоду, то ли как объективная реальность, но они показались мне очень вкусными, а главное — были сытными. Набрать их, правда, было некуда, кузовок сделать не из чего, но такие же пальмы видны были и впереди-дальше.

Не знаю, сколько мы прошли за день. Погони не было слышно, а после суток на ногах мы буквально падали и, едва начало темнеть, завалились в какую-то расщелину, куда накидали по максимуму травы — как раз хватило, чтобы утонуть в ней, как в пуховой перине. И все-таки я не спал еще какие-то минуту или даже две.

И думал — думал, что пока все хорошо. Но это еще не значит, что так будет и дальше.

* * *

Я проснулся от того, что Дейна хотела зажать мне рот, именно хотела. В нашу расщелину лился утренний свет. «Что?» — спросил я глазами. «Урса», — так же ясно ответил мне ее взгляд.

За ночь трава, конечно, не успела высохнуть и, на наше счастье, не шуршала. Я добрался до края...

...Урса двигались косой частой линией снизу. До щели, в которой мы сидели, им оставалось метров сто, не больше. И было ясно, что мимо нее они не пройдут.

«Зароемся в траву», — показал я. Дейна быстро закивала. Я забросал ее травой, нашарил толлу и закопался сам, постаравшись, чтобы сверху трава осталась примятой: вдруг решат, что заночевали и ушли?! Надежда была призрачной — но все-таки...

Сквозь спутанные былки травы было видно небо над краем расщелины. Метались, прыгали острые, колючие мысли. Не страх — нет.

Две головы наверху. Без масок, но сами — как страшные маски.

Напряжение свело меня в комок. Дейна, кажется, уже вовсе не дышала.

Урса — один из тех двоих — соскочил вниз и принялся ворошить сено асsegаем.

«Вот и все», — холодно подумал я, вскакивая на ноги.

Урса ничего сделать не успел — я вогнал толлу ему в солнечное сплетение: снизу вверх, по рукоятъ. Перехватил асsegай — и тот, который стоял на верхнем краю, повалился вниз несобраным мешком с асsegаем в груди.

— Вверх! Бежим! — быстро скомандовал я, выскакивая наружу. Дейна вылетела без моей помощи — и я увидел, как она перебросила через себя в расщелину попытавшегося ее схватить урса. Замахнувшегося на меня асsegаем (а убивать-то они нас не хотят... плохо...) я уложил двойным прямым в корпус.

Мы рванули вверх по камням. Но в тот миг с отчетливой ясностью я понял: мы бежим лишь потому, почему бежит от охотников зверь. Не потому, что надеется спастись.

Потому что страшно не бежать.

Страшно сдаться без боя...

Урса окружали нас на бегу — петлей. На равнине, пожалуй, нам удалось бы от них оторваться за счет скорости или выносливости. Но ни я, ни Дейна не привыкли бегать в горах, где то подворачивались под ноги камни, то попадались расщелины.

Дейна бежала впереди. И сперва, когда она остановилась и подалась чуть назад, я подумал: увидела заходящий спереди второй отряд урса. Но уже через секунду понял свою ошибку.

Впереди были не урса. А... пустота.

Сначала я в каком-то умоисступлении совершенно спокойно подумал: «Край земли» и лишь потом понял, что это всего лишь обрыв. Метров десять шириной и глубокий. На дне среди камней щетинились чахлые кустики.

Я оглянулся. Урса перешли на шаг. Они тяжело отдувались.

— Недолгая нам выпала свобода, — горько сказала Дейна. — Ну что ж... Рабыней я все-таки не буду... Прощай, Алек. Ты отличный парень.

Ее лицо стало вдохновенным и решительным. словно в том танце, который танцевали мы с нею вместе назло урсам, она оперлась на левую ногу — и прыгнула, раскинув руки, вперед. Прямо в восходящее солнце.

На миг мне показалось, что она взлетела...

...Я боюсь высоты. Очень боюсь. Чтобы преодолеть этот страх — этот, а не страх смерти! — мне понадобилось две секунды.

Урсахватило и этого.

* * *

Это снова был сарай. Практически такой же, как тот, на Кавказе... Типовые они тут у них, что ли? По всему свету настроили?

Горько мне было. И страшно. А еще — жаль Дейну. Хотя — что ее-то жалеть, тут меня надо было жалеть скорей уж...

Почему не бьют-то?! Этот факт меня уже начал пугать. Раз хорошо обращаются — значит, уверены, что впереди меня ждет нечто такое, по сравнению с чем любые побои — семечки...

Если честно — я поддался тоскливому унынию полностью и сидел в углу, скорчившись и обхватив колени руками, когда вошли несколько урса. Я смерил их мрачным взглядом и улегся на колени щекой, надеясь только на одно: сейчас подойдут, быстренько отмахнут ятаганом голову — и все. Ну... или разложат, оттрахают, потом отрубят руки-ноги, а следом — опять же голову. Ну и ладно. Подольше, конечно, да и жутко — но потом зато все равно конец этому ужасу.

Пускай, только быстрее...

Вместо этого меня быстро, но странно осторожно вздернули на ноги и выволокли наружу...

Около полусотни урса живым кругом огораживали площадку шагов десяти шириной, на которую меня вытолкнули. Сощурившись от ударившего в глаза солнца, я не сразу понял, что с другой стороны, если так можно выразиться, круга вытолкнули мне навстречу другого белого мальчишку. Он точно так же моргал и шурился, переминаясь с ноги на ногу, — и точно так же, как я на него, уставился на меня, едва немного пришел в себя. Не знаю, как он, а я увидел пацана примерно одних с собой лет, роста, веса и сложения, такого же загорелого (и не очень чистого, мягко скажем), но светловолосого и голубоглазого. Это было все, что я успел увидеть, — меня пихнули сзади чем-то острым, и я заметил, что и этого парнишку ширнули в спину ассегам, подталкивая нас друг к другу. Одновременно кто-то из толпы сказал по-немецки:

— Деритесь друг с другом. Быстро, ну?!

Вот оно что! Я вспыхнул, сжимая кулаки. Парнишка, очевидно не сообразивший, что я понимаю немецкий, кажется, принял это за готовность к драке и вскинул к подбородку свои. Урса загудели в радостном ожидании.

— Они хотят из нас сделать гладиаторов, — сказал я по-немецки.

— Ты австриец? Швейцарец? — На лице у мальчишки появилось удивление. — У тебя акцент, только не пойму — какой...

— Я русский, меня Олег зовут... и я не буду драться с тобой им на потеху, — твердо сказал я.

Мальчишка опустил кулаки.

— Я Элмар, — представился он. — Немец.

— Драться! — заорал вновь голос из толпы. Мы с Элмаром посмотрели друг другу в глаза. Он усмехнулся углом рта и первым сделал шаг навстречу.

В центре круга мы обнялись. И развернулись спина к спине, лицами к урсам, которые обалдело замолкли. Элмар весело хмыкнул и сказал на ломаном русском:

— Вот теперь я буду драться с удовольствием!

— Взаимно, — ответил я. — Надеюсь, нас убьют.

— Взаимно, — так же заметил Элмар.

На какое-то время урса опешили. Потом круг ошетинился внутрь широкими и длинными лезвиями ассегав и начал смыкаться.

* * *

На этот раз мне досталось — впрочем, вновь на удивление мало. Я этим воспользовался на полную. При желании много можно сделать просто руками и ногами... Не знаю, что

произошло с Элмаром — нас все-таки растащили в стороны, — но, мне кажется, и он получил массу удовольствия. К сожалению, не удалось завладеть хоть каким-нибудь оружием. И вот теперь я вновь валялся в этом проклятом сарае...

Шаги урса разбудили меня раньше, чем они вошли сами — трое. За их спинами в проеме двери вставало солнце, я на миг увидел рошу на берегу вялого, сонного потока и какую-то глиняную стену. В следующую секунду двое урса рывками выкрутили мне руки, а третий затянул на глазах повязку, непроницаемо закрыв свет.

Я не сопротивлялся, внутренне готовясь к тому, что меня ожидало (в том, что не будет ничего хорошего, я был уверен, тем более что меня опять-таки не били и вели осторожно). Земля под ногами была сухой и теплой, я ощутил дыхание и жар толпы, услышал сдержанный шум голосов — голосов урса.

Потом меня куда-то толкнули — в яму, неожиданно и резко. Я выставил вперед руки, готовясь к падению... но оно оказалось коротким, и земля больно ударила по ладоням, как всегда бывает, если ты приготовился упасть с высоты, а оказалось, что она невелика.

Я вскочил, одновременно сорвав повязку.

Меньше всего я ожидал увидеть то, что увидел.

Я находился в круглой яме, похожей на конфетную коробку из глины, обожженной до твердости камня — даже цвет у нее был красновато-кирпичный. На верхнем краю ямы — по всему периметру, на высоте примерно двух метров — стояли урса. Они уже почти не болтали, переговаривались заинтересованно, а смотрели с откровенным любопытством. Губастые рты скалились, блестели подпиленные зубы и лезвия наклоненных асседаев.

Кроме меня в яме — шагов тридцати в диаметре — никого не было.

Я облизнул высохшие губы, не переставая оглядываться. Чувство опасности не просто сигнализировало — оно вопило в голос...

Опасность появилась сзади, но я успел повернуться еще до того, как она стала реальной. Над краем ямы, среди раздавшихся в стороны урса, выдвинулся решетчатый край клетки. Я услышал сиплый... звук, скажем так, похожий на стон, но стон не больного человека, а... а опасного сумасшедшего. Точнее подумать я и не успел.

На окаменелую глину бесшумно и от этого еще более страшно соскочил зверь. Очевидно, его выпихнули силой, и он упал, но, как и все кошки, упал на лапы. Не глядя на меня, поднял голову, осмотрел верхний край ямы, ошестиненный асседаями. И неспешно развернулся ко мне.

Я был один. Я был ближе. Я был без оружия.

Я не знал, что это за зверюга. Олег Фирсов определил бы, а я видел только, что это странно короткий — метра полтора — но очень высокий — почти столько же в холке! — невероятно широкогрудый хищник с мощными, чуть кривоватыми передними лапами, короткими задними (от чего он весь казался каким-то перекошенным) и куцым хвостом, резко подергивающимся вправо-влево. На длинной, сильной шее сидела неудобно-прямоугольная голова с маленькими круглыми ушами и длинными — в две ладони — клыками, медленно выдвигавшимися сейчас из кожаных «чехлов» на подбородке. Желтые немигающие глаза светились нерассуждающей холодной злобой.

Я увидел, как на загривке зверя поднимается жесткая шерсть. Тихое, страшное рычание заклокотало в горле рыжей твари.

«Саблезубый тигр, — спокойно подумал я. — Так. Меня что, тащили в эту даль, чтобы тупо затравить тигром в паршивой яме?»

Мне стало тоскливо. Тоска сжала горло; тигр двинулся вперед. Я невольно попятился. Сколько он весит? Килограммов триста? Наверное, меньше, но не намного... Собьет прыжком с ног, закогтит и тут же раздавит голову пастью. Не очень долго... Бегать от него по яме? Смешно, урса упишутся...

Нет, не побегу, решил я. Но вновь попятился — тело бунтовало. Припадая на широко расставленные передние лапы, тигр двигался ко мне, kloкочa горлом. Его клыки обнажились полностью...

За моей спиной что-то зазвенело — упругим, знакомым звоном. Словно в момент смертельной опасности окликнул друг. Я не оглянулся.

Я уже знал, что это. И продолжал отступать, но уже осознанно, пока не ощутил ступней холодную сталь.

Не глядя, одним движением, я подsunул ногу под лезвие и бросил оружие в правую руку.

Это был хиршфенгер — точно такой же, каким фехтовал против меня Андерс Бользен на мысе Малей в мае 88-го. Два года назад.

«Ну вот и все, — весело подумал я. — Теперь я умру в любом случае, но умру в бою. Кончился плен... Неужели эти идиоты и правда думают, что я отдам оружие, если убью тигра?!»

Я посмотрел на верх ямы и громко сказал:

— Хотите, чтобы я вас поразвлек? Сейчас развлеку, не беспокойтесь...

Я покрутил палаш, отключившись от «зрителей». Тигр медлил. Он увидел сталь в моей руке и не спешил нападать, потому что знал, что это такое.

И было в его глазах что-то от глаз Марюса... или Нори-Мясника... Что-то жестокое, но человеческое, чего не было в глазах наблюдавших за нами урса.

Я усмехнулся и отдал салют тигру...

Тигр все-таки бросился первым — не прыгнул, а именно бросился, взмахнув лапой, на которой выросли разом четыре страшных, чуть изогнутых трехгранных когтя. Я рванулся в сторону, прыжком спас ноги от второй лапы и тут же, приземлившись, вновь прыгнул — еще дальше в сторону, потому что страшные клыки сверкнули у моего паха. Почти тут же я выпадам раскроил тигру нос, и кровь закапала с его клыков — его же кровь. Шарахнувшись вбок, он фыркнул и замотал головой. Я метнулся вперед, но удар оказался неудачным — тигр очень быстро развернулся, и хиршфенгер вместо того чтобы перерубить ему крестец, рассек залившуюся алым рыжую шкуру. Тигр отплатил мне тут же. Он всего лишь зацепил меня когтем — по левому бедру снаружи — и кровь хлынула на глину, расплываясь черными пятнами. Следующий удар лапы выпустил бы мне кишки, но я отскочил и удачно рубанул по этой самой лапе — острие ударилось в кость, и саблезуб, поджав лапу, захрипел от злости и боли.

Тогда я рванулся вперед, держа хиршфенгер обеими руками для укола. Лезвие вошло точно под левую лапу.

Тигр дернулся, отшвыривая меня прочь. Я прокатился по глине, ссаживая локти, колени и ладони, вскочил...

Тигр умирал. Разинув пасть, он выплевывал кровь, одновременно когтями пытаясь достать палаш, сидящий под лапой. Потом — закашлялся, выгнув спину... и рухнул на бок. Скребнул задними лапами.

Все. Кровь еще продолжала течь из пасти, но уже просто вялым ручейком.

Я подскочил к нему и, наступив ногой на еще теплый, еще живой бок, вырвал оружие. На миг кровь хлынула из пасти сильнее, но и только.

— Цирк кончился, — пробормотал я, ладонью затирая рану от когтя, — начинается театр драмы... Ну, что притихли? — поинтересовался я уже у урса и громко. — Кто заберет у меня палаш?

Кажется, никому не хотелось этого делать, никто и не стремился. Но и растерянными они не выглядели.

Странно.

Снова какое-то движения я уловил за спиной. Слона они сюда решили спустить, что ли?

Но это была всего лишь удобная приставная лестница, по которой спускался...

Я даже заморгал. В окружении того, что было рядом, фигура, с пыхтением сползавшая про лестнице, выглядела комичной и нелепой. Я продолжал моргать. Этот персонаж, ничуть не напоминавший урса, очень походил на короля Дуляриса из любимого мной фильма

«Полет в страну чудовищ» — какое-то полосатое балахонистое одеяние, длинный вислый нос, вывернутые губы, маленькие глазки... Только Дулярис был высоким и тощим, а этот — низеньким и толстым. Даже на расстоянии я ощущал противный запах пота.

— Ффухх... — сказал толстяк, промокая лоб рукавом. Не урса... кто такой? Сейчас я сам походил на зверя, не понимающего, чего ожидать от нового существа. — Ну хватит, я тебя беру, — махнул рукой толстяк, безбоязненно чапая ко мне. — Бросай палаш.

Меня поразило даже не то, что он говорит по-русски. Куда более странным был беззаботный тон, которым он требовал от меня бросить оружие.

Я усмехнулся и послал палаш по дуге — ему в правое плечо, чтобы отвалить весь верх жирного тела — с головой и левыми плечом и рукой — как краюху хлеба.

Мне показалось, будто я всем телом врезался в обтянутую резиной стальную дверь. И, проваливаясь в темноту, я еще успел заметить гаснущим сознанием совершенно *странную*, невозможную здесь вещь.

Пояс. Пояс, который был почти скрыт складками одеяния толстяка.

Пояс из квадратных, металлически-зеркальных секций на гибкой основе.

* * *

Мозги тоже можно перегрузить.

Этот толстенький типчик, кто бы он ни был, мог не трудиться заковывать меня в хитро соединенные вместе ручные и ножные кандалы — блестящие, похожие на какие-то злые игрушки. Во-первых, когда я пришел в себя, у меня страшно ломило позвоночник. А во-вторых, я лежал в открытом кузове приземистого автомобиля-пикапа, несшегося по очень хорошей асфальтовой дороге в окружении деревьев красивого парка. Именно парка, не леса. Иногда навстречу проскакивали такие же автомобили. За деревьями мелькали фигуры в широких одеждах, слышались звуки веселья, музыка. Я отключился. Не потерял сознание, а просто перестал воспринимать окружающее, тупо глядя перед собой. Мне стало глубоко наплевать на происходящее. В какие-то несколько минут рухнула картина мира, которую я тщательно и непротиворечиво выстраивал больше трех лет. Если бы автомобиль сейчас въехал на, скажем, Трафальгарскую площадь, как с фотки в учебнике, — я бы и не ворохнулся. Обрывки мыслей-догадок о происходящем лениво странствовали в голове, особо не напрягая парализованный мозг.

Автомобиль остановился. Я услышал несколько голосов — в том числе и голос «Дуляриса», — которые перекрикивали друг друга, что-то талдычили на совершенно непонятном визгливом языке. Интонация была веселой, словно встретились старые друзья. Я все еще плохо соображал; над краем кузова появилась по пояс женская фигура. Смуглая брюнетка лет тридцати рассматривала меня сверху вниз странными глазами (я не знал слова «похотливые», поэтому не понял их выражения). Она, пожалуй, была бы красивой... но что-то мешало. Чего-то не хватало. Не во внешности — может быть, именно в этих глазах?

Около кабины продолжали разговаривать и смеяться. Женщина движением больших пальцев спустила с плеч просторное платье, обнажив большие груди, в соски которых были продеты золотые кольца, украшенные зелеными и алыми искорками драгоценных камней. «Дулярис»-Абди отмахивался, потом просто гаркнул на нее и ушел; завелся мотор. Женщина, фыркнув и не трудясь подтянуть платье, танцующей походкой пошла прочь, к обочине...

— Вот мы и приехали, — сказал по-русски Абди, появляясь сбоку кузова. И, прежде чем потерять сознание от того же мягкого удара, я увидел за его спиной переплетение улиц, домов и стен.

Город...

Я пришел в себя от того, что меня били по щекам, и, ничего не понимая, уставился в нависшее надо мною лицо Абди. Он улыбался, потом рывком за волосы приподнял меня и, дыша в ухо чем-то отвратным, сказал — по-прежнему по-русски:

— Я хочу тебе кое-что показать, Кое-что очень интересное, — и вывернул мою голову в сторону.

Мы были в улице, стиснутой с обеих сторон глухими серо-желто-белыми стенами — у меня мгновенной ассоциацией мелькнули кадры из фильмов о разных там басмачах и кишлаках. На улице было безлюдно, только сидел прямо посреди нее, возясь в пыли, невероятно грязный и обросший голый парень лет пятнадцати. Он негромко гудел на одной ноте.

— Видишь? — Абди потянул меня за волосы. — Это Дурак. Он тут уже двенадцать лет. Когда его привезли сюда, он был непослушным. Очень непослушным. Пытался бежать. Вел себя, как будто все еще человек, а не раб. Не хотел подчиняться, как положено... Тогда его хозяин кое-что с ним сделал. Простенькое, но эффективное. Теперь он вообще ничего не хочет — вот так ходит, играет с песочком и гудит. Уже двенадцать лет. Не правда ли — поучительно и интересно? — Он сжал мои волосы еще сильнее.

— Мамочка... — невольно вырвалось у меня, и я ощутил (первый раз в жизни!) резкий позыв к непроизвольному мочеиспусканию, если так можно выразиться. Короче, я чуть не обоссался. А думал-то, что все самое страшное уже видел и испытал...

— Запомни это. — Абди потрепал меня свободной рукой по щеке. — Запомни — и жизнь твоя станет куда приятней. А сейчас отправимся дальше, мы ведь уже почти приехали. Придется тебе еще полежать тихонько, отдохнуть. А там мы прибудем на твое новое место проживания.

Я не уследил, что он сделал с поясом — *странным поясом* ! — потому что все тот же мягко-беспоощадный удар хватил меня наповал.

* * *

Вот я и оказался в Городе Света.

Впрочем, я немного не так представлял себе это прибытие. А сам город замкнулся для меня в один-единственный колодец двора — пять на пять, большие ворота с засовом из кованой бронзы, навес в углу, как для собаки...

Только это не для собаки, а для... *меня* .

Для четырнадцатилетнего сторожевого мальчишки.

Когда я пришел в себя, все уже было кончено, двор пуст, а на шее я ощутил холодный металл. Ощущение было таким страшным, что мне показалось, будто ошейник душит меня, как живые ледяные пальцы, и я вцепился в него обеими руками, хватая воздух открытым ртом.

Я обернулся. Цепь от ошейника уходила в стену за навесом, под которым стояли две миски. От беленых стен пекло жаром, солнце стояло прямо над головой.

Вторую — внутреннюю — дверь украшал сложный резной рисунок.

Я еще раз огляделся и застонал — раньше, чем сумел себя сдержать, застонал от тоски и ужаса. Мне было страшно сейчас — так, как не было страшно, когда мне собирались отрубить голову. Потому что смерть — это миг. А мне-то предстояло *жить* . Жить в этом душном четырехугольнике. Жить долго. Может быть — вечно.

Ноги у меня подкосились, и я сел в пыль голой задницей — кстати, оказалось, что я и правда еще голый, и сейчас меня это добавочно беспокоило. Мне вспомнился тот норвежец, который умер у нас в плену — просто потому, что не мог быть несвободным, — и на миг мне подумалось, что и я могу вот так умереть.

Нет. Умирать мне было нельзя. Нельзя, надо было выбраться отсюда. Любой ценой и когда угодно, но выбраться, а для этого надо было жить и не распускаться...

Цепь позволяла обойти весь дворик — при максимальном натяжении я как раз упирался физиономией в угол по диагонали от «своего». На меня снова накатила тоска. Странно. Я с удивлением понял, что ощущал себя лучше, когда валялся в сарае на Кавказе. Тогда я был пленным, воином, потерявшим свободу в бою. Сейчас я был рабом.

Четырнадцатилетним мальчиком, которого лишили свободы — и которому весь его предыдущий опыт не подсказывал ни единого выхода.

«Ибо неволе предпочитают все они смерть», — вспомнил я сказанные о наших предках-славянах слова византийского историка Захария Ритора. И опять подумал — а что, если?... Ребята позаботятся о Танюшке... Сейчас разбежусь, и...

Я был уверен, что у меня хватит воли раскроить себе череп о стену. У *того* меня не хватило бы, а сейчас — хватит.

Нет, решил я. Я буду жить и выберусь, даже если отсюда еще никто и никогда не выбирался. Я буду первым.

Я вернулся под навес. У самого угла обнаружилась прикрытая деревянной крышкой яма — глубокая. Туалет... Очень мило, по крайней мере, не придется гадить где попало. Еще бы рулон туалетной бумаги, но она и в Союзе дефицит, в конце концов.

Миски были глиняные, неглазурованные, но явно серийные. В одной оказалась вода — не холодная, но чистая. В другой — с верхом обрезков жареного мяса. Пахло от них одуряющее вкусно — со специями, с перцем, как я любил и как уже давным-давно не ел. Обеды с хозяйского стола — со стола этого носатого губастого пузана.

Ну и черт с ним.

Я съел мясо (и правда — очень вкусное), выпил половину воды и улегся на подстилку. Наверное, задремал — даже точно задремал, потому что вдруг оказалось, что передо мной на корточках сидит мальчишка на год-два младше меня.

Он сидел, сложив руки на поднятых к подбородку коленях, — загорелый и тоже голый, как и я. Таких ребят я видел *там* на картинках в книжках про Древнюю Грецию, да и здесь на Балканах — тоже: тугая копна золотисто-рыжих кудрей, брови вразлет над большими серыми глазами, высокий прямой нос, четкие губы... Он смотрел неожиданно весело, только вот что-то странное было... в нем во всем. Я не мог понять — что, поэтому просто сел, меряя мальчишку взглядом.

— Ты грек? — спросил я, подбирая слова. Мальчишка кивнул своими кудрями.

— Я знаю русский, — сказал он почти без акцента. — Я был вместе с вашими. В самом начале, до того, как попал сюда. Я принес тебе пить.

Он кивнул на миску — снова полную воды.

— Спасибо, — ответил я, продолжая пытаться понять, что с ним не так. — Меня зовут Олег.

— Кристо, — представился мальчишка. — Я буду тебе приносить есть и пить. И немного говорить с тобой, когда хозяина нет дома.

— Хозяин... — я помедлил. — Чем он занимается-то?

— Торгует, — пожал плечами Кристо. — Они все тут торгуют. И еще что-то делают, я не понял что. Рано уходит, поздно приходит. Того, кто сидел тут до тебя, он бил каждый день — тот не успевал открывать ворота по звонку.

— Ты давно в плену? — поинтересовался я.

— Четвертый год. — Кристо облизнул верхнюю губу и пошевелил большими пальцами ног.

— И ты не пробовал... — Я не договорил, но грек догадался:

— Бежать? Отсюда не убегают... Город окружает стена.

— Через любую стену можно перелезть, — заметил я.

Кристо вздохнул:

— Ты не понял... Такая стена... энергетическая, как в фантастических боевиках. Через нее может пройти только араб. На впуске любой, а на выпуске — только араб.

— Черт, — вырвалось у меня, и я, чувствуя, как вновь подкатывает отчаянье, поспешно продолжал: — А с кем из наших ты был, где?

— Сперва я был с нашими, мы все из Афин. — Он опять вздохнул. — Нас вытеснили на Балканы, там остатки соединились с вашими, они пришли с северо-востока. Я попал в плен на реке Ергень...

— Ергень?! — Я вскинулся. — А... случайно, Кристо... не во время боя на лодках?!
— Да, — кивнул он, удивленно посмотрев на меня. — Откуда ты знаешь?!
— Я этот бой видел, — признался я. — Я тогда только-только тут появился...
— Совпадение... — Кристо смешно сморщил нос.
— Слушай, — я помедлил. — А ты вообще тут... кто? Домашняя прислуга? Или, — я улыбнулся, — псарь, что ли?

Кристо странно посмотрел на меня. Потом улыбнулся в ответ, и улыбка мне сильно не понравилась — ее словно нарисовали одним взмахом злой кисти на детском лице, излучающем страдание.

— Я — девочка хозяина, — сказал Кристо и встал в рост. Каким-то образом я знал его ответ еще до того, как он начал говорить, и у меня бешено забилося сердце, а кровь толкнулась в виски. Кристо подбоченился, продолжая усмехаться. — Если хочешь, — он чуть откинул голову, — я и с тобой буду это делать — нечасто, но... У тебя, наверное, была девчонка?

Первое, что я хотел сделать, — заорать и уложить Кристо вмах одним ударом. Вместо этого я шумно перевел дух и... просто сказал:

— Мне тебя жалко, Кристо.

Он вновь сел на корточки — сложился, как игрушечная «змейка», и уткнул лицо в руки. Нет, он не плакал. Потом — поднял лицо.

— Тебя убьют, я по глазам вижу, — грустно сказал он. — Я бы хотел быть, как ты, но мне очень хочется жить. Очень-очень. Пусть даже... так. Я сначала хотел покончить с собой. Правда... А потом... — Он тяжело вздохнул. — Потом... привык как-то...

«И я привыкну, — подумал я с ужасом. — Привыкну сидеть на цепи. Ко всему привыкну...»

— Уходи, — попросил я и отвернулся к стене.

Кажется, он все-таки не ушел сразу, а еще сидел рядом. Но мне не хотелось оборачиваться, слушать, видеть... жить вообще не хотелось, если честно.

— Таня, Таня, Танюша, — вслух сказал я и вцепился зубами в кисть руки.

* * *

Это может показаться диким, но у сидения на цепи есть свои плюсы. Можете смеяться (я бы точно расхохотался, скажи мне кто-нибудь об этом до плена!), но это так.

По-моему, Абди аль Карнай купил меня из тщеславия. Кристо был нужен ему, чтобы трахать. Молодая самка — готовить жрать. Других слуг в доме я не видел (хотя это не значит, что их нет).

А привратник — чтобы открывать ворота. Причем именно такой, как я, — сильный и храбрый мальчишка. Чтобы можно было глядеть на меня и думать о своем могуществе, заставившем меня служить ему. В остальном я аль Карнаю не был нужен, и у меня оставалась куча свободного времени на самого себя.

Может быть, и в этом было тонкое издевательство. Мысли, занимавшие свободное время, могли свести с ума.

Толстый араб жил крайне неритмично. Я не мог понять, чем он вообще занимается, но большую часть времени Абди проводил вне дома, заявляясь то под утро, то поздно ночью. Не всегда, кстати, трезвый.

Когда он первый раз пришел пьяный, я открыл ему дверь — и вроде бы все шло, как обычно. Но, дойдя до входа в дом, он вдруг вернулся и подошел ко мне почти вплотную, постукивая по ноге длинной гибкой палкой. От него воняло потом и спиртным.

— Ты непочтителен ко мне. — Он покачивался, но смотрел достаточно трезво... и в то же время с пьяной злостью. — Ты не зовешь меня хозяином. Я ведь твой хозяин?! — Его палка уперлась мне под челюсть и приподняла голову (до этого я рассматривал пыль у своих ног). — Ну? Повтори, кто я?

Я молчал. Он посадил меня на цепь. В ошейнике. Я сидел у него во дворе голый,пил и ел из мисок, которые мне ставили, как собаке, и справлял нужду в яме под забором.

Но сказать: «Хозяин» — я не мог.

Просто не мог. Я смотрел на него и молчал... а глаза выдают человека. И, наверное, он увидел в моих глазах меня — настоящего.

Хлещущий удар обжег мое правое бедро снаружи. Почти тут же я — автоматически — прыгнул на аль Карная... и вновь, как тогда, на арене, потерял сознание...

...Когда я пришел в себя — болел не только позвоночник, а пыль вокруг была забрызгана моей кровью. Щедро. Абди аль Карнай «месил» меня, уже потерявшего сознание...

...С тех пор это повторялось каждый раз, когда он приходил пьяным. Он требовал от меня назвать его «хозяин» и полосовал палкой по спине и ниже, причем гибкий конец захлестывал на бока и часто рвал кожу. Я молчал. Смотрел в небо и молчал, смаргивая набегающие на глаза слезы. Если становилось *очень* больно — я начинал повторять вслух снова и снова... не знаю даже, чьи это строчки:

— Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово...¹

Он бил. Я говорил, твердил эти строки, словно молитву. Опять и опять, раз за разом.

После этих побоев меня мучили мысли о вечности. Я лежал на подстилке, старался поменьше двигаться, поглубже дышать и не думать о том, что могу остаться тут навсегда. *Навечно*. От таких мыслей можно было сойти с ума... и это тоже означало вечность, но еще более ужасную. *Тот* парнишка вставал у меня перед глазами снова и снова.

Меня *никогда в жизни* до Города Света не били просто так. Не в драке, а именно вот так, как... *как раба*. От этого тоже можно было сойти с ума, я не раз жалел, что не погиб... но вспоминал Танюшку и начинал утро с разминки.

Вообще говоря, я неплохо, хоть и однообразно, питался, если посмотреть непредвзято. Так что физические усилия даже были нужны мне. И после первого, совсем уж горького отчаянья, я начал изводить себя боксом и гимнастикой. Аль Карнай даже выходил несколько раз посмеяться над своим рабом, который колотил стенку кулаками так, что на ней постепенно образовалась вмятина.

В это время он видел меня только со спины, не в лицо. Иначе, наверное, начал бы бить и за бокс тоже. А так — это его просто сместило...

— Зачем ты это делаешь? — спросил меня Кристо.

Он довольно часто разговаривал со мной, и я, сперва отмалчивавшийся, в конце концов перестал валять дурака. Кристо ведь ни в чем не был виновен. Он не был ни трусом, ни слабаком, как мне показалось сначала. Просто ему не для чего было бороться, в прошлом ничего не осталось, и он махнул на себя рукой.

— Я убегу, Кристо, — ответил я, усаживаясь у стены. — Даже если это будет первый случай. Я убегу.

Греческий мальчишка смотрел на меня печальными глазами.

Я уличный пес. Подвал, в котором я рос,
Бывал со мною часто жесток.
Учил быть первым всегда от ушей до хвоста,
И ненавидеть хозяйский свисток.
Мой первый педагог отдавал мне все, что мог, —

¹ А. Ахматова.

Он был героем уличных драк,
Он твердил, что только тот побеждает, в ком живет
Блюз бродячих собак.

Удача за нас, мы уберем их на раз!
И это, без сомнения, факт!
Нам дышится в такт,
И ускоряет наш шаг
Блюз бродячих собак.

Я не считал своих врагов, я не боялся их клыков,
Я не умел ходить с поджатым хвостом.
И из всего, что в жизни есть, ценилась верность и честь,
А все остальное — потом.
И в каждом новом бою, бою за шкуру свою,
Со мною были друзья, это факт!
Мы свято верили в то, что не забудет никто
Блюз бродячих собак.

Нас ненавидели те, кто труслив в темноте,
Они считали — мы мешаем им жить.
И лишь с учетом того, что десять против одного,
Нас в результате смогли победить.
И я дружу теперь с котом,
Я дверь не путаю с окном,
Мне доказали, что стар я для драк.
И все реже во сне теперь приходит ко мне
Блюз бродячих собак.

М. Леонидов, Н. Фоменко

Абди аль Карнай ушел рано утром, и я, открыв ему дверь и закрыв ее за ним, вновь завалился спать «до завтрака». Плюсом моего угла было то, что за день стены нагревались и даже под утро все еще щедро отдавали тепло (даже если учесть, что тут и вообще жара!).

Кажется, мне что-то снилось, но не помню — что, и, проснувшись, я увидел, что на этот раз мне принес есть не Кристо, а все та же служанка-урсачка. Эта ящерица меня боялась (даже миски пододвигала специальной палкой), но в то же время я был ей любопытен. Вот и сейчас — она по-обезьяньи уселась на крылечке, выложенном мозаичной плиткой, свесив с колен положенные на них лапки, и внимательно-опасливо следила, как я ем. Вообще это не очень приятно, когда на тебя смотрят, как на волка при кормлении зверей. Но и льстит, если честно.

Закончив есть, я чуть подтолкнул миску ногой.

— Иди, заberi, — предложил я ей. Она, поняв жест, вскочила и молнией исчезла в доме, словно я мог сорваться с цепи и разорвать ее в клочья.

Разорвать ее в клочья я, наверное, мог. А вот сорваться... Я обсасывал эту идейку и внимательно исследовал стену. Ее, вообще говоря, можно было бы и раскрошить. Но сквозь нее проходили — кажется, это называется «армировали» — стальные балки, в одну из которых уходил расклепанный там, снаружи, на улице, штифт, которым заканчивалась цепь. А у самой цепи звенья были литые.

Вот, кстати, еще вопрос. Армированная стенка! Ради интереса я прикидывал, нельзя ли на нее влезть. Но допрыгнуть до верха я не мог, а встать было не на что. Хлипкий навес меня не выдержал бы.

И вообще — многовато тут странного... Этот пояс, словно со страниц фантастического романа... А сам тот факт, что я здесь? *Зачем*? Я сильный и крепкий — меня сам бог велел запихать на какие-нибудь плантации... А если у них нет плантаций, то кто их кормит?.. Ну, положим, они прикинули и решили, что на плантациях я работать не стану (правильно решили, кстати). А Кристо? Симпатичный, вот и попал сюда? Ерунда, мальчишки в нашем возрасте почти все, с точки зрения таких мразей, — симпатичные...

А этот странный звук, который слышен по несколько раз в день? Ощущение такое, что... что прогревают авиационный двигатель, как это ни смешно...

Почти со злостью я подумал, что раньше был сообразительней. И умел делать логические выводы на минимальном материале. Расслабил мозги, привык все решать палашом! Король Поединков, блин...

Это было не очень-то справедливо. Но я хотел на себя разозлиться, это иногда помогает...

Во двор вышел Кристо и потянулся — совсем как обычный мальчишка, утром, после хорошего сна, вышедший на дачное крыльцо и увидевший, что и день будет хорошим тоже.

— Привет, — окликнул я его.

— Привет. — Он снова улыбнулся, но уже мне, и, подойдя, сел на корточки. — Поел?

— Поел, — кивнул я.

Кристо помолчал и осторожно сказал, пряча глаза:

— Слушай... если все-таки ты... ну... если тебе тяжело без... ты можешь... я, честное слово, не обижусь...

— Нет, Кристо, — покачал я головой. — *Я* обижусь *на себя*.

В одном он был прав. Я привык к Танюшке — в том числе и в плане того, что называют глупым словом «секс».

А уж если быть совсем честным, то я на какой-то момент задумался: а что, если правда?.. Я же не собираюсь никого насиловать, Кристо сам...

Но потом я вспомнил все, что видел из этого раздела. И понял, что в случае, если поддамся, то потеряю самоуважение — в гораздо большей степени, чем может его разрушить унижительное сидение на этой цепи. А главное — главное, я ощущал это! — Кристо, что бы он ни говорил, уже не сможет относиться ко мне, как сейчас. Я не мог этого выразить словами, но как-то смутно ощущал, что мое присутствие здесь что-то потихоньку меняет в Кристо. В сломавшемся мальчишке, смирившемся со своей участью... словно росточек какой-то в нем пробивался.

Он был свободней меня физически. Я сидел в ошейнике на цепи. И все-таки в чем-то я оставался свободней его...

— Олег, — тихонько сказал Кристо, и лицо у него было странным. — Олег, я ведь не сразу сдался... Я и с дороги бегал... Меня поймали, били... И здесь... Я сначала есть и пить отказывался... А потом — потом испугался... Я хоть и грек, — он жалко улыбнулся, — но эллина из меня не получилось.

А мне вдруг подумалось: вот не будь у меня якорей, которыми я вцепился в жизнь — Танька, друзья, мечта, случись так, что все это погибло бы у меня на глазах? Держался бы я, как держусь сейчас? Или плюнул бы на все, махнул бы рукой? Да. Ведь и я мог быть, ничем я не лучше его. Просто мне чуть больше повезло, вот и все...

— Да ладно, Кристо, — попросил я его смущенно. — Ты лучше скажи: в доме где-нибудь есть пара палок... вот такой длины? — Я отмерил расстояние от кончиков пальцев вытянутой руки до противоположного плеча.

— Ты хочешь напасть на... — Кристо помотал головой. — Это бесполезно.

— Да знаю я, что бесполезно, — буркнул я. — Не собираюсь я на него нападать... пока. Так есть палки?

— Сейчас принесу, — кивнул он, поднимаясь на ноги и забирая пустую миску...

Это даже удивительно, но Кристо оказался очень неплохим бойцом. Конечно, мне здорово мешала цепь, но все равно. Он раскраснелся, глаза воинственно блестели, когда

Кристо ударами своей палки ловко отбивал мои выпады — и даже сам наносил ответные удары. Я подумал, что урса он наверняка не за просто так дался...

— Слушай, — я с размаху оперся на палку, — а в доме еще кто-нибудь есть, кроме тебя и этой ящерицы?

— Пятеро урса, — пожал плечами, блестящими от пота, Кристо. — Ты их не видишь, потому что они со двора входят и живут там же, сзади. Это вроде охраны. А больше никого...

— Это хорошо, — сказал я.

Когда я отпою и отыграю,
Где кончу я, на чем — не угадать.
Но лишь одно наверняка я знаю:
Мне будет не хотеться умирать!

Посажен на литую цепь почета,
И звенья славы мне не по зубам.
Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?

Ответа нет. Но там стоит, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы.
И вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы.

Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока — и выбегу в грозу!

В. Высоцкий

Обнаженный меч Арагорна лежал на балюстраде, огораживающей балкон. Я подошел и, встав рядом, взглядом попросил разрешения. Король кивнул, и я коснулся ладонью холодной Возрожденной Молнии.

— Я здесь уже третий месяц, Ваше Величество.

— Там, — поправил Арагорн. — *Здесь* — это не там.

— Там, — послушно повторил я. — Мне кажется, что я больше не выдержу. Часто кажется. Может быть, мне покончить с собой?

— Это не слишком хорошее желание, — тихо сказал Король и посмотрел мне в лицо печальными глазами. — Тебя ждут, князь. Ты мог и потерять веру, надежду... А как быть им? Получается, что ты уйдешь — и тебя будут ждать напрасно? Тебе не будет больно. А им? А... ей?

— Я не знаю, как мне выбраться *оттуда*, — признался я. — Мне страшно. Я не знаю, что мне делать.

— То же, что и всегда, — сказал Король, и его меч блеснул на солнце. — *Бороться*.

— *Бороться*, — повторил я...

Я проснулся от стука внутренней двери раньше, чем услышал голос Абди аль Карная — он громко и нетвердо распевал что-то веселое, шаркал ногами и гнусно икал. Похоже, хозяин здорово повеселился и решил проветриться пешочком.

Я встал и подошел к дверям — открыть засовы. Но аль Карнай вместо того, чтобы выйти, ткнул меня палкой между ягодиц, а потом, огрев по плечу, заржал, рыгнул и попер по-русски, сбиваясь и продолжая постукивать меня палкой то по левому, то по правому

плечу:

— Что подпрыгнул, белый жеребеночек?.. Не ожидал п... п... хрыг... позднего визита? Ну прости, про-пр... сти, что так поздддддд... Я был занят, проводддил вр... ульк... мя. А счас вышел сюсюсюда, чтоббббблюэк... ык... — от него дико разило какой-то бардой. — Пыр... пыр... азвлечься... — Он нагнулся и метнул харч мне под ноги, продолжая хихикать. А у меня сжались кулаки, и я почти ощутил, как опускаю их, сцепив «молотом», на жирный загрибок... Но я хорошо знал, что в ответ на замах будет оглушающе-мягкий удар, который впечатает меня в стену. А потом — долгая боль в позвоночнике. Аль Карнай распрямился и упер палку мне в горло. — Я... я... счас ахну тттттт... бя парализатором, — он гордо улыбнулся, выговорив такое сложное слово без запинок, а я обомлел, — и оттттт... — он мотнул головой досадливо, после чего выпалил: — Оттрахаю! Оттрахаю тебя, а если мене пы... пынравится, то я бубубду этта и дыак... дык... дальше делать! Или даже... пыминяю т... тебя с Ккккккристо ме... блюк... стами. И ты пи-рис-та-нешь смотреть на меня, как будто это я, — он ударил меня по почке (на этот раз очень больно, я с трудом заставил себя стоять прямо, но на глаза навернулись слезы), — как будто это я сижу на цепи, а ты — х... х... хозяин! Нач...нем!

Он сделал шаг назад, опустил руку к поясу...

И теперь я заметил, что пояса на нем — *нет*.

Я в это не поверил. Кажется, и аль Карнай не поверил тоже — во всяком случае, он пошарил там, на животе, обеими руками, а потом опустил туда глаза...

...и как же он изменился, когда поднял их!

Он понял, что стоит один на пустом ночном двореке в двух шагах от своего раба.

От мальчишки, да. И он весит больше этого мальчишки, и он старше. Но этот вес — жир, а возраст — тяжесть в ногах и руках. Аль Карнай внезапно понял, какой у него толстый и незащитный живот. Какие у него короткие и слабые ноги. Как он задыхается от страха и как трясутся у него руки.

А еще этот мальчишка был сильнее. Аль Карнай вспомнил, как смешно ему было, когда глупый белый пацан по нескольку часов в день бил в стену кулаками... да, вот туда, там образовались выемки...

А если он сейчас ударит... *его*? Абди аль Карная? Своего хозяина?

Не может быть!!!

— Ну что, — я улыбнулся и выделил следующее слово, — *хозяин*? Ты что-то забыл?

— Я-а... н-не-е... — аль Карнай оглянулся, стремительно трезвея.

— Это точно, — кивнул я. — Ни парализатора, ни чернозадых наемников, ни даже палки. Ты. И я. Вот и поговорим, — и я с наслаждением добавил, — и Расскажи мне еще раз, что ты там собирался со мной сделать?

— Ничего! Ничего! — В горле у аль Карная сорванно пискнуло, он замахал волосатыми ручками, словно хотел взлететь, на губах расцвела добрая улыбка. — Именем бога отцов клянусь тебе, мальчик, я пошутил! И в доказательство этого я тебя отпущу — прямо сейчас отпущу и выведу из города, вот только схожу за ключами, хорошо?.. Я сейчас, я быс... ай!

Ухватив его кадык большим и указательным пальцами правой руки, я подвел аль Карная к стене и, впечатав в нее спиной, перекрыл все пути к бегству намертво. Потом поинтересовался:

— За какими ключами? Ошейник заклепан.

— А это ничего, ничего! — заторопился он, не сводя с меня радостно-умоляющего взгляда (вот видишь, я же очень хороший, я добрый и благородный, скулили его глаза...). — Я сейчас пилку...

— Хватит, — брезгливо сказал я, падая вперед, как учил Сергей. Хук левой в висок, прямой правой в солнечное. Я отскочил, опустив кулаки, и Абди аль Карнай тяжело свалился на дворовую брусчатку. Кровь, черная в лунном свете, вытекала у него из ушей, рта и носа.

Я присел, коснулся жирного запястья, потом шеи. Пульса не было. Я тронул голову —

она послушно повернулась под странным углом.

Я сломал аль Карнаю шею.

Убил.

Я выпрямился. Ощутил чей-то взгляд в спину, резко повернулся и увидел Кристо. Казавшийся серебристым в этом свете, мальчик стоял в дверном проеме, держась за притолоку высоко поднятой рукой.

— Я принесу пилку, — тихо сказал грек. — Ты меня возьмешь с собой?

— Мы не выберемся, — улыбнулся я. — Погибнем, Кристо.

— Пусть, — тряхнул он своими кудрями. — Лишь бы на свободе... Я сейчас, быстро. Только не бросай меня. Я с тобой, Олег...

Пилка оказалась из легированной стали, как хороший клинок, — новая загадка, кстати. Но цепь она пилила все равно плоховато, и я потерял минут десять, прежде чем Кристо догадался взять пилку сам и довольно быстро срезал головку заклепки. Я услышал щелчок и, нетерпеливо рванув ошейник, ссадил себе кожу справа на шее — сильно, до крови, которая брызнула на плечо. Но я даже не обратил на это внимания — просто швырнул ошейник под навес и тихо сказал:

— Свободен...

Покрутил шеей. Ощущение было странноватым, мне словно бы не хватало этой металлической полосы, и я, внезапно разозлившись, сгреб ошейник и цепь — и, пихнув все это в выгребную яму, выругался матом. Потом добавил:

— Больше мне его не носить.

— Пошли через дом, — поторопил меня Кристо. Глаза его блестели. — Охрана спит, а там ближе к задворкам.

— Да, пошли, — опомнился я. Мысль работала лихорадочно быстро, ища выход: что делать дальше? Как выбраться за смертельный периметр? Стоп, это — потом. Будем решать проблемы по мере их поступления...

Две лестницы вели из большой прихожей вправо и влево вверх. Они были кружевной каменной работы, широкие ступени отливали зеленью. Под моими ногами зеркально посверкивал в свете луны, льющемся из нескольких высоких и узких щелевидных окон, пол, выложенный молочно-белым кафелем с каббалистическими рисунками. Другие плитки — золотые — образовывали на полу большой — во весь вестибюль — гексагон, и меня вдруг потрянуло нервным ознобом, когда я понял, что вошел точно в центр его.

Я поспешно отскочил. Но было поздно...

Конечно, на самом деле это никак не было связано друг с другом. Но мне почудилось, что связь *есть*.

Перед нами, между двух лестниц, музыкально журчал — почти пел — фонтан-бассейн. Из-за этого бассейна и вышел урса. Скорее всего, он появился со двора. Здоровенный, не тощий, как подавляющее большинство из них. В левой руке он держал длинную толстую палку.

У него оказалась неплохая реакция. Он шипяще заорал, призывая на помощь, раньше, чем я вообще осознал его появление. И сам, не дожидаясь подкрепления, бросился ко мне, намереваясь сшибить на пол восьмидесятикилограммовой массой, а потом просто добить палкой. Кристо он и в расчет не принимал.

Наверное, за свою службу у Абди аль Карная урса не раз бил безоружных и беспомощных. Потому что ему, кажется, и в голову не приходило, что могут ударить *его*.

Я замер на месте, словно пораженный и перепуганный встречей. Когда же урса оставалось сделать какой-то шаг и он уже занес дубинку, точным и сильным ударом правой пятки в колено я разбил ему левую коленную чашечку. Так, что нога практически выгнулась назад и подломилась, заставив урса неловко завалиться на другое колено.

Рев, раздавшийся вслед за этим, был ревом не столько боли, сколько изумления и возмущения — сорвавшийся с цепи голый пацан-«снежок» сделал Могучему И Великому Ему больно! Очень больно! Как же так?!

А вот так... Короткое точное движение коленом — и пасть урса превратилась в оскаленную обломками зубов кровавую яму с лохмотьями разбитых губ. Подскочивший Кристо на лету подхватил выпавшую из пальцев урса палку и нанес один-единственный «кроличий удар», перебивший урса верхние позвонки.

Лицо у Кристо при этом было нехорошее. Такое нехорошее, что даже мне было не слишком приятно на него смотреть.

Впрочем, я особо и не засматривался. Вопли урса не остались неслышанными. Точно, за фонтаном была дверь наружу. И из нее уже вылезли четверо остальных охранников.

С палками.

— Отдать? — быстро спросил Кристо, качнув своим «оружием». Я покосился на него:

— Оставь себе. Я их и так обижу, только по мне не попади.

— Не попаду, — пообещал грек, раскачивая палку. Он преобразился буквально за несколько секунд и сейчас выглядел бойцом, а не мальчиком для постели.

Урса остановились, тупо переглядываясь. Они явно заопасались. Кажется, почувствовали, что с ошейником я оставил во дворике и все то небольшое рабское, что во мне имелось... Но все-таки их было четверо и у них были палки, они были здоровыми мордоворотами...

Фонтан торчал как раз между нами.

Я метнулся вперед, в воду. Еще в прыжке наклонившись, плеснул горсть в лицо крайнему слева. Тот откинулся назад, налетев на своего товарища, — я костяшками полусложенного кулака ударил противника в горло. Удар бросил его еще дальше назад, он окончательно сшиб второго. Я крутнулся на месте, вскакивая на поребрик. Двое оставшихся урса до меня не добрались потому, что Кристо их задержал. А они умели только бить. Не сражаться. И будь у грека настоящее оружие, он бы уже разобрался с обоими...

Они напирали. Ударом ноги я подбросил себе в руку палку выведенного мною из строя и, быстро повернув ее в пальцах, нанес поднымавшемуся на колено урса беспощадный, точный и размашистый удар в широкую ящеричью переносицу.

Тот повалился без единого звука.

Я все-таки не Кристо. Я не сидел в этом проклятом доме четыре года. Мне и палка сойдет...

Проскочив под палкой Кристо, я перекатился через плечо по поребрику мимо обалдевших урса. Первый удар буквально вышиб из-под урса ногу, второй пришелся в правый висок.

Последний из стражников отскочил. Секунду смотрел на нас. И, быстро развернувшись, бросился бежать.

Он пробежал шага три — палка, брошенная Кристо, запуталась у него в ногах. А я уже был рядом и без особых хитростей обрушил свою палку на затылок прежде, чем враг вскочил.

— Все, — я отбросил палку.

— Не все, — возразил Кристо. — Тут где-то та урсачка.

Я быстро проверил урса. Все пятеро были мертвы. Я даже удовлетворенно кивнул. Это еще не была полная расплата за ошейник. Но уже — задел.

— Пошли поищем, — предложил я...

Искать самку пришлось недолго — она спала, ничего не подозревая, в притворчике за большой кухней. В общем-то она толком и не проснулась — я свернул ей шею резким движением рук. И повернулся к Кристо:

— Пошли поищем еще.

— Так больше тут никого нет, — покачал он головой.

— Снаряжение для похода поищем, — пояснил я. — Выберемся не выберемся — дело десятое, но сделать для того, чтобы выбраться, нужно все.

Если честно, я совсем не представлял себе, как можно выбраться из города, из которого выбраться нельзя. Но зато я совершенно точно знал, что мое рабство закончилось.

Навсегда.

* * *

Дом был огромен и роскошен — даже не верилось, что жирная тварь жила тут в одиночестве. В одну из комнат Кристо заходить отказался, и я понял, что это — спальня. А в другую мы войти не смогли. Она была заперта на взрезной замок, и Кристо пояснил, что это — кабинет.

— Так, уже интересно, — признал я. Петли двери, украшенной обычным тут орнаментом, были заделаны в косяк наглухо. Мы не нашли ни оружия, ни снаряжения, ни подходящей одежды. — А что там?

— Не знаю. — Кристо вздернул плечи. — Не был. Он запирается...

— Видел, откуда этот... ключ доставал? — уточнил я. И подумал, что если из пояса (а забыл он пояс точно где-то в гостях) — то нам можно и время зря не терять.

— С шеи, — тут же сказал Кристо. И просиял: — Точно! С шеи! Я побежал!

— Жду, — кивнул я.

Ждать-то особо не пришлось — не прошло и полуминуты, как Кристо затормозил возле меня, победно размахивая зажатым в правом кулаке довольно массивным ключом — такой вполне можно использовать как кастет.

Я осторожно — сам не зная почему — вставил ключ в щель... И успел отдернуть руку — откуда-то сбоку упруго выметнулась и задрожала острая пружинка.

В ушах зашумело. Я мгновенно вспотел, а ноги ослабли — пружинка, похожая на змейку-карайт из киплингского «Рикки-Тикки-Тави», меня испугала в тысячу раз больше, чем мечи или топоры врагов. Эта дрянь наверняка была отравлена!!!

Кристо, похоже, испугался еще больше моего — он схватился за мой локоть холодными пальцами, с трудом переводя дыхание.

— Дрянь. — Я осторожно взялся за основание пружинки и, переломив ее, бросил в угол, а потом повернул ключ. И вновь отдернул руку — на всякий случай.

Но ничего не произошло. Только где-то в глубине двери упруго щелкнул засов.

* * *

Я не знаю, откуда он все это брал и зачем хранил. Если я что-то понимаю, то пленных — будущих рабов — в Город Света доставляли вообще голыми, не то что с оружием. Может быть, Абди аль Карнай просто испытывал тягу к холодному оружию? Или?.. Или?.. И еще тысяча «или?» Вопросы, которые так любил этот мир задавать и на которые так неохотно давал ответы.

Никакого кабинета за дверью не было. Это оказался склад. Точнее — демонстрационный стенд. Не меньше полусотни клинков самых разных видов висели на стенах, и это было не урсаитянское оружие. А вдоль стен на низких скамейках лежали очень аккуратно размещенные вещи. Тоже самые разные, а главное — ношенные.

Меня, если честно, охватило угнетающее чувство при виде этих вещей. Ведь они были *с мертвых*. С погибших мальчишек и девчонок. И именно в этот момент я понял, зачем нужно было аль Карнаю это помещение.

Затем же, зачем нужен был я. Чтобы, заходя сюда, упиваться своим могуществом.

Жаль, что можно убить только один раз.

Но нам это, так или иначе, было на руку. Я сбросил с одной из скамеек на пол два кожаных вещмешка (не промокнут, если что!), две фляжки (тоже из пропитанной смолой толстой кожи с затычками и ремнями) и кивнул Кристо:

— Обмундировывайся...

Оказывается, что очень отвык от одежды — и не в положительном смысле. Мне показалось, что, одеваясь, я окончательно возвращаю себе ту часть достоинства, которую у

меня сумели-таки отнять... Ведь из таких переделок без ущерба для души не выходит никто.

Я легко отыскал кожаную куртку со свободными рукавами, капюшоном и шнуровкой спереди, кожаные клешы со вшитым ремнем с костяной пряжкой, сапоги — под колено, с завязками по верхнему краю. Почти не удивился, когда увидел и бригантину из толстых полос кожи, сшитых внахлест, и леворучную крагу для фехтования. Считай, точно такие, как были у меня... Но вот что меня изумило несказанно, так это то, что я, перебирая оружие, нашел свой палаш.

Ну конечно, это мне сперва так показалось, что свой, — из парной лопасти торчала дага, и я, сняв перевязь со стены, почти с мистическим чувством различил на яблоке рукояти округленную свастику! Из чехлов на ремне торчали три метательных ножа. На миг мне почудилось, что я держу в руках каким-то чудом возродившееся и попавшее сюда *мое* оружие.

Но в следующую секунду я различил, что плетение совсем иное — на рукояти... и раковины, защищавшие ее, были не в продольных ребрах, а в мелких ямках... И все-таки, обнажив лезвие, я ощутил восторженный толчок: да! Это было оружие. Настоящее. Мне показалось, что оно ждало меня с тех самых пор, как его выпустил из руки прежний хозяин. И я был почти уверен: он умер достойно.

Я рывком затянул пояс и обернулся. Кристо тоже уже был одет и сейчас перетягивал кудри найденной повязкой. На поясе у него висели длинный охотничий нож и простой неширокий меч, к голенищам таких же, как у меня, сапог были притянуты ремешками фехтовальные парные кинжалы.

— Вот, — сказал он, притопнув ногой.

— Орел, — без насмешки ответил я. — Давай-ка зимнюю одежду посмотрим. Снаряжаться — так по полной программе...

...«Зимку» мы тоже нашли быстро, она лежала на тех же скамейках — на несколько вкусов и размеров. Мы молча упаковывали ее в вещмешки, по временам на всякий случай прислушиваясь.

Тихо было в доме. Тихо в городе.

Наконец все было упаковано. Я посмотрел на Кристо. Он — на меня.

Не знаю, как он, а я понял — мы просто боимся выйти из дома-тюрьмы навстречу неизвестности.

Я лязгнул палашом в ножнах. И этот знакомый звук окончательно стер последние остатки опаски.

— Пошли, — не сказал — скомандовал я.

Не вдоль по речке, не по лесам —
Вдали от родных огней —
Ты выбрал эту дорогу сам,
Тебе и идти по ней.
Лежит дорога — твой рай и ад,
Исток твой и твой исход.
И должен ты повернуть назад
Или идти вперед.

Твоя дорога и коротка,
И жизни длинней она,
Но вот не слишком ли высока
Ошибки любой цена.
И ты уже отказаться рад
От тяжких своих забот.
Но, если ты повернешь назад,
Кто же пойдет вперед?

Хватаешь небо горячим ртом —
Ступени вперед круты, —
Другие это пройдут потом,
И все же сначала — ты.
Так каждый шаг перемерь стократ
И снова проверь расчет.
Ведь если ты не придешь назад,
Кто же пойдет вперед?..

Б. Вахнюк

На улице всюду светила луна. Пыль под ногами казалась алюминиевой, было жарко, то ли с отвычки в коже, то ли на самом деле. И — пусто. В обе стороны тянулись заборы с калитками, один в один похожие на тот, за которым я просидел три месяца.

— Куда пойдем? — спросил Кристо. Я начисто не знал, что ответить, но виду подавать было нельзя. Впрочем, по-моему, грек и не надеялся выбраться, а просто хотел погибнуть свободным.

А я внезапно вспомнил тот периодический «самолетный» звук. И что-то такое забрезжило впереди, словно слабенький огонек карманного фонарика в чаще леса.

— Кристо, — медленно сказал я, — ты все-таки был свободней меня... Помнишь такой гул? Ну, как будто...

— Как будто самолет на полосе выруливает? — быстро спросил Кристо. — Каждые три часа с шести утра до шести вечера? Да, помню, конечно.

— Ты можешь определить, откуда он слышался? — Кристо кивнул. — Пошли туда...

Город Света был запутанным лабиринтом чистых и безлюдных улиц. Бесшумными они не были — мы часто слышали шум гулянок и музыку из-за заборов, но в целом это было даже странно: вот так гулять в Оплоте Мирового Зла...

Кристо вел меня довольно уверенно, но часто останавливался, нервно оглядываясь и прищелкивая пальцами. Я не торопил его, хотя уходило время, и пытался сам в себе разобраться: откуда эта надежда? На что она вообще?

Делать в сложных ситуациях полезней всего то, что первым делом приходит в голову. Это и было единственным оправданием.

— Кто-то впереди, — сказал Кристо, прижимаясь к стене. В руках у него оказались кинжалы. Я выругал себя (задумался, кретин!) и влип в стену рядом с ним.

В самом деле. Такая же залитая луной фигура, как и все вокруг, двигалась нам навстречу. Странно двигалась — не шла, а брела, жутковато и вяло. Но именно по этой жутковатой вялости я узнал Дурака. Виденного единственный раз — запомненного навечно.

Сведенный с ума мальчишка двигался нам навстречу, временами присаживаясь, и, что-то бормоча, начинал пересыпать в ладонях пыль. Кристо подался ко мне, и я, положив ладонь ему на плечо, отодвинул грека в сторону, а сам вышел на середину улицы.

Дурак скользнул по мне равнодушным, *внутренним* взглядом и остался стоять, словно я был непреодолимым препятствием — чуть покачиваясь и тихонько гудя. Я почувствовал, как на коже по всему телу волоски встают дыбом. От ужаса. Жалости, если честно, я не испытывал, только ужас перед мыслью о том, что это существо было когда-то бойцом — и, видимо, отважным бойцом! — человеком с надеждами, увлечениями, любовью...

— Подожди, — тихо сказал я, правой рукой доставая дагу. Левую руку я положил на лоб Дураку, откинув спутанные волосы и чуть отклонив голову назад. — Сейчас все кончится.

Не знаю. Лично я был бы благодарен любому, кто вырвал бы меня из *такого* существования. Не жизни, нет... Не смерть страшна, а унижение...

Дага вошла в солнечное сплетение Дурака до упора.

На миг он согнулся. Тихо кашлянул и поднял на меня неожиданно очистившиеся глаза. Больше не кусочки туманного стекла, а человеческие глаза, в которых были боль и... благодарность.

— Меня зовут Клаус, — выдохнул он по-немецки. — Спасибо...

* * *

Кристо ориентировался в этом городе намного лучше меня. Удивительно, но он в самом деле вывел нас туда, откуда доносился звук. И я сразу понял, что звук этот мог доноситься отсюда, и только отсюда. Ниоткуда больше.

Здание, стоявшее в центре небольшой площади, было тут не более уместно, чем космический корабль в первобытном племени. Большое колесо — глухое, без окон, — вызвавшее у меня в уме слово «синхрофазотрон», было увенчано четырьмя решетчатыми башнями. В вышине между ними сиреневым светом переливался электрический крест.

Странно, что это здание мы увидели только сейчас. Уж башни-то должны были торчать на виду в любой части города...

— Электричество, — выдохнул Кристо. — Господи святой благой всемогущий! Это электростанция! Вот оно откуда!

— Не думаю, — покачал я головой. — Точнее — это не только станция... Пойдем, Кристо.

— Что ты задумал? — впервые поинтересовался он.

— Пока не знаю, — отрезал я. — Пошли...

Дверь — точнее, большие ворота с дверью в них — нашлась, когда мы слегка обогнули здание. Выйди мы из другой улицы — уперлись бы точнехонько в них.

Дверь оказалась открыта, и, если вдуматься, ничего странного в этом не было. Во всем городе никто не мог сюда проникнуть с враждебными целями.

Кроме нас.

Сразу за дверью начинался коридор, плавным изгибом уходивший влево и вправо. Его освещало странное сияние, и мне понадобилось усилие, чтобы понять: светятся электрические лампочки. Самые обычные, в прозрачных плафонах, вмонтированные в потолок через каждые десять шагов.

— Я же говорил, что это электростанция, — выдохнул Кристо, но я его уже не слушал. Я внимательно разглядывал *пол* коридора и мог поклясться, что он поднимается. Плавно, но явственно.

— Пошли. — Я щелкнул пальцами, и звук запрыгал по коридору. — На... право.

И достал палаш.

Чувство легкой нереальности происходящего не оставляло меня.

* * *

В сущности, все это здание было одним кольцевым коридором, уводившим на крышу, в свою очередь представлявшую собой открытую галерею с перилами по краям.

Главное было во внутреннем дворике, где несколькими concentрическими кругами стояли удобные скамьи со спинками. Ряды поднимались от краев к центру и сейчас почти все были пусты. Десятка три арабов, сидевших и неторопливо ходивших внизу, терялись в этом большом пространстве.

Они смотрели на экраны — большие, каждый метра по четыре в диагонали, — четвертым кольцом опоясывавшие пространство стен. Большинство экранов были либо пусты, либо показывали лес, луга, горы — короче, пейзажи. Но на некоторых перемещались люди... а в нескольких местах я увидел схватки. Именно за последними экранами и наблюдали арабы.

Ошеломленные и растерянные, мы с Кристо стояли наверху. На нас просто никто не

обращал внимания, а мы забыли, что надо скрываться...

Где-то над планетой вращаются спутники. Много. Очень много. Они ведут постоянную передачу снятого — информация идет сюда потоком. В этот амфитеатр собираются горожане. Иногда спутник засекает схватку или вообще что-то интересное. Может быть, тогда они делают ставки. Кто победит. Сколько пройдут. Сколько убьют.

Последнее, что я успел внятно осознать, — прыгаю вниз...

Последнего из посетителей этого кинозала я убил перед экраном, на котором несколько мальчишек и девчонок, шатаясь, брели по сверкающему алмазным светом леднику — оставляя кровавые следы изрезанных льдом полубосых ног. Огляделся. Трупы лежали вокруг мокрыми полосатыми тряпками. По сиденьям и ступеням стекала кровь.

— Это все не их, — сказал я. — Они этим пользуются, но они не могли это построить. Зачем все это было нужно? Кому? Не понимаю... — Я наклонился, тщательно вытер палаш о труп. Повторил: — Не понимаю.

— Олег! — Кристо, рыскавший под стеной, как волчонок, махал мне рукой. — Олег, скорей сюда! Тут дверь!

— А? — Я рассматривал экраны, чувствуя, как меня трясет. Может быть, и мы попадали на них... Меня смущало не то, что эти существа могли увидеть *очень* личное. Крысы не стесняются. Но крысы питались — да, *питались*! — нашими чувствами, нашими страданиями, нашим гневом, нашей болью. Они приходили сюда развлекаться!

В эту минуту я поклялся себе, что вернусь и уничтожу Город Света. Уничтожу, как давят ногой паучье гнездо. Но сначала разберусь, что к чему и что все-таки творится в этом мире!

— Олег! — надрывался Кристо. — Да скорей же сюда! Смотри!

Он уже открыл дверь и, стоя на пороге, бешено махал мне рукой. Стряхнув с себя оцепенение, подавив ярость, я подбежал к нему.

— Смотри! — Кристо тоже трясло — от возбуждения. — Понял?! Смотри! Понял?! Вот как они!..

У меня приоткрылся рот. Вспомнился Крит, вспомнились берущиеся словно бы из ниоткуда урса...

Я достаточно прочитал фантастических книжек, чтобы понять смысл широких ворот, рядами уходивших в темноту сквозь одну из стенок коридора, открывшегося нам. Это были камеры для перемещения в пространстве. Для телепортации. И Кристо это сообразил еще раньше меня.

Почти все камеры были черны и пусты, их можно было принять просто за какие-то боксы. Но в нескольких — и это выглядело дико, ошеломляюще — видны были кусочки пейзажей *там*. Не телекартинки, как на экранах, а именно *кусочки*. Шагай. И все.

— Как все просто... — завороченно прошептал Кристо.

Да. Сложно было выдержать рабство. Освободиться — вообще невозможно, это было сумасшедшим везением. Нелегко было выбраться из дома, найти оружие и снаряжение. И связать воедино странный гул (наверное, от каких-нибудь мощнейших моторов) с возможностью спасения — тоже сложно.

А в результате все получилось просто. Смешно, но Кристо был прав.

За порогом ближней к нам кабины была тропинка в скалах. В другой — берег то ли моря, то ли океана.

— Не пойму. — Кристо возбужденно дышал. — Куда идти-то?

Он тоже разобрался с происходящим... Я уже собрался посмотреть еще несколько кабинок — подальше... как вдруг за нашими спинами монотонно взывала сирена. От этого звука мне показалось, что глаза начинают выпирать из глазниц, а кожа зазудела, словно под ней забегали десятки муравьев.

Я оглянулся.

Из какой-то невидимой двери в амфитеатр с равнодушно перемигивающимися экранами выбегали урса. Свет трепещущей электрической зарницы мертвенно сиял в их

оружии.

— За мной! — крикнул я Кристо, бросаясь на горную тропку.

Рассказ второй Встречи в пути

Где наш дом?

Отражаются звезды в реке подо льдом.

Я утраты считать разучился давно.

Не сыскать ни следа, и на сердце темно...

Кто судил нашу жизнь беззаконным, жестоким судом?

М. Семенова

— Ну вот на кой черт мы сюда заперлись?!

Саня флегматично пожал плечами. С моря задувал ровный теплый ветер, полный запахами соли и йода. Желто-серыми каменными обломками щетинилось побережье, между ними тут и там замедленно и флегматично перемещались бурые крабы. На плоских сопках ритмично раскачивались деревья, белые бурунчики вскипали у подножий граненых «пальцев», возвышавшихся в море и похожих на странные шахматные фигуры.

Сморч, сидя со скрещенными ногами на плоском камне, пропускал между пальцев ремешок своего кистеня. Дальше по берегу виднелся вытянутый на камни корабль со снятой мачтой. Возле него передвигались люди, слышались деревянный стук и веселые голоса.

— Надо было остаться в Австралии, — добавил Сморч.

— Надо было не расходиться, Игорь, — назвал Саня по имени своего помощника и друга.

— А? — не понял Сморч и выпустил кистень.

— Я хочу вернуться и найти наших, если они еще целы, — отдельно и четко сказал Саня, не поворачиваясь.

— Черт! — Сморч вскочил, его широкое смуглое лицо озарилось глуповато-непонимающей, но радостной улыбкой. — Черт! — Он хрястнул Саню по плечу так, что тот перекосялся на сторону. — Черт, да конечно, я руками и ногами «за!»! Давно пора! Поднимемся на север, до ледостава пропрем побережьем — если будем стараться, то успеем в Белое море... А там уж как-нибудь найдем наших! Черт, Саня, да что ж ты раньше-то?! Пошли к ребятам, они офигеют от радости!

— Подожди. — Саня легко поднялся на ноги, настороженно покрутил головой, и из его рукава плавно и бесшумно выскользнул кистень. — Кто-то идет, кажется...

Хоп! Гирька прыгнула в ладонь Сморча, ремень обвил кулак, готовый к броску. Он сам напряженно и внимательно заозирался.

— Не... — начал он, но в следующую секунду вместе с Саней молниеносно развернулся, взмахнув рукой для броска, навстречу двум неслышно подошедшим за камнями незнакомым мальчишкам.

Раз! Кистень метнулся вперед атакующей змеей... и оказался плотно намотан на кулак улыбающегося темноволосого парня с прищуренными под длинной челкой ореховыми глазами.

Незнакомого?! Да нет — очень знакомого!!! Очень! Просто... невозможной, невероятной была эта встреча на дальневосточном берегу — такое только в жизни и может случиться, в сказке не расскажешь, вруном назовут! Сморч даже не попытался сдернуть ремень кистеня с кулака — стоял с открытым ртом.

Да и улыбающийся парень выглядел ошеломленным. Видно было, что и он не очень-то верит в эту встречу.

— Сколько же мы не виделись, князь? — медленно спросил Саня.

— Больше двух лет, — ответил я. Почему-то не было других слов, нужных и важных, хотя это ведь Саня, все тот же худошавый, остролицый, насмешливый Саня, и Сморгч — улыбающийся во всю физиономию. И я просто повторил: — Больше двух лет... Вот это Кристо, ребята. Да, еще... — Я потер лоб. — Я рад вас видеть.

* * *

— Кто твои люди, Саня?

Мы засиделись далеко за полночь, пересказывая друг другу все, что с нами было. Звезды в теплом небе перемигивались, ветер сменился, дул с суши в море, принося запахи тайги.

— Разные, — ответил Саня. Он немигающими глазами смотрел в пламя. — Кого только нет... Корабль строили в Швеции, давно уже... Значит, — он посмотрел на меня, — ты уже почти год не видел наших?

— Почти год, — кивнул я. — Не лучший год в моей жизни.

— Ты не изменился, — сказал Саня, и мы оба засмеялись. Здесь эти слова звучали как хорошая шутка, старая, но неприедающаяся. — А оружие, я вижу, новое.

— Старался подобрать похуже. — Я похлопал по ножнам. — Старое потерял, обидно, конечно... А Олег, значит, погиб...

Саня молча кивнул. К чему было рассказывать еще раз, как почти год назад Фирсов попал под топор на мадагаскарском берегу... Смешной невысокий парнишка с веселыми глазами...

Тоже мой друг.

— Значит, есть он, Город Света... — снова нарушил молчание Саня. — Не легенда...

— Реальность, — подтвердил я и несколько секунд молчал, чтобы справиться с нахлынувшей холодной злобой, от которой мир вокруг сделался плоским и черно-белым, как фотография. — И я себе поклялся, что его не будет. Я хорошо умею держать клятвы.

— А вот в этом я тебе не помощник.

Мне показалось, что я ослышался. Да нет, это говорил Саня. Санек. Тоже мой друг. А еще... да нет, ошибся Саня. Оба мы изменились, и не князь я ему больше. Пиратский командир, сам себе вождь, говорил со мной.

— Не помощник? — уточнил я.

— Нет, — тоже уточнил Саня.

— Два года — это много, — сказал я.

— Немало, — согласился Саня. — Хватит, князь. Я не играю в рыцарей, спасающих мир. Свой мир я вожу с собой, и Город Света ему не противник. Мы не пересекаемся.

Мне хотелось спросить — как же Олег и другие? Но вместо этого я спросил:

— Как Бэн? Все еще спишь с ним?

— Все еще сплю, — безо всякого выражения подтвердил Саня, не спуская с меня глаз.

— Хорошая вещь — постоянство и верность старой дружбе, — заметил я.

— Даже ради верности старой дружбе не стоит делать глупостей, — улыбнулся Саня.

— А ты изменился, — сказал я.

Саня пожал плечами:

— Поумнел, может быть?..

— Может, — согласился я. — А можно и другие слова найти... Знаешь, Сань, не греет что-то твой костер. Да и пути у нас, видно, разные. Рад был повстречаться.

— Не поплывешь со мной? — Он вновь уставился в огонь, и глаза ушли в черные впадины, утонули в них.

— Нет, — покачал головой я. — Да и ночевать не стану, пожалуй. Кристо, вон, останется, если захочет. А я — нет. Ты, — не удержался я, — только его не трогай. Его уже... любили.

— Не останется, — хмыкнул Саня. — По глазам видно — тоже... рыцарь. А можно и

другие слова найти.

— В океане дорог много, а у меня одна. — Я встал и поднял перевязи. — Ну — может, еще и увидимся.

Саня не встал и не поднял глаз. Только уронил:

— Может быть, князь.

* * *

Кристо нагнал меня, когда я поднимался на сопку. Собственно, я услышал его шаги издалека, остановился и подождал, а дальше мы пошли молча. И только во время спуска с сопки — километра через три — я сказал:

— Зря ты пошел со мной. Плыл бы с Саней, а там — куда хочешь. — Кристо дернул плечом и состроил гримасу. — Он хороший человек, — добавил я строгости в голос.

— А я иду воевать. И не с урса... не только с урса... а с Городом Света. Понял?

— Спасибо, объяснил, — кивнул Кристо. — А то я ведь раньше этого не знал... Почему, по-твоему, я с тобой вообще иду?!

Я дал ему подзатыльник. Кристо хмыкнул. Потом спросил, глядя в сторону:

— Этот... он твой друг?

— Странно, да? — Я имел в виду нашу с Саней встречу, но Кристо, кажется, подумал о другом и кивнул. — Был моим другом. Когда-то, в самом начале почти, он спас меня от очень страшной смерти, Кристо... И до этого мы долго дружили... *там* ... — Я сбивался и тоже глядел в сторону. — Как в этих книжках... друзья с детства — чушь, — тоскливо заключил я.

— Нет, — тихо, но упрямо сказал Кристо, и я посмотрел на него. Грек не опустил дерзких глаз. — Не чушь. Я тоже так думал, когда... когда жил *там*. Я совсем перестал верить, понимаешь — совсем! А потом пришел ты — как в книжке! И спас!

— Как в книжке? — задумчиво спросил я. — Да, как в книжке... Помнишь, как зимой ты пересказывал мне Толкиена?..

Да, это было в январе, когда мы пережидали буран в пещере на памирских перевалах. Горел костер, и я, спросив Кристо, читал ли он «Хранителей», получил ответ — да, все три части. Я загорелся, сказал, что читал только первую, и Кристо очень хорошо пересказал мне книгу до конца. Черт возьми, чего только не было за эти восемь с лишним месяцев... Начать с того, что те горы, в которые мы прыгнули, спасаясь от поднятых по тревоге урса, оказались Гиндукушем, и на запад идти было просто нереально — перевалы кишели врагами, а никаких наших тут просто не наблюдалось. И мы пошли на восток — в противоположную сторону от тех мест, куда безо всяких фигуральных выражений рвалась моя душа. Пошли, чтобы спастись, хотя я почти ни одной ночи не спал нормально. Мне снилась Танюшка. Сейчас, когда я был свободным, мысли о ней мучили меня еще больше. Она могла погибнуть в этом чертовом мире ежесекундно, а я вместо того, чтобы бежать к ней, уходил все дальше и дальше от нее, не был рядом, не мог защитить, не мог закрыть ее собой, не мог отвести смерть своим клинком... Хорошо еще, что Кристо оказался отличным попутчиком. Не помню, сколько раз я срывался и начинал на него орать. Один раз я его сильно избил всего лишь за то, что он поспорил со мной о времени ночевки. Потом долго просил прощения — не столько у него, сколько у себя, я сам себе стал омерзителен... Кристо — тот как раз все понимал правильно. И еще многое было неприятно, тяжело, а то и страшно вспоминать. Земли, по которым мы пробирались, были не слишком гостеприимны к людям даже без урса...

— И куда мы теперь пойдем? — спросил Кристо. — Искать твоих?

— Да, — я вздохнул. — На восток. И как можно быстрее, Кристо. Я очень, очень устал, дружище...

— Понимаю, — серьезно сказал он.

Раздвигаю я ветви взглядов,
И слова, как листва, шуршат,
Я туда, где мне будут рады,
Хоть встречать меня не спешат.
И не ставят на стол закуски,
И не льют, как вино, речей.
А встречают там безыскусно,
Словно ранней весной грачей.
Серые облака, белые от гусей,
Итака, Итака — я твой Одиссей.

Слишком долго бродил я где-то,
Где был нужен, хотя не мил.
Там я бросил чужое лето,
Там весну не свою забыл.
Там я спорил о том, что ясно,
И не верил словам детей.
Был я грешным, святым и разным
И терялся в сетях путей.

Мне вернуться давно пора бы,
Не найти все равно руно,
Где мой остров? — Там будут рады,
Где мой остров или окно.
Буду долго стоять у двери,
Под последним своим дождем.
Я не верю, нет, я не верю,
Что меня там никто не ждет.

А. Дольский

Лотар Брюннер в своем дневнике писал правду. В этом мире Средняя Азия — сплошные степи серебристого ковыля.

Август был жарким, солнечным и с частыми теплыми дождями, шедшими чаще всего по утрам. А по ночам небо казалось засыпанным крупной солью почти сплошь. И часто-часто летели через эти россыпи длинные нити метеоров. Августовские звездопады. Загадывай — не хочу...

Мне ничего не хотелось загадывать. У меня оставалось одно желание. Уже давным-давно — только одно... Временами мне даже не верилось, что оно сбудется, что оно вообще может сбыться... У дороги, похоже, не намечалось конца, она разворачивалась, как серпантин, выпавший из небрежных рук — катится по полу, катится, катится...

Август. Дожди из звезд. Еще говорят, что каждая такая звезда — чья-то смерть...

Не люблю степи. Вообще не люблю больших открытых пространств. Я это давно понял, но оформилось окончательно это только здесь и сейчас. Наверху — небо, под ногами — земля с высокой редкой травой, вокруг — горизонт. Днем над головой — солнце, ночью — звезды и неспешно изменчивая луна.

Мы с Кристо почти не разговаривали. Топали себе и топали почти все время босиком, перебросив обувь через плечо. Как ни странно, ручьев и речушек в степи хватало (может быть, это и в нашей реальности так, не знаю, не был), а дичь, хотя и осторожная, все-таки от опытных охотников уйти не могла. Но степь дурманила, и мне стоило усилий напоминать себе, что скоро осень, а зимовать в степи я просто не умею. Кристо — тем более. Успеть бы добраться до Арала-Каспия к середине сентября — совсем бы хорошо...

— Там кто-то есть.

Кристо остановился и, пригнувшись, взялся за рукояти кинжалов, не сводя глаз с плоского пригорка за широким тихим ручьем, почти речкой. Я уже с минуту наблюдал за этим самым пригорком, не вполне уверенный в том, что вижу — движение разогретого за день воздуха или осторожное перемещение людей. Сейчас я практически убедился: два человека следят за нами. И это не урса точно. Но и встреча с белыми может оказаться совсем не безопасной...

— Два человека минимум, — тихо сказал я, обнажая палаш. — Держись сбоку от меня, — а про себя подумал, что стрелы, окажись там луки или арбалеты, я отобью.

— Эй, там! — крикнули по-немецки, и на фоне заходящего солнца, уже не скрываясь, выросли две фигуры. — Не беспокойтесь, мы не собираемся нападать! Кто вы такие?!

— Идем из плена на запад, к своим! — откликнулся я, не торопясь убирать оружие. Тем более что двое парней, спускавшихся по склону холма, тоже держали его в руках. Еще несколько шагов — на их лица легла тень, и я изумленно разжал пальцы, роняя палаш; судорожным движением перехватил его на лету...

Этот мир не меняет внешность людей, и это хорошо, потому что иначе я не узнал бы человека, с которым мы виделись один раз почти пять лет назад и говорили всего несколько часов. Передо мною стоял Йенс Круммер, «комиссар» немецкого конунга Гюнтера. А чуть сзади и сбоку от него совершенно растерянню и глупо улыбался Андрюшка Альхимович.

* * *

— Значит, твои все погибли.

Мы сидели у небольшого жаркого костра — костра ни за чем, ради живого огня — было достаточно тепло. Йенс кивнул:

— Да. Последние — почти два года назад... — Он погладил ладонью свой недлинный меч. — Почти два года назад, — повторил Йенс. — Как раз тогда нас Андрей, — он кивнул на Альхимовича, полулежавшего рядом с травинкой в углу рта, — нашел.

— Очень вовремя, — усмехнулся Андрей, и я с жадностью, почти неприличной повернулся к старому другу. — Но, если уж совсем честно, я никого не искал. Просто шел и шел на восток... Разозлился я, Олег. — Он положил ладонь мне на колено, сжал. — Извини.

— Да ладно. — Я смутился. — Сам дров наломал выше крыши... Такая поленница получилась — не разворошишь...

— Остались мы вдвоем, — продолжал между тем Йенс, глядя в огонь своими холодными, умными глазами. — Потом прибились к Игорю Комлеву, и сейчас с ним ходим. Мы тут дозором, а Игорек, — он указал рукой на северо-восток, — там, километров двадцать. — Он внезапно посмотрел на меня и спросил: — Ты что-то хотел сказать, Олег?

— Нет, — поспешно отозвался я. — В самом деле — зачем предлагать уйти со мной в неизвестность, если у них тут есть налаженный мир, новые друзья... девчонки, может быть... Я все-таки попытался перехватить взгляд Андрея. Но он смотрел в степную темноту, полную немолчным треском ночных насекомых...

— Город Света есть... — задумчиво сказал Йенс.

— Да, — подтвердил я и невольно содрогнулся. Йенс заметил это и спросил негромко:

— Страшно вспоминать?

— Угу. — Я кивнул и признался: — Каждую ночь снится, Йенс. В холодном поту просыпаюсь.

Мы сидели плечом к плечу на склоне холма, одинаково обняв колени руками и поставив на них подбородки. По босым ногам гулял ночной ветерок. Вдали гудела степь — шел волной табун диких коней. Костер в низине догорал; Андрей и Кристо спали. А мы никак не могли договорить — и это было тем более странно, что разговор был ни о чем. Точнее — о вещах очевидных.

— Тебе везет, — задумчиво сказал Йенс. — Выжить после таких ран, в таких

условиях... Скажи, Олег, с кем ты разговариваешь, когда гредишь?

— С Арагорном, — не задумываясь, ответил я. — *ЧТО ?!*

Йенс тихо засмеялся:

— Спокойно, спокойно... А ты думал, у тебя одного есть *советник* ? Нет уж...

— А что, у всех? — удивленно спросил я.

Йенс покачал головой:

— Даже не у одного из десяти. У немногих... Я догадался, потому что... потому что догадался. Арагорн — король из книг Толкьюна? — Он произнес фамилию Толкиена на немецкий лад.

— Да, — подтвердил я. И, помедлив, спросил: — А с кем говоришь ты, Йенс Круммер?

— С Зигфридом, — не удивился Йенс, поднимаясь на ноги. Он развел руки в стороны, потом — приложил кулак ко рту — и в ночь рванулся резкий, переливчатый волчий вой самца-одиночки.

Опять, опять! Пожалуйста — молчи!
Когда луна парит холодной птицей,
Вы слышали когда-нибудь в ночи
Простую песню серого убийцы?

Рука сама хватается за нож.
Ужель, почуяв близость человечью,
Он злобно вспомнил, как хлестала дрожь
Его подругу, сбитую картечью?

А может быть, он плачет на луну,
Поняв беду совсем иного рода:
Мы все обречены на тишину
За горькой гранью нашего ухода.

Но, словно пропасть гулкой синевой
Иль ночью в чаще огонек случайный,
Тревожит душу этот жуткий вой
Какой-то смутной и запретной тайной.

Что знает он о звездной глубине,
Так безнадежно в песне муча горло?
Какая боль, невыносимая мне,
Такую муку из него исторгла?

Как будто ветер в ивах раскачал
Глухое тело мертвого рассвета...
Такой тоски я в людях не встречал —
Но, может быть, они скрывают это?!

И. Басаргин

«Чайка» — точно такая же, как черноморская — шла примерно в полукилометре от берега, и звонкий, сильный голос мальчишки, державшегося рукой за нос, донесся до нас отчетливо:

— Эй, кто там, на берегу?!

— Дед Пихто, — буркнул я по-русски. Кристо, раздувавший костер, даже головы не повернул. Я поднялся и крикнул: — Свои! Куда плывете, казаки?!

— Есть свои свои, а есть свои чужие! — заорали с «чайки», но со смехом, и кораблик резко изменил курс. Ветерок развернул флаг — черное полотнище с золотым Андреевским крестом. Взмахивая веслами, «чайка» приближалась, и я уже различал любопытствующие загорелые лица по бортам.

— Не нападут? — тихо спросил Кристо, внешне совершенно спокойно занимаясь костром.

— Увидим, — процедил я, а про себя подумал, что ничего глупей и не придумаешь: добраться до Каспия и погибнуть в схватке со своими же, русскими... Я подошел к самой кромке воды и, широко расставив ноги, упер руки в бока, рассматривая приближающуюся «чайку».

Истошный, испуганный визг с казачьего кораблика заставил меня несолидно присесть. А потом послышался вполне членораздельный, но не менее испуганный вопль:

— Не надо! Не приставайте! Это мертвец!!!

Уговорить казаков причалить мне удалось через полчаса — после того, как я, угорая от смеха, тщательно ответил на все вопросы перегнувшейся через борт Наташки Крючковой и поинтересовался, куда она дела Франсуа.

* * *

— Нет, на Кавказе твоих уже давно нет. — Франсуа покачал головой. Наташка, улыбаясь, подлила мне чаю и села рядом с французом, чья сломанная нога гордо возлежала на удобном камне. — Как ты пог... пропал, они тебя искали, но не так чтобы активно... Погоди, Олег, — попросил он меня, хотя я и не думал подавать голос. — Там же все ясно было. Я сам на той тропе был. Свои трупы они свалили в ущелье, твой, ясное дело, съели... — Мы оба расхохотались. Наташка дала Франсуа подзатыльник. — Ну и через две недели после твоей... гибели они ушли. Вадим их увел.

— Куда? — спросил я.

— На Балканы или в Карпаты... — Франсуа задумался, уже уверенно повторил: — Да, в Карпаты, Олег, точно. А мы перебрались на Каспий, вот, с местными плаваем...

— Сможете доставить меня к устью Куры? — поинтересовался я.

Франсуа вздохнул:

— Да сможем, о чем речь... Но понимаешь, осень, там, на Черноморском побережье, ты вряд ли кого найдешь, а местные ребята вряд ли тебя в Средиземку...

— Значит, пойдем пешком вдоль побережья, — отрезал я.

Франсуа, кажется, еще хотел что-то сказать, но Наташка пихнула его в бок, и он махнул рукой:

— Ладно. Завтра и поплывем, чего тогда ждать...

— Франсуа, — тихо сказал я, — ты за это время... ты о них, о наших, ничего не слышал? Хотя бы краем уха?

— Нет. — Француз развел руками и поспешил меня ободрить: — Да найдешь ты их, обязательно найдешь! Вон ты сколько отшагал — ну, зря все это, что ли?!

— Надеюсь, что не зря, — согласился я. — Было бы чертовски обидно, окажись... по-другому. Голова у меня, если честно, кругом идет, Франсуа, — признался я. — Несет меня куда-то, несет...

— А это ничего. — Франсуа пожал, нагнувшись, мой локоть. — Принесет куда нужно...

Мы сидели на плоской каменной террасе, с которой открывался вид на лагерь казаков. Внизу на несколько голосов пели ухарски:

— Вражью силу одолели —

эх! —

Астраханцы д'молодцы!

— Стой, погоди! — Франсуа звучно шлепнул себя по лбу. — У меня же для тебя подарок есть! Ты, я помню, огнестрел какой-то имел?

— Да было. — Я махнул рукой. — Наган был. Только он далеко, патроны-то еще в первый год кончились...

— Наган, говоришь... — Франсуа кивнул. Поднялся и, подхватив костыль, шустро зашкандыбал куда-то прочь, бросив: — Погоди, я сейчас.

— Куда это он? — спросил Кристо. Наташка махнула рукой:

— Сейчас придет... Ешьте вон давайте.

Франсуа в самом деле вернулся довольно быстро и высыпал на неровную поверхность самодельного стола десять тяжело стукавшихся коробок промасленно-бумажного цвета. Я хмыкнул, придвинул к себе одну, вслух прочел:

— 7,62x39 наган, 12 штук... — вскинул глаза на Франсуа: — Патроны к нагану?! Сто двадцать штук, целое богатство!

— Бери, — он сделал щедрый жест. — Может, еще когда доберешься до своего револьвера, где он там у тебя, этого тебе надолго хватит...

— Откуда? — уточнил я.

Франсуа вздохнул:

— Да печальная история вообще-то... Год назад были мы на соляных полях, я тогда еще сам по себе, без казаков, гулял. Наткнулись на ребят — четверо, мертвые уже все, а сколько лежат — там не поймешь, просоленное все... Наверное, от жажды умерли. Ну, мы их хоронить, а из сумки у одного пачки эти посыпались. Оружие все негодное, соль поела, а пачки сам видишь — промасленные навывлет, уцелели... Хотя, — он снова вздохнул, — если честно, так я не знаю, все ли патроны сработают. И сработают ли вообще.

— Ну — проверим как раз, — пообещал я, сгребая пачки в вещмешок. — Спасибо, Франсуа!

— О чем разговор! — широко улыбнулся он.

* * *

Воду у берега сковал лед — тонкий и прозрачный. Дул резкий холодный ветер, грозно стонали на перевале сосны. Километрах в трех над берегом шел серый дождевой заряд.

— Холодно, — сказал Кристо. Он подошел ко мне, оскальзываясь на покрытых пленкой льда камнях. — Мы пойдем дальше?

— Да, сейчас. — Я тряхнул головой, отгоняя наваждение — мне показалось на миг, что берегом идут несколько человек — как, бывало, ходили тут наши девчонки, чтобы надрать мидий.

— А в вашей пещере точно есть кто-то? — Кристо вытер перчаткой мокрое от соленых брызг лицо.

— Не знаю, — грубовато отрезал я, и Кристо обиженно на меня поглядел. Мне не хотелось объяснять, что теплится во мне какая-то болезненно-идиотская надежда: вот сейчас подойду к пещере, а наши все — там и ждут меня... обязательно ждут.

— Пошли, — почти приказал я и, отвернувшись от мрачающих на глазах вод залива, первым двинулся в сторону перевала... того самого, с которого — четыре года назад! — Сергей крикнул: «Ёлки, море!»...

На перевале стоял крест. Очевидно, в солнечные дни — особенно при восходе — его хорошо было видно снизу, летящим черным силуэтом в небе, но сейчас я понял, что это не дерево, только когда мы поднялись на две трети склона.

— Это вы поставили? — Кристо приостановился, оглянулся — он лез впереди — на меня.

Я покачал головой:

— Нет, при нас этого не было...

Крест рос в хмуром небе — казалось, он раздвигает серую пелену, нависшую над землей, черным разрезом. Теперь я видел, что вокруг креста — на высоту половины человеческого роста — насыпаны черепа. Множество, не меньше двухсот. А когда мы подошли ближе, то стало видно, что это низколобые, со скошенной челюстью, черепа урса.

— Кто-то хорошо погулял, — заметил Кристо, трогая носком сапога один из черепов — расколотый наискось. Я наступил на другой череп, побалансировал, находя равновесие, подался вверх-вперед, потому что на кресте что-то было написано.

На перекладине все еще поблескивали вбитые в дерево серебряные полосы букв. Это был чешский, и я, сосредоточившись и беззвучно шевеля губами, начал вчитываться в странно звучащие на слух, но знакомые слова...

18 мая 1990 года

ЗДЕСЬ,

на этом перевале,

одержав победу над врагом в бою,

ПАЛ

князь Борислав Шверда.

(р. 1965 г.)

Ниже — на опоре креста — шли колонкой одиннадцать имен и фамилий с датами.

— Ты его знал? — тихо спросил Кристо.

— Да, — машинально ответил я, всматриваясь в имена и фамилии — наших вроде бы не было, но кое-кого я, кажется, вспомнил. — Это чех, его крепость была в скалах... — Я махнул рукой: — Там, не очень далеко. Мы вместе сражались... Май 90-го — это как раз когда мы начинали битву на Кавказе... Жаль. Он был хороший парень. Спокойный и твердый, как эти скалы... Пойдем, Кристо.

Мы обошли крест. Тропинки, который мы, бывало, выходили на перевал, просто не существовало — она лежала внизу грудями щебня. Похоже, Ян взорвал ее порохом... Но с тех пор появилась еще одна — петлей спускавшаяся в долину с другой стороны. И я вздрогнул, увидев над ней — на черно-зеленом диабазе, — белесые штрихи букв, складывавшиеся уже в русские слова...

Зимой 91-го зимовали в нашем месте.

Ушли в мае на северо-восток, если кому интересно.

Люди отряда «НОРД» (вятичи с Тамбовщины).

— Полгода назад! — вырвалось у меня. — Полгода назад!

— Это твой? — быстро задал вопрос Кристо. Шмыгнул носом.

Я кивнул:

— Мы как раз встретились с Саней на Тихом, когда они отсюда ушли... Опоздал я.

Кристо тронул меня за плечо:

— Если хочешь — мы пойдем по их следам. Они ведь должны были где-то остановиться на зиму...

— Пошли к пещере, — вместо ответа сказал я. И только когда мы миновали надпись, добавил: — Нет, Кристо. Мы зазимуем в пещере. Идти сейчас на север — это идти навстречу зиме...

* * *

То, что пещера обитаема, стало мне ясно задолго до подхода к ней — пахло дымом. Я заметил, что и Кристо начал озираться, взявшись за оружие. Но характерных для урса следов — отходов, мусора, ломаных кустов — не было, и я немного успокоился, хотя оружия не выпустил. Кристо, повинаясь моему сигналу, сместился в тыл и чуть вправо. А я уже не сводил глаз с прохода.

Нас, наверное, заметили еще раньше. Едва ли очень обеспокоились — ясно было, что нас всего двое, и едва ли мы имели очень уж грозный вид (дождь нас наконец-то догнал и

накрыл сплошным холодным потоком), — но, когда оставалось метров сто до прохода, навстречу вышел мальчишка в кожаном широком плаще, с непокрытой головой. По длинным белесым волосам сбегала вода. Широко посаженные в стороны от курного носа светло-синие глаза со скуластого лица смотрели спокойно и внимательно. В руках оружия у него не было, но плащ — отодвинут назад так, что я видел левую руку, лежащую на рукояти тяжелого прямого кракемарта. «Финн, скорее всего, — подумал я и тут же заметил вышитый на широком поясе узор в виде утиных следов. — Точно — финн».

— Терве, — припомнил я словечко, медленно протягивая навстречу ему обе руки ладонями вверх.

— Терве туоло, — неспешно кивнул финн, осматривая нас. Потом заговорил, но, видя, что я не понимаю, спросил на неплохом чешском: — Ты чех? Словак?

— Я русский, — покачал я головой. — Мы жили здесь... давно... — Я с трудом подбирал чешские слова, но финн, усмехнувшись, остановил меня:

— Я знаю русский... В это... эту зиму тут жили русские. Когда мы пришли, их уже не было...

— Это мои друзья, — сказал я, опуская руки. — Мы долго не виделись.

Финн свел широкие рыжеватые брови:

— О, тебе не повезло немного. Проходи и ты, и твой друг. Если вам надо — вы будете зиму жить здесь. Или совсем останетесь. Если хотите.

— Скажи... — я помедлил. — Чехи — тут, в горах — еще живут?

— Живут, — кивнул финн. — Но там мало чехов. Совсем мало. Много из других мест. Мы вместе обороняемся... А там, — он махнул на юго-восток медленным, плавным движением, — поселились испанцы. Они пришли вместе с нами... Так проходите же. Плохая погода...

* * *

В пещере мало что изменилось. Может быть, поэтому я не ощутил себя тут чужим — Кристо задержался у входа, тщательно опуская занавесь, а я, кивнув всем, прошел к огню, раздвигая шнуровку плаща.

На нас смотрели около тридцати пар глаз — в основном это были финны, причем ярко выраженные, но виднелись и другие. Сопровождавший нас часовой (он, оказывается, не один там дежурил) подошел к сидевшему на чем-то вроде кресла, обтянутого шкурами, рослому парню — тот не перестал отбивать брусом длинный палаш, упертый в шкуру между широко расставленных ног, но, когда часовой закончил короткий тихий доклад и вышел, парень поднял на нас лицо.

Это тоже был финн. Но его нацпринадлежность я определил позже. А в тот момент мне бросился в глаза страшный шрам, уродующий лицо этого парня — лет четырнадцати-пятнадцати. Правого глаза у него не было — кожаная повязка закрывала эту сторону. Из-под нее шрам, проложив жуткий провал в переносице, спускался, грубо расширяясь, на левую скулу, прерывался — и, очевидно, переходил на левое ухо, мочка которого была срезана.

— Меня зовут Хааhti Салоранта, — сказал финн на безупречнейшем русском. — Я вождь этого племени. Так ты жил здесь?

— Меня зовут Олег Верещагин. — Я отсалютовал вскинутой рукой с перчаткой. — А со мной Кристо Ириди, он грек. Мы бежали из плена больше года назад и странствовали — сперва чтобы сбить погоню со следа, потом я искал своих. Они были здесь. Весной я вновь отправлюсь в путь, а сейчас — может быть, вы позволите мне и моему другу остаться у вас?

— Конечно, — кивнул Хааhti.

— Тогда... — я помедлил. — Тогда я хочу просить позволения взять здесь одну вещь, которую оставил когда-то.

По кругу сидящих у огня парней и девчонок прошло любопытное движение. Сдерживая внезапно возникшую нервную дрожь, я подошел к лежакам «для мальчиков» —

они остались на прежнем месте и были те же самые, только кое-где настил поменяли, — испытывая странное чувство уже бывшего (кажется, оно называется «дежавю»). В голове почему-то со стуком в ритме сердца колотились строчки:

...никогда не возвращайтесь
В прежние места...

Я приподнял край настила. Удерживая его левой рукой, правой достал дагу, несколько раз стукнул яблоком по размазанной у самого пола глине — она отвалилась кусками, открыв каменную забивку, которую я расковырял наконечником ножен. Убрав дагу в перевязь, я запустил руку в открывшуюся неровную дыру — и пальцы мои наткнулись на холодную кожу.

При общем нетерпеливо-удивленном молчании я достал кобуру, с которой свисал ремень с пустым патронташем. Отпустил топчан. Повозившись с клапаном — кожа высохла и потрескалась — я достал, пачкая пальцы салом, наган.

— Ого... — выдохнул кто-то. Электрической искрой побежал по пещере удивленный шепоток.

— Я его оставил здесь тогда, перед уходом, — пояснил я, проводя пальцем по стволу. — Кончились патроны... А сейчас я снова ими разжился — буквально чудом.

Хаахти, все это время наблюдавший за мной цепким холодным глазом, кивнул:

— Бери свою вещь... Садитесь, грейтесь и ешьте. Мы рады вам.

* * *

К вечеру дождь перестал. Но ветер не унялся — сильнейший и плотный, он как будто стал еще свирепей, неся над Карпатами, срывая с карнизов и склонов камнепады. Небо очистилось, на нем горели, почти не мигая, страшные крупные звезды. Похоже было, что под утро придет настоящая зима...

Но в пещере, как и положено, было тепло, светло и весело. Не знаю, то ли хозяева каждый день так ужинали, то ли отмечали что-то, то ли дали пир в честь нас — но я не ел так уже давно. Кристо вообще расслабился полностью — он сидел рядом с какой-то девчонкой (не финкой, кажется) и то и дело принимался болтать с ней, а потом они вместе хохотали. Глаза у Кристо блеснули, и я вдруг подумал, что весной оставлю его здесь. Зачем и куда ему тащиться? Каждому свое...

Шум слегка утих — на свободное место вышел и сел, скрестив ноги, один из мальчишек (нам всех представляли, но я никого не запомнил — мысли были напрочно заняты другим). Положил на расставленные колени кантеле — музыкальный инструмент вроде гуслей, у меня еще была в свое время книга финских и карельских сказок, которая так и называлась: «Кантеле». И сейчас есть. *У меня...*

Я не знал финского. Но песня, которую он запел, звучала красиво, незнакомые слова складывались в ритмичные строки, набегавшие друг на друга, словно волны прибоя. Все молчали, слушая парнишку — в точности как и мы слушали, когда пел Север или кто-то из девчонок.

Сидевшая рядом со мной слегка веснушчатая, но в общем-то очень симпатичная девица, чуть наклонилась — очевидно, заметила, что я не понимаю, и решила сыграть роль переводчицы. По-русски она говорила так себе («очень не очень»), но я понимал...

Смелый мальчик был князем своего племени, а красивая девчонка верно его любила. Они вместе шли по воюющим землям навстречу опасностям, рука об руку сражались с врагом и бесстрашно смотрели в глаза смерти, заставляя ее отступать. Но настала тяжелая зима, и тоска вошла в сердца людей. Они обвинили своего князя в том, что он привел к ним беду, хотя был он не только их князь, но и их друг. Тогда мальчишка и девчонка ушли прочь, и племя распалось. Они поселились в далекой земле, где нет боли и крови, где можно

отложить в сторону клинок и, ложась спать, знать, что проснешься живым. Там они и жили — долго и счастливо. Но однажды на остров, где они нашли приют, добрался один из их друзей — опомнились те и хотели, чтобы их вождь вернулся. И девчонка с мальчишкой, оставив свое спокойное счастье, вернулись в мир войны и встали плечом к плечу с друзьями. Снова были бои — и вот мальчишка-вождь попал на лесной тропе в предгорьях Кавказа в засаду урса. Их было сто. А он — один... Но упал он последним — и никто из черных так и не смог похвастаться победой. Друзья похоронили павшего над тропой. А девчонка над свежей могилой подняла клинок и поклялась на светлой стали помнить и мстить.

С тех пор ее видели во многих местах. Она всегда одинока. И немного найдется тех, кого так же боятся урса...

Певец давно вернулся на свое место, и пир вновь забушевал (иначе не скажешь), а я все сидел на своем месте, глядя в одну точку — в огонь. И не сразу понял, что Хааhti обращается ко мне:

— А ты не хочешь спеть?

— Я? — вопрос застал меня врасплох. Все одобрительно загудели. — Вы хотите, чтобы я спел? — Когда все снова закивали и загалдели, я растерянно пожал плечами и, взяв протянутое кантеле, поставил его на колено. Попробовал — это немного походило на «инструмент» Игорька Басаргина. Я устроил кантеле удобней. Левой рукой — сгибом указательного пальца — потер губы. — Я буду петь по-русски. Это песня одного нашего автора. Очень хорошего автора...¹ Я только не очень хорошо играю... и пою.

С этими весьма обнадеживающими словами я положил пальцы на струны.

— Мой конь притомился, стоптались мои башмаки...

Куда же мне ехать? Скажите мне, будьте добры.

— Вдоль красной реки, моя радость, вдоль красной реки,

До синей горы, моя радость, до синей горы.

— А где те гора и река? Притомился мой конь...

Скажите, пожалуйста, как мне проехать туда?

— На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь,

Езжай на огонь, моя радость, найдешь без труда.

— А где ж этот яркий огонь? Почему не горит?

Сто лет подпираю я небо ночное плечом...

— Фонарщик был должен зажечь, да, наверное, спит,

Фонарщик-то спит, моя радость... А я ни при чем...

...И снова он едет один без дороги во тьму.

Куда же он едет, ведь ночь подступила к глазам?..

— Ты что потерял, моя радость?! — кричу я ему.

И он отвечает: «Ах, если б я знал это сам...»

* * *

Ветер улегся. Земля стала железной — грязь схватило моментально, того и гляди — ноги поломаешь. Мороз ахнул моментально — и немаленький.

Я сидел над пещерой и дышал, откусывая зубами ледяной воздух. Мне было холодно, но я упрямо дышал и не двигался.

Больше всего хотелось плакать. Но это у меня давно не получалось. То ли я себя приучил, то ли мир вокруг приучил меня. А вот сейчас и надо бы, и хочется, а не выходит...

Я достал наган, очищенный за вечер от сала. С журчанием покрутил барабан и начал

¹ Отношение автора книги к Б. Окуджаве вот уже много лет резко отрицательное. Но советскому мальчику Олегу из 80-х годов Окуджава очень нравился.

снаряжать его патронами. Над горами страшно, немигающее горел глаз Венеры.

Хааhti подошел неслышно. Набросил мне на плечи пушистый меховой плащ и сел рядом.

— Я догадался — песня о тебе, — сказал финн.

Я убрал револьвер, застегнул теплую и упругую от новой смазки застежку:

— Обо мне. О нас. Только она неточная. Урса было не сто, а всего четырнадцать. И я не погиб. Те, которые пришли потом, взяли меня в плен и отдали в рабство... А я, кажется, знаю тебя. Ты — тот самый финн, который попал сюда в начале века?

— Да. — Хааhti кивнул. — Кто тебе рассказал обо мне?

— Йенс Круммер, — ответил я. — Помнишь такого?

— А, немец... Встречались. Он еще жив?

— В августе был жив, сейчас — не знаю... Послушай, ты прожил тут почти век. Скорей всего — не прятался по болотам и лесам. Так, может быть, ты мне скажешь наконец, какой во всем этом смысл?!

Очевидно, эти слова у меня вырвались со злостью. Хааhti хмыкнул, достав финку из-за сапога, начал подбрасывать ее на ладони.

— Ты знаешь о Городе Света?! — так же зло задал я еще один вопрос.

Финн нехотя кивнул:

— Да знаю я... Был там и бежал... А ты думал, тебе одному повезло?.. Ну — Город Света, ну и что? Думаешь, арабы всем заправляют? По-моему, они как крысы, которые живут в брошенном людьми доме...

— А ты знаешь, что отсюда можно вернуться домой? — задал я новый вопрос. Хааhti кивнул. — А знаешь — как? — спросил я еще. Хааhti вновь наклонил голову; его молчаливость стала меня бесить. — А знаешь, что твоя Финляндия давным-давно не отсталая губерния России, а очень даже высокоразвитая страна? — Финн кивнул опять. — И считаешь, что за сто лет не заслужил права вернуться?

— О чем ты говоришь? — Хааhti погладил ладонью рукоять своего палаша, сделанную (я только теперь заметил) в виде двуглавого орла. — Разве такое возвращение — заслуга? Это смертная казнь длиной в жизнь. Если, конечно, у тебя есть совесть... *У тебя* она, кажется, есть. Только не уходи сейчас. В горах везде лед, это опасно. Утром девчонки тебя соберут в дорогу.

Я не удивился этим словам. Странно — еще секунду назад я не собирался никуда уходить. На самом деле не собирался. И вдруг это стало само собой разумеющимся. Похоже, Хааhti просто высказал то, на что я уже давно решился подсознательно.

— Я оставлю Кристо, — ответил я. — Похоже, ему понравилась одна из ваших девчонок.

— Пусть остается, — кивнул Хааhti, — конечно. А теперь вставай. Тут холодно.

Я поднялся, одной рукой придерживая на груди плащ. Хааhti тоже встал.

— Послушай... — Я повернулся к нему и встретился глазами с его взглядом. — Неужели тебе никогда не хотелось сломать эту клетку?

— Хотелось, — спокойно подтвердил финн. — *Хочется*. Только я не знаю — как.

* * *

Кристо проводил меня до морского берега, дальше, чем все остальные. Утром, когда Хааhti сказал, что я ухожу, он тоже начал было собираться, но как-то замедленно, а я поймал отчаянный взгляд, которым Кристо обменялся с той девчонкой (ее звали Вильма ван Клейхен), — и понял, что не ошибся. Такое бывает — «с первого взгляда». И я был рад, что так получилось у Кристо. Это поможет ему окончательно преодолеть память о страшном и унижительном рабстве.

Когда я объявил о своем решении, Кристо не смог даже сдержать радость. Но сейчас как-то угас, молчал всю дорогу и то и дело шмыгал носом.

— Все. Дальше не надо. — Я остановился.
Кристо покорно встал тоже. И вдруг сказал, наклонившись и подобрав гальку:
— Я пойду с тобой. Так нельзя.
Чего-то подобного я ожидал, поэтому ответил спокойно:
— Сам пойдешь со мной, а сердце оставишь здесь? Не лучший вариант... Нет уж, Кристо. Оставайся здесь сам. Рядом со своим сердцем. Они хорошие ребята, и тебе будет с ними хорошо тоже.
— А ты?! — вырвалось у него.
Я пожал плечами:
— А я найду своих.
— А если... — начал Кристо, но я покачал головой:
— «Если» — это не для меня. Может быть, мы когда-нибудь еще встретимся, Кристо.
Он неожиданно обнял меня. Кристо был немного ниже ростом и уткнулся виском мне в подбородок, шепча:
— Я никогда... никогда не забуду, что ты для меня сделал... прости меня, что я... остаюсь...
Я отстранил его и улыбнулся. По щекам грека сползли блестящие дорожки слез. Но, увидев мою улыбку, он тоже улыбнулся дрожащими губами.
— Ну вот. Говорить друг другу «до свиданья» надо именно так. С улыбкой.
Я повернулся и пошел вдоль берега...
Когда я прошел около километра и оглянулся — Кристо все еще стоял на берегу.

* * *

Лихорадочное нетерпение подгоняло меня, словно кнутом. «Позади» не было — оставалось лишь «вперед», и я гнался за этим «вперед», намереваясь или догнать свою прежнюю жизнь — или, черт побери, свалиться за мертвое, пусть так!

«Никогда не возвращайтесь

В прежние места...» — повторял я слова, узнавая горы и долины, мимо которых шел.

Я решил завернуть к чехам. Нет, не из ностальгии, а просто в надежде что-нибудь узнать новенькое — обо всех вообще, не только о наших... но о них — особенно. Может быть, Юлия знает точно, куда Вадим увел наших?

Холодало резко, пронзительно, временами начинал идти снег, но я не боялся сбиться — уж эту-то дорогу я знал хорошо. Где-то в этих местах я встретил Богуша. Где-то здесь погибла Ленка Рудь. Где-то высится курган над кострищем, огонь которого поглотил Свена.

Чутье меня не подвело. Снег улегся, ветер раскачивал черные деревья в роще, за которой начиналась крепость чехов — я видел крутую узкую тропу даже через рощу, насквозь. И не остановился, выйдя на опушку рощи, — наоборот, прибавил ходу, по колено проваливаясь в снег, вылез на тропинку, ведущую напрямик к скалам.

Меня опять заметили издалека. Я вступил на горную тропу, а где-то впереди загудел рог — тут к обороне относились явно куда серьезней, чем у Хаахти. Я откинул капюшон и, подняв лицо, на миг задержал шаг, чтобы дать себя рассмотреть. Шагнув дальше, я увидел — от скал в полутора километрах от меня, за которыми начинался подъем к пещерам, отделились два человека и неспешно пошли навстречу. Ветер относил в сторону их плащи, и мне казалось, что идущие взмахивают крыльями.

Они остановились, пройдя до начала резкого подъема, — и это был четко рассчитанный психологический эффект: поднимающийся видел растущие в небе неподвижно-вооруженные фигуры. Один из мальчишек опирался на боевой топор, другой держал ладонь на рукояти шпаги. Оба были в жестких просоленных кирасах, подбитые мехом внутри плащи украшали белые львы, но ни того, ни другого я не знал.

— Кто ты? — Тот, что с топором, поднял руку в высокой трехпалой краге. — Назовись!

Он говорил по-немецки. Я махнул в ответ руками накрест над головой и отозвался на

том же языке:

— Я Олег Верещагин. Мы были знакомы с вашим князем Бориславом Швердой, я знал и многих других ваших людей! Скажите, кто сейчас правит у вас?

— Княгиня Юлия, — отозвался немец.

Я встрепнулся:

— Девушка Борислава?! Я хочу говорить с ней!

— Она будет говорить с тобой, — кивнул страж. — А твое имя мы знаем.

— Пусть отдаст свое оружие, — сказал по-чешски второй страж.

Я не двинулся с места, но ответил:

— Я пришел к друзьям и не сдам оружия.

— Не надо, Габо, — покачал головой немец. — Пусть идет так. Он и правда друг.

* * *

В пещерах царило обычное влажноватое тепло, заставлявшее факелы потрескивать и плеваться смолой. Обо мне, наверное, уже сообщили, потому что, когда я вошел в сводчатый зал, там было уже светло. Юлия сидела на каменном троне, держа на широко расставленных коленях меч. Больше в зале никого не было, только слева от трона стоял хмурый рыжеволосый атлет, опиравшийся на топор. Он смерил меня прозрачным и ничего не выражавшим взглядом синих глаз, между тем как Юлия улыбнулась, и ее точеное холодное лицо ожило.

— Я тебе рада, Олег, — мелодично прозвучал под каменными сводами ее голос. — Нам сообщили, что ты погиб, хорошо, что это оказалось ошибкой... Спасибо за весть о брате.

— Княгиня... — на ходу сбрасывая мешок, я подошел к трону и, опускаясь на колено, поднес к губам узкую, с длинными пальцами ладонь Юлии. От нее пахло снегом и холодной водой. Я поднял глаза. Юлия улыбалась.

— А ты все тот же, Олег, — заметила она.

* * *

Хорошо натопленный камин выгнал из комнаты Юлии сырость. Пламя гудело в дымоходе, бросало отблески на развешанное по стенам оружие, золотом искрилось в ворсе мехов. На широком каменном столе стояли блюда с жареной свининой, нарезанным луком, лепешками, высокий кувшин с вином и две глиняные кружки.

Я сидел у стола, облокотившись на него и вытянув ноги почти до ложа, на котором боком устроилась Юлия. Мы разговаривали уже несколько часов.

— Наших осталось мало. — Юлия чуть запинаясь, она хорошо выпила. — Но все, кто приходит сюда, ничего не имеют против того, чтобы подчиняться мне. Нас сейчас почти семьдесят. Последними пришли несколько шведов...

— Этот парень у твоего трона — швед? — Я отхлебнул немного из своей кружки.

— Да, это Кнут Йост... Не думай, Олег, он просто возглавляет оборону. Я и сама бы справилась, но это дело парней... Мне хватает забот по хозяйству.

— Хорошо, что Танюшка жива, — вновь вернулся я к тому, с чего мы начинали разговор и снова пережил почти оглушающее облегчение, которое испытал в тот момент, когда Юлия ответила на мой вопрос о том, была ли тут зимой с нашими Татьяна. — Они не говорили точно, куда пойдут? Там написано на скале, что просто на северо-восток...

— Они собирались под Псков, — ответила Юлия и, сев прямее, налила себе еще вина. — Ты, конечно, не захочешь остаться и догонишь их, может быть, еще до конца года. Будешь со своей зеленоглазой... А мой Борислав... — Она вдруг заломила руки в нешуточном жесте отчаянья. — Мой Борислав ушел, а меня оставил — оставил меня этой бесконечной чередой бегущих дней, этой вечности без него, этой пытке...

— Юля... — я протянул руку, тронутый жалостью. — Юля, что ты...

Она оттолкнула мою ладонь, резким движением подхватила кружку и осушила ее до дна. Хотела налить снова, но я отодвинул кувшин, и Юлия, промахнувшись, вновь откинулась на шкуры. Несколько секунд ее взгляд блуждал по комнатке, потом твердо остановился на мне.

— Я завидую тебе, — раздельно сказала она. Ее пальцы дергали шнуровку на груди куртки. — И Татьяне твоей завидую... Я не прошу тебя не уходить, я не прошу остаться... Я прошу только одну ночь...

Глядя мне прямо в лицо, она рывком распустила шнуровку до конца и нетерпеливым движением освободилась от куртки до пояса.

У меня не было девчонки полтора года. А теперь представьте себе, что обалденно красивая девица вот так раздевается перед вами, недвусмысленно объясняя, чего ей хочется. Представили?

— Я ненавижу его за то, что он ушел, — горячечно бормотала Юлия, стягивая узкие сапоги с цветными отворотами. — Он не имел права оставлять меня... Теперь он мертв, а я осталась... Иди сюда, Олег!

Она встала передо мной — совершенно голая, бурно дышащая и... очень, очень красивая. Я ощутил запах — почти непреодолимый, зовущий; я видел, как напряглись ее груди...

— Не надо, Юля, — попросил я.

Глухо зарывчав, она метнулась к стене. В тонкой, но сильной руке сверкнул длинный кинжал-квилон.

— Я убью тебя!

Опрокинувшись назад со стулом, я встретил Юлию толчком ног в живот — не ударом, нет, но толчка этого вполне достаточно оказалось, чтобы опрокинуть ее на ложе. Прыжком вскочив, подхватил квилон. Юлия пыталась встать, путаясь в мехах, и это зрелище возбудило меня так, что дыхание перехватило...

Барактанья быстро иссякли. Едва ли у Юлии была привычка пить, а последняя кружка оказалась явно лишней.

Я убрал квилон на место и быстрым движением закрыл уже благополучно уснувшую девчонку легким одеялом из пушистого меха. Нарочно медленно заставил себя собрать и разместить в надлежащем порядке свое оружие, поднял кресло. И тихо вышел наружу...

Сильнейший рывок за куртку на груди бросил меня к стене, потом перевернул — и возле моего горла оказалось лезвие тяжелого боевого ножа. Уперев колено между моих ног, рыжий Кнут Йост смотрел на меня бешеными глазами дикого зверя.

— Что ты с ней сделал, русский?! — прохрипел он, скручивая куртку на моей груди так, что прочная кожа затрещала. — Ну?! Говори?! — он перешел на шведский.

— Убери нож, — спокойно сказал я, не двигаясь с места и не пытаясь освободиться. — Тогда поговорим.

— Я зарежу тебя! — выдохнул он, тряхнув меня, как пойманного зверька.

— Убери нож, — повторил я. — Третий раз я просить не буду, и тебе действительно придется меня убить — или я убью тебя. Ну?

Бешеные глаза смотрели мне в лицо. Потом послышался тихий выдох — и нож с коленом отодвинулись. Чуть позже разжались пальцы на моей куртке.

Я расправил ее.

— Меня ждет девушка, — пояснил я. — А если тебе нравится Юлия, то скажи ей об этом. И поскорее. Ей нужен не начальник охраны, а парень, который сможет заменить Борислава... хотя бы отчасти. А теперь покажи мне, где можно лечь спать. Я очень устал — и хочу выйти рано, чтобы не встречаться с нею.

Молча, словно окаменев, Кнут провел меня на следующий ярус, в маленькую, но теплую комнатку, где все было приготовлено для сна и горел факел. Я начал снимать снаряжение, а швед все еще стоял у входа.

— Прости, я потерял голову, — вдруг сказал он. — Я люблю ее. Полюбил сразу, как

только увидел, как только мы пришли сюда.

— Ничего, — отозвался я вежливо, но равнодушно. Мне вдруг стало пусто-пусто, потянуло то ли в сон, то ли в обморок. — Если можно, пусть меня разбудят, когда начнет светать.

— Хорошо, — сказал Кнут. Швед был умный парень — сразу вышел и прикрыл за собой дверь.

Я лег ничком. И обхватил голову руками, проваливаясь в какой-то бездонный колодец...

Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в году весна,
Словно в степи сосна.
Нету другой такой
Ни за какой рекой,
Нет за туманами,
Дальними странами.

В инее провода,
В сумерках города.
Вот и взошла звезда,
Чтобы светить всегда,
Чтобы гореть в метель,
Чтобы стелить постель,
Чтобы качать всю ночь
У колыбели дочь.

Вот поворот какой
Делается с рекой.
Можешь отнять покой,
Можешь махнуть рукой,
Можешь отдать долги,
Можешь любить других,
Можешь совсем уйти,
Только свети, свети!

Ю. Визбор

Костер прогорел, кажется, еще ночью. А под утро выпал снег, и я не сразу понял, что же на меня давит во сне и почему лицо мокрое?

Высвободив руки, я очистил от снега спальник и выбрался наружу. С вечера потеплело. В лес уныло вползал рассвет, но небо плотным слоем покрывали тучи.

Поеживаясь и зевая, я вытер лицо снегом и, не очень спеша, откопал свои вещи. Так же медленно скатал, вытряхнув, мешок, но в результате не так уж задержался и через каких-то десять минут неторопливо шел на лыжах по лесу, жуя кусок копченой свинины с прослойками жира.

Мне никогда не нравился зимний лес. Он притихший и мертвый — и в то же время так и кажется, что за тобой наблюдают, сверлят тебе спину взглядом, стоит отвернуться. Кроме того, велика опасность напороться на действительно опасных животных. Этот страх сидел во мне глубоко — очень глубоко, но волки были часто. Кроме того, позавчера я видел следы тигрольва...

Через час я вышел к реке. Похоже, это была Великая, если я правильно рассчитал свое

движение. Покрытая снегом речная гладь тянулась передо мной влево и вправо; на той стороне по опушке казавшегося очень редким леса медленно и уныло шли несколько рыжих мамонтов; за ними трусили на расстоянии с дюжину волков. Нигде не было никаких следов человека.

Я подождал, пока уйдут животные. Тем временем вновь начал падать снег — крупными редкими хлопьями. Рассвело, но светлее стало не намного.

Я пошел по льду на север — по течению Великой, туда, где она впадала в Псковское озеро.

* * *

Был полдень, когда я наткнулся на три брошенных, полузанесенных снегом и разбитых урсаитянских каноэ. Наугад пару раз копнув снег веткой, я нашел несколько полусъеденных животными тел самих урса — судя по всему, их убили осенью. Наверное, вокруг тел лежало еще немало, но это меня уже не интересовало. Настроение поднялось — просто от одной мысли, что я тут не одинок. Едва ли те, кто уложил черных осенью, куда-то откочевали из этих мест на зиму глядя.

Я немного отдохнул, сидя на остатках одного из каноэ, — жевал мясо вновь и бездумно рассматривал реку, заштрихованную медленным падением снежинок. Капюшон я сбросил. Может быть, поэтому и услышал отрезанные от меня мысом звуки.

Прислушался. Да. Там лязгала сталь... а вот послышался человеческий крик... Через секунду я уже бежал сквозь лес, не тратя времени на обход мыса по реке...

Снег вокруг большой полыньи был забрызган красным. Кто-то корчился в снегу. Странно одетый мальчишка поддерживал другого — прямо ко мне было повернуто запрокинутое белое лицо. К нему подходили двое урса. Еще двое выкручивали руки извивающейся девчонке — она как раз снова закричала, отчаянно и безнадежно.

Разбег вынес меня прямо на заснеженный берег. Я не раздумывал и не сомневался — выдернул ноги из креплений, одновременно левой рукой сбрасывая мешок, а правой — выхватывая палаш.

Снега на речном берегу было немного. Хрюкнул, садясь в него, один из урса, державший девчонку — свистнувшая из перерезанного горла струя добрызнула до береговых кустов. Второй схватился за ятаган, оскаливаясь во всю пасть, но я достал его красивым выпадом в левый глаз. Повернулся, приседая и отбивая брошенную толлу гардой, а через секунду оказался возле двух других урса. Поймал ниже лезвия выброшенный мне в живот ассегай, и через миг его хозяин стоял уже без головы, а ассегай мягко вошел в живот последнего из урса.

Прыжком, не теряя времени, я бросился к ворочающемуся в снегу человеку. Это тоже оказался мальчишка — в странной, неуклюжей, какой-то словно бы надутой куртке. Он смотрел на меня огромными от боли и ужаса глазами и силился что-то сказать. Рана была в левом плече — рубленая, глубокая. Я распорол куртку дагой, не понимая, почему мне до сих пор никто не поможет.

— Дайте чем перевязать! — заорал я, оборачиваясь. Девчонка стояла в снегу на коленях, мальчишка по-прежнему поддерживал своего приятеля, хотя на том не было заметно зримых повреждений. — Дайте мой мешок! Живо, придурки, ну?!

— Ма-а-ам... — выдохнул-простонал мальчишка у меня на руках. Вроде бы по-русски... хотя это слово похоже у многих народов.

— В-в-вот... держи... — Это девчонка очнулась и совала мне мешок. Глазищи — как блюдца, тоже странная одежда... Да, русские.

— Открой его, — процедил я сквозь зубы, сводя рану в плече у парня ладонями, — живой.

— Н-не раз... развязывается... — доложила она через секунду.

— Безручь! — прорычал я. — Иди сюда, зажми рану, живо! — а сам, прижав силой ее

ладони на место своих (по пальцам на миг вновь хлынула кровь), одним рывком распустил «коровий узел» на горловине мешка. Оглянулся — снежинки таяли над ладонями девчонки в кровавом пару. Руки сами нашарили нужное. Я бросился обратно. Заметил лежащий в снегу меч — короткий, но широкий... — Держи руки так, — приказал я девчонке...

Мальчишка потерял сознание, но это было даже к лучшему. Переводя дух, я встал на ноги, зачерпнул снега, начал оттирать им руки, сбрасывая к ногам талые кровавые комья. Сменил снег, посмотрел на спасенных мной. Кивнул на висящего в руках друга мальчишку:

— С ним что?

— Он... он ничего, просто сознание потерял... — с запинкой ответил державший его приятель. Девчонка с ожесточенным отвращением терла ладони о снег — по моему примеру.

— Извини, — попросил я. — Я на тебя орал.

Она посмотрела ненормальными глазами. В глазах мальчишки вообще был страх. Я хмыкнул, подбирая дагу и палаш, тщательно вытер лезвия и убрал оружие. Поднял мешок и плащ.

— Ну здравствуйте. Земляки, — обратился я наконец ко всем сразу. — Не бойтесь. Я свой. Но мне хотелось бы знать, какого черта вы тут делаете и почему вчетвером не смогли отбиться от четверых? Я жду ответа.

* * *

— Значит, СССР больше нет...

Я сидел по одну сторону от костра. По другую замерли, сбившись кучкой (невольно!), одиннадцать мальчишек и девять девчонок из-под Пскова, решившие встретить новый, 92-й, год на лыжной базе. Раненый лежал ближе к огню, у их ног. Было все равно холодно — стенки большого шалаша насквозь простегивало морозом.

Мы только что закончили рассказывать друг другу две истории. Они — в чем-то вполне обычную, если исключить то, откуда они пришли — из изменившегося мира, о котором я ничего не знал. Я изумился, узнав, что СССР уже не существует — но, если честно, дальше изумления дело не пошло. У меня просто не оставалось уже никаких чувств к *той* стране, *той* земле, *той* жизни. Ну — разве что отстраненный интерес, как к рассказам об истории древних цивилизаций.

А вот мой рассказ поразил их куда сильнее — этих чудно одетых ребят, вставлявших в речь непонятные мне словечки. Они попали сюда всего несколько дней назад, прямо на склад с оружием в маленьком гроте под берегом (слишком маленьком, чтобы там обосноваться), и выглядели прямо-таки пришибленными, а не просто растерянными. Почти все они — даже явно младше — были выше меня и плечистей, так что их беспомощность выглядела смешной. Питались они все это время одной печеной рыбой без соли, да и то — мало попадалось. Среди оружия оказались две аркебузы и лук, но пользоваться ими никто и не пользовался. Да и вообще — все оружие лежало в углу этого «жилища».

— Мох могли бы надергать. И щели законопатить, — заметил я. Ответом мне были беспомощные взгляды. А во мне копилось раздражение на этих здоровых ребят и девок, которые даже не предприняли попытки обустроиться получше. Не умеют? Так учились бы — путем проб и ошибок, черт их дернул!.. Ведь наверняка каждый что-то да может... — Ну что вы смотрите, как телята?! — не выдержал я. — Я же сказал уже: не попадете вы домой, да и не ждут там вас! Будете здесь жить, если будете за жизнь *драться*! С природой! С урса! С безнадежностью! С ленью своей!.. Да-а, теперь я понял, почему Союз гикнулся! С вами — только туда и дорога, вы же... растения какие-то!

— Зато ты, наверное, был примерным пионером. А папочка вояка, конечно?

Это сказал длинноволосый, изящный, но широкоплечий парнишка. Не просто сказал, а недобро прищутив глаза, со злом, словно я был его врагом — и мне на какую-то секунду вспомнился... Марюс.

— Примерным пионером я никогда не был, — равнодушно и уже спокойно ответил я.

— А отца у меня вообще нет. И у вас никого нет, кроме вас же.

— Нечего нам ука...

Его гневная тирада оборвалась испуганным кашлем, он дернулся, чтобы отпрянуть, но не посмел — зеркально заточенный наконечник моего палаша вжался ему в горло. Клинок в моей руке был протянут прямо через пламя. Сам я сидел, как сидел, и говорил спокойно, даже вкрадчиво:

— Я могу сделать так, что твоя голова будет прыгать тут у нас под ногами, как мячик. И хотя бы поэтому я имею право вам указывать. Поверь мне, я убил немало людей одного с собой цвета кожи. Мне это не нравится. Очень. Но делать это я умею.

Палаш молниеносно вернулся в ножны, и я улыбнулся. Мальчишка отчетливо обмяк на месте и вдруг начал икать.

— Воды попей, — посоветовал я.

— Останься с нами, — попросила неожиданно одна из девчонок. — Мы же погибнем без тебя. Останься с нами...

— Не могу, — отрезал я. — Но советами помогу. Хорошими советами. Выполните их — так глупо, как сегодня, не влипнете. — Я помолчал. Было тихо — они ждали. — Выберите старшего. Настоящего, которого будете слушаться без трепя и слез. Только его, — я кивнул на длинноволосого, — не выбирайте, он дурак... Дальше. Учите друг друга, кто что умеет, — и учитесь, учитесь, только по-настоящему. Еще. Работать себя заставляйте. Заставляйте! Даже если холодно, голодно и неохота. И последнее. Самое важное. Не бойтесь. Если дерешься — умираешь незаметно. А если ты овца — то страх тебя заставит умереть сто раз до того, как тебя убьют. Здесь настоящий мир, ребята. Здесь *все* настоящее. Любовь и кровь, война и дружба. И вы или станете настоящими... — я помедлил и добавил, — русскими, или проживете недолго и в страхе. Вот вам все мои советы... Нет. Пожалуй — еще один. Тут в округе болтаются еще одна компания. И судя по ее следам — не вам чета. Ищите ее. Вместе с ними у вас будет больше шансов.

Они смотрели на меня молча и с какой-то непонятной надеждой — как дети в опасности смотрят на взрослого. А я почему-то не мог найти в себе жалости к ним.

* * *

Февраль был холодным. Через три дня после встречи с «новичками» я повстречал немецко-русский отряд, зимовавший в этих местах, и немцы уверенно сказали мне, что в неделю пути от них на северо-восток находится русский отряд, возглавляет который Вадим Демидов.

Я не задержался у немцев, хотя они настоятельно предлагали не валять дурака и передохнуть хотя бы...

Кончался трехлетний путь.
Ночь катилась к утру.
И к моему костру
Придвинулась стылая жуть.

Лежал за сугробом сугроб.
Снег сверкал серебром.
И с четырех сторон
Тянулись тысячи троп.

Тропы ведут домой...
Но так мой ложится след,
Что в переплетах лет
Стала тропа тюрьмой.

Если дом опустел —
Домом моим станешь ты.
Жизнь — о тебе мечты,
Ты — это жизни цель.

Круг очерчен огнем.
Выйдя из темноты,
Тихо садишься ты
Рядом со мною — в нем.

Прости, дорогая, я
К тебе долго шел и устал...
Меня снова метила сталь
И новые гибли друзья...

Не ведома жалость путям.
Казалось — ну вот и ты!
Но отступали мечты
За горизонты — там...

Третий кончился год.
Мне до тебя — два шага.
Но вот — под снегом тропа,
И память подернул лед...

Я говорил с тобой,
Девочка, сотни дней.
Я становился сильней
Общей с твоей судьбой.

Общая наша кровь.
В этой крови — весна.
И — на двоих одна —
Наша с тобой любовь...

О. Верецагин

...В эту ночь я просыпался дважды. Оба раза — от холода, во второй раз было градусов сорок мороза, не меньше, и я пододвигал бревна в костре по мере прогорания, а потом вновь забирался в спальник (со стороны экрана все равно было холодновато, но не настолько, чтобы от этого просыпаться). Во второй раз, прежде чем заснуть, я слышал отдаленный прерывистый рев и довольно долго лежал, высвободив правую руку с револьвером.

В третий раз — окончательно — я проснулся уже, когда небо стало белесым, а в воздухе рассеялся призрачный утренний полусвет. Костер догорал, но давал еще достаточно тепла.

Не вылезая из мешка, я перекатился на бок. Вставать не хотелось, и я лежал, раздумывая, смогу ли до темноты добраться к тому месту, где видел дым, пока именно мысль о том, что темнеет сейчас — не успеешь подняться, не заставила зашевелиться активней.

Продукты у меня начинали подходить к концу. Оставался только «НЗ» из сушеного мяса и копченой рыбы (и то и другое — коричневого цвета, совершенно одинаковой —

полосками — формы и абсолютно неугрызаемое, но практически вечное в хранении), который я тащил аж с Карпат.

— Надеюсь, — сказал я, завязывая ремни унтов, — что свежее мясо мне уже не пригодится и к вечеру я буду у людей...

Мороз держался. К одиннадцати я вышел на берег Псковского озера и удивленно остановился.

Это было не озеро. В обе стороны насколько хватало глаз, а также — прямо передо мной тянулось заснеженное поле. Но далеко впереди я различил серую полосу незамерзшей воды. На озеро это не походило — скорее на морское побережье, и я решил, что вижу залив, врезавшийся тут в сушу на манер того, который рассек Европу до Чехословакии из Средиземки. (Или — до Словакии, если вспомнить то, что говорили мне те мальчишки и девчонки о распаде и этого государства.)

Дым поднимался в десятке километров справа по побережью, где начинались холмы. Отсюда я не мог различить, где его источник — на одной из лесистых вершин или где-то в распадке. Но зато мог быть уверен, что через час буду там, особенно если идти по берегу, где ровно. Я так и не стал хорошим лыжником, но пройти за час десять километров вполне мог.

Солнце висело в небе красное и очень четкое, так и не поднявшись над горизонтом достаточно высоко. Неподалеку шло вдоль берега большое стадо северных оленей — серо-рыжих гигантов с размашистыми рогами. Я загляделся на них. А когда взглянул в другую сторону — то увидел лыжника.

Он как раз скатывался по крутому склону — такому, что я бы не рискнул на него даже просто встать. На таком расстоянии я видел только, как искристо вспыхивает легкий пушистый мех на оторочке глубокого капюшона. На какой-то миг я залюбовался уверенным скольжением человека... а потом понял — он не просто скатывается со склона.

Он спасается от смерти.

Следом за ним мчались — не очень быстро, проваливаясь в снег, но уверенно — два амфициона. Я и раньше видел этих мощных зверей, похожих одновременно на волков и на медведей, но никогда с ними не сталкивался близко, Олег Фирсов (жаль его...), наш «палеоэксперт», утверждал, что эти животные редки и не ходят стаями. Похоже, что так оно и было (два — это скорее семья, не стая), но двухметровые в длину (и метр в холке!) зверюги и в одиночку были достаточно опасны...

На бегу выхватывая револьвер, я бросился наперерез зверям — между ними и лыжником. Тот — смелый парень! — увидев помощь, не стал убегать дальше, а круто затормозил, развернулся, сбрасывая лыжи. Я тоже выскочил из креплений и вскинул оружие.

О дьявол! Курок звонко тикнул, ударив в покрытый замерзшим слоем сала патрон!

Я успел нажать спуск еще дважды, а потом, отбросив наган, выхватил палаш и приготовился.

Передний амфицион с глухим хрипом прыгнул, насаживаясь на лезвие и своей тяжестью свалив и вмяв меня в снег. Отталкивая бьющуюся и ревущую тяжеленную тушу, я увидел разверстую вонючую пасть второго зверя, успел подставить плечо, вытаскивая дагу, но размаха для удара не было, а мощные клыки драли уже мех куртки. Над животным появилась голова человека — в капюшоне, в меховой маске — сверкнула сталь длинного кинжала, с коротким хрустом погружаясь в бок животного и, кажется, под лопатку. Потом человек отвалил убитого им амфициона, а я, отпихнув первого, переставшего дергаться, поднялся на ноги, придерживая плечо.

— У вас тут опасно, — заметил я по-русски. И впервые нормально посмотрел — вблизи и внимательно — на спасенного-спасителя.

А он почему-то не двигался — стоял, опустив руки (в одной кинжал, с которого капала кровь, — очень знакомый кинжал...) Я быстро перевел взгляд выше — на закрытое маской лицо, почему-то ничего не говоря, а только пытаюсь рассмотреть глаза в узкой прорези маски.

Рука в меховой трехпалой краге поднялась к лицу и с силой потянула маску — со

щелчком лопнула завязка где-то под капюшоном. Маска упала в снег, почти брошенная к моему нагану.

— Как долго, — сказала Танюшка. — Как долго я тебя ждала... Вот твои часы, Олег. И рухнула в снег — на колени — к моим ногам.

* * *

Некоторое время я опасался, что Танюшка сойдет с ума. После короткого ступора, в течение которого она цеплялась за мои колени, девчонка начала хохотать, что-то бессвязно выкрикивать, тормошить меня и не в шутку колотить в плечи и грудь кулаками. Потом — повисла на мне, стиснула и — не заплакала, нет; слезы брызнули у нее из глаз ручьями.

И тогда я почувствовал, что тоже плачу. И было это невероятно легко, а главное — эти слезы приносили облегчение, словно вымывали из меня тот комок, в который я скрутил себя почти два года назад, чтобы сохранить достоинство, волю и мужество. Я плакал, захлебывался слезами, ничего не видел и стискивал Танюшку в объятьях, счастливо до головокружения понимая: я дошел! я добрался! я живой! это — правда, это все правда!!! Ноги перестали нас держать, и мы рухнули в снег, не разжимая объятий и не переставая плакать. Я хотел сказать Танюшке все-все, что думал, на что надеялся, чего хотел, к чему стремился, что со мной было — но каждый раз, открывая рот, давился новым счастливым рыданием, ощущая только, как Танюшка неистово кивает: да, да, я все знаю, я все понимаю, я же все это пережила вместе с тобой!!!

— Это ты, — мокрые пальцы Танюшки коснулись моих мокрых щек. — Это правда-правда — *ты*.

Вот теперь я начал ее целовать. Так пьют холодную воду, когда жарко, — не замечая вкуса и количества выпитого, зная только, что с каждым глотком отступает сжигающая все существо жажда. На миг Танюшка замерла — и я с острой благодарностью понял, что она *отвыкла* целоваться, что никого-никого у нее не было за все это неимоверно долгое время расставания. «А ведь она думала, что я погиб, — отчетливая мысль скользнула через мое сознание, — значит, собиралась прожить *вот так* все, что ей осталось!» Но эта мысль сбилась и канула в никуда, потому что я ощутил язычок Танюшки у себя во рту... и сознание стремительно поехало, а я и не пытался включить тормоза...

Солнце начало клониться на закат. Поглядывая на меня, Танюшка с улыбкой шнуровала куртку.

— Ну ты отшатал, — не удержалась она от грубости. — Видно, что у тебя никого не было...

— Была, Тань. — Я защелкнул браслет часов и прямо взглянул на нее. — В том-то и дело, что была. Ты слушай, Тань... и решай...

Танюшка дослушала все до конца с совершенно спокойным лицом. Потом, когда я неловко замолк, она тихо сказала:

— Ну что ж... Хорошо, что ты мне это рассказал. Я пока помолчу, ладно? И ты ничего не говори. Пошли лучше к нашим...

Танюшка бежала первой. Я шел за ней, глядя в узкую спину, обтянутую меховой курткой, и по-прежнему был счастлив. Надулась немного, ну да это ведь ясно; ничего — успокоится, и все будет хорошо, уж теперь-то все будет хорошо! У меня на языке вертелись десятки вопросов, буквально распиравших изнутри, но я благоразумно помалкивал.

И, как выяснилось, оказался прав. Мы не прошли и двух километров, как Танюшка, чуть повернувшись, сказала:

— А у нас Наташка Мигачева ушла.

— Как ушла? — опешил я.

Танюшка дернула плечом:

— А вот так, ушла — и все. Летом, даже не сказала — куда... Боже погиб, тоже летом... Да! Раде с Зоркой! Она его обломала знаешь как, а то ведь он в князя метил, даже с

Вадимом дрался! Ну Джек ему потом еще ума вложил...

— Джек? — переспросил я, и Танюшка, немного помолчав, сказала, отвечая на мой невысказанный вопрос:

— Олег, он очень хороший. Знаешь, он один не верил, что ты погиб. Или делал вид, что не верил, чтобы меня подбадривать... И еще у нас новенькие есть, сам увидишь.

— Да, я гляжу — новостей впереди полно, — заметил я. — Опа!

Мы снова оказались на берегу, но на этот раз было видно, откуда поднимается дым — словно бы прямо из вершины холма. В какой-то сотне метров от нас сидел на льду рыбак, и я с замирающим сердцем понял, что узнаю его со спины — это был Олег Крыгин. Танюшка закричала, подпрыгивая на месте прямо с лыжами:

— Оле-ег! Олег! К нам Олег вернулся!!!

Крыгин обернулся. Брови поехали вверх, нижняя челюсть — вниз, и, упустив удочку, мой тезка со всех ног рванулся, проваливаясь в снег и скользя по наледям, вверх по косогору, оставив на льду несколько крупных рыбин.

— Чувствую, нас ждет теплая встреча, — заметил я, осторожно спускаясь на лед. Мы и до лунки не успели добраться — откуда-то, словно из-под земли, выметнулась галдящая толпа и лавиной покатилась в нашу сторону. Впереди бежал Вадим.

— Береги бока, — уже совершенно обычно, весело и ядовито, бросила Танюшка.

* * *

Я не мог уснуть. Наверное, от жары. Смешно — последние три месяца я ночевал в снегу и вот теперь не получалось уснуть на топчане в почти настоящем доме, хотя устал я страшно. Вместо того, чтобы отдыхать, я лежал, заложив руки под голову, и смотрел в огонь, пляшущий в очаге посреди жилища.

На этот раз пещеру найти не удалось, и моим друзьям пришлось потрудиться. Надо сказать, получилось неплохо. Они углубили, выровняли и выложили плетенками естественный котлован на вершине прибрежного холма, перекрыли его бревнами и выложили сверху дерном — получилась классическая большая полуземлянка, в центре которой сложили очаг. Получилось теплое, просторное и надежное жилище. Почти дом.

Мы легли всего полчаса назад, хотя было уже фактически утро — ночь напролет шел общий разговор. Сперва говорили все — точнее, орали все, потом рассказывал я, потом — все остальные вместе, потом — все остальные по очереди, потом снова рассказывал я, потому что за воплями не расслышали половину... Правая рука и плечи у меня болели — от пожаров и хлопков, и я толком не мог поверить, что все-таки среди своих. К концу разговора я только и мечтал — лечь и уснуть.

И вот пожалуйста.

Я сел. Посмотрел на Танюшку, спящую рядом, легонько провел ладонью по ее волосам и услышал, как она вздохнула, не просыпаясь.

— Кажется, я и правда на месте, — прошептал я и, тихо спустившись с топчана, подсел к огню.

Джек, подбрасывавший в огонь полешки, поднял на меня глаза:

— Не спится?

— Риторический вопрос это называется, — вздохнул я. И быстро спросил: — Не рад, что я вернулся?

— А это называется — глупый вопрос, — равнодушно отозвался Джек. — Не волнуйся, Олег. Я когда-то поклялся тебе. Этого достаточно. Можешь мне поверить — твоему возвращению рады все.

Я кивнул и, обернувшись вполоборота, начал по кругу осматривать спящих мальчишек и девчонок, задерживая взгляд на «новеньких», с которыми так еще и не познакомился толком, но кое-что уже узнал про них.

Ленька и Лидка Смагины. Близнецы, им по четырнадцать лет, и они правда

«новенькие», совсем. Русоволосые, сероглазые, высокие, худощавые, очень похожие. Им, пожалуй, повезло больше, чем их *оригиналам*, потому что они попали сюда из московского подпольного публичного дома... Да-а, что-то совсем неладненько на исторической родине...

Линде Скольвен. Пятнадцатилетняя датчанка, ставшая уже здесь девчонкой Видова. Типичнейшая северянка, пришедшая в отряд вместе с Яном Франтой, своим ровесником-поляком. До этого они были в одном отряде, разбитом урса в Швейцарии.

Димка Юрасов, четырнадцатилетний русский мальчишка, друг Фергюса, прибившийся к нашим еще на Кавказе, пока искали меня...

Итого — пятнадцать парней, десять девчонок...

— Я не спросил, где наш «Большой Секрет»-то? — спохватился я. В самом деле, забыл поинтересоваться... Джек улыбнулся:

— Отстаивается у Лаури в Гибралтаре... Да, Тиль пропал.

— Как?! — расстроился я.

Джек вздохнул:

— Да так... Поплыл куда-то в Америку — и с концами... Да ничего, может, еще вернется...

— Может быть, — вздохнул я.

Джек помолчал и, снова — ни за чем — бросив в огонь полено, сказал:

— Еще кое-что. Сережка Земцов обосновался в двух неделях пути к северу от нас.

— Сергей?!

Джек наклонил голову:

— Да. Мы даже виделись несколько раз. Ему про тебя рассказали.

— Да. Конечно. Ясно, — пробормотал я. И потер виски ладонями: — Ну что ж, мне надо будет сходить с ним повидаться.

— Повидайся, — согласился Джек. — А потом что будем делать, Олег?

— Потом? — я встал на ноги. — *Потом* — посмотрим. Ну а *сейчас* я пойду спать, и дело с концом.

— Похоже, что дело-то только начинается, — сказал Джек.

* * *

Почти две недели уже я пробирался по заболоченным лесам вдоль кромки морского залива, поглотившего здесь Псковское, Чудское и Ладужское озера, а с ними — большую часть Ленинградской области. Я шел на север вдоль правого берега Волхова, превратившегося здесь в цепь болот и, судя по времени, подходил к Онежскому озеру, на берегах которого и должен был найтись Сергей.

Потеплело, прежних морозов уже не было, хотя я и двигался прочь от тепла. Это, кстати, было не к лучшему — верхний слой почвы плыл, лыжи частенько шли плоховато, и я выбирал гребни, высотки, где снег был подходящим. В солнечные дни с таких высоток лес впереди и за спиной серебристо посверкивал десятками острых огоньков — солнечные лучи дробились о поверхность множества болотцев.

У меня было хорошее настроение. Хотя, казалось бы, я снова был далеко от своих, да еще и удалялся от них больше и больше. Но огромная разница была между сегодняшним моим странствием — и прошлым.

Сегодня я вышел из дома. И знал, куда могу и должен вернуться. Если есть дом, то можно уйти за тысячи километров от него на годы.

Он ведь все равно есть...

За двенадцать дней пути я дважды видел оставленные стоянки «наших». На первой даже еще зола не успела остыть, а следы большой группы людей уводили на юго-восток. У них с собой был карабин — в нескольких местах я нашел отпечатки приклада на снегу, — и один человек курил самодельковые сигары. Были в Америке... Урса не встречалось вообще, но это, к сожалению, не значило, что их нет.

В их наличии я убедился именно в этот — двенадцатый — день.

Я срезал путь краем припая и взбирался «лесенкой», кляня лыжи, снег и зиму, на довольно пологий склон берега.

— Лыжи — это не мое, — признался я в пространство, добравшись до верха. И, обернувшись, присвистнул.

Наверху начиналась корабельная роща. Сосны в обхват, а то и в два, росли насколько хватал глаз.

На каждой сосне висел скрюченный, траченный воронами, а снизу еще и лисами, голый труп урса. Их удавили испанским способом — не классической петлей, а захлестнутой на горле вокруг ствола веревкой. А шагах в десяти от меня, на высоком пне, был вырезан знак, окрашенный чем-то бурым.

— Черный лебедь Туонелы, — пробормотал я и оглянулся. Птица обозначала Смерть. Калму. Так ее метили финны. Подойдя к пню, я тронул рисунок — вырез был свежий. Хотя — сыро, могли и давно прорезать. Я свистнул и, приставив ладонь ко рту, гикнул: — Аллля-ля-ля! Терве, суомалайнинен!

«Эннн!!!» — гаркнул в ответ сосняк. И — тишина, только скрипел где-то мрачно ворон.

Я все-таки еще порыскал вокруг. Урса вешали все-таки давненько — до последнего снегопада, следов не оказалось. Пройдя рощу насквозь, я оказался над косогором, низом которого шли рассеянным клином с дюжину рыжешерстных носорогов. Неспешно и уверенно. За ними оставалась распаханная до земли широченная полоса.

А на другом конце косогора стояли, опершись на длинные — почти как английские — луки, двое лыжников. Они смотрели в мою сторону.

* * *

Мальчишек звали Рюти и Антон. Были они, кстати, не финнами, а оба наши, советские (или российские, как теперь правильно говорить?). Один — карел, второй — русский из поморов. И я почти не удивился, когда они вполне вежливо предложили мне «проехать» к их князю.

Сергею.

— И давно он у вас князем? — уточнил я.

— С начала, — ответил Антон. — Он нашу команду и сколотил два года назад, из кусков...

— Идти-то далеко? — поинтересовался я. Антон весело махнул рукой:

— Час, не больше! — посмотрел на мои ноги и поправился. — Ну три. Около того.

— Ясно, максимум четыре, около пяти, — вздохнул я. — Ну ладно, поехали...

... — А фамилия у вашего князя как? — на ходу уточнил я. Антон, обернувшись (и продолжая ловко объезжать кусты и валежины), наморщил лоб:

— Фамилия?.. Во, а я и не знаю.

— Земцов, — обронил Рюти, скользивший у меня за спиной. — Сергей Земцов.

— А его девчонку зовут Ленка? — Я спрятал улыбку.

— Точно, Ленка, — Антон вновь обернулся. — Вы что, знакомы, что ли?

— Встречались, — дипломатично ответил я.

И вдруг подумал, что, похоже, зря иду туда, куда иду. Будет радостная встреча... и все. Как с Андреем.

Никого мне больше не собрать.

...Кажется, море и здесь вгрызлось в землю, превратив Онежское озеро в свою часть. После короткого, но тяжелого подъема на косогор я увидел узкий залив-фьорд. Километрах в трех от нас, в его окончании, на пологом длинном холме из-за частокола поднимались дымки над крытыми корьем скатами. У воды стоял длинный шалаш-сарай. Через лед залива шли трое или четверо лыжников.

— Узкая Губа, — вытянул руку Антон. И вихрем понесся вниз со склона. Я тяжело вздохнул. И приготовился спускаться «лесенкой».

* * *

На взгляд в Узкой Губе жило человек пятьдесят, и я снова подумал, что напрасно пришел сюда.

«Он там богат, он царь тех стран, Владыка надо всем Кавказом», — всплыли в памяти строчки «Емшана».

Да, Сергей стал князем. Настоящим. Более настоящим, чем я. Не сравнить... Куда мне звать его?

«По крайней мере — пожму ему руку и попрошу прощения», — решил я, на ходу поправляя перевязь оружия. Антон уже махал мне из приоткрытой двери полуземлянки, откуда дышало теплом и слышался шум.

Пригнувшись, я полез вниз по ступенькам, выложенным подогнанными досками, и сбрасывая капюшон.

Длинный — не меньше двадцати шагов — и довольно высокий дом был освещен десятком факелов и жарко натоplen. Посередине горел костер в очаге, выложенном камнем, крышечное бревно поддерживали четыре подпорки, красиво увенчанных настоящими лосиными рогами; на самих рогах и столбах висело оружие. Вокруг огня — кольцом — стоял стол с таким же круговым сиденьем. Прямо напротив входа сиденье прерывалось высокоспинным тронem, покрытым шкурами. Вокруг стола сидели человек шесть мальчишек и две девчонки. Все ели и перебрасывались фразами на русском и финском.

Рюти уже стоял у большого сиденья и что-то говорил человеку, сидевшему там — как раз закрывая его от меня. Ощущая на себе взгляды, я шел по утопанному полу через установившуюся тишину.

Рюти разогнулся.

Мои глаза встретились с изумленно и радостно расширившимися светло-серыми глазами под светло-русой челкой.

— Олег!!! — вскрикнула одна из девчонок, в которой я мельком узнал Ленку. Она хотела вскочить, но мешал стол.

А Сергей уже шел ко мне, раскинув руки (свисали широкие рукава кожаной куртки, отделанные вышивкой), и улыбался во весь рот.

Мы обнялись на полдороге к его сиденью. Потом я отодвинул Сергея от себя и, держа ладони на его плечах (сильных, крутых), негромко сказал:

— Я пришел попросить прощения, брат. Я был не прав тогда... почти три года назад.

— Живой, — вместо ответа сказал Сергей. — Живой.

* * *

Тот, кто не сидел с другом за полночь, не знает ощущения братства. Стол давно опустел, погасли факелы, а мы сидели вдвоем при свете очага и рассказывали друг другу историю последних лет.

Внешне Сергей не изменился, да и в манере разговора — тоже... но в нем появилась властная настойчивость человека, привыкшего принимать ежечасные решения о судьбах других людей и даже подчинять их себе. Но для меня он был прежним моим другом и братом. Сергеем.

Мы прикончили вкуснейший кабаньей окорок, напикгованный чесноком и какими-то травами, которые я так и не научился различать. И вот именно тут Сергей спросил...

— Почему ты не скажешь, зачем пришел?

— Повидать тебя, — пожал я плечами.

Сергей закинул ногу на ногу и покачал головой:

— Нет, не надо, Олег... Ты ведь пришел звать меня обратно... К тебе.
— А может быть, проситься к тебе? — спросил я.
— Правда?! — вспыхнул Сергей. — Да, конечно, приводи своих... черт, *наших* приводи... — Он угас и хлопнул меня по руке: — Нет, я же вижу.
— И я вижу, — тихо ответил я. — Ты ведь не пойдешь со мной. Ты на голом месте создал хороший поселок. У тебя есть люди, которые тебе верят. И корабли у тебя есть...
— Да, две ладьи, — гордо сказал Сергей. — И люди, и поселок... Все есть, Олег.
— Поэтому и не зову, — заключил я, наливая себе брусничного настоя из деревянного жбана.
— Может быть, тебе все-таки сюда со всеми нашими? — почти умоляюще предложил Сергей.
— Дорога, Сергей, — тихо сказал я. — Меня ждет дорога. Я пойду по ней до конца — и никого не поведу с собой насильно... Я сумасшедший романтик, и с этим поделаться ничего нельзя.
— Я провожу тебя на день пути, — сказал Сергей. — Ты когда собираешься уходить?
— Завтра, — отрезал я.
— Уже?! — Голос у него упал. — Я думал, погостишь...
— Сергей, я не видел Танюшку два года, — тихо сказал я. — И ушел повидаться с тобой, пробыв с нею всего два дня. Пойми.

* * *

Меня буквально подбросили звуки тревоги. Я сел на ложе, отбросив шкуру, и несколько мгновений обалдело смотрел, как мальчишки вокруг в бешеном темпе одеваются и хватают оружие.

— Сергей, что случилось?! — гаркнул я своему другу — он затягивал ремнем зимнюю куртку и, подняв на меня бешеные глаза, секунду не узнавал. Потом сморгнул пленку ярости и пояснил, перекикивая общий шум:

— Дозорные донесли — на побережье, километрах в пяти, потрошат рыбный склад...
— Да кто, кто?! — я вскочил на ноги.
— Варrrrrряги, блин! — прорычал Сергей. — Повадились, суки, то один, то другой... Живей!!!
— Погоди, я с вами!
Сергей застыл, потом неуверенно заметил:
— Это не обязательно...
— Обижаешь, — отрезал я, влезая в штаны.

* * *

Пришельцы — а их было пятеро парней с салазками, все с оружием — скорей всего подошли к краю припая на лодке и, оставив ее, добрались до берегового склада на лыжах. По дороге Сергей объяснил мне, что подобные фокусы пришельцы с моря откалывали уже не раз — и не всегда дело заканчивалось просто грабежом.

Но на этот раз у них не получилось уйти. Один десяток ребят Сергея пробрался вдоль берега и отрезал обратный путь. А второй — с самим Сергеем и со мной — спустился из леса.

Бросив салазки, пятерка пришельцев встала в круг. Двое поспешно натянули луки. Еще у двоих были щиты. Мы создали широкое кольцо и застыли, тоже держа оружие наготове. Кобуру нагана я не расстегивал — это было бы нечестно. С каких-то десяти шагов я рассматривал навечно загорелые, обветренные лица. Да, это, пожалуй, были скандинавы... кроме одного лучника, слишком беловолосого. Финн или прибалт... а может даже — наш северянин. На парне без щита и без лука ловко сидел кожаный шлем, в обеих руках были

недлинные широкие мечи.

— Меняю рыбу на хлеб или апельсины, — сказал Сергей. Он держал палаш на плече.
— Апельсины у вас есть?

— Нету, — отозвался по-русски тот, что в шлеме. Точно, он тут был главным... и «нету» у него прозвучало с акцентом. — И хлеба нету.

— А, значит, бесплатно рыбкой решили разжиться, — уточнил Сергей добродушно. — Кто послал-то вас? Или голодающие? Тогда берите рыбу и гуляйте...

Трусами они, конечно, не были. На лицах у всех троих появились ухмылки, а тот, что в шлеме, ответил:

— Мы не побирушки.

— Угу, вы воры, — согласился Сергей и сделал шаг вперед. Тот, что в шлеме, шагнул навстречу. — Я князь этих мест. Зовут меня Сергей, и не может быть, чтобы вы не слышали про меня.

— Слышали, — кивнул парень. — Меня зовут Блум, а кто у меня старший — тебе знать не обязательно.

— Ну что ж, вот и познакомились. — Левой рукой Сергей сбросил с головы капюшон. — Я вот что хочу предложить. Вас пятеро. Нас двадцать. Начнется свалка — вам не уйти, но и я потеряю троих минимум; может — больше, а мне это не нужно. Давай — один на один. Победишь ты — мои отпустят вас. И рыбу заберете. Мой верх — твои отдадут оружие и уйдут.

— Все? — уточнил Блум.

Сергей кивнул:

— Все. Кроме тебя, разумеется. Тебя мы похороним.

На миг Блум задумался. Потом беззаботно улыбнулся:

— Пойдет. — Он поднял руки и прокрутил в них мечи умелым движением бойца.

Я почувствовал, что собираюсь сделать шаг вперед. Наткнулся на удивленный взгляд Сергея... и остался стоять.

Князем здесь был он. Он принимал бой. Все было правильно и справедливо.

Сергей левой рукой обнажил свою дагу...

Все поединки похожи друг на друга — одинаково красивы, притягательны и страшны. У Блума были обычные мечи — такими не колют, но они плели в его руках двойное плотное кружево рубящих ударов. Каждый из них, обманчиво-плавных, грозил стать смертельным. Сергей держал руку с дагой у бедра, острием к противнику — удар мечом в полный размах дагой не перехватишь, сила не та. Его палаш нырял вверх-вниз, мгновенно отдергиваясь, словно челнок ткацкого станка.

«Рука устанет!» — хотел крикнуть я, но стиснул зубы и промолчал. Палаш Сергея был тяжелее, чем меч Блума. Оставалось надеяться, что у того работают обе руки, а значит, он устанет раньше...

Когда первое напряжение прошло, я увидел, что Сергей за прошедшее время научился очень многому. Творчески развил, так сказать, мое наследие. И я следил за ним с искренним восхищением.

Рука Сергея с дагой вылетела из-за спины. Он не пытался отбивать удары, он парировал их скользом. А вот палаш его начал «ходить» туда-сюда в нешуточных рубящих ударах, расплескивавших бледные искры в только-только разлившийся полусвет короткого дня.

Блум дрался очень хорошо. Великолепно он дрался. Уж не знаю, сколько он тут прожил, но годы эти прошли не зря, не зря...

Косым ударом снизу вверх — таким разваливают лицо от подбородка до лба — Сергей сшиб с него шлем, и наши восторженно заорали. Не все. Промолчал и я — я хорошо видел, что Блум в последний миг чуть припал на отставленную назад ногу, и палаш Сергея только это и сделал — шлем сбил, и тот улетел прочь, кувыркаясь.

Сергей проводил его глазами!!! И тут же у его левого бока полыхнула сталь одного из

мечей Блума. Все, что мой друг успел сделать, — это прикрыть бок рукой...

Мне сперва показалось, что в сторону улетела отрубленная левая кисть!

Но через секунду я понял, что это Сергей выронил дагу — меч Блума разрубил ему руку выше запястья. А в следующий удар сердца — второй раз. Уже над локтем.

Из рукава побежала в истоптанный снег яркая кровь.

Сережка, не падай! Надо стоять!
Держись еще хоть немного!
Ты разве забыл, что на свете есть я
И наша одна дорога?

Сквозь тыщи галактик и черных дыр,
Сквозь огненный звон звездопада,
Сквозь вражьи ряды и колючий дым
К тебе я прорвусь и спасу от беды —
Ты только встань и не падай!

Горят города, и ребята лежат
В пыли и угольной крошке,
Но как ты учил меня шпагу держать,
Ты разве забыл, Сережка?!

Пусть этот день от крови намок,
Пусть молчат барабаны, —
Ты только держись и не падай с ног!
Я дам тебе лучший на свете клинок,
Я сам щитом твоим стану!

В. Крапивин

— Рыбу грузите, — через плечо бросил своим Блум. Не затем, чтобы поиздеваться над Сергеем. Просто он был уверен в своей победе и отдавал привычную команду.

— Не торопись, — процедил Сергей, вжимая руку в бок (мех куртки слипся сосульками). — Не так-то все просто...

Честное слово, я не понял, что он успел сделать! *Я не понял!* Просто Сергей вдруг оказался за спиной Блума. И пониже грудины, из солнечного сплетения, у того выскочило на полруки окровавленное лезвие палаша.

Блум упал с удивленным лицом, мягко соскользнув с клинка и не выпустив мечей из рук.

Сергей, тяжело дыша, стоял спиной к остальным четверым налетчикам, и я напрягся, ожидая чего угодно... но увидел лишь, как в снег тяжело ныряет оружие, выпущенное ими из рук.

* * *

— Сухожилие повредил, — заметила Ленка, аккуратно зашивая рану.

— Фигня, — отозвался Сергей, — не первый раз, раз разработаю...

Он сидел, широко расставив ноги, и только сжатая в кулак правая рука показывала, что ему больно. Говорил Сергей совершенно спокойно, даже весело.

— Как еще кость уцелела, — продолжала ворчать Ленка. — Нет, вот тут трещина. В лучевой... Так и есть. Потерпи, я шью.

— Терплю, — хмыкнул Сергей и повернулся ко мне. Я шнуровал куртку. — Я видел,

как ты хотел идти драться вместо меня. Ты по-прежнему остаешься Королем Поединков.

— И все-таки я не заметил, что ты сделал с Блумом, — признался я. — Великолепный удар.

— Разозлился, — признался Сергей, пытаясь пошевелить пальцами. Ленка сердито двинула ему по затылку:

— Я еще не зашила!

— Извини, — Сергей вновь посмотрел на меня. — Уходишь, — вздохнул он. — Ладно, я сейчас соберусь. Обещал, надо проводить...

— Не надо, не надо! — запротестовала Ленка.

— Долгие проводы — лишние слезы, — улыбнулся я, протягивая ему руку. — Увидимся еще. Что нам сделается...

Я не выдержал — оглянулся, когда поднялся на косогор над Узкой Губой. След моих лыж тянулся за мной двумя тонкими нитками. Все. Если я и вернусь сюда — то не скоро и только как гость.

Но жа-а-аль...

Я шел сквозь лес и думал, что хорошо бы заплакать.

Опять не получалось.

* * *

На пятый вечер обратного пути я разбил стоянку в небольшой пещерке над берегом одной из вытекающих из болота рек. Днем метательным ножом я сшиб глухаря и сейчас, откинувшись на спальник, посланный на лапник, жевал не очень вкусное, припахивающее смолой мясо. Было достаточно тепло и почти уютно — у входа я поставил наскоро сплетенный из веток щит.

Еще неделя, и я доберусь до нашей стоянки. Кстати, все начнет раскисать уже через два-три дня, и мне впору не лыжи, а лодку, как бы неделя в две не превратилась...

...Стоп. Странное ощущение. Двое... один остановился над берегом, второй начал спускаться. Очень-очень тихо.

Очень-очень тихим и аккуратным — как движение человека снаружи — скользом ребра ладони я взвел оружие и положил кулак с ним на колено, левой рукой нащупав дагу. Если что — ею тут удобней будет драться.

Щит легко покачнулся. Я двинул стволом и бровью — однако, опытные граждане. Снаружи тьма тьмущая, а они так точно вышли... Что же это за поздние гости такие? Не урса, мало слишком, а значит, скорее всего обойдется без кровопролития. Но лучше подстраховаться.

— Олег, — послышался голос Сергея, — насколько я тебя знаю — ты сейчас целишься мне в район лба. Так ты опусти свою пушку и пригласи нас с дамой в дом.

— Ленка тоже там? — спокойно спросил я, не сразу попадая в кобуру револьвера — меня вдруг начало трясти от всеобъемлющей и неконтролируемой радости, булькавшей где-то в горле, словно пузырьки газировки. — Какого же ты таскаешь девушку ночью по болотам?

— А что делать, если ты такой ходок?

— Он не ходок, он спринтер. — Щит отвалился в сторону, и внутрь всунулись два неразличимых силуэта.

— Черти, — сердито сказал я. И в следующую секунду мы с Сергеем тискали друг друга, а Ленка кричала, чтобы я не повредил ему раненую руку...

— Лехто остался там вместо меня. Он пойдет, справится... Отпускать, правда, ни в какую не хотели. — Сергей засмеялся виновато. — Я думал — вообще свяжут. И еще думал — пополам разорвусь, не иначе...

— Почему все-таки со мной? — спросил я негромко.

Мы лежали на разостланных спальниках. За спиной Сергея тихо сопела Ленка. И

сейчас он не сразу ответил на мой вопрос...

— Вот тут, Олег, — он, я различил, хлопнул себя по левому бедру, — помнишь, от чего у меня шрамы? И тут... — он коснулся левого плеча. — Помнишь?

— Помню, — кивнул я.

— Ну вот и я вспомнил... Если друг зовет — нельзя отказываться и чем-то оправдывать свой отказ. Иначе все в прошлом не имеет смысла... а у нас и так не очень много того, ради чего стоит жить... В общем, Олег, я пойду с тобой и дальше. И, — он засмеялся уже весело, — честно говоря, я рад, что повидая наших... и останусь с ними, черт побери!

* * *

Как я и опасался, болота расперло весенними водами, и нам пришлось забрать южнее, удлиняя свой путь на сутки, а то и двое. Весна катилась нам навстречу. Днем через небо — то хмурое, то солнечное — летели и летели бесконечные птичьи стаи. Оживали леса. Реки вспучивали разливающиеся воды, лед кряхтел и трещал, по ночам это даже пугало, звуки были резкие и оглушительные, как артиллерийская стрельба или удары грома.

На двенадцатый день начался разлив, и я понял, что мы не успеем и за две недели. Но, если честно, меня это не очень беспокоило. Сергей и Ленка шли со мной.

Мы возвращались...

Мы с Ленкой во время короткой дневки в очередной раз сушили сапоги, поставив босые ноги на вещмешки. От сапог валил пар. Налетели какие-то мошки, толклись чуть в стороне, хорошо еще — не кусались. Сергей должен был вернуться с минуты на минуту — он убежал на пару километров вперед, посмотреть, что там и как.

Мы как раз успели зажевать по пластинке копченого мяса, когда Сергей показался на опушке метрах в ста от нас. Он бежал — быстро, скользя на раскисшей под снегом земле.

— Что случилось? — быстро спросил я.

Мой друг, присев на корточки, махнул рукой назад:

— Во-первых, там огромное стадо мамонтов, я такого еще не видел. А во-вторых — два человека. Идут на лыжах в нашу сторону по опушке леса.

— Ну что ж, — я отряхнул подошвы ног и начал натягивать сапоги, — удивительно, что мы до сих-то пор никого не встретили. Пошли знакомиться...

Двое бежали на лыжах ходко, умело. Один — впереди, второй — следом метрах в пяти. Капюшоны курток у обоих были сброшены и, хотя нас разделяло метров двести, я видел, что первый — темно-русый, как я, а второй — блондин.

Едва я это подумал — оба остановились и, явно перебросившись какими-то репликами, обнажили оружие.

Почуяли нас. Опытные. Очень... И странно знакомые... Впрочем — этот мир на всех накладывает свой отпечаток, нивелирует реакцию на опасность у разных, но поживших здесь людей.

— Лен, ты посиди здесь, — Сергей тоже держал палаш в руке, — а мы пойдем поглядим... Пошли, Олег.

— Пошли. — Я поднялся с колена.

Мы успели сделать друг друга навстречу около сотни спокойных шагов. Потом Сергей остановился, а я, запнувшись на миг, ускорил шаг, чувствуя, как вновь поднимается во мне знакомая бурная радость... и замечая, что Сергей бегом нагнал меня.

Мир все-таки был не очень велик. Не вообще, а для тех, кого мы зовем друзьями...

Андрюшка Альхимович и Йенс Круммер тоже спешили нам навстречу. И ничего в этой встрече не было странного.

Только хорошее. Словно сигнал о том, что жизнь начинает налаживаться заново.

Рассказ третий

...В даль светлую

*Так вперед за цыганской звездой кочевой
На закат, где дрожат паруса...*
Дж. Р. Киплинг

Наверное, нет на свете все-таки более зеленой зелени, чем зелень английского лета. Легкий ветерок с юга равномерно покачивал верхние ветви кряжистых дубов, а в темной глубине чащи лежала плотная, незыблемая тень. Перекликались в кронах птицы, и большое стадо оленей неспешно и спокойно брело вдоль опушки. Плотной стеной сплетались в подлеске ветви можжевельника. На двух плоских гранитных валунах высыхала под лучами солнца ночная роса. В синеватых ложбинках, сбегавших к невидимой речке, все еще медленно ворочался туман.

— Колька, — негромко окликнул я русого паренька в камуфлированной куртке, вышедшего из леса неподалеку с автоматом наперевес. Он быстро повернулся на звук, лицо было строго-напряженным, но тут же расслабилось.

— Доброе утро, командир, — на ходу забрасывая «АКМС» за плечо, он подошел к камням, на ходу сорвал травинку и, сунув ее в зубы, уселся рядом, быстро жуя стебелек и стреляя по сторонам веселыми, с золотистыми искрами, серыми глазами.

— Где остальные? — спросил я.

— Идут, — отозвался Колька. Я с симпатией посмотрел на Гришина. Он прибил к нам больше двух месяцев назад, когда мы, уйдя с берегов Волхова, «зашли» на Кавказ снова — провести старых друзей. До сих пор помню изумление и тревогу, охватившую нас всех, когда, остановившись на дневку у отрогов Кодорского хребта, мы услышали автоматные очереди. Кто-то отстреливался короткими всего в километре от нас, не больше. Мне трудно передать, какая сумятица мыслей возникла в тот миг лично в моей голове. Мы, тем не менее, пошли на стрельбу — и перебили около тридцати урса, обложивших на горном отроге мальчишку. Если честно, их перебить было легче, чем убедить парня, что ему ничего не грозит, — он едва не пристрелил Сергея, попробовавшего выступить парламентаром. Вообще-то его можно было понять. Разведчик одного из русско-абхазских отрядов, Колька Гришин, пятнадцатилетний житель Очамчиры, заночевал в горном лесу, а утром напоролся на урса, долго уходил от них, уже почти рехнувшись от непонимания происходящего, в конце концов его блокировали на скале, с которой Колька не смог разглядеть ни одного селения! По-моему, он еще не меньше недели после этого не мог поверить в происходящее — что неудивительно.

Колька представлял собой, если так можно выразиться, иную ипостась мальчишек того, нового мира, который родился *там*, на *той* Земле — если рассматривать его в сравнении с компанией, встреченной мною в феврале. Такие ребята (и девчонки!) все чаще появлялись, по слухам, на Кавказе, в Молдавии, на юге Европы, но с Колькой первым я познакомился близко. Он, оказывается, участвовал в какой-то непонятной войне абхазов (?) с грузинами (?!!), в которой участвовали русские (?!!?!), чеченцы (?!!?!?) и еще черт знает кто. Но, во всяком случае, он оказался у нас «ко двору», и у него еще оставалось примерно полста патронов.

Девятнадцать парней и одиннадцать девчонок — вот каков был мой отряд теперь, с которым я к середине лета 92-го добрался в Англию. Через десятые руки я передал Лаури просьбу пригнать сюда наш «Большой Секрет» — и вот ожидал его, без особых приключений (пока) блуждая по здешним очень красивым землям.

Впрочем, с нами и вообще последнее время ничего серьезного не случилось...

— Командир, — нарушил спокойное молчание Колька, рассматривая носки своих начинающих разлезаться кроссовок. Он один называл меня не «князь» и не «Олег», а именно так — «командир», — я не пойму, что Лидке надо?

— А что ей надо? — Я положил рукоять палаша на колено, поглаживая ладонью свастику.

— Ну... — Он длинно вздохнул. — Я к ней и так и сяк... Короче, она мне нравится. Я

ничего плохого не хочу, я ее не обижу. — Он заторопился. — А она чуть ли не шарахается... Я ведь все серьезно...

— Коль, — я хлопнул его по плечу, — ну ты пойми. Ее почти два месяца разные скоты трахали, как хотели... не вскидывайся! Она, заметь, ото всех парней стороной держится. Ленька поглубей, да и тот только недавно отошел, ты его раньше не видел, а я-то еще застал...

— Ну а мне-то что делать?! — в сердцах стукнул кулаком по камню Колька.

— То же, что и делал, — ответил я. — Будешь добр, настойчив и предупредителен — и она выправится, вот тебе и награда...

— Командир, — тихо спросил Колька, поворачивая ко мне побледневшее лицо, на котором черными точками выступила обычно незаметная россыпь редких веснушек, — в этом мире вообще бывает счастье?

— Счастье? — Я потянулся, скрипнув кожей:

Быть или не быть, вот в чем вопрос.
Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот в чем разгадка. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто снес бы униженья века,
Неправду угнетателей, вельмож
Заносчивость, отринутое чувство,
Нескорый суд и более всего
Насмешки недостойных над достойным,
Когда так просто сводит все концы
Удар кинжала! Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!
Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика,
Так погибают замыслы с размахом,
В начале обещавшие успех,
От долгих отлагательств...

— Что это? — спросил Колька.

— «Гамлет» Шекспира, — нехотя ответил я. — Есть здесь счастье, Коль. Какое сами себе слепим, такое и есть. Что возьмем — то и наше. И в какой-то степени это справедливо...

— Я встал на ноги. — А вот и наши идут.

* * *

Я не знаю, какова Темза в нашем мире, хотя всегда мечтал побывать в Англии. Но здесь я увидел широкую и спокойную полноводную реку, незаметно и плавно катившуюся в ивовых зарослях. Местами от берегов отступали островки гордо стоявшего в воде тростника, над ними пролетали густые стаи уток.

— Темза, — сказал Джек. — Господи боже. — Он перешел на английский. — Я не был здесь двадцать два года!

— Двадцать два? — недоверчиво спросил Ян, сидевший на корточках у воды и плескавший ее себе за ворот куртки.

— Двадцать два, — с неуместной, казалось бы, улыбкой подтвердил Джек. — Я был только у тех мест, где Темза впадает в Рейн, а сюда не заходил... — Он сунул два пальца в рот и резко свистнул. С отмели километрах в полутора от нас замахал рукой Вадим, оттуда тоже засвистели, и кто-то поднял в обеих руках здоровенную рыбину. — Улов, Олег...

— Улов, — я прислушался. — Улов... Тихо, ребята.

Вопросов не последовало. Умолкли все — и сразу. Джек глазами спросил: «Что?» Я дернул щекой. Что-то мне не нравилось... что-то двигалось на самом краешке беспечного шума природы.

Я не успел понять, что это за звук. Позади нас возник Йенс Круммер. Губы немца кривила улыбка.

— Урса, — сказал он. — Гребут этим берегом против течения, со стороны Рейна. Шесть лодок, шестьдесят штук. Сейчас километрах в двух.

Я посмотрел на Джека, и тот исчез, а через несколько минут с отмели смело рыбаков Вадима. Со всех сторон шуршали кусты — собирались наши...

...У берега, на глубине, течение в этом месте убыстрялось резко. Угол течения между отмелью и остальным берегом создавал тихую заводь с прозрачной водой, в которой над песчаным дном «ходили» несколько больших щук.

Я уселся на торчащую над водой коряжину, оплетья ногами один из нижних сучков. Достал револьвер, толчком ребра ладони взвел курок.

— Сомы поймали, — сказал Вадим, бездельно играя тесаком в ножнах. Он стоял на берегу. — Слушай, может, пусть себе плывут? Черт с ними!

— Пусть плывут, — согласился я. — Только обратно по течению. И мертвые... Пока меня не было, — я повернулся к нему, — один Боже погиб, да? — Вадим кивнул, не спуская с меня глаз. — И скольким ты вот так... *разрешил* плыть? — Он молчал, но серые глаза сузились. — Со мной убитых будет побольше, — добавил я. — Потому что у меня с урса, старый друг, никакого мира и согласия быть не может. Вижу — бью. Ты чем-то недоволен?

Я знаю, *как* спросил это. Тон моего вопроса отразился в лице Вадима, как в зеркале. Кажется, он хотел что-то сказать, но промолчал и, отшагнув в кусты, слился с ними...

Первая лодка появилась из-под ветвей ив — привычная, сухоглавая, страшная. Урса в ней гребли, размеренно ухая и опустив головы, меня они не видели, собираясь проскочить под дерево.

— Привет, — сказал я. И вогнал первую пулю прямо в задранное ко мне удивленное безлобое и губастое лицо.

Визжа и бросаясь из стороны в сторону, по лодке метался какой-то клубок. Слыша краем уха отрывистые щелчки «калашников», я соскочил в лодку на нос, в прыжке бросив в кобуру револьвер и выхватывая клинки. Удар — в грудь сидящему на корточках урса, ногой. Круговой удар палахом — в брызгах крови взлетает отсеченная голова, тяжело падает в воду. Круговой удар вбок дагой — с нее увесисто сваливается тело. Резкий толчок от борта, и я, в прыжке поймав дагу ножнами, ухватился за ветви ив и спланировал на берег. Вонзив палаш в землю, откинув штормку барабана, быстро перезарядил наган. Звуки боя слышались

ниже по течению, и я заспешил туда.

Схватка шла в лодках и на берегу — кое-кому из урса удалось выбраться, но их было даже меньше, чем наших, и я не успел к финалу. Последних добили у меня под носом.

— Раненые есть? — быстро спросил я, видя, что все стоят на ногах. Оказалось несколько поцарапанных, но серьезно — никого, и я усмехнулся: — Теперь можно продолжать рыбалку.

* * *

Я нашел Вадима, когда он разговаривал с Ирккой. Она, кажется, поняла, что лишняя, и сразу ушла, а Вадиму, собравшемуся за ней, я преградил дорогу вытянутой рукой:

— Подожди.

— Убери руку, — тихо сказал он, и я убрал, а он остался стоять.

— Мне надо поговорить с тобой, — сказал я.

— Я слушаю. — Его голос был так же ровен и спокоен.

— Мы живы и почти счастливы, — начал я. — А теперь вопрос: знаешь ли ты, что я хочу делать дальше?

— Догадываюсь, — кивнул Вадим и, так как я молчал, добавил: — Идти на Город Света.

— Нет, — ответил я, с удовольствием глядя на то, как изумленно дрогнуло лицо Вадима. — Не сейчас, я имею в виду. Два года назад я собирался побывать в Америке и на Пацифиде. Мои желания остались прежними, Вадим. Отсюда, из Англии, когда Лаури пригонит «Большой Секрет», мы поплывем на запад. Я и... — я выдержал паузу, — те, кто захочет плыть со мной. А вот *потом*, когда мы вернемся, настанет черед Города Света. *Обязательно* настанет. Месть — это блюдо, которое подают холодным, Вадим.

— Боюсь, Олег, что ты сошел с ума, — ответил он.

— Может быть. Даже наверняка, — признал я. — Тебя это удивляет?

— Чего ты хочешь, Олег? — Вадим не сводил с меня глаз.

— Я? Увидеть этот мир. — Я описал ладонями в воздухе шар. — Увидеть все, что не видел. Потом вернуться и перерезать глотки тем, кто надел на меня ошейник. А перед смертью дознаться у них, кто играет в нас, как в солдатиков. Вот и все мои скромные желания.

— А сколько человек погибнут на пути к их исполнению? — спросил Вадим резко.

— Когда-то я пытался спрятаться от этого на острове, где *ты* меня нашел, — напомнил я. — Если хочешь, я высажу вас с Ирккой там, на островке, откуда нас забрал Лаури.

— Олег, ты мой друг, — тихо сказал Вадим. — Помнишь, я как-то говорил тебе, что пойду за тобой до конца, потому что мне это интересно? — Я кивнул. — Сейчас мне уже *не* интересно. Ты очень широко замахиваешься. А ты сам нас учил, что на замахе легко пропустить удар врага.

— В меня нельзя играть, — ответил я. — И пусть я умру на своем пути, но — *на своем* пути.

Я один свой путь пройду
И наград ничьих не жду,
И прошу коль не понять,
Так запомнить:
Что собой долг перед собой,
Что зовут еще судьбой,
Должен я любой ценой
Но исполнить!

Не одну прощу вину,
Но измену — не умею,
Никого за взгляд иной
Не виню.
Только если изменю
Сам себя и сам себе я,
Что тогда я на Земле
Изменю?

Я уже понять успел:
Белый свет совсем не бел.
А смиришься с ним таким,
Станет черен.
И пока какой я есть,
Я кому-то нужен здесь,
А другой сам себе я никчем!

Светом ночи, а не дня
Жизнь встречает здесь меня.
И не каждому она улыбнется.
Человеком быть решишь —
Человечьей станет жизнь,
Человечество с тебя и начнется

П. Бюль-Бюль Оглы — А. Дидуров

На Йенса я наткнулся буквально за кустами и выругался. Немец спокойно кивнул, словно я похвалил его, а потом сказал:

— *Orlogs*.

— Что?! — раздраженно переспросил я.

— *Orlogs*, — повторил он. — На древненемецком это значит «изначальный закон». «Судьба».

— К черту, я не верю в судьбу, — отрезал я.

— Потому что не понимаешь, что это такое, — любезно пояснил немец. — Принято думать, что судьба — это некий высший рок, определяющий жизнь человека, — он сделал рукой раздражающе-красивый жест; я хмыкнул. — Но это не так. Я ведь недаром сказал, что на языке моих предков определяющим в жизни является «изначальный закон», а это совсем не то, что «высший рок». *Orlogs* внутри нас. Он просто не дает нам поступать иначе, чем это продиктовано нашими личными качествами, воспитанием, характером и верой. Мы таковы, каковы мы есть, и *это* — а не какие-то внешние факторы — ведет нас по жизненному пути.

— Мало мне было Джека, — раздраженно сказал я, — с его заумью про камни Зонтгофена, валькнуты и высшие законы.

— Джек очень умный парень, — заметил Йенс.

— Ты слышал наш разговор с Вадимом? — напрямую спросил я.

Йенс кивнул:

— Слышал, но не подслушивал... Вадим не рыцарь. Он не понимает тебя. И боится.

— Меня?! — искренне и неприятно поразился я.

Йенс пожал плечами:

— Нет. Будущего. Для него будущее — вечно длящееся настоящее, и никаких перемен не нужно.

— Он мой друг, — отрезал я.

— И тем не менее. — Йенс вдруг отвесил мне мушкетерский поклон. — И тем не

менее, мой князь.

* * *

Ровными движениями камня Танюшка отбивала кромку корды. Я наблюдал за ней, плечом и виском привалившись к коре дуба и скрестив руки на груди. Танюшка взглянула на меня снизу вверх и улыбнулась.

— Порежешься, — сказал я, не удержав ответной улыбки.

— Не-а, — с озорной ноткой ответила она. — Смотри!

Девчонка вскочила прыжком даже не на ноги, а на толстое бревно, проходившее, как наклонный мостик, между двумя дубами. Это была подгрызенная бобрами подсохшая осина. Танюшка сделала сальто вперед, подсекая сама себе ноги кордой, сжалась в комок, распрямилась в полете, оттолкнулась ногами (дуб дрогнул) от одного из стволов, от другого, перекатилась с упором на свободную руку и, поймав двумя пальцами за клинок корду — подброшенную за миг до этого в воздух и летевшую ей в голову! — перебросила ее рукоятью в ладонь и соскочила, привычно зафиксировав приземление.

Потом показала мне язык и ловко щелкнула в нос со словами:

— Вот так!

— Ты знаешь, что про тебя песня есть? — любуясь ее движениями, спросил я. Танюшка мотнула гривой распущенных волос и, закусив губу, кивнула:

— Да, только она с плохим концом... А ты знаешь такую? — Она посмотрела на кроны деревьев, затянула:

— Над Волховом зимние бури вились,
Рушил припай прибой,
Когда его кочевая жизнь
Наконец привела домой...

После первой же строчки я удивленно поднял лицо. Баллада была на немецком, я внимательно вслушивался в слова, будто отчеканенные в стальной пластине...

— Лунная ночь воздвигала сугроб
И в сумрак швыряла снег,
Когда к своим друзьям в городок
Пришел наконец князь Олег.

Ребята сбежались с разных сторон
И вслед валили толпой,
Он шел, как призрак прошедших времен,
С поднятой головой.

Он сел к огню и смотрел вокруг,
И странен был его взгляд.
Он видел столько горьких разлук
И вот — вернулся назад.

И в доме теплом сквозь гул голосов
Поскрипывали слегка
Стропила из кряжистых дубов,
Помнивших века.

Олег поднял чашу из бука в честь

Павших в давних боях.
«За тех, кто лежит на юге — не здесь!
Помните те края?

Тела мертвецов с собой унося,
Шумела морская вода...
Из нас на каждого по пятьдесят
Уrsa было тогда!

Люди со скал падали вниз,
Шпаги ломались в руках,
Но только яростней мы дрались,
И прочь отступал страх!

Ревела багровая круговерть...
И новый рассвет вставал...
И сотни клинков приносили смерть...
Помните — Север пал?

Каждому с ним наступит пора
Чашу испить одну...
Так пусть же хватит отваги и нам
С честью уйти во тьму!»

Костер отражался в его глазах —
Рыжего пламени зыбь...
А по запястьям — рубцы на руках,
Память вражеских дыб.

«А как, — он спросил, — поживает Санек?
Случилось рассориться нам...»
«Его следов не хранит ни песок,
Ни мох лесной, ни волна...»

«Ну что ж!.. — Олег молвил. — Конец земной —
Могильная тишина...»
А ветер свистел и бился в окно...
И позеленела луна...

Скользили по лику ее облака,
Когда для друзей Олег
Неторопливо повел рассказ —
И память ринулась в бег:

«В безбрежной земле, на чужих ветрах,
Под багровой звездой,
В Городе Света безжалостный страх
Свивает свое гнездо.

Я видел кровь, смерть и колдовство,
Которого больше нет.
Я очень близко познал его —

Оно мне оставило след.

В том городе, старом, как Смерть сама,
Живут Сатаны рабы.
Во взглядах их — безумия тьма,
Ожиданье кровавой судьбы.

Сразил я вампира, что высосал кровь
У многих людей из жил,
А после блуждал меж серых холмов,
Где Мертвый Народ жил.

Я демонов видел в ночи полет
И кожистых крыльев песнь.
Сперва мое сердце оделось в лед —
Потом позвало на месть.

И все это в прошлом... Родной порог
Меня наконец манит.
Я очень устал от дальних дорог,
Заполнивших мои дни.

Мне хватит схваток и дальних стран,
Отмеренных мне судьбой...»
...А где-то в ночи ревел океан,
Припай крушил прибой.

Он пену валов швырял в снега,
Пытаясь достать до звезд —
В ответ океану выла пурга,
Как бешеный гончий пес.

Олег услышал тот призрачный зов,
Тот бестелесный стон,
И в глубине опустевших зрачков
Зажегся холодный огонь.

Олег оглянулся по сторонам,
Как будто бы в первый раз,
И вышел за дверь, где свистела пурга,
С неба на землю мчась.

И все за ним поспешили вслед...
Чей голос их всех позвал?..
И только победную песню пел
Над Волховом яростный шквал...

— Ну и ну, — сказал я. — Это что за народное творчество?! Все же было начисто не так, Тань, ты же сама знаешь! Прекрасная погода, и рассказывал я, кажется, не таким... готическим слогом, и ушли мы, конечно, не в ту же ночь... Игорек что, спятил, что сочинил такое?.. И вообще, — я спохватился, — почему по-немецки-то?!

— Ты ничего не понял, — ласково ответила Танюшка. — Басс не сочинял этой песни. Я

их слышала в Германии — помнишь, когда мы недавно гостили на Рейне у Андерса?

— Да-а? — Я потер висок. — Эй, погоди, Тань, а что значит — «слышала»?! Это еще не все?!

Вместо ответа Танюшка вновь запела, и я обалдело замер:

— Туман стелился под луной,
Клубясь, перетекал.
Один в лесу, во тьме ночной,
Князь Олег спал.

Его друг Север встал над ним
В каких-то двух шагах:
«Олег, Олег! Скорей проснись
И встретить клинком врага!»

Вскочил Олег и испытал
Лишь радость, не испуг:
Его в ночи остерегал
Давно погибший друг!

Сказал Олег: «Ого! Ты здесь?!
Но черт! Как все понять?!
Мой друг, я видел твою смерть,
Но ты со мной опять!

Как вышло, что из пустоты
Вернулся ты в наш мир?!
Постой, Олег! Дрожат листья,
Грядет кровавый пир!

Сюда несутся дикари —
По голову твою!
И каждый клялся до зари
Предать тебя копьём!

Убьм! — ревет врагов толпа,
И в бегстве смысла нет!
От их шагов гудит тропа,
Где ты оставил след!»

Едва Олег успел вскочить,
Стряхнув последний сон, —
А в масках жутких палачи
Бегут со всех сторон!

Клич «Рось!» раздался, будто гром!
«Нет, твари — я не ваш!»
И под луною серебром
Сверкнул в руке палаш!

И с каждой вспышкой серебра
Багровый пламень гас

В зрачках не ведавших добра
Дикарских злобных глаз!

А рядом с ним другой боец
Разил в полночной мгле,
И с каждым выпадом мертвец
Пластался на земле!

Урса добычи не видать —
Поют, звенят клинки...
...И прочь отхлынула орда
И сгинула в ночи.

И вновь утих шумливый лес,
И ночь молчит опять,
И к другу бросился Олег,
Спеша его обнять,

Спеша прижать его к груди:
«Откуда же ты здесь?!»
Но что ж? Он снова был один
Под куполом небес.

— Вот и все, — обреченно сказал я. — Угодил в историю. Попал в легенду. Уже и мои собственные поступки мне не принадлежат...

— Не расстраивайся, — лукаво заметила Танюшка. — Я же не протестовала, когда из меня в песне сделали деву-воительницу-мстящую-за-погибшего-парня? И, между прочим, ты мне в этих песнях нравишься. Такой мужественный... загадочный, решительный, неприступный... А еще прими к сведению, что песни есть и про Джека, и про Сережку Земцова. И еще, наверное, есть — просто я не слышала. А песни Игоря поют в разных местах, даже не зная, кто их автор.

Я фыркнул, потом рассмеялся. Танюшка удивленно посмотрела на меня, толкнула локтем:

— Ты чего?

— Да вспомнил кое-что... Это ведь правда, Тань?

— Ты об истории с Йонасом? — буркнула моя амазонка, тут же догадавшись. — Правда. А остальное — чушь. Он просто пристал ко мне и правда был пьяный. Я знать не знала, что он такая сволочь и что его вся округа ненавидит! И я его честно предупредила, что следом идут наши. А он руки распускать... Мы даже не фехтовали. Я его отпихнула, а он себе башку о пенек раскроил. А из меня в Полесье героиню сделали. Национальную... Олег, — безо всякого перехода продолжала она, — знаешь, что поразительно? Ты читаешь стихи. Ты такой вежливый. Ты умеешь интересно рассказывать. Ты веселый. Ты горой стоишь за друзей. Ты умный. Ты умелый воин. Ты меня любишь и можешь быть таким нежным... А еще ты пытаешь пленных. И это, кстати, никого не удивляет, Олег.

— Больше того, — спокойно сказал я, — мне *нравится* пытать пленных. Но все, что я делал с урса, померкнет в сравнении с тем, что я сделаю с обитателями Города Света. За всех, кого они убили своими и чужими руками. Таня, ты понимаешь — вот пока мы сидим здесь и дышим воздухом, *там* по-прежнему мучаются мальчишки и девчонки. И большинству из них не хватит везения... или мужества, чтобы вырваться из ада. Когда я думаю об этом — у меня мозги вскипают, Тань. Я готов идти *туда* прямо сейчас. Но я не пойду. Отложу на год. На два, может — больше. И когда у меня окончательно поедет крыша — тогда пойду мстить... — Я положил ладонь на щеку своей девчонки. — А знаешь почему?

Потому что никто из ушедших со мной обратно не вернется. Я и не надеюсь на это. Просто мне не хочется ждать, пока смерть найдет меня. Я найду ее сам и схвачусь с нею, а потом — умру с клинками в руках. Это и будет финал, Танюш.

— Я пойду с тобой, — сказала она.

— Конечно, — согласился я. — Мы умрем вместе. Когда сами этого заходим. Посмотрим мир — и уйдем из него. Так, чтобы остаться в новых песнях. Но до этого у нас будет еще несколько лет.

— наших лет, — Танюшка коснулась пальцами моих губ. — Олег, у меня есть предложение. Нас все равно пока не хватятся...

* * *

Есть такое иностранное слово — «эротика». Объяснять его — дело совершенно безнадежное. Но, по-моему, это когда ты, задыхаясь от странного пьянящего чувства, бежишь по лесу, а впереди между деревьев мелькает загорелое тело обнаженной девчонки, которая мчится, не желая от тебя убежать *совсем*, а ты догоняешь ее, зная, что завтра этого всего может *не быть*.

Я догнал Танюшку в сырой низинке, около двух ясеней, а точнее — между ними. Схватил за плечи; ко мне повернулось разгоряченное, почти злое лицо, с пробившимся сквозь загар темным румянцем. Она молча и резко царапнула меня по руке — я вскрикнул, перехватил ее запястья, рывком вывернул в стороны и прижал девчонку спиной к одному из деревьев. Танюшка пригнула голову, нешуточно укусила меня в левое плечо, начала отталкивать коленом.

— Ах, так... — процедил я — тоже без шуток, налегая на нее. Танюшка была сильной, рослой и ловкой, но все-таки не сильнее меня, и я, ломая сопротивление девчонки, силой раздвинул ее ноги, тоже действуя коленом. — Догнал? — спросил я, лбом упираясь в лоб Танюшки и отводя бедра. — Догнал, а?..

Я понял, что Танюшка плачет, только когда закончил. И жутко испугался, потому что до меня дошло — я фактически ее изнасиловал.

— Тань!.. — Я отпустил ее, отступая, но она вдруг обвила меня руками за шею и тихо сказала, задыхаясь от слез:

— Мне... мне так захотелось домой... так захотелось, Олег...

Я ничего не успел ответить. Перед глазами вдруг встало лицо мамы, и сердце разорвалось, останавливаясь... Стыснув зубы, я помотал головой, пережидая боль, — не сразу вернулись ощущения: ветерок на мокрой от пота спине; горячие руки Таньки на плечах; сырая земля под босыми ногами.

— Мы живые, — прошептал я. — Это нечестно, мы живые...

— Олег, — вывел меня из отстраненного состояния голос Таньки. — Мне здесь не нравится. Смотри, что там?

Я повернулся вбок. В ложбине, в которую переходила наша низинка, медленно клубился синеватый туман.

— Туман, — сказал я. — Просто туман, — и отметил, что не поют птицы. Туман вращался неспешно и размеренно, против часовой стрелки, и этот водоворот подползал ближе и ближе.

— Олег, здесь что-то не то, — повторила Татьяна, скользя рукой по древесной коре. — Ты слышишь? Музыка...

Я хотел ответить, что ей кажется, но... но в этот момент и сам услышал музыку. Странная, какая-то *капельно-звонкая*, она звучала на самом краешке слуха, невольно заставляя напрягаться, чтобы понять, что и на чем играют. Музыка была знакомой, и инструмент — знакомым, и я знал, что играет мой хороший знакомый...

— Оле-е-е-ег!!! — Танюшка даже не кричала, а визжала, срывая голос, и я, обернувшись, изумленно понял: не зная, когда, я отошел от нее и стоял по колено в теплом

туманном кружении. — Вернись, Олег! — Она сжала кулаки и притопнула. В голосе у Таньки был страх. — Вернись немедленно!!! Там страшно!

— Ничего тут нет страшного. — Я провел сквозь туман ладонью — и отшатнулся. На миг мне почудилось бесплотное, но явное прикосновение чьих-то холодных пальцев. — Что это?..

— Олег, иди сюда, не стой там! — кричала Танюшка. И не подходила! — Там нельзя, бежим отсюда! Олег, бежим, уйди оттуда! Там кто-то есть! Олег!

Да, это точно — там кто-то был... И я это ощущал. А вместе с этим ощущал и *интерес*, несмотря на крики Танюшки. Музыка утихла, очарование пропало, а вот любопытство осталось.

«Мальчик, — услышал я тихий, нежный голос, в которым странным образом не было жизни, — здравствуй, мальчик... Подойди поближе, дай мне руку, мальчик... Подойди поближе, дай мне руку — я заблудилась в тумане...»

Так ветер дует в забытый рог, и тот вдруг начинает выводить красивые, но мертвые мелодии, от которых становится страшно... Против своей воли я вглядывался в туман — и вдруг *увидел*.

Лицо, смотревшее на меня из спутанных белесых волокон, само походило на туман. Оно было безжизненным, белым и прекрасным. Большие глаза казались кусочками льда в оправе из длинных, плавно изогнутых ресниц. Подбородок, тонкий нос с широкими ноздрями, высокие узко-острые скулы казались отчеканенными из заиндевелого серебра.

Очень красивое лицо. И очень страшное. Такое же страшное, как и мелодия, — нечеловеческое. От этого лица надо было бежать, не оглядываясь и со всех ног, потому что ничего общего с людьми оно иметь не могло.

Да только вот в чем проблема — я не мог сдвинуться с места. А лицо наплывало, и тонкие губы улыбались; ниже появились сотканые из туманных струй руки. Они поднимались над моими плечами, чтобы лечь на них...

И это будет *все*. Глаза цвета льда заполнят весь мир — и меня не станет. Ничего уже не сделать, ничего не изменить...

Туманная девочка вдруг отшатнулась, ее холодно-невозмутимое лицо сломалось, как отражение в разбитом зеркале.

— Уйди, тварь! — между мною и ней вклинилась Танюшка, вытянувшая вперед руки ладонями к этому существу. — Не тронь его! Он мой! Прочь!

Продолжая вытягивать вперед одну руку, другой Танюшка начала отталкивать меня, тесня прочь из тумана. Я более-менее пришел в себя, когда мы выбрались на склон лощины и наблюдали, как туман быстро, словно в ускоренной съемке, всасывается куда-то в низину. Я тяжело дышал. Лицо Танюшки покрывал бисер крупного пота, но она улыбалась.

— Испугалась, — с одышкой сказала она.

— Я тоже испугался, — признался я.

Танюшка отмахнулась:

— Да не я испугалась, вот еще. Вернее, я тоже... немного... но это она меня испугалась... Ты знаешь, кто это?

— А ты знаешь? — удивился я.

Танюшка кивнула:

— Фергюс рассказывал... Это лланнан-ши. Дева Тумана. Они боятся девчонок, а парней утаскивают с собой.

— К-куда? — осведомился я, обнимая себя за плечи. Меня начало трясти.

— Спросишь у нее, если снова встретишь, — отрезала Танюшка. — Пошли скорей. Вот будет смех, если наше барахло стырили?

Я поспешил за нею. Но перед этим оглянулся. И мне почудилось, что в лощине, возле кустов можжевельника, стоит стройная призрачная фигура.

В быстром холодном ручейке мы помыли ноги. Странно, но я не ощущал никакого неудобства, разгуливая по лесу голяком в обществе такой же голой девчонки. Когда мы выбрались на берег, я негромко сказал:

— Тань, прости... за то, что я сделал... там.

Мне это далось с трудом, но Танюшка улыбнулась и подмигнула:

— А знаешь, мне даже понравилось. Сперва я, если честно, на тебя разозлилась — ты меня так схватил... — Она свела длинные брови. — Олег, скажи честно... вот ты про ту ирландку рассказывал... с ней тебе было хорошо?

— Не помню, Тань, — честно сказал я. — Это как во время боя. Потом не вспомнишь, что и как делал.

— А у меня, кроме тебя, никого не было и не будет, — твердо сказала она и улыбнулась уже лукаво. — А давай еще как-нибудь попробуем опять так же? — В ее глазах появился смешок, а голос стал деланно-жеманным. — Только ты меня еще свяжи... и ножнами вон хоть побей... немножко... Может, вообще классно будет?! — И она, закатив глаза, высунула кончик языка.

— Не смогу я тебя ножнами побить, — напряженно сказал я. — Ножны свистнули. И все остальное.

— Ой блинннн!!! — вырвалось у Танюшки, и она присела, сведя вместе коленки и прикрывшись руками, заглядывалась. — Может, мы не туда вышли?!

— Да сюда, — я сплюнул, — вон под теми кустами раздевались... Хватит идиотничать! — повысил я голос. Если честно, я ни капли не испугался, только немного рассердился. И угадал. Послышался смех, и из-за дубов вышел Сергей, тащивший в охапке всю нашу одежду.

— Ай-ай, — сказал Земцов, широко улыбаясь, — потеря бдительности и полное расслабление... Тань, ты знаешь, что у тебя вся попа в ссадинах? Что он с тобой делал? — Танюшка вспыхнула, ойкнула, прикрыла руками мягкое место; Сергей поднял брови: — Ого... — Она вернула руки назад и жалобно-сердито завопила:

— Отдай одежду, па-ра-зит!

— Держите. — Сергей высыпал ворох к ногам. — Это я добрый, другой бы на дуб ее позашвыривал...

— Завидуешь? — Я нарочито медленно одевался. Танюшка фыркнула и тоже начала натягивать одежду такими неспешно-плавными движениями, что Сергей покраснел и со смешной деловитостью повернулся ко мне:

— Я чего искал вас... Олег, ты давай быстрее. Там кадр один от Лаури прибыл, тебя ждет.

* * *

«Кадр» оказался не от Лаури, а веселый рыжий парнишка, которого звали Джок — из отряда англичан, стоявшего у слияния Рейна и Темзы, на перешейке. Оказывается, Лаури причалил туда, и местные вызвались передать нам известие о том, что «Большой Секрет» готов. Джек прошагал за трое суток больше ста пятидесяти километров, и сейчас наши ахающие девчонки чинили его сапоги (подошва в нескольких местах протерлась до дыр), а сам англичанин смешил всех какими-то невероятными рассказами о своих приключениях. Заночевать он наотрез отказался, мотивируя это тем, что его ждет девчонка — почти такая же красивая, как наши, а главное — совершенно своя...

— Тебе повезло, — сказал Джек.

Мы сидели над речным берегом на подточенном течением древесном стволе, лицом к лицу. В реке отражался гигантский костер, возле которого слышались взрывы смеха и обрывки песен.

— Значит, эти... лланнан ши, они вроде носферату и прочих? — спросил я, бросая в

воду кусок коры.

Джек пожал плечами:

— Да кто его знает... Хаахти — помнишь Хаахти? — он мне как-то говорил, что лланнан ши когда-то были обычными девчонками... давно, может даже — тысячу лет назад. В племени вроде нашего или любого другого... Но получилось так, что их парни не вернулись из похода. Не погибли, а просто пропали. И девчонки стали ждать. Они были верные и преданные. Ждали долго и постепенно... изменились, что ли. Стали вот такими. Не знаю, правда ли это, но мальчишкам в руки им лучше не попадать. Хотя, если верить рассказам, смерть в их руках не назовешь неприятной. Я как-то раз всерьез подумывал прыгнуть к одной — и кранты.

— Джек, а как ты вообще... без девчонки? — было темно, и я спросил это довольно легко. Джеку, наверное, темнота тоже помогала, потому что он ответил:

— Руки-то у меня целы... Ты, кстати, на брудершафт никогда не пробовал.

— Чего? — не понял я.

— Ну, это когда парни друг другу...

— Так бы и говорил, — буркнул я и признался. — Так у меня с этого и началось. Мне двенадцать лет было, когда я того... созрел. Сперва по ночам — там сны всякие, прочее, ну ты знаешь. Я и знать ничего про это не знал. А потом, весной как-то, один девятиклассник меня за хоккейной коробкой просветил. Как раз как ты сказал, только у нас про это говорили просто «накрест»... Эй, — я с подозрением посмотрел на него, — а ты на что это вообще намекаешь?.. Если... эй, Путешественник, я не буду! Ты меня не возбуждаешь, и вообще не хочу!

— И не собирался, — хмыкнул Джек. — Хотя, если не знаешь, этим...

— Многие занимаются, — равнодушно подтвердил я. — Странно было бы, если у парня нет девчонки, и он не дронит. А там хоть пусть по кругу этим занимаются, мне важно, чтобы извращенцы не заводились... — Я вышел в упор на руках и встал. — А вот теперь, Джек, мне предстоит весьма интересное и значимое во всех отношениях мероприятие.

Джек тем же движением встал напротив меня.

— Ты решил говорить о начале путешествия? — напрямую спросил он. Я наклонил голову. — Ладно. Тогда пошли. И... не удивляйся последствиям своего выбора.

* * *

Если честно, у меня не хватило духу начать разговор сразу, хотя это было бы правильной. Я копчиком чувствовал, что «просто так» этот вечер мне не обойдется — и смалодушничал. Просто сел у костра и, набираясь мужества, слушал, как Басс поет какую-то незнакомую, очень красивую и грустную песню — про коня...

— Выйду ночью в поле с конем...

Ночкой темной тихо пойдем...

Мы пойдем с конем по полю вдвоем...

Мы пойдем с конем по полю вдвоем...

— Красиво... — вздохнула где-то рядом Клео. Ясо приобнял ее, притиснул к себе. Я заметил, что Колька сидит рядом с Лидкой, и она не против, хотя и жмется к брату. А потом — поймал взгляд Вадима. Он не слушал песню. Он смотрел на меня.

— Дай-ка я пойду посмотрю,

Где рождает поле зарю...

Ай брусничный свет, алый да рассвет —

То ли есть то место, то ли его нет...

— А правда — где рождается заря? — спросила Танюшка, дыша мне в затылок.
— Рядом с радугой, — ответил я, не поворачиваясь.
И встал.

В море соли и так до черта,
Морю не надо слез.
Наша вера верней расчета,
Нас вывозит «Авось».

Нас мало, нас адски мало,
А самое главное, что мы врозь,
Но из всех притонов, из всех кошмаров
Мы возвращаемся на «Авось».

Вместо флейты подыдем флягу,
Чтобы смелее жилось.
Под российским небесным флагом
И девизом: «Авось»!

Нас мало, и нас все меньше,
И парус пробит насквозь,
Но сердца забывчивых женщин
Не забудут «Авось»!

От ударов о наши плечи
Гнется земная ось.
Только наш позвоночник крепче,
Не согнемся авось.

Вместо флейты подыдем флягу,
Чтобы смелее жилось.
Под Российским небесным флагом
И девизом: «Авось»!

А. Рыбников — А. Вознесенский

— Мое решение обжалованию не подлежит... — Я помолчал, оглядывая такой же молчаливый круг возле костра. — Но только для меня самого. Я имею в виду, что в любом случае буду делать то, о чем рассказал. Но любой может отказаться идти со мной. Повторяю: мы уходим на несколько лет. Мы можем вообще не вернуться. И когда мы вернемся, я начну готовить поход на Город Света. Вот и все. А теперь я ставлю вопрос на общее голосование. И пусть каждый скажет не просто «да» или «нет», но объяснит хотя бы в двух словах — *почему* он это говорит.

Я сел и, достав один из метательных ножей, начал строгать деревяшку. Я не глядел на ребят и девчонок, а они молчали. Обдумывали сказанное? Или уже все обдумали, но не решались сказать? Тогда результат неутешителен... Но почему молчит Танюшка?!. Я не выдержал, повернулся к ней и встретился с настолько удивленным взглядом, что все сразу понял.

Для нее вариантов просто не было. Она и не «рассматривала» ничего.

— Я за, — поднялся Сережка Земцов. — Просто потому, что Олег — мой друг, а кроме того, мне хочется посмотреть этот мир за пределами Европы.

— Я в любом случае с Сергеем, — пожала плечами Ленка. Похоже, и для нее вопрос

просто не стоял...

— Я тоже за. — Йенс не стал подниматься. — Я здесь ищу приключений, это весь ответ.

— И не только твой, — подал голос Басс. — Я за путешествие.

— Я с Игорем, — сказала Ингрид. — Просто с Игорем — и все.

Фергюс что-то сказал по-ирландски и перевел тут же:

— Лучше узнать и умереть, чем жить и не знать. Я за поход.

— Мне просто все равно, — тихо сказала Радица. — Я со всеми и как все.

— Я с Фергюсом, — махнул рукой Димка. — Полюбить, так королеву, проиграть — так миллион. Тем более, что в Америке я еще не был.

— Я против. — Вадим встал. Он смотрел на меня. Он все это время смотрел на меня! — Я против, потому что это авантюра. Я против, потому что это гибель. Я против!

— Песня блаженной памяти Сани, — пробормотал Джек, поднимаясь. — Я за поход. Потому что мне интересно в него идти.

— Я не знаю, — отрезала Ирка. Вадим покосился на нее: девчонка повысила голос: — Не знаю! Как все, так и я, ясно?!

— Мы идем, потому что мы все друзья, — высказался Видов. — Правда, Линде? — Линде просто кивнула и положила светловолосую голову на плечо серба.

— Собственно, я могу только повторить то же самое, — пожал плечами Ясо. — А ты, Клео?

— Идти — так всем, — подтвердила гречанка.

— Я иду, — буркнул Мило. — Мне скучно на одном месте.

— Мне вообще-то хотелось идти на восток, — признался Ян. — Никогда не видел Сибири. Но, в конце концов, прийти в Сибирь можно и с другой стороны.

— Я иду. — Андрей Альхимович зевнул и ничего не стал объяснять, хотя я и поглядывал на него выжидающе.

— Наступать — бежать, отступать — бежать... — вздохнул Колька. — Мне как татарину. Что водка, что пулемет — лишь бы с ног валило... Короче, я иду.

— Тогда и я иду, — вдруг сказала Лидка. Ее брат покусал уголок губы и тоже подал голос:

— И я иду. Мы с сестрой вместе, да и правда — интересно же...

— Ave, Ceasar... — с улыбкой поднял руку Раде. — Мне кругосветные путешествия нравились еще в школе... Зорка, ты как?

— С условием, — улыбнулась красавица-сербиянка. — Что моя смерть будет героической и безвременной.

— Обещаю, — серьезно заверил я.

— Картина маслом... — сказал Олег Крыгин, вытягивая ноги в сапогах почти в самый огонь. — Извини, Вадим, — и больше ничего не добавил.

— Давай, Лена, — заворчала Власенкова. — Собирайся, Лена. Тащи продукты, Лена. Ах нет, Лена?! Так найди, срок до вечера... Ладно. В Америку так в Америку. Вы ж без меня пропадете...

— Я на «Большом Секрете» — куда угодно. А с вами — вообще, — не очень ясно, но эмоционально сообщил Анри.

— Плыть так плыть, — заявил Серый. — Я согласен. Мне просто интересно.

— Мне — тоже, — согласилась Вильма. — Плывим!

Я победно улыбнулся, глядя в глаза Вадиму.

— А ты — остаешься?

— Я тоже плыву, — спокойно ответил он. — Не бросать же вас здесь. И там. И вообще.

* * *

— Продуктов погружено на девяносто дней. — Ленка стояла возле меня со своим

любимым блокнотом в руках. — Колумб плыл, кажется, семьдесят?

— Семьдесят два, — поправил я, — из них месяц штилем... Вода?

— Воду грузили под руководством Радицы, — с легкой ревностью сказала Ленка.

— Позови ее, Лен, — попросил я. И уже вслед добавил: — И Ингрид!

— Хорошо, хорошо! — махнула она на бегу рукой.

Мы с Лаури стояли на уступе мелового холма («Альбион» — «белый», помните?). Точнее — я стоял, а он сидел и лениво смотрел в небо.

А я наблюдал за тем, как у берега грузят — точнее, заканчивают грузить — «Большой Секрет». Основная часть погрузки была завершена еще вчера, сейчас дотаскивали мелочь — но мелочь необходимую. Отплытие было назначено на вечер, чтобы с вечерним ветром уйти подальше.

— Я бы поплыл с вами, — вдруг сказал Лаури и, потянувшись всем телом, встал рядом со мной. — Хотя бы затем, чтобы найти Тиля... Но меня ждут на Скале, а потом мы еще успеем сплавать в Северную Африку...

— Не беспокойся, — угадал я его мысли, — ничего с нами не случится. Джек был в Америке, и опыт плаваний у нас есть...

— Да я и не очень беспокоюсь, — пожал плечами Лаури, ставя на крутой выступ ногу в высоком сапоге с отворотом. — Недалеко от побережья, в устье Делаверра, есть лагерь Сэнди Кларики. Если успеете до конца сентября — застанете его, он поможет освоиться... Ну, пойду я.

— Ты не будешь ждать отплытия?! — Я искренне огорчился.

Лаури помотал головой:

— Нет, зачем?.. — но медлил, а потом протянул мне руку и, когда я пожал ее, цепко задержал мою ладонь в своей и печально улыбнулся: — Ну... ладно. Успехов тебе, Олег. Вроде и виделся нечасто, а все равно ты мой друг... Если вернешься, то, наверное, года через три, не раньше, — меня, должно быть, уже не будет...

Я не стал возражать, потому что это было правдой. И от этой правды мне стало горько и обидно. Лаури тряхнул меня за плечо:

— Ладно, не надо ничего говорить... Если встретишь Тилья — передавай привет!

— Передам, — тихо ответил я, и Лаури, придерживая ладонью рукоять клинка, широко зашагал вниз по тропинке. На полпути замедлил шаг и, повернувшись ко мне, крикнул:

— А все-таки мы не так уж плохо жили! А, русский?!

Вместо ответа я вскинул ладонь. Лаури засмеялся, махнул рукой — и, уже не оглядываясь, исчез в зарослях...

Радица сообщила мне, что на «Большой Секрет» погружено воды на тридцать человек на те же девяносто дней по три литра в день, и в воду положены комочки смолы — не зацветет и не протухнет, можно не бояться. Шторм бурдюкам тоже не страшен, так что все будет в порядке. Следом явилась Ингрид с докладом о сделанных запасах лекарств, и мы вместе с ней отправились на берег. Джек перехватил меня по пути, чтобы сообщить об уложенных двух запасных парусах... короче, я и опомниться не успел, а солнце уже клонилось к лесным вершинам, и на берегу возле сходней оставался я один; за моей спиной резко разносились в ясном вечернем воздухе команды Джека.

Я отвернулся и, в несколько прыжков поднявшись по вздрагивающим сходням, прокричал:

— Сходни убрать! Парус и флаг — поднять! Отплываем!

Закатное солнце ярко осветило белый с алой катящейся свастикой флаг, развернувшийся под ветром.

* * *

— Приятель, живей разворачивай парус —
Йо-хо-хо, веселись, как черт!

Одни убиты пулями, других убила старость —
Йо-хо-хо, все равно — за борт! —

мурлыкал неподалеку Сережка.

Я тяжело вздохнул и, повернувшись на бок, натянул на голову одеяло.

Сергей наддал:

— По морям и океанам
Злая нас ведет звезда!
Бродим мы по разным странам
И нигде не вьем гнезда...

— Гос-по-ди-и, Сергей. — Я отпихнул одеяло и сел. — Ну что за хрень собачья, ну чего ты ноешь, как больной зуб?!

— О, доброе утро, — ничуть не удивившись, поздоровался со мной оседлавший борт Земцов и от полноты чувств начал выбивать босыми пятками дробь по борту. С носа доносился деловитый шум камбуза. Большинство народу, конечно, дрыхло и собиралось дрыхнуть и дальше. — Ветер хороший, идем шесть узлов... Смотри, какой восход!

— В следующий раз лягу спать в каюте, — сказал я в пространство и, поднявшись, подошел к борту.

Сергей был, конечно, прав. Восход оказался классным. Вровень с «Большим Секретом» шли, выскакивая из воды равномерными прыжками, почти полсотни дельфинов. Атлантика была спокойно-серебристой.

Двенадцатый день плавания начался. Последние три дня нас упорно сносило к северу, но не очень сильно. Ветер дул ровный, было тепло и безоблачно.

— Пятнадцать человек на сундук мертвеца —
Йо-хо-хо и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца —
Йо-хо-хо и бутылка рому! —

жизнерадостно бухтел Сергей. Я покосился на него, борясь с искушением устроить ему внеплановый заплыв. Потом спросил:

— А как ты думаешь, акулы тут есть?

— А как же? — Сергей покосился на меня. — Ты меня скинуть собрался? Не надо... Есть, есть акулы. Помнишь, какую мы видели пять дней назад?

Я молча кивнул и невольно передернулся. Чудовищная тварь — не меньше когта длиной! — бесшумно всплыла слева по борту и часа полтора шла вровень с нами, не прилагая к этому никаких усилий. Во всем ее теле — от скошенного рыла до острого огромного хвоста — была тупая, непреклонная жестокость, направленная на одно: убийство. Мы все это время торчали у борта в абсолютном молчании, ожидая одного: атаки, которая превратит нас в груды щепы. Но акула ушла так же бесшумно и мгновенно, как и появилась. А я навсегда запомнил ее черный, бездумный и холодный *глаз*, который видел с расстояния метра в три. Дело было даже не в величине и хищности кархародона — дело было в его абсолютной *чуждости* миру, в котором я жил. Урса-переросток. Такой же враждебный моему окружающему...

— Не напоминай, — повторил я. — Так, ладно. Я пойду... подумаю, а потом — с инспекцией по кораблю. Пора начинать день.

— Ну давай, — сказал мне вслед Сергей, и я услышал, как он завопил:

— Еще не бывал ты на Конго-реке...
Дернем, парни! Дернули!

Там жмет лихорадка людей в кулаке...
Перн... ой, то есть — дернем, парни! Дернули!..

Первым делом я завернул в сортир. Пардон — в гальюн, помещавшийся в корме, за-под каютой. У меня это заведение всегда вызывало отчетливое опасение. Мне так и представлялось, как я сажусь над дырой, доски подламываются — и я лечу в гостеприимные воды Атлантики точно под киль нашего корабля. Басс напротив — уверял, что там ему приходят в голову самые лучшие идеи и именно там он сочинил песню, которую вот уже три дня распевал весь «Большой Секрет».

По столу качка таскала бортжурнал, который я вчера забыл закрыть. Как ни странно, на рундуках сидели Ленка Власенкова и Ленка Чередниченко. Наша завхоз зачитывала что-то по блокноту, девчонка Сергея писала обломком угля прямо на столе. На меня они нагло внимания не обратили.

— Вы, может, спать бы пошли? — почти робко предложил я. — Поздно... то есть, рано уже.

Ленка Власенкова снизошла до ответа.

— Мясо плесневеет, — угрожающе, как о конце света, заявила она. — Из той партии, где... которую, то есть, перед самым отплытием коптили. И лук подгнивать начал. Витаминов лишимся, надо перебрать лук, а мясо почистить и подсушить на ветерке...

— Бери, кого надо, — отрезал я, — и работай, — после чего поспешил ретироваться.

На кормовом весле с хладнокровным лицом полувисел Йенс. Немец в деле мореплаваний был новичком, но курс вполне мог держать. Меня он поприветствовал взмахом руки и поинтересовался:

— Завтрак скоро?

— Как только — так сразу, — пояснил я. — Ты увидишь — как бросятся все на нос — значит, завтрак и есть... На мачте кто?

— Вильма, но, по-моему, она спит. — Йенс поднял голову к «вороньему гнезду», над которым и правда не было видно ничьей головы. — Пользуется тем, что ты туда не полезешь.

— Поговори... — лениво заметил я. Впрочем, Йенс был прав. На мачту я не лазил ни разу и не собирался, не скрывая, что боюсь высоты (Раде по этому поводу иронизировал, что не ожидал от меня боязни вообще чего-то. Я ответил тогда, что боюсь еще и пауков). — Вильма, ты не спи! — неоригинально, но громко заорал я. Белокурая голова немки тут же появилась над краем.

— Я задумалась, — объяснила она...

На носу Линде и Лидка готовили завтрак. Одновременно Лидка учила Линде произносить русские слова и фразы как можно правильной, и обе смеялись.

— Люк.

— Лук, Лиин.

— Лу-ук. Люк. Шеснок. Или это — чест-нок?

— Чес-нок. «Люкин брат», знаешь анекдот?

— Я не до такой степени плохо знаю русский...

Девчонки обернулись ко мне. Лидка помрачнела, замкнулась. Она до сих пор шугалась от парней, если исключить брата, хотя Колька, пользуясь моими советами, в самом деле ненавязчиво о ней заботился. У них должно было «свариться» рано или поздно. А я иногда подумывал, что сделал бы с теми сволочами, которые держали ее с братом в публичном доме. Ну, сразу они бы у меня не умерли — это точно. Я поймал себя на мысли, что хочу улыбнуться Лидке, и остановил это побуждение. К ней надо было относиться без «сю-сю ля-ля», просто как ко всем, — самое лучшее лекарство...

— Чем кормим? — Я присел на скамейку у борта.

— Горох со свиной и луком. — Лидка поболтала черпаком в котле, болтавшемся над разожженным на глиняном круге огнем. — Еще чай... Послушай, Олег, а там картошка есть?

В Америке?

— Есть, — зевнул я, прикрывая рот. — Я тоже соскучился.

— Еще там есть помидорки, перец... — мечтательно сказала Линде.

— Помидоры, — поправила ее Лидка. — Ты будешь есть, Олег? Готово.

— Клади, — лениво махнул я рукой, — попробуем... На обед сделайте что-нибудь... — я щелкнул пальцами. — Короче, ясно.

— Рыбу пожарим, — решительно ответила Линде. — Вчера рыбы много поймали... Олег, а Видов спит?

— Спит. Почти все еще спят. — Я взял из рук Лидки котелок и вспрыгнул на перильца фальшборта, обвив ногами прочные столбики. Здесь мне всегда сиделось хорошо, и высота не пугала. Я знал, что «Большой Секрет» идет всего лишь со скоростью быстро бегущего человека, но отсюда казалось, что скорость очень высокая, и выглядело это красиво. Кстати, я никогда не задумывался, что на парусниках флаг развевается *по ходу* судна, а не *против*, как я рисовал в свое время — ветер-то дует в корму... И кухня — ну, камбуз — по этой же причине на носу, иначе дым, чад и запахи несло бы на палубу...

— Олег, ты здесь? — Джек всунулся за загородку. — Доброе утро, девчонки. — И он движением бровей позвал меня за собой.

Я неспешно доел завтрак и, взяв кружку с чаем, пошел следом за Джеком...

...Корабль лениво просыпался. Я решил, что не буду особенно гонять ребят, пока мы здесь, и они быстро разленились — по крайней мере, по утрам их стало не поднимать. Джек стоял по правому борту, скрестив руки на груди, и я, подойдя, толкнул его плечом:

— Привет, Нельсон. Чего надо?

— Не шути так, — Джек вздрогнул.

Я вспомнил, что английский адмирал был одноглазым и одноруким...

— Извини... Так что ты хотел?

— Ты сегодня восходом любовался? — тихо спросил он.

Я кивнул:

— Ну да, был... — и осекся, всматриваясь в небо: — О елки.

— Увидел? — Джек поднял палец.

— Красный рассвет, облака плавают, эти, как их, — перистые... — медленно заговорил я. — И несет их с запада, и вон как коверкает...

— А еще посмотри, какой кружочек возле солнца нарисовался. — Джек вытянул руку.

— Короче, будет ненастье, — заключил я и выругался: — Ну как все было хорошо!

— А ты думал махнуть через Атлантику без единого шторма? — удивился Джек. — Да ладно. Тут не восточные моря, внезапный тайфун не налетит. Покидает и перестанет.

— «Покидает», — я поежился. — В прошлый раз вон их как покидало — изо всей команды два человека осталось...

— Это в Средиземке, — возразил Джек. — В море бури всегда опасней. Да и тогда — помнишь? — с коггом ничего не случилось. Даже о камни не разбило... Не бери в голову! — Он хлопнул меня по плечу. — Я больше боюсь, как бы нас с курса не снесло... Не дай бог, закинет за Ньюфаундленд, а там в этом мире месиво из островов, протоки все перепутаны... Да и лед там уже наступает — август не июль.

— Тебе легко говорить, — сказал я. — А я терпеть не могу все эти штормы и морских жителей. Мне сразу разная ересь про морских чудовищ начинает в голову лезть.

— Да, они тут есть, — спокойно подтвердил Джек. — И не только акулы... Но не думаю, что они нападут, они редко поднимаются со дна.

— Вот спасибо тебе, — поблагодарил я. — Ладно, что делать?

— Готовить судно к шторму, — вздохнул Джек. — Давай, поднимай всех к чертовой матери, пусть быстро жрут и занимаются делом...

Ни боли, ни досады,
Прощаться мне не надо,

Я — вот он весь.
Да дело и не в этом,
Идем, по всем приметам,
В последний рейс.
Маяк кровавым глазом
Мигнул. Забездобразил,
Завыл Норд-Вест.
Качаются постели,
Дешевый крест на теле
И Южный Крест.
Когда рукой усталой
Я струны у гитары
Перебирал,
Я понял — в жизни прошлой,
Поверь, что не нарочно,
Переиграл.
И счастье мое ветер
Унес и не заметил,
Как желтый лист.
Теперь без правил
Я сам с собой играю
Под ветра свист.
...ни боли, ни досады,
Прощаться мне не надо, —
Я — вот он весь.
Качаются постели,
Дешевый крест на теле
И Южный Крест.

Ю. Кукин

После полудня в тучах, в которые превратились идущие с запада легкие красивые облака, не осталось ни одного просвета. Ветер усиливался — и тут, внизу, он дул пока в нужном нам направлении. Паруса убрали уже два часа как, но нас все равно несло с приличной скоростью. Я приказал всем уйти в трюм и кормовую надстройку, убрал дежурного из «вороньего гнезда». На кормовом весле, заранее привязавшись веревками, стояли Раде и Вадим (Вадим вызвался сам, сказав, что в закрытом помещении его мутит совсем уж беспредельно). На носу устроился, тоже привязавшись, Басс — впередсмотрящий. Джек, впрочем, тоже никуда не ушел. Когда я в последний раз тщательно осмотрел весь груз и поднялся наверх, он торчал около мачты.

— Кажется, все, — сказал я, становясь рядом.

— Иди внутрь, наверное, — предложил он.

Я хмыкнул:

— Я все-таки капитан, хоть и фуфловый. Лучше ты иди...

— А я штурман, причем настоящий, — усмехнулся он и пропел:

— Наш клипер взлетал на крутую волну,
А мачты его задевали луну —
Хэй блоу бойз блоу бойз блоу!..

Не трусь, Олег, все наше с нами и горизонт впереди!.. Все-таки вы, русские, сухопутный народ! Смотри, красиво же, черт побери! — Он вскинул руку.

Впереди облака были уже не серыми, а черными и образовывали на небесах подобие клубящегося входа, какой-то бездонной двери. Бесшумным промельком пересекла этот вход на тот свет белесая широкая молния, у самой воды разветвившаяся на десяток отростков-игл.

— А что, если это и есть вход на Бесконечную Дорогу?! — смеялся Джек. — Сейчас доплывем, ухнем — и дело с концом! Или с началом!

— Давай привязываться, — нервно сказал я, — если уж уходить не хочешь... Я пойду на нос, а ты к рулю.

Мы разошлись. Я еще не успел добраться до Басса, когда по моему лицу хлестнул теплый упругий дождь.

* * *

«Шторм шестой день. Нас несет приблизительно на северо-восток со скоростью не менее пятнадцати узлов, точнее ничего определить нельзя. Все живы. У Яна сломана левая ключица. Олег вывихнул левую щиколотку, у Ирки легкое сотрясение мозга. У всех ушибы. Течей нет, но быстро плесневеют многие продукты. — Я опустил карандаш и уставился в мечущийся свет масляной лампы. Поющую на разные голоса каюту качало из стороны в сторону, но скрипы и шорохи не могли заглушить стонов по углам. Морская болезнь одолела многих. У меня была другая проблема — я не высыпался. Вздохнув, я вновь склонился над бортжурналом. — Джек опасается, что мы можем оказаться далеко на севере».

Заложив журнал карандашным огрызком, я закрыл его и встал, удерживая равновесие широко расставленными ногами...

Снаружи свистело и выло. На нос снова и снова наваливались увенчанные белыми султанами пены волны, появлявшиеся из ревущей тьмы, как странные чудовищные существа. Мне даже глядеть в ту сторону было жутковато. Я нашарил мотающийся конец, закрепился. Позавчера меня почти вышвырнуло за борт — аж ребра хрустнули, а синяя полоса на них останется еще надолго.

— На ру-ле-е!!! — заорал я.

— ...и-и-им!!! — донеслось с кормы. «Стоим», кажется. Там сейчас Сережки — оба сразу. Хватаясь руками за борт, я полез на нос, вопя: «На но-су-у!!!»

— Здесь я, — отозвался Андрей, когда я подошел уже вплотную и повис рядом с ним на ограждении.

— Чего молчишь? — поинтересовался я.

Андрей неуверенно сказал:

— Понимаешь, я огни вижу. То вижу, то не вижу, вернее. Уже с час, не меньше.

— Огни?! — Я напрягся. — Так какого черта ты молчишь?! А если это берег?!

— Да не берег это, — отмахнулся Андрей, — а впечатление такое, что фонарь на мачте раскачивает, или в окнах каюты свет... вон! Вон опять, там, вон, смотри!

Андрей был прав. Огонь метнулся, потом упал куда-то вниз и исчез. Полное впечатление, что корабль взлетал на гребень волны...

— Кто-то идет параллельным курсом, — пробормотал я. — Далеко, нет — не поймешь... Ладно, я спать пойду. Если что — буди моментально... Кто тебя меняет, Колька? — Андрей кивнул. — Скажи ему, чтобы тоже будил в случае чего.

— Давай, — Андрей хлопнул меня по ладони...

Бросив в угол мокрую куртку, я завалился на одеяло, набросил на себя его край. От тепла меня заколотило, и Танюшка, сонно вздохнув, обняла меня, прижавшись со спины, спросила, не просыпаясь:

— Как там?

— Без изменений, — ответил я. — У Танюшки был убойный даже для гимнастки вестибулярный аппарат, и она не собиралась не спать из-за какого-то шторма. А перед Вадимом мне даже было стыдно. Он молчал и выстаивал вахты, но не мог ни есть, ни толком спать.

Я успел подумать об этом за секунду пред тем, как уснул. А еще через секунду — ну, конечно, показалось, что через секунду — меня разбудили. Судя по тому, что сделал это не Андрей и даже не Колька, а Мило, мне удалось проспять около трех часов.

— Это драккар, — сказал серб. — Я видел его раза два совсем близко, потом его унесло, и вот уже минут двадцать даже огня не видать.

— Это не Тиль? — быстро спросил я. Сон слетел тут же, я приподнялся на локтях.

— Паруса и флага не было. — Мило пожал плечами. — Но на носу, я разглядел, голова хищной птицы. Такого корабля я не знаю.

— Хорошо, спасибо, иди, — кивнул я, и Мило вышел, а я опять вытянулся под одеялом, понимая, что уснуть снова нельзя, надо вставать, надо идти опять все проверять... и где я видел птичью голову на носу драккара?

Где я видел ее?

* * *

— Нас все-таки занесло к северу.

Было не холодно, но промозгло. Ветер так и не улегся до конца, морщил воду, гнал гряды за грядой мелкие, злые волны, качавшие когг. В разрывах туч то и дело мелькало белесое, усталое какое-то солнце. В километре от нас покачивались кроны высоких медноствольных сосен за полоской пляжа, забеленной пеной.

— Так это что, уже Америка? — широко раскрытыми глазами глядя на этот берег, спрашивала Лидка. — Это уже Америка, да?

— Похоже, что да, — Джек поставил ногу на борт, положил на колено кулак. — Только это как раз и есть острова на том месте, где в нашем мире Лабрадор.

— Лабрадор?! — изумилась Танька. — Ничего себе нас швырнуло! И что теперь?

— Теперь проверим, что это все-таки за земля и куда нам отсюда дальше плыть, — решил я. — Так. Вадим, Сергей, Видов, Йенс... Андрей — пойдете со мной на разведку. Джек, останешься за старшего.

— Эй, а мы?! — подала голос Ленка Чередниченко. — А нам что, опять тут сидеть?!

— Мы почти три недели на землю не сходили!

— Нас тоже берите!

— Да что это такое?!

Это были голоса девчонок. Но я скучно посмотрел поверх их голов... и они утихли. Правда, все еще бурчали, разбредаясь к бортам, но уже безотносительно, на вечную тему «всепарникозлы». Названные мною начали быстро собираться.

— Взял бы хоть человек десять, — тихо сказал Джек. — Кто его знает...

— Тут могут быть урса? — удивился я.

— Они везде могут быть. — Джек тряхнул меня за плечо.

— Да, это верно... — Я задумался, потом махнул рукой: — Корабль дороже, чем мы. Да и не случится ничего... — Я поднял лицо к небу и, вскинув правую руку, ударил по ее сгибу локтя ребром левой.

* * *

— Сумах, — Андрей пнул кустик, крайний из зарослей у еле заметной тропинки. — Значит, мы точно в Америке... не трогай! — Он перехватил руку Видова. — Тронешь — до самого локтя опухнет.

— Эти места населены. — Йенс, сидевший на корточках метрах в десяти от нас, распрямился. — Я отсюда видел ложбину и оленей. Они меня учуяли — и драпать.

— Если населены — значит, не урса. — Я прислушался. Пасмурный лес неуверенно перекликался голосами редких птиц. — Ладно, пошли дальше.

Мы двигались по тропинке длинной цепочкой. Йенс впереди, за ним, шагах в десяти от

него и в трех — друг от друга — Андрей и я по левой, Видов — по правой стороне, а в десяти шагах еще за нами, по обеим сторонам тропы — Вадим и Сергей. Лес был густой, справа поддувало сыростью. Я с тоской подумал, что, не дай бог, погода испортилась окончательно и в августе началась осень — кто ее знает, здешнюю эту Америку?

Йенс снова остановился и, легонько свистнув, махнул мне рукой. Я подбежал. Немец, улыбаясь, указывал носком сапога на умело замаскированное чуть сбоку тропы переплетение палок и жил.

— Капкан? — я присел, осторожно потрогал одну из палок.

Йенс кивнул:

— Вот и доказательство... Живут здесь.

— Ладно, пошли дальше. — Я встал на ноги. — Как видно, этой тропинкой не только звери ходят, но и люди...

... — Остров или по крайней мере — полуостров, — Вадим подкинул в руке камешек и далеко бросил его в хмурую воду.

Мы стояли на берегу. Если это и был пролив, то очень широкий — берега «того» видно не было, а «этот» изгибался дугой, и мы стояли в левой части этого изгиба. Каменистый пляж тянулся вдаль. В полукилометре от нас пляж кончался и начинались пологие холмы, уступами.

На берегу, метрах в двухстах от нас, лежала лодка. Прочная, просмоленная и пустая. Мы толком и не успели это осознать, когда кусты прямо напротив лодки раздались, и из них выскочила, побежала в нашу сторону девчонка. Она неслась к нам как к последней своей надежде, и я не сразу понял, что она нас просто не видит, а точнее — не замечает от ужаса. Девчонка так и влетела в руки Йенса, только теперь забилась, вырываясь, а потом закричала, да как — истошно, дико, вибрирующе, и немец отпустил ее от неожиданности. А наше внимание тут же переключилось на дальнейшее развитие событий.

Там же, где на пляж выбежала она, выскочил рослый мальчишка — русоволосый, разгоряченный бегом, лет четырнадцати-пятнадцати. Увидев нас, тут же остановился, оглянулся и, выхватив шпагу, застыл, меряя нас взглядом, в котором были настороженность и вызов.

— Ну и что тут происходит? — миролюбиво спросил я. Вообще-то нормальные парни не гоняются по лесу за девчонками, доводя их до полного офигения... но дела в жизни случаются самые разные, чего лезть, не разобравшись?

— Вы кто такие? — мальчишка говорил по-русски, без малейшей боязни, а это наводило на определенные мысли, и я краем глаза заметил, как Андрей, Вадим и Сергей сместились к воде, повернувшись лицами к лесу, а Йенс и Видов отделили от леса меня. Девчонка дальше не побежала — стояла за нашими спинами и часто дышала. Она была черноволосая, но синеглазая, широкоскулая, однако красивая, босые ноги — сбиты в кровь.

— Проезжие, — пожал я плечами.

— Вот и проезжайте мимо, — отрезал он и, быстро оглянувшись, заметно расслабился. Через несколько секунд стало понятно — почему. По его следам на пляж выбежали еще двое — уже с обнаженным оружием, на одном была бригантина, а у другого в левой руке арбалет, который он тут же вскинул. — Это наша территория.

— Да мы и не претендуем, — пожал я плечами. — Нам бы просто узнать, где мы.

— Он врет! — вдруг крикнула девчонка. — Он врет! Они нас грабят! Это наш остров, мальчишек нет, и они...

— Заткнись, сука!!! — прорычал парень.

— Повежливей с девчонкой! — издал такой же рык Видов.

Я сделал в его сторону короткий жест и поднял подбородок:

— Она правду говорит?

— Это не ваше дело! — крикнул мальчишка. — Оставьте ее и убирайтесь!

— Как вам это нравится? — Я повернулся к своим. — Трое говорят шестерым — «убирайтесь»... хха!

Молниеносно крутнувшись, я ударом кулака отбил направленную мне в лицо стрелу. Арбалетчик, складываясь в пояс, повалился вбок — сверкнувший серебряной молнией топор, брошенный Йенсом, подрубил его слева. Тот, который разговаривал со мной, метнулся вперед, я прыгнул ему навстречу... Визгливо столкнулись клинки; кто-то закричал рядом... удар, удар — и мальчишка стал заваливаться назад с прямым корпусом на подгибающихся ногах. Я выдернул палаш из его ребер и огляделся.

Раненый топором Йенса корчился на боку, загребая песок ногами и одной рукой. Третий — тот, в бригантине, совсем щенок — стоял на четвереньках рядом со своим выбитым оружием. Вадим, упираясь ногой ему в спину, держал лезвие бастарда у его шеи.

— С этим что? — спросил он. Йенс подошел к «своему» раненому, выдернул топор, прикинул его на руке и быстро перерубил парню позвоночник у затылка. Объяснил:

— Этот все равно умер бы... Неудачно я попал.

— Убери меч, — попросил я Вадима, подходя ближе. Тот забросил бастард в ножны, снял ногу. Мальчишка поднял голову. Да, этот совсем «зеленый». Лицо исковеркано ужасом, из ставших огромными глаз текли слезы, открытый рот вибрировал. — Вы кто такие? — Я толкнул мальчишку в бок, он содрогнулся, словно я ударил его дагой. — Да перестань реветь, мы тебя не убьем! Вообще пальцем не тронем, даю слово! Кто вы такие, кто у вас старший?

Взгляд мальчишки приобрел некоторую осмысленность, он тяжело сглотнул и ответил по-французски, я понял:

— Старшим у нас Сашен. Саня Бубненко.

Из руки Вадима выпал длинный нож, который он рассматривал.

* * *

— Вот чей драккар видел Мило. С орлиной головой. — Я бросил в костер ветку и, не выдержав, выругался. — А я еще не мог вспомнить, чей это драккар — с орлиной головой!

— Он ваш знакомый? — тихо спросила Люси.

— Он был нашим другом, — вместо меня ответил Вадим, и я был благодарен ему за это.

Наверное, истории об амазонках — все-таки фигия. Трудно им без парней, и эта группа девчонок на острове Таунсенд не была исключением, хотя и два их дома — настоящих, рубленых — и огороды, и хозяйство вообще — содержались в полном порядке, позавидовать можно. Наши девчонки, конечно, и позавидовали.

А в остальном — нечему. У десяти девчонок были парни, пятнадцать человек. Был корабль — для прибрежных плаваний, но корабль. Еще в мае парни уплыли «на континент». Должны были вернуться в начале июля, но не вернулись до сих пор. Надежда еще не исчезла, но пришла беда.

Саня появился две недели назад, элементарно забрав часть продуктов. А сейчас — вернулся, но с драккаром на берег не пошел, остался где-то за мысом, прислав лодку опять-таки за продуктами. И приплывшие парни начали, собрав еду, развлекаться. Примерно на такое развлечение мы и попали...

— Сергей, Видов, — позвал я, — давайте за нашими. Час вам на все, чтобы были здесь. Можете даже на корабле никого не оставлять.

— Есть.

— Есть.

— Вадим, — я повернулся к нему, — тащи сюда нашего пленного... Йенс, Андрей — на берег, приготовьте лодку и дежурьте...

— Что вы собираетесь делать? — Люси смотрела на меня серо-золотыми глазами.

— Помочь, — коротко ответил я и повернулся к пленному, которого как раз подтолкнул к костру Вадим. — Мы тебя отпустим. Один догребешь до своих?

Он кивнул, потом прошептал:

- Да...
- Вот и хорошо... Ты должен поговорить с Саней. С глазу на глаз и сразу.
- Что ему сказать? — Мальчишка сглотнул.
- Скажи, что на берегу Король Поединков, — я усмехнулся. — Только это и скажи.

* * *

Сев на валун, я ждал, пока подойдет Саня. Тускло и тоскливо мне было. Настроение — словно промокший плащ. Волны тихо шуршали на песке и гасли, оставляя белую пену. Я не поднял глаз от этой пены, даже когда Саня подошел вплотную.

— Да. Это неприятно, — сказал он, и я поднял голову. Саня совсем не изменился с нашей последней встречи на дальневосточном берегу. Только сейчас на нем были толстые краги и ременная кираса, похожая на мою, правда, не сшитая, а склепанная на стыках явно разрезанными гильзами — медно-красным поблескивали их донца, очень красиво... — Я себе не мог такого и представить...

— Поговорим, — предложил я.

— Поговорим, — кивнул Саня и сел на камень напротив меня, поставив валлонку между ног в песок. Пена докатывалась до его узких сапог. Но мы молчали, глядя прямо в лица друг другу. И вспоминали. Вспоминали нашу дружбу, игры, ссоры, мечты — *там*. И то, как мы вместе ходили в бой, — здесь.

За его спиной на волне качался корабль.

За моей — стояли на склоне холма люди.

И там и там были те, кто, так же, как и мы с Саней, когда-то клялись друг другу в вечной дружбе.

— Я ждал, что ты найдешь нас и присоединишься, — нарушил я молчание.

— Я хотел, — тихо ответил Саня. Провел концом ножен резкую линию, посмотрел на то, как ее заполняет вода. — Правда хотел. А потом понял, что это невозможно. Как ты говорил? «Никогда не возвращайтесь в прежние места...»

— Это возможно, Сань, — покачал я головой. — Мы — не место. Мы — друзья.

— Ты еще не понял, что нет, — сожалеюще и беспощадно возразил Саня. — Ты — князь и борец со Злом. А я — пиратский капитан и Зло. Иное, чем урса, но — Зло. Я выбрал такой путь, потому что мне так захотелось, Олег... мой старый друг, мой враг.

— Смысл? — в упор спросил я.

Саня рассмеялся, пожал плечами и покачал головой:

— Никакого. Понимаешь, Олег, никакого, мне просто нравится делать то, что я делаю. Этот мир дал мне возможность делать то, что я хочу и что всегда хотел, Олег. Понимаешь, он высвободил в нас — *нас*, тех, какими мы *должны* быть, — лицо Сани покраснелось, глаза поблескивали. — Ты в душе всегда был сторонником порядка, добра, правильности. И здесь ты защищаешь их. А мне все это претило. И я понимаю урса, которые разрушают все, что видят. Я бы делал так же, будь у меня побольше сил...

Я слушал его молча. Потом вздохнул и, сняв перчатку, пошевелил пальцами:

— Сань, уходи. Уводи своих людей... Там тоже есть мои друзья, и среди моих людей — они же, зачем им резать друг друга? Уходи. Если не хочешь вернуться — давай просто разойдемся.

— Нет. — Саня кивнул за мою спину. — Там запасы. А мне надо кормить людей.

— Они бы поделились с тобой. Так было много раз и всегда будет.

— Поделились бы, — согласился Саня, — только мне нужно все. Я так хочу.

Он улыбался. Весело и открыто.

— Не надо сходить на берег, Сань, — сказал я, не вставая с камня. Только тон изменился, и это изменение Саня заметил.

— Запрети, — тихо ответил он, глядя мне прямо в лицо своими большими глазами. Он по-прежнему улыбался, но худое лицо заострилось и побледнело.

— Не хочу, — сказал я. — Но придется. Подумай, Сань. Крепко подумай.

— Я хочу сойти и взять все, что мне понравится. И я сейчас сойду и возьму, — почти нежно объяснил он.

Я встал, отстегивая плащ. Санек тоже поднялся:

— Давай договоримся так, — предложил я, ставя ногу на камень и опираясь локтем о колено. — Не будем устраивать свалку с резней. Если тебе и засвербило, то ни твои, ни мои люди, я думаю, не хотят убийства.

— Ты что, хочешь поединка? — хмыкнул Саня.

— Не хочу, — повторил я. — Очень не хочу. Но что делать?

Саня вложил два пальца в рот и, полуобернувшись, свистнул. Я увидел, что с корабля в мелководье прыгнули двое и побрели, широко размахивая руками, к берегу. Я махнул рукой тоже, не оборачиваясь, и мы стояли и молчали, разглядывая друг друга, пока его и мои люди не подошли к нам. С моей стороны — Вадим и Сергей, с его — я не удивился даже, увидев Сморча и Бэна.

— Привет, ребята, — сказал Вадим.

— Привет. — Сморч кивнул, лицо у него было хмурое и печальное. Бэн смотрел настороженно и молча. Сергей быстро перескакивал взглядом с одного на другого, на третьего и обратно и тоже молчал.

— Привет, Игорь. Саш, привет, — поздоровался я. На этот раз Бэн кивнул.

— Что это вы тут придумали? — осведомился Вадим.

— Ничего, Вадик, ничего. — Санек вновь улыбался. — Просто хотим выяснить один старый вопрос.

— Вы чокнулись, — убежденно сказал Вадим. — Это что, шутка?!

Сморч уставился себе под ноги. Сергей сплюнул в белую пену возле ног Сани и, посмотрев на него, процедил:

— Это не шутка... Он грабил берега на моем севере, однажды я почти прищемил ему хвост...

— И ты молчал?! — поразился Вадим. Требовательно бросил Сане: — Это правда?

Саня с шаловливой улыбкой развел руками.

— Встреча друзей, — горько сказал Вадим. Повернулся и пошел прочь по берегу. Я окликнул его, но он только махнул рукой.

— Позови еще кого-нибудь из своих, — предложил Саня, но Сморч вмешался:

— Да не надо... Ты извини, Сань, но я тоже... пойду.

И двинулся за Вадимом, непривычно сутулясь.

— Не уйди насовсем, — бросил ему вслед Санек. Сморч не обернулся.

— Олег, уступи мне, — попросил Сергей. Я покачал головой и шепнул:

— Где Танюшка?

— Девчонки ее не пустят, — ответил он. — Олег...

Я тронул его губы пальцем, и Сергей, покривившись, замолчал.

— Лет пять назад у меня не было бы шансов, — сказал Саня, подняв руку — Бэн молча раздергивал шнуровку на его боку. Я, ничего не спрашивая, отстегнул на боках крючки. Передал оружие Сергею, потом отдал бригадину и начал снимать куртку. — Но сейчас — лучше бы ты подумал, Олег...

Ветер был холодным и сырым. Но, хотя он дул с моря, до меня донесся от суши девчоночий крик:

— Оле-е-ег! Не сме-ей!

Я заставил себя не услышать его, беря из протянутых рук Сергея палаш и дагу. Подмигнул ему. Потянулся, размял плечи, вздохнул.

И повернулся к Сане.

У Сани, как и у меня, прибавилось шрамов (интересно, много ли ему оставили те, кого он вот так грабил?) Но в целом он не изменился — по-прежнему был худощав и гибок. И оружие осталось то же самое — валлонская шпага, такая же длинная и широкая, как мой

палаш, и дага-пойнгард, цельнокованая, с ременной оплеткой тонкой рукояти, короче, но шире, чем моя.

— Кистень-то оставил? — поинтересовался я.

— А ты — револьвер и ножи? — ответил он, салютуя мне. Салюту научил его я, и на миг мне почудилось, что это просто обычная тренировочная схватка.

Я ответил на салют и, плавно пригнувшись, мягко пошел по кругу, подняв оба лезвия: даги в вытянутой и поднятой левой, палаша — в опущенной к бедру руке. Саня двинулся напротив меня, зажав пойнгард в левой, согнутой перед грудью, руке испанским хватом, а валлонку — положив клинком на плечо.

Круг. Еще. Еще.

Саня, кажется, ждал, пока у меня устанет правая рука. Он не заметил, что я упираю кулак в бедро...

...Его клинок с плеча выстрелил мне в лицо! Я перехватил удар дагой, отбросил, атакуя палашом в колено. Саня отшвырнул ударом вниз-вбок мое оружие своим пойнгардом. Я подпрыгнул, спасая ноги от кругового рубящего удара валлонки, из-под правой руки уколол дагой левой...

Саня отскочил, и мы вновь закружили в той же позиции. Я не хотел его убивать. Я не мог его убивать.

Он был мой друг. Друг.

Валлонка со свистом рубанула в голову. Я вскинул дагу на блок, одновременно уколол палашом в грудь... и не понял, в какой неуловимо краткий миг валлонка отдернулась, не завершив удар. Ее клинок скрестился буквой Х с клинком пойнгарда. Саня поймал палаш на уколе в эту развилку. Его пойнгард резко взвизгнул по клинку валлонки, быстро, сильно и беспощадно отшвыривая мой палаш в сторону, а правая рука Сани молниеносно метнулась назад — и тут же вперед, прежде чем я успел опустить дагу в защиту.

Все это заняло меньше секунды. И все, что я успел, — чуть повернуться, поэтому валлонка пропахала брызнувшую кровью рану слева по ребрам.

А должна была вонзиться между них — в сердце.

— А ведь *ты* мне показал этот удар. — Саня улыбался.

— Я, — согласился я, на миг прижав к ране локоть. — Знаешь, я не верил, что ты правда будешь стараться меня убить.

Саня поцеловал окровавленный кончик своей валлонки и принял мою же стойку. Я тоже вернулся в нее. А через секунду круговой свистящий удар на уровне лица заставил Саню отшатнуться. Не завершая круг, я нанес укол в плечо обратным движением — Саня перехватил клинок гардой пойнгарда, рванул в сторону; я заблокировал его валлонку дагой, дернул в другую и с такой силой ударил Саню ногой в открывшуюся грудь, что он полетел в воду. Бэн вскрикнул. Я, махнув клинками, бросил:

— Сань, хватит. Уходи.

Улыбаясь, Саня поднимался на ноги. Валлонка в его руке загудела, описывая круг, постепенно превращавшийся в серебряный кокон. Рука с пойнгардом спряталась за спину. Держа свои клинки скрещенными на уровне колен, я отступал. Кокон вдруг разразился серебряной молнией — клинки тяжело лязгнули, а через миг наши даги столкнулись гардами где-то у живота. Палаш и валлонка с противным визгом соскользнули на гарды тоже, и я увидел совсем близко лицо Сани — улыбающееся, с темной прядью на лбу.

Стремительно наклонившись вправо, я перестал сопротивляться, расслабив правую руку — валлонка давившего изо всех сил Сани неудержимо соскользнула влево-вниз, а он сам, увлеченный в падение собственной силой, получил резкий встречный удар локтем в лицо. Ударом ноги в запястье правой я вышиб валлонку, а рывком даги — пойнгард.

— Все, Сань, — мирно сказал я, опуская оружие. — Уплывайте.

Он отнял руки от лица. Из носа и угла рта текла кровь. Но Саня — улыбался.

— Ловко, — сказал он и спустил на песок длинную, густую алую нить.

— Ты спас мне жизнь тогда, — вздохнул я.

— Мы давно друг другу ничего не должны, — возразил Саня.

— Уходи, — я показал палашом на море. — Уговор.

Бок засадило. Навалились тоска, усталость, холод подступил к сердцу. Я повернулся и пошел по песку к Сергею.

Не знаю, что меня предупредило. Лицо Сергея? Какое-то мелькание теней? Боевой инстинкт?

Падая на правое колено и одновременно поворачиваясь туловищем назад, я толчком даги вверх отбил валлонку Сани на ударе. Палаш выбросил вверх и вперед. Уколом.

Саня наделся на него со всего размаху. До гарды. Мягко упала на песок выбитая валлонка. Я услышал, как закричал Бэн, еще крики, но не понимал, что происходит. Саня нависал надо мной, как башня, рассматривая меня очень внимательными спокойными глазами. Он улыбался.

Потом руке стало тяжело, ее невольно повело в сторону, и Саня рухнул на песок сбоку от меня. Его рука ударила меня по колену, голова чуть повернулась, и он посмотрел мимо меня задумчиво и печально. С улыбкой.

Я обернулся в сторону металлического лязга — это Сергей выхватил палаш. Но Сморгч, все это время, оказывается, бежавший ко мне, вдруг остановился и опустил топор — верхняя часть полотна бессильно уткнулась в песок. Догнавший его Вадим положил на плечо Сморгча ладонь.

Бэн, подойдя, долго смотрел на тело Сани. Потом рухнул на колени и, ломаясь в поясе, упал ничком на грудь убитого. Плечи мальчишки затряслись от рыданий, он стонал сквозь зубы и обеими руками гладил волосы мертвеца. Смотреть на это было противно и... страшно. Жалости во мне не было.

Я поднялся с песка. Отдал дагу Сергею, который наклонился посмотреть, что у меня с боком, — но я его отпихнул. А в следующий миг Бэн с каким-то утробным хрипом прыгнул на меня, выхватывая кинжал.

Но в последний миг — задержал удар. Может быть, потому что я не двинулся с места, не попытался защититься, не отвел взгляд. Только выпрямился и сказал в искаженное бешенством лицо:

— Бей. Только сразу насмерть.

Бэн рыдал. Беззвучно теперь, захлебываясь слезами. Его рука с кинжалом дергалась, словно он мысленно колол меня снова и снова.

— Прости, — сказал я, покачав головой. Бэн заглянул мне в глаза. Быстро оглянувшись на труп Сани. Искривил губы.

И с размаху вогнал кинжал под ребра слева.

Себе в грудь.

* * *

... — Последний год он словно с ума сошел. Одного за другим убил троих наших ребят, которые отказались грабить. Однажды приказал утопить пленных — парня и девчонку, связать спина к спине и утопить.

Сморч замолчал и, свесив руки между колен, вперил взгляд в море. Лицо у него было печальным и сосредоточенным.

— Что ты будешь делать? — спросил Вадим. Сморгч промолчал, и Вадим продолжал:

— Оставайся с нами... Игорь.

Вот теперь Сморгч покачал головой:

— Нет... Понимаешь... он и раньше был моим лучшим другом... а за эти годы... когда только палуба и чужие берега... нет.

— Он хотел убить Олега, — заметил Сергей.

Подошедшие люди Сани уже укладывали тела Сани и Бэна на импровизированные носилки. Один из них хотел бросить мой палаш, извлеченный из трупа, к моим ногам, но,

помедлив, протянул рукоятью вперед. Я взял. Лезвие уже очистили от крови.

— Знаю, видел, — кивнул Смorch. На меня он не смотрел. — Не, Вадим, я не останусь. Я поведу корабль в море.

— Продолжать дело Сани? — кривовато усмехнулся Вадим.

— Нет. — Смorch покачал головой. — Попытаться кое-что исправить. Я знаю. — Он вдруг улыбнулся. — Вообще-то меня считают туповатым, это, кстати, правда... но кое-что я понимаю.

— А те, на корабле, они захотят? — уточнил Вадим.

Смorch поднял бровь:

— Там разные ребята... А кто не захочет... — Он погладил рукоять топора.

— Значит, не останешься? — повторил Вадим.

— Нет, — Смorch встал. — Может быть, когда-нибудь мы встретимся...

— Ладно. — Вадим посмотрел в сторону, потом подал Смorchу руку. — Бывай.

— Угу, — вместо рукопожатия Смorch крепко обнял его, и Вадим ответил. Сергей, помедлив, пожал руку, спросил:

— Передать привет остальным?

— Конечно. — Смorch повернулся ко мне.

— Слушай, — сказал я, — ты, может, встретишь где-нибудь наших — Наташку Мигачеву там, Крючкову Наташку, — я с извинением покосился на Вадима — он смотрел в море, — или Арниса — он плавает со скандинавами... Вот им передавай привет.

— Хорошо, — кивнул Смorch и, круто повернувшись, пошел в прибор к кораблю. Так и не подав мне руки, не попрощавшись...

Мы долго смотрели вслед драккару. Потом тучи вдруг разорвались, и тонкий луч солнца упал на корму, где серебряной искрой что-то сверкнуло.

Но уже не понять было, кто стоял там, на корме — и салютовал нам клинком на прощанье.

Впрочем — это мог быть лишь Смorch.

* * *

— У тебя сейчас не очень получается. — Таня погладила меня по щеке, по плечу и сочувственно добавила: — Давай просто полежим.

— Давай. — Я со вздохом откинулся на вересковую подстилку. — Извини, Тань.

— Ничего, — хмуро-понимающе ответила она.

«А-ах-х-хш-ш... а-ах-х-хш-ш...» — хрипло вздыхало неподалеку море. Пронзительно свистел где-то меж камней сырой ветер, но в гроте, где мы лежали, было тихо и даже тепло. Танюшкины пальцы, блуждавшие по моей груди, запнулись о два параллельных шрама, шедших от ключицы, стали очень-очень нежными, и Танька выдохнула:

— Этот тот медведь, да?

— Да, — отозвался я задумчиво. — Мои первые раны... Я еще терял сознание, когда Олька их шила... А ты плакала...

— А вот от этой ты едва не умер... — Она осторожно притронулась к выпуклому шраму на левом боку. — А где те... которые на тропинке на Кавказе?..

— Там, — буркнул я, — на бедре, справа... на левой руке, под локтем. И еще — слева под ребрами. Самая опасная была.

Пальцы Танюшки легко коснулись шрамов — там... там... там... Я замер, переживая эти прикосновения, как наслаждение.

— А что у тебя сзади? — вдруг спросила она. — Ниже спины, я давно хотела спросить — рубцы...

Я резко сел, обхватив колени руками, и уставился взглядом в море. Свежая рана на ребрах вспыхнула болезненной огненной полосой. Танюшка, тревожно глядя на меня, поднялась на локте. Помолчала и тихо спросила:

— Это... *там*, да?
— Да, — ответил я, не поворачиваясь. — Это от палки. Тот, кто называл меня своим рабом, бил меня палкой. Как плохой хозяин бьет собаку.
— Бедный ты мой... — Руки Танюшки обвили меня за шею сзади, щека легла на плечо.
— Как же ты вытерпел...
— Не в боли дело... — начал я, но Танюшка меня перебила немного удивленно:
— Но я и не о боли...
Я повернул к ней голову и увидел в ее глазах понимание.
— Спасибо, — выдохнул я. — Понимаешь, Танюшка, я ведь его убил. Он был моим другом, а я его убил... Не надо ничего говорить! — почувствовав, что Танюшка открыла рот, попросил я ее. — Я все знаю, Тань. Только от этого не легче. Совсем. Ни чуточки.
«— Тима! — неожиданно мягко сказал Гейка и взял товарища за руку. — Что это? Ведь мы же ничего плохого никому не сделали. А ты знаешь, если человек прав... — Да, знаю... то он не боится ничего на свете. Но ему все равно больно».
Я удивленно повернул голову к Танюшке.
— Это же «Тимур и его команда», — напомнила она мне книжку, которую я очень любил.
— Да... — медленно сказал я. — Ему все равно больно... Тань, ты меня держи, ты меня не отпускай! — почти выкрикнул я и порывисто зарылся лицом в ее волосы.

* * *

С утра жарыща была такая, что я невольно удивился: неужели вчера была осенняя унылая погода?

— Глянул карту: сверю-ка.
Ан нет — не Америка,
А остров Буян, будь он окаян... —

пробормотал Басс, стоявший возле сходней. Девчонки вышли нас провожать, и я в напряжении ждал, что Люси — как минимум она! — попросит нас остаться.
Но она так и не попросила. И я не выдержал — сам сказал:
— Если встретим ваших — обязательно скажем, что вы ждете.
Глупость я, конечно, сказал, как почти всегда бывает, когда мы хотим утешить, но не знаем как. Однако канадка улыбнулась и кивнула:
— Да, конечно... Попутного ветра...
— Три десять! — заорал с лодки Колька. Раде размеренно греб. Когг полз очередной протокой.
— Ты похож на капитана Смоллетта, — заметил я Джеку, державшему кормовое весло. Он в самом деле стоял, широко упершись в палубу ногами и поглядывая то вперед, то на убранный в одну четверть парус и болтающуюся в «ласточкинском гнезде» Танюшку. Разве что Смоллетт не ходил голый по пояс и босиком.
— Это из «Острова Сокровищ»? — уточнил Джек. Не ожидая ответа, добавил: — Еще дюйма три — и заскребем дном по капусте...
— Как бы вообще не пришлось буксироваться обратно, — заметил Анри, висевший на ванте за кормой. Пахло смолой, мокрым деревом и лесом с берегов.
— Не каркай, — пробормотал Джек и рывкнул: — Докладывайте, не молчите!
— Три пятнадцать! — отозвались спереди.
— К повороту оверштаг! — завопила сверху Танюшка. Джек крикнул в ответ:
— Ты знаешь, что такое оверштаг?!
— Не-а! — отозвалась она. — Просто впереди протока направо поворачивает!.. Ой, уронила!..

На палубу упала куртка. К ней тут же ринулись Ленка с Димкой и приволокли ее мне.

— Три десять! — крикнул Колька. Танюшка, свесив голову вниз, обратилась ко мне: — Олег, принеси куртку!

— Ничего себе. — Я слегка обалдел от такой заявки и, вскинув голову, ответил: — Тань, зачем тебе куртка?! Жарко же!

— А как я вниз полезу?! — отозвалась она. Я опустил голову и встретился с невозмутимым взглядом Джека. Только на самом дне его глаз подрагивала усмешка.

— Нарочно сбросила, — пояснил я.

Джек перевел взгляд куда-то вдаль.

— Давай я подниму, — безо всякой задней мысли предложил Димка.

— Иди ты... — уныло сказал я, меряя взглядом мачту. Шестизэтажный дом... Я меланхолично представил себе, как меня «заклинит» где-нибудь на двух третях высоты, и я буду покачиваться с мачтой вместе, пока меня будут снимать тросом...

Никогда в жизни я ничего не делал «на слабо», чем очень удивлял друзей и приятелей. Но здесь-то речь шла не о «слабо»... Хотя эта негодяйка, конечно же, сбросила куртку нарочно.

— Три пять! Осторожней!

— Три пять, — повторил Джек. Он уже забыл обо мне, да и от остальных можно было как-то отшутиться... а вот Танюшка обидится.

— Полезу, — сообщил я, завязывая ее куртку вокруг пояса.

— А-га... — рассеянно ответил Джек. — Сколько? Не молчите, козлы!

— Три пять! Течение на повороте!

Джек еще что-то пробормотал, но я уже не слышал, потому что шел к мачте. Подергал левый трап. Скажи сейчас кто-нибудь хоть слово — я бы, наверное, полез в драку. Но все или занимались своими делами — или по крайней мере бездельничали, и мне ничего не оставалось, кроме как поставить ногу на первую ступеньку, долбаную выбенку, так их, кажется, называют...

И полез, ощущая себя Тигрой из «Винни-Пуха». Глядеть я старался только вверх, где в ясном небе с каждой секундой все сильнее раскачивалось «ласточкино гнездо». Или все-таки «воронье гнездо»?.. Как правильно-то?..

— Три пятнадцать! — гаркнули внизу, и я невероятным усилием воли заставил себя не глядеть вниз. Ступеньки резали ноги.

— Привет, — Танюшка открыла внутрь небольшую дверку, и я, ввалившись туда, захлопнул ее ногой. С трудом сказал, не поднимаясь с корточек:

— Спасибо тебе, любовь моя.

— Ага, — не без злорадства заметила девчонка, не спеша надевать куртку, — вот я и вижу тебя испуганным... Олег, тут так красиво, да встань же, посмотри!

— Ни за что, — решительно сказал я, с ужасом думая, что мне придется перед тем, как спускаться, посмотреть вниз.

— Ты правда очень боишься? — Танюшка обернулась ко мне, и лицо у нее было уже не насмешливым, а немного удивленным и раскисающимся. — Оле-ег... ой, прости, я же... правда, что ли?!

— Нет, я шучу так, — сердито ответил я, берясь рукой за бортик. Мне пришлось сделать усилие, чтобы встать. — О-ох-х...

— Не смотри вниз! — Танюшка подняла мой подбородок. — Вокруг смотри!

Я глубоко вдохнул, стараясь не обращать внимания на то, какие круги описывает в пустоте «гнездо». И посмотрел вокруг...

...А было и правда красиво. Вокруг на многие километры лежали острова и островки, прихотливо разделенные прямыми и извилистыми линиями протоков разной ширины. Я видел, как тут и там буквально кишит жизнь, как бегут в океанские протоки ручейки и речушки...

— Красиво, правда? — Танюшка положила мне руку на плечо, прилегла на нее щекой.

— Очень, — признался я.

— Три десять! — раздался крик Кольки, и я посмотрел вниз. Пересилил себя, отвел взгляд от лодки и вновь поднял глаза к горизонту.

— Парочка! — крикнул Джек с кормы. — Что там видите?!

— Вижу открытую воду! — весело крикнула Танюшка, и секундой позже я тоже увидел далеко впереди, за лесистыми островами, широкий океанский простор.

* * *

— Откуда он взялся? — пробормотал Вадим. Я плохо видел его лицо — туман делал предметы плохо различимыми уже на расстоянии вытянутой руки, путал и искажал звуки. На носу возились, слышалась приглушенная ругань — там вновь спускали лодку. Джек настоял на этом, упирая на то, что лучше еле ползти, чем разбиться на мелях у Кейп-Кода.

— Тут часто бывает так, — отозвался Джек. — Ладно, пойдем понемногу... Принесите кто-нибудь поесть сюда.

Девчонки философски готовили ужин. Я перехватил полосу копченого сига и, усевшись рядом с Сергеем у борта, чиркнул ногтем:

— Пополам?

— Давай, — он резанул складником. — Пожует под туман.

Басс мурлыкал где-то неподалеку — не поймешь, то ли рядом, то ли на носу, то ли на корме:

— Опускается ночь — все чернее и злей,
Но звезду в тучах выбрал секстан.
После жизни на твердой и грешной земле
Нас не может пугать океан...

Подошел и сел Вадим. Мы отломили ему по куску копчушки, молча передали.

— Не ворчи, океан, ты не так уж суров.
Для вражды нам причин не найти.
Милосердный Владыка морей и ветров
Да хранит нас на зыбком пути...

— Двинулись, — ухнул туман голосом Олега Крыгина — он был в лодке.

— От тебя, океан, мы не прячем лица,
Подымай хоть какую волну.
Но того, кто тебя не пройдет до конца,
Без упрёка прими в глубину...

Туман ползал слоями над палубой. На носу, кажется, негромко переговаривались те, кто еще не взял себе поесть...

— После тысячи миль в ураганах и мгле
На рассвете взойдут острова.
Беззаботен и смел там мальчишечий смех,
Там по плечи густая трава... —

Игорь передохнул (до нас донесло короткий выдох) и продолжал:

— Мы останемся жить навсегда-навсегда
В этой лучшей из найденных стран.

А пока... среди туч нам сияет звезда —
Та, которую выбрал секстан.

— Хорошая песня, — негромко заметил Сергей.

— Сам знаю, — откликнулся Басс из тумана.

Подошел Йенс. Немец хмурился.

— Я сейчас был на левом борту, — сказал он так, словно речь шла о какой-то дальней стране. — Мне там что-то не нравится.

— Мне и на правом борту не очень нравится, — философски ответил я.

Йенс сердито посмотрел на меня и продолжал:

— У меня такое ощущение, что там что-то движется. Вровень с нами.

— Ладно, пошли глянем. — Я встал и вслед за Йенсом пересек палубу.

— Смотри. — Он взялся рукой за борт. — Внимательно...

— Ничего там нет, — сказал я, но притих, вглядываясь в движение пластов тумана. А про себя подумал, что если так вслушиваться, то можно вообще черт-те что услышать. Впрочем, пока я слышал только привычно-успокаивающие звуки на когге...

Стоп!!! Я подался вперед. На миг мне показалось, что движение тумана как бы разбавилось неким другим движением. Почти таким же плавным, но более... вещественным, что ли?

— Да, там что-то есть, — выдохнул я, расстегивая кобуру нагана. — Не пойму что?

— Или кто... — прошептал Йенс.

Я дернул плечом:

— Не пугай.

— Я серьезно.

— Может быть, чужой корабль? — Я снова вглядывался, вслушивался — и не прогадал. Вновь то же самое движение... — Нет, не корабль...

— Поразительно точно подмечено, — прошептал Йенс. — Что делать?

— Тревога по кораблю! Левый борт! — заорал я, стреляя в стремительно приближающееся движение — казалось, туман обретает плотность, превращаясь в молниеносно раскрывающийся цветком букет белесых щупалец. — Ой, блин!

Нападение было стремительным — и что придавало ему окончательную иррациональность — абсолютно молчаливым. Просто вдоль борта туман выстреливал целые гроздья этой пакости. Пули то ли ни фига их не брали, то ли вязли в этой слизи, поэтому я выхватил палаш — и выяснилось, что сталь эту тварь вполне берет. Со звуками, которые издают падающие на гладкий пол куски студня, ошметки щупалец начали таять, разбрызгивая бледно-серебристую, похожую на ртуть, жидкость. Мимо меня по палубе протащило Ясо, и я, охваченный ужасом — а что, если эта мразь уже всех утащила?! — в прыжке отрубил щупальце. Ясо перекатился через плечо и пропал в тумане.

— Оно по правому борту! — послышался чей-то неузнаваемый вопль. Ему ответил другой голос:

— Кой черт, на корме оно!!!

— Огонь! Огня! — закричал кто-то. Рядом со мной мелькнул полукруг огня — факел в чьей-то наносящей удар руке...

Дико озираясь, я сжимал в руке палаш. Лидка рядом тяжело дышала, то и дело отбрасывая локтем с лица мокрую от пота и тумана прядь волос. «Где оно?! — крикнул по-прежнему неузнаваемый в тумане голос. Ему ответил другой: — Нет, исчезло!»

— С...пасибо, — судорожно, в два приема, даже не выдохнул, а как-то выикнул я. Лидка посмотрела на меня сумасшедшими глазищами и ничего не ответила. Я перевел дух и крикнул: — Все целы?! Это Олег! Все целы?!

* * *

— Не знаю я, что это было, — Джек попинал с брезгливой миной студневидную лужицу — в такие превращались все куски неизвестного чудовища. — Никого не утащило — и отлично.

— «Отлично»! — передразнил его Сергей. — Туман-то кругом вон какой! А если сейчас опять явится?!

— А я что могу?! — огрызнулся Джек. — Явится — опять огнем пугать будем, оно огня боится... Как еще?!

— Тихо, тихо, дети, не ссорьтесь, — усмехнулся я. — Не стоим? Плыдем? Туман тоже когда-нибудь кончится, и все живы. Ну и отлично...

Я нагнал Джека через три шага и, придерживав его за плечо, тихо и быстро спросил:

— Кто это был?

— Не знаю, — пожал он плечами.

Я приблизил к нему лицо:

— *Кто это был?*

— Да не знаю я, — англичанин не пытался освободиться, и у меня крепла уверенность, что он врет.

— Джек, кто это был?

— Ладно, хорошо, — зло прошептал Джек. — Отпусти плечо... Это Живая Вода.

— Это? — я бросил взгляд в сторону борта. — Я ее себе не так представлял.

— Не шути, — оборвал меня англичанин. — Это не из сказки, а если и из сказки, то из очень страшной. Я думал, что мы все-таки не встретим эту тварь, поэтому молчал.

— Ты знал, что ее можно отпугнуть огнем — ты с ней уже встречался? — уточнил я.

— Да, встречался... — неохотно обронил Джек. — Понимаешь, Олег, она не нападает просто так. Это не животное, это... это *существо*. Его можно вызвать и натравить. Точнее — *сделать*, вызвать и натравить. В прошлый раз эта тварь напала на нас у самого Кейп — Кода.

— Урса? — спросил я.

— Скорее уж — твои друзья из Города Света, — задумчиво возразил Джек. — Тогда я об этом ничего не знал и потерял шесть человек, прежде чем мы случайно обнаружили, что Живая Вода боится огня. Они не хотят, чтобы мы сюда плыли, Олег.

— Они просто развлекаются, Джек, — зло и горько возразил я. — Кто-то взглянул на экран и увидел, как наш корабль всплывает в туман. И решил развлечься, Джек. Всего лишь развлечься.

* * *

— Опять скрипит потертое седло,
И ветер холодит былую рану...
Куда вас, сударь, к черту, занесло?!
Неужто вам покой не по карману?! —

распевал Игорь, и еще с десятков голосов подхватили:

— Пора-пора-порадуемся
На своем веку
Красавице и кубку,
Счастливому клинку!..

— Девкам, пьянке и поножовщине, — весело сказал Олег Крыгин, похлопывая ладонью по фальшборту. Я опустил палаш, отсалютовав Анри, и повернул голову вверх, крикнув:

— Ну как?!

— Вижу землю! — крикнула Ингрид.

— Это Делавэр! — ответил Джек, сбегая с кормовой надстройки. Лицо его стало серьезным еще когда он подходил ко мне — издалека. — Мы при таком ветре не сможем подняться к устью реки. Придется ждать.

— Не придется, — ответил я, убирая палаш. — Спустить паруса! Бросить якорь! Говорить буду!..

— Мы прибыли к Американскому континенту. — Я значительно оглядел расположившихся на палубе, трапах и даже бортах своих ребят и девчонок. — Вы пошли за мной, ничего не спрашивая. Но сейчас я хочу все объяснить досконально. Я намереваюсь пересечь Америку до Калифорнии. Там нас должен будет ждать «Большой Секрет». И те, кто приведет его туда... — Я помолчал. — Нам нужно будет разделиться, друзья. Здесь. И сейчас...

Вопреки моим опасениям, мысль о расставании больше чем на год никого особо не испугала, особенно когда Сергей внес предложение, что «парень и девчонка автоматически считаются за одно» — под общий хохот и весело-возмущенные вопли этих самых девчонок.

— Муж и жена — одна сатана! — выкрикнул Димка и получил по шее от Зорки.

Ясно было, что я иду. Но совершенно неожиданно вести корабль в Калифорнию захотел Вадим — при его-то приступах морской болезни! Я собирался поручить это Джеку и растерянно на него посмотрел, но англичанин совершенно спокойно заявил, что ему все равно, у кого быть штурманом. Потом я сказал, что Кольке и его автомату лучше быть там, где меньше людей, а значит, ему надо идти с Вадимом. Колька уныло кивнул — снова сюрпризом оказалось, что Лидка вдруг тихо сказала, что ей хочется тоже плыть. Соответственно, пришлось оставить на корабле и Леньку, а остальных делить жеребьевкой, в результате которой получилось вот что:

Экипаж «Большого Секрета»	Экспедиция
Вадим Демидов	Олег Верещагин
Ирка Сухоручкина	Танька Бурцева
Джек Соьер	Йенс Круммер
Колька Гришин	Видов Земич
Лидка Смагина	Линде Скольвен
Ленька Смагин	Мило Бранкован
Радица Милованич	Ян Франта
Сергей Лукьянко	Андрей Альхимович
Вильма Швельде	Раде Рачацки
Ясо Сарагис	Зорка Коржич
Клео Бальи	Игорь Басаргин
ИТОГО: 11 чел.	Ингрид Сеген
	Олег Крыгин
	Лена Власенкова
	Сергей Земцов
	Лена Чередниченко
	Димка Юрасов
	Фергюс О'Коннор
	Анри Пюто
	ИТОГО: 19 чел.

— Думаю, до настоящих холодов мы успеем добраться до Калифорнии через Амазонский пролив. — Джек протянул мне руку. — Будем ждать вас там. — Если к концу весны — не следующей, а которая за ней, — пояснил я, — нас вдруг не будет, то больше ждать не нужно. — Я сказал это негромко и спокойно.

— Вы придете, — так же спокойно и уверенно возразил Джек.

— Ладно, — не стал я больше ничего говорить и пошел к ребятам, выстроившимся по обе стороны трапа. Трап казался каким-то шлагбаумом, рубежом, разделившим нас на две группы. Но все вели себя бодро, шутили и перебрасывались советами, обещаниями и подначками. За плечами у наших были вещмешки и скатки.

— Мы будем ждать вас на самом севере Калифорнийского залива! — излишне громко сказал Вадим. Словно корабль уже отплыл, и ему надо было до нас докричаться... Я помедлил — мне очень хотелось пожать ему руку, но Вадим уже первым взбежал на палубу «Большого Секрета», и я — тоже слишком громко — приказал:

— Все, пошли!

— Подожди, Олег, — попросил Анри, — пусть отчалят...

— Пошли, я говорю, — тоном, не терпящим возражений, повторил я.

Потому что знал: если поступить так, то мы будем стоять на берегу, пока за горизонтом не скроется парус.

Ищи меня сегодня среди морских дорог,

За островами, за большой водою,
За синим перекрестком двенадцати ветров,
За самой ненаглядною зарею.

Здесь горы не снимают снегов седых одежд
И ветер — лишь неверности порука.
Я здесь построил остров — страну сплошных надежд
С проливами Свиданье и Разлука.
Не присылай мне писем — сама себя пришли,
Не спрашивая тонкого совета.
На нежных побережьях кочующей земли
Который год все ждут тебя рассветы.

Пока качает полночь усталый материк,
Я солнце собираю на дорогах.
Потом его увозят на флагах корабли,
Сгрузив туман у моего порога.

Туман плывет над морем, в душе моей туман,
Все кажется так просто и непросто...
Держись, моя столица, зеленый океан,
Двенадцать ветров, синий перекресток!

Ю. Визбор

Рассказ четвертый Гипербореи

*Прольется кровь на камни,
И грудь пронзит клинок...
Но мести вскинут знамя
Все те, кто выжить смог!
Вперед, северяне!
Древняя песня*

Сэнди Кларик не успел уйти из своего лагеря.

Давненько я не видел такого. Расслабился. Очевидно, урса напали под утро и сразу прорвались за частокол — иначе не объяснить было того, что возле обугленных, но не разваленных стен из мощных бревен в два обхвата не было следов боя, зато внутри, среди разрушенных шалашей, они имелись отчетливо.

Во всяком случае, люди Сэнди не сдались просто так.

Пепелища уже остыли. Бой был дня три, а то и четыре назад, над трупами, разбросанными тут и там, уже крепко поработали звери, а то, что уцелело, начало разлагаться. Андрей, успевший порыскать в окрестностях лагеря вместе с Йенсом, Фергюсом и Димкой, сообщил, что урса ушли на юг.

— Земля обетованная, ее мать... — уныло сказал Олег, не стесняясь девчонок. — Приплыли.

— Ну, ничего другого мы и не ожидали встретить, — справедливости ради заметил я. Потом добавил после недолгого молчания: — Надо похоронить, что осталось.

Никто особого энтузиазма не проявил, но и спорить не стал...

...Если честно, меня Америка немного разочаровала. Совершенно не понимаю почему.

Кругом был густой красивый лес, только-только начавший кое-где светиться осенними цветами, а в остальном — зеленый и веселый. Наверное, я подсознательно ожидал чего-нибудь «иног». А если подумать — чего? Та Америка, о которой я подумал, создана ее людьми. А их здесь — хрен да малина, и им не до прокладки дорог через весь континент...

Надо было держать точно на юго-запад, чтобы до настоящих холодов перевалить Аппалачские горы и зазимовать на их западных склонах. Потом — Великие Американские Равнины и Кордильеры... Впереди были месяцы и месяцы пути — и странно, но мысль о них порождала не ожидание тяжестей и бед, а странно-зовущее чувство, похожее на далекий, еле слышный звук трубы...

«Дорога растворила меня в себе», — вспомнил я слова, прочитанные в дневнике Лотара (я иногда доставал его и перечитывал местами или рассматривал рисунки). Да, это, кажется, так... Если представить себе ситуацию: я вернулся домой, все как-то утряслось — не знаю, как, да и неважно — я ведь не смогу там жить. Спокойно — не смогу. Неинтересно мне будет. Скучно...

«Зато тут сплошное веселье, — не без иронии подумал я, не переставая внимательно вглядываться в лесные заросли, однообразно-красивые, мимо которых мы шли; именно в этом однообразии могла таиться опасность. — Надо у Вадима спросить, как он думает — похоже это на книжки про Зверобоя?.. Хотя — у Вадима я ничего не спрошу. Я его вообще долго не увижу. Или не увижу вообще».

— Пора на ночлег устраиваться, — подошел ко мне Раде, шагавший в головном дозоре. — Там Мило с Видовом хорошую полянку нашли...

— Ну если уж полянку... — вздохнул я, поворачиваясь к Йенсу. — Фергюс с Димкой не подошли? — Они ушли — точнее, свернули — на охоту и пока что не появлялись.

— Подойдут, — со спокойным оптимизмом откликнулся немец...

...Полянка, найденная сербами, в самом деле оказалась что надо. Ручеек протекал неподалеку, и скоро запылал костер, в центр которого победоносно водрузили здоровенный, похожий на осьминога, смолистый пень — так, что готовить оказалось возможно лишь с краю, подальше от свистящего пламени. Я умиротворенно наблюдал за всем этим, не принимая в разбивке лагеря никакого участия, поэтому первым «засек» Фергюса и Димку. Они тащили оленя и вещмешок, набитый чем-то так, что горловина не затягивалась.

— О, — заметила Линде, — мы думали, что вас покрадали индейцы.

— Украли, — добродушно заметил Димка, одновременно сбрасывая с левого плеча свою часть жерди для переноски оленя, а с правого — вещмешок, из которого раскатились бурые, в комочках приставшей земли, клубни в полкулака размером.

— Ёлки-моталки! — завопил Басс. — Картошка!

— Жаль, Лидка не попробует, она мечтала, — заметил я и невольно громко сглотнул, вызвав общий смех, — рот наполнился слюной. — Ну что? Пюре не сделаем, так хоть испечем! Ленка, доставай соль!

— «Ленка, доставай соль!» — заворчала Власенкова, раздвигая горловину вещмешка. — Ленка, доставай сахар, доставай кофе, доставай то да се... А о зимовке, между прочим, одна Ленка, похоже, и думает. Остальные жрут!

— Первую зиму мы тоже поздно готовиться начали — и ничего, перезимовали, — лениво возразил Олег Крыгин, — ладно тебе, Лен... Здесь и зимы должны быть потеплей, чем у нас...

— Может, кто-нибудь поможет мне с оленем? — в пространство спросил Фергюс, свесив между колен окровавленные руки с финкой.

— Не порть шкуру! — всполошилась Танюшка. — Погоди, я сейчас! Вообще подвинься! — Она решительно потеснила ирландца. — Давай вон потроши, а я шкурой займусь...

— Долой, долой туристов,
Бродяг-авантюристов, —

напевал Басс, —

Представьте, в магазинах не стало ни шиша!
Не стало ни тушенки,
Ни пшенки, ни сгущенки —
Сожрала все проклятая
Туристская душа...

— Спроси у них про душу, —

поддержала Танюшка, —

Они тебя задушат,
Спусти на них собаку —
Они ее сожрут... —

Эх, как мы с Ленкой Рудь и с Кристинкой пели... — Она горько улыбнулась. — Что там мясо и картошка?

— Не готовы еще, — отрезала Ленка...

Тихо-тихо — и долго тихо — было у гудящего костра. Кто-то подбросил в огонь сучьев. Кто-то вздохнул и сказал: «Да-а...» Потом Йенс, выкатывая из пепла картофелину, как-то удивленно сказал:

— Я сам раньше к вот этому... ну, как бы народному творчеству... я к нему равнодушно относился. Отец большой любитель у меня... был? есть? — Он улыбнулся. — Вот и запало кое-что в память. А сейчас здесь жалею, что мало запомнил. Что-то во всем этом есть такое... — Немец вздохнул снова и начал перебрасывать дымящуюся картофелину с ладони на ладонь.

— А мне, если честно, всегда нравились народные песни, — вдруг сказал Раде. — У нас в селах их до сих пор часто поют. — Он улыбнулся растерянно и признался: — Только я не умею.

— Давайте есть, ребята, — тихо позвала Ленка. — Все готово.

* * *

Я проснулся рывком, сразу. Было, судя по звездам, около двух ночи. Рассыписто рдели угли на месте костра. Обостренным чутьем я ощутил — часовые не спят, все на местах. Было прохладно, но не настолько, чтобы проснуться. В чаще похрустывали ветки, потом истерически зарыдал филин, забился, захохотал, как сумасшедший. В просвете древесной кроны черкнули небо сразу несколько звезд. Мне вспомнился прошлый август, степь за Каспием и вот такие же звездопады... Как там Кристо? Живут ли они все еще в нашей карпатской пещере или ушли куда-нибудь? Жив ли вообще?

Так. А чего это я все-таки проснулся? Выспался? Нет, кажется, нет. Не от холода тоже... Не от звуков... Ни от чего.

Плохо дело. Откинув одеяло, я сел, подтянул ворот куртки. Нашарив одним движением дагу, сунул ее за стяжку штанов и встал.

— Ты куда? — тихо спросила Танюшка.

— Часовых посмотрю, спи, — также еле слышно выдохнул я. Танюшка, кстати, и не просыпалась. Это так был, контрольный вопрос.

Я подошел к углям, постоял возле них, полузакрыв глаза и прислушиваясь. Потом двинулся в сторону часовых.

Яна я не нашел и на несколько секунд впал в обалдение, но меня стукнуло по голове

веточкой, и, вскинувшись, я обнаружил, что поляк таким невозмутимым древесным грибом-наростом устроился на широченной ветви точно надо мной.

— Ну и?.. — прошипел я.

Поляк ответил:

— Вшистка тихо едем.

— Можешь не переводить, — отрезал я и свернул в сторону, давая кругалья в те места, где должен был находиться второй часовой.

Бесшумно ступая, я подумал, что *там* давно пропорол бы себе босую ногу. А тут не то что пропороть — я сучки и ветки словно бы заранее чувствую... Так, а чем это у нас Видов занимается?

Я остановился, чувствуя себя, с одной стороны, полным идиотом, а с другой — злясь на серба, который вроде бы не новичок, а вот нате... К нему, оказывается, присоединилась Линде, и она сейчас стояла на четвереньках совершенно голая, ну а остальное... мда. Я довольно нахально отметил, что датчанка в таком ракурсе очень красива, тем более что ей, судя по всему, как раз «подкатило», и она подгоняла Видова слившимся в одно слово «йейейейейей!» — сиречь просто «давайдавайдавайдавай!».

Вообще-то надо было уйти. Но я рассердился и собирался врезать Видову как следует, а для этого следовало дожждаться окончания. У меня была мысль как следует гаркнуть, но вспомнилось, что Джек рассказывал, как однажды в самый патетический момент парочку вот так напугали, и их самым натуральным образом заклинило. И смех и грех — пришлось их отливать теплой водой...

Я устоял на темное кружево крон и постарался отключиться. Кажется, получилось — мимо меня проскользнула на ходу застегивающая куртку Линде с довольнейшей физиономией сытой кошки. На ходу она повернулась, звучно чмокнула воздух и пропала в кустах.

Я появился перед Видовом, когда серб натягивал штаны лениво-замедленными движениями. Он так и застыл — на одной ноге, другая просунута в штанину.

— Добрая ночь, часовой, — нейтральным тоном сказал я. — Звезды-то какие, а?

— Видел? — быстро спросил он.

— Видел, но не подглядывал, — отрезал я. Серб тихо, угрожающе засопел, но я не дал ему начать шуметь. — Слушай, друже и браче. Я ничего против твоих развлечений не имею. Мы с Танькой тоже валяемся под кустами и не делаем из этого особой тайны. Но только не когда я стою часовым. Ты же не новичок, в конце-то концов! Ну что я тебе прописные истины-то растолковываю?! — с досадой сказал я.

Видов влез в штаны окончательно. Глядя в сторону, отрывисто проговорил оправдывающимся голосом:

— Пришла. Сперва говорили. Потом... — Он махнул рукой. — Ну поставь меня еще на два часа, мои скоро кончаются...

— Угу, — проворчал я, — тебе теперь только еще как раз два часа стоять... Иди-ка ты спать. А я заступлю на твой остаток. Сколько там тебе? — Я взглянул в циферблат часов. — Минут двадцать. Давай, иди.

— Нет уж, — почти испуганно ответил серб, — я сам, ты что?

— Сам так сам, — не стал я возражать, ошупью присаживаясь на поваленное дерево. Видов оделся, отступил в тень и стал невидим и неслышим.

Не знаю, почему я не вернулся на свое место спать. Вроде бы ничего не мешало. Вместо этого я сидел, смотрел в ночную темноту, слушал звуки... Пришел, сменив серба, Андрей, даже, кажется, меня не заметив...

Ощущение полета пришло мгновенно и нестрашно. Наверное, я подсознательно ожидал чего-то *такого*. Вот только что сидел на поваленном дереве — и вдруг лечу над ночным лесом на какой-то невероятной высоте и со столь же невероятной скоростью. Какие-то огни мелькали внизу — редкие, но много, и я внезапно понял, что вижу *континент* не просто с высоты, а откуда-то чуть ли не из космоса! Здесь везде была ночь, только эти

огоньки, огоньки... Стоянки, понял я, жалея, что с самого начала не догадался начать считать. Много... Вон там — целая россыпь... Все наши? Нет, наверняка есть и стоянки урса, и тех «наших», которые уже никому не наши... А это что?! От резкого снижения замутило, желудок прыгнул вверх, к горлу...

...Я пришел в себя от ощущения падения и вцепился обеими руками в дерево, широко распахнув глаза.

— Олег?! — Андрей не удержал вскрика. — Откуда ты, я тебя и не заметил...

— Я тут задремал, — с трудом сказал я, поднимаясь. Ноги дрожали, противно, мелко. — Часовых обходил и задремал. Пойду спать. Счастливо отдежурить...

...Вытерев босые ноги о траву, я тяжело свалился под одеяло. Что же такое я видел? Я попытался заставить себя успокоиться, чтобы поговорить с Арагорном, оказаться в беседке над лесным морем, но вместо этого, словно в сырую черную яму, свалился в глухой сон без сновидений и открыл глаза, когда вокруг плавал утренний туман, было сыро и прохладно, а между деревьев за этим туманом просвечивало бледное солнце. На ногах были, как обычно, Ленка, а с ней — моя Танюшка и Ленка Сергея. Они, тихо переговариваясь, готовили завтрак. За деревьями маячил Йенс, второго часового не было видно. Голова у меня тяжело гудела и болела, как в тот раз, в мое единственное похмелье. А главное — давило ощущение, что я так и не вспомнил очень важную вещь.

Сейчас бы с Джеком поговорить... Сергей не врубится... Подойти к Йенсу? Но я тут же оборвал себя. Я их командир и князь, нечего забивать им головы тем, с чем я должен разобраться сам.

Я решительно отбросил одеяло и объявил, потянувшись за сапогами:

— Я встал.

— Какая радость, — равнодушно ответила Ленка Власенкова. — Завтрак не готов, учти.

Я молча отправился к ручью. Метрах в десяти от меня выше по течению пил волк, смеривший меня равнодушным взглядом.

— Слюней напустишь — убью, — предупредил я, отламывая веточку с ольхи, росшей у воды. Волк презрительно повернулся ко мне толстым, как хорошее полено, хвостом и бесшумно исчез в кустах.

Я задумчиво чистил зубы, улыбался. Полоскал рот, надеясь, что голова пройдет сама. Черта с два. Голова болела, и я обрадовался, когда, вернувшись, увидел, что Ингрид уже на ногах. Я движением бровей отозвал ее в сторону.

— Ты решил наконец признаться мне в любви? — не без юмора поинтересовалась она, отходя следом.

— Увы, — развел я руками. — Ин, у меня голова болит. У тебя ничего нету?

— Спал плохо? — уточнила она.

— Да так... Да, плохо, — честно признался я.

— Я сейчас компресс с полынью сделаю, — пообещала она. — Иди, сядь где-нибудь.

— Ой, компресс... — я скривился. — Буду ходить, как невеста кто... Больше ничего нету?

— Нет, — отрезала она. — И надо тебе поесть чего-нибудь... А насчет невесты кого — успокойся, я тебе компресс под твою повязку приспособлю. Иди, иди, я сейчас...

Танюшка тоже обратила внимание на мою явную разбитость и, оторвавшись от приготовления завтрака, присела за моей спиной и начала массировать виски и верх шеи плавными, сильными движениями. Подошла Ингрид и молча занялась компрессом — он довольно приятно пах полынью. Раде, как раз проснувшийся в этот момент, удивленно сказал:

— Смотрите, как его девчонки обхаживают!

— Заткнись, — вяло попросил я.

— Вот так, — заключила Ингрид. — Через полчаса снимешь. Должно помочь.

— Я сейчас поесть принесу, — вскочила на ноги Танюшка, — сиди, я быстро...

— Я ночью проснулась, а тебя нет. — Танюшка разложила на коленях остатки вчерашнего ужина — мясо, картошку, из НЗ — две полоски копченой рыбы, кусок ягодного лаваша. Передала мне котелок с «чаем». — Ты больше так не уходи... Хотела тебя искать, а тут ты вернулся... Слышишь, не уходи больше так.

— Не уйду, Тань, — пообещал я, если честно, не очень соображая, что обещаю. Есть мне тоже не хотелось, но я начал методично запихивать в себя завтрак. Вот сейчас мне больше хотелось завалиться и поспать часа два! Но лагерь всюду поднимался, и я обреченно понял, что пора приступать к исполнению княжеских обязанностей.

Никто не задумывался над тем, что жизнь князя — сплошная мука? Каждую минуту приходится принимать какие-то, мелкие и большие, решения. Вот надо выступать. Болит голова. А надо как минимум назначить дозор. При этом держать в уме, кто там шел в прошлый раз... Впору графики расчерчивать. Да нечем. И не на чем...

Одно хорошо. За этими переживаниями у меня прошла голова.

Отпусти, отпусти меня, горюшко,
Ты пригрей, ты пригрей меня, солнышко,
Ветры буйные, будьте мне братьями,
Моя память — дорогой обратной.

Занесло ее время ненастное,
Не пролезть, не пройти — слово на слове.
Солнце село давно, небо — вороном,
Ах ты память моя — туча черная.

Ты, головушка, не советчик мне.
Кто-то шепчет слова еле слышные.
Не мешай, пустота, дай прислушаться,
Дай мне память свою да послушаться.

На распутье дорог — влево, вправо ли —
Кем-то камень врыт с двумя гранями.
Отыскал, что мне любо-дорого.
Так спасибо тебе, рука добрая...

Б. Рысев

Сергей подошел ко мне часа через три после начала движения, когда мне начало казаться, что впереди — река.

— Впереди — река, — сказал он, отбрасывая с глаз выбившиеся из-под повязки волосы. — И, между прочим, плоты в кустах...

Димка, улыбаясь, держал в руках мокрый трос.

— Хитрюги! — встретил он нас веселым возгласом. — Смотри, что придумали! Это не плоты, а паром, только канат притопили, чтобы видно не было.

— Крапивное волокно, — определил я, пропуская меж пальцев толстую грубую веревку. — Век в воде будет лежать — не сгниет... — Я выпустил веревку. — Значит, тут кто-то живет.

— И плоты собраны из лиственницы, — заметил Сергей. — Вечные... Что за река-то?

— Приток Огайо, наверное, — рассеянно сказал я.

Сергей заметил:

— Танюшка тебя образовала?

— Посмотрите по берегам, — приказал я, игнорируя выпад и обращаясь к подходившим нашим. — Далеко не расходитесь, держитесь группками... Тань, поди сюда.

— Чего? — Она подошла, держа руки на поясе.
— Это приток Огайо? — уточнил я. Танюшка кивнула, вытянула руку:
— Там Аппалачи. Уже рядом, только тут лес мешает увидеть. Перейдем их и выйдем в долину Огайо, а там и до Миссисипи недалеко... Но это уже, наверное, на будущий год?
— На будущий год, — согласился я. — Зазимуюем на западных склонах... Ну что там?
— это я обратился уже к Йенсу, подошедшему к нам по мелководью.
— Есть люди, — невозмутимо сказал немец. — Пасутся на том берегу, что-то собирают, человек восемь, большинство — девчонки.
— Они на том, плоты на этом... — задумчиво сказал я. — Несвезуха какая-то... Ладно, пошли знакомиться...

...«Человек восемь» оказались ровно восемью. Шесть девчонок, двое мальчишек. Вот только были они не все на том берегу — две девчонки перебрались (наверное, бродом) на отмель посреди реки и бродили там по колено в воде — с мешками за плечами, то и дело нагибаясь.

— Привет! — крикнул я по-английски, заходя в воду тоже по колено (насчет брода я угадал — мальчишки тут же рванули на отмель, разбрызгивая воду и на бегу выхватывая клинки). Девчонки не слишком испугались — переглянулись, и одна, повыше, ответила:

— Привет, а ты кто?!

— Прохожий, — ответил я, улыбаясь. — Иду с друзьями на экскурсию в Великий Каньон. Это через здешние места?

— Можно и через здешние, — согласилась девчонка. Мальчишки добежали и встали по сторонам «собираательниц». — А друзей у тебя много?

Она говорила с сильным акцентом, тянула слова, будто жвачку, мне даже понимать было трудновато. И отсюда я различал, что одежда у всех украшена частой, красивой, но незнакомой вышивкой. Как у индейцев в книжках... Наверное, и моя одежда показалась им странной, потому что, не дожидаясь моего ответа, девчонка задала новый вопрос:

— Вы из Старого Света?

— Из Старого, — согласился я. — Мне тут плыть или есть брод?

— Или плотами воспользоваться? — задал свой вопрос Сергей, появляясь рядом со мной.

— О, еще один! — засмеялась американка. — И плоты наши нашли, шустрые! Брода нет, если хотите переправиться — давайте на плотях!

— Остальные смылись, — тихо сказал Сергей.

Я улыбнулся:

— Вижу. Эти нас убалтывают, а остальные рванули к своим. Логичное поведение... Давай-ка переправляй наших.

Сергей отступил в кусты и растаял в них. Я продолжал улыбаться, как дурак на похоронах, и думал, что с американцами драться не хочется. По крайней мере — начинать с драки.

* * *

То ли они специально косили под индейцев, то ли еще что, но лагерь, в который мы попали, напоминал индейские селения всем — вигвамами и каноэ из березовой коры, одеждой обитателей и неуловимым духом. Но внешне его обитатели, конечно (если не считать одежды), не походили на индейцев — рослые, светловолосые, хотя и загорелые, со светлыми глазами парни и девчонки. Их тут было человек тридцать, точнее не определишь, потому что непонятно оставалось, все ли здесь.

— Привет, — коротко сказал, подходя к нам сквозь расступившуюся толпу «аборигенов», неожиданно невысокий парнишка. Меня зовут Колин. Колин Малрой, я тут вождь.

Надо было слышать, как он это сказал. Вежливо, спокойно, почти приветливо... но

подчеркнув одним тоном — *Я тут вождь*. Мне понравилось, хотя соседствовать с этим парнем я не хотел бы. У него на лице написано: прирожденный redneck, как в США называют крутых белых фермеров, презирующих правительство, урса, не дураков подражать и жадных до земли.

— Я Олег, — мне вдруг стало смешно, захотелось поднять правую ладонь и добавить «хау». — Я просто иду со своими людьми зимовать на западные склоны Аппалач. И не собираюсь тут задерживаться.

Кажется, Колин немного смутился. Но вида не подал, вместо этого уже вполне дружелюбно предложил:

— Можете переночевать на наших землях. И охотиться. А здесь пока можете встать лагерем.

— Тут ваш постоянный лагерь? — поинтересовался я.

Колин помотал головой:

— В общем-то — нет. Через пару недель мы уйдем на юг. Мы там зимуем уже четвертый год. Этот будет четвертый, — уточнил он.

— А вы были за Аппалачами? — спросил я.

— Были, и не раз, — сказал Колин. — Я потом расскажу, где вам лучше всего перевалить через горы.

— Им надо быть осторожными, — вмешался широколицый парнишка, длинные волосы которого были завязаны в хвост, переплетенный кожаным ремнем. — Там Вендихо-Вакатанка.

— Нет никакого Вендихо, — отмахнулся Колин. — Пусть лучше остерегаются урса.

* * *

— Есть новости, — Йенс, перепрыгнув поваленную лесину, остановился рядом со мной, покачиваясь с пятки на носок.

— Говори. — Я рассматривал, как в небольшом водоворотике крутится кусочек коры.

— Я тут поговорил с ребятами. — Йенс уселся рядом, переплел пальцы между колен. — Прошлым летом у них в охотничьей экспедиции за Аппалачи погибли три человека из четырех. Вернулся только Берт. Это тот, с хвостом. Вернулся в полной невменухе, долго болел и утверждает до сих пор, что на них напал злой дух Вендихо-Вакатанка. Ему не верят.

— Не понял, — насторожился я. — Это что, они нас той самой дорогой, которой та партия ходила...

— Нет-нет. — Йенс покачал головой. — Как раз все наоборот — другим перевалом. У меня такое ощущение, что этот самый Колин в Вендихо как раз верит, но делает вид, что ничего такого и не происходило. Людей и нервы бережет. Не из романтиков он.

— Йенс, — вдруг сказал я, — а ты замечаешь, что тут почти нет тех, кто, став взрослыми, правит *там*?

— Я думал об этом, — уклончиво ответил немец.

Не значит ли это, что нами *там* правят не те, кто нужно?

— А может быть, наоборот, — немец усмехнулся, — сюда попадают только неудачники? Или вообще нет никакой закономерности?.. Так как с Вендихо?

— Да как-как, — я плеснул ногой по воде, — пойдем и посмотрим. Мы-то как раз эти. Романтики.

Вот вам веселый декабрь из огоньков витрин,
Из проводов и камня, из гололеда шин,
Из опозданий девочек, из огорчений мам.
Неровных тетрадных клеточек, не выпавшихся по утрам.

И если я правильно помню и моя память не спит с другим,

Авторство этого мира принадлежит им.
Они ни в кого не верят и никогда не плачут,
Бог, открывающий двери, и ангел, приносящий удачу.

Вот она ждет, волнуясь. Вот поспевает чай.
Я на перекрестках улиц, меня выходи встречай.
Мне бы антиударное сердце, мне бы солнцезащитный взгляд,
Мне бы ключик от этой дверцы и в ампуле быстрый яд.

Похоже, забили на все капитаны небесных сфер,
Дуют в открытую форточку и плохой подают пример.
Они ни в кого не верят и никогда не плачут,
Бог, открывающий двери, и ангел, приносящий удачу.

Вот вам заветные тайны, вот отчего и зачем,
Из городов случайных, мы неслучайные все.
Время неведомой силой крутит с легкостью стрелки лет,
И с легкостью невыразимой опускается снег в снег.

Промокшие в этом снеге, но довольные собой,
Не замеченные никем, возвращаются они домой.
И ни в кого не верят и никогда не плачут,
Бог, открывающий двери, ангел, приносящий удачу.

Группа «Високосный Год»

— Уезжаю на войну
В горную Абхазию
И поэтому сейчас
На тебя залазию... —

бухтел Сергей. И снова, снова, снова.
Я наконец не выдержал:
— Что за ерунду ты поешь?!

— От Кольки слышал, — не смутился Сергей. — Интересно, как они там?

— Хорошо, — слегка раздраженно ответил я, останавливаясь и переводя дух. Мы карабкались в горы по тропинкам уже три часа.

Американцы нас проводили, находясь в слегка пришибленном состоянии. Они не отговаривали, но явно считали, что нам хана, и я мысленно согласился с Йенсом: в неведомого Вакатанку-Вендихо американцы *все верили*. Только делали вид, что не верят, потому что так спокойнее. А это наводило на грустные мысли. Трусами американцы, конечно, не были. Так что же такое страшное таилось за перевалом, к которому мы сейчас шли, отчего они об этом предпочитали просто не говорить?

Впрочем, никто из наших даже не подумал внести предложение идти тем же путем, который сначала нам предложили хозяева...

...А с этим Бертом я все-таки поговорил по душам, нас Йенс свел. Тем же вечером. Американец пришел неохотно... и охотно. Я не оговорился, именно как-то неохотно-охотно, иначе не скажешь.

— Рассказывай, — предложил я без предисловий.

Йенс отступил куда-то в сторону и слился с вечерней тенью.

Американец подошел ближе и прислонился к дубу лопатками. Покусал губы...

Их было четверо. Он, Берт, — старший. Джесс и Макс тоже были американцами,

Джанни — итальянец (я не очень понял, зачем они поперлись на охоту за Аппалачи — что там, олени не такие, как на побережье? И у меня создалось впечатление, что это была просто разведка с некими непонятными мне целями, но это ничего не меняло — в конце концов, я сам десятки раз посылал подобным образом своих...) Раньше в тех местах они не бывали, но не особо волновались — таких мест на свете, в конце концов, немало. Джанни, натура впечатлительная, скоро начал утверждать, что ему не по себе. Но первые несколько дней прошли абсолютно спокойно — если не считать того, что в окрестностях (а они были богатыми и красивыми) в разгар лета не было ни единого отряда. И не было урса (я отметил, что Берт упирает на последний факт, и отметил еще, что, пожалуй, искали они именно урса). А на пятые сутки пропал Макс, и в этом было несколько странностей. Во-первых, Макс был не из тех, кого можно украсть или даже убить без шума — совершенно бесстрашный, умелый и сильный боец. Во-вторых, Макс пропал именно странно — под утро вышел «по делам» из-под навеса и не вернулся. В-третьих, когда товарищи начали обшаривать окрестности, то не смогли установить даже просто, *где* пропал Макс. Исчез, и все. Джанни внезапно впал в истерику и потребовал немедленного возвращения на восток, мотивируя это неясными пронзительными воплями и хаотичными телодвижениями. Джесс, который был хорошим другом Макса, порывался вновь бегать искать его. Берт думал, он не даром был старшим группы. Наиболее логичным вариантом были бы опять-таки урса, но что-то не связывалось. А решить что-то более внятно Берт не смог, потому что буквально через полчаса после этого разговора, среди бела дня, на них напали. Американец не мог последовательно и логично рассказать, кто именно это был, и дело тут явно не в страхе. Он просто не понял, что и как произошло. Не было разных там слюнявых пастей, воя, жутких монстров... Из леса вышел Макс — весело улыбался и махал рукой. Все радостно вскочили, бросились навстречу вернувшемуся другу... и почти тут же Джесса и Джанни, оказавшихся впереди, охватило белое пламя, похожее на вспышку магия. Они не успели ни закричать, ни остановиться — только остались на траве выжженные круги. А «Макс» двинулся к Берту. Неизвестно по какому наитию мальчишка — он совершенно ни о чем не думал, мозги отказали — схватил из костра, сжигая руки, полыхающую головню и в один мах начертил вокруг себя линию. Круг. И «Макс» его... *потерял*. Прошел мимо, скрылся в чаще, а Берт тут же рванул бегом на восток и до темноты не останавливался, неся, хотя больше всего желал упасть...

Много в Англии проклятых мест,
Много дремучих чащ.
Здесь не помогут верный лук
И зеленый плащ.
Темные силы только и ждут,
Ищут удобный час.
Стоит поддаться — они придут
И разорвут нас.

*Английская баллада XIII века.
(отрывок)*

— Олег! — И резкий свист, как умел свистеть только Сергей. Я перестал созерцать тропу, по которой подтягивался остальной отряд и, повернувшись, увидел, что Сергей, а вместе с ним Игорь и Ингрид, шедшие в передовом патруле, стоят на гребне, возле мощного дуба, который странно обрамлен у корней каменными плитами, выстроившимися кольцом. Сергей снова свистнул:

— Олег!

— Иду! — сердито рявкнул я, ускоряя шаг. — Что там у тебя?!

— Смотри, — Сергей свел светлые брови, — что тут.

— Это руны. — Басс провел ладонью по камню. — Да, Олег?

— Угу, — буркнул я, рассматривая камень, обращенный к тропинке. Я видел руны только в книгах Иванова про викингов, а еще про них мельком упоминали некоторые из ребят, в том числе — Джек. Для меня это были просто странные значки, и я удивленно созерцал белые штрихи, глубоко врезы в серо-серебристый гранит. На самом верху была высечена всего одна руна, ниже — цепочка из них.

Через какое-то время у камня собрались все наши. Я огляделся, кивнул Йенсу:

— Это ведь и правда руны? Можешь прочесть?

— Могу попробовать. — Немец подошел вплотную, чуть наклонился. Фергюс нетерпеливо спросил его:

— Ну, что там наверху написано?

— Ничего не написано, — мельком ответил Йенс. — Это, наверху, не руна, а рунная лигатура. Пожелание удачи... И вообще рунами редко писали. Ими *обозначали*. Это поздний, английский вариант. Думаю, надпись сделана не позже XII века, после этого рунами уже не пользовались... Так. Первая — *зорн*, рядом с ней — перевернутая *кен*, вместе — близость опасности. Дальше — *нид*, враждебное внешнее окружение. И последняя — *беорк*, возможность обмана внешним спокойствием. А тут — повторение всего этого. С обеих сторон. *Куда ни кинь*, как говорят русские. Странно, что об этих рунах нам не сказали американцы.

— Не заметили или не обратили внимания, — сказала Зорка. — Они, если честно, не произвели на меня впечатления развитых ребят. Наши, из Старого Света, умнее намного... Йенс, ты говоришь, что это писали англичане?

— Тогда еще скорее англосаксы, — поправил немец, выпрямляясь. — Ну что, недвусмысленное предупреждение.

— Я никого не зову с собой против его воли, — заметил я. — Но сам не сверну. Мне хочется написать на той стороне долины что-нибудь сугубо героического типа «проверено, мин нет!». Желаящие могут идти со мной. Нежелаящие могут идти в обход через скалы, встретимся на той стороне.

Ответом мне было спокойно-презрительное молчание.

* * *

Больше всего меня поразило то, что я был не один. Кажется, остальные меня тоже не ожидали увидеть. Во всяком случае, Басс смотрел на меня с искренним изумлением. Во взгляде Йенса была просто задумчивость. Танюшка радостно улыбнулась, а Зорка церемонно наклонила голову:

— Ты тоже здесь, князь...

— Вот это да! — вырвалось у меня. — Вы... здесь?!

Я знал, конечно, что *видения* — это не сны, в которых мы можем увидеть кого и что угодно. Поэтому мое удивление было особенно сильным. Я даже засомневался — может быть, это все-таки сон?

— *Мы* здесь, — сказал Йенс. — И давайте не удивляться тому, что видим. Смотрите, нас ждут...

...Из пяти присутствующих я не смог узнать только одну — диковатого вида смуглую синеглазую девушку в овчинной безрукавке, за широким вышитым поясом у которой торчали пара выложенных серебром пистолетов и турецкий ятаган. Они с Зоркой улыбнулись друг другу одинаковыми гордыми улыбками, и я подумал, что это, наверное, сербская юначка, героиня легенд и песен... а может, образ, целиком созданный фантазией Зорки. Девушка сидела на балюстраде, прямо над пропастью, скрестив ноги.

Арагорн тоже сидел на своем обычном месте и в обычной позе. Но рядом с ним, поставив одну ногу на скамью и опираясь на колено локтем, стоял белокурый молодой атлет с лицом, словно вырубленным из гранита, но в то же время красивым и юным, на котором

горели ярко-синие глаза. Одетый в кожу и мех, он из всего оружия имел только крылатый шлем на светлых волосах и длинный тяжелый меч с простой рукоятью — на поясе. «Зигфрид, *советник* Йенса», — понял я. Привалившись к одной из угловых колонн, на нас весело смотрел русокудрый плечистый молодец в белоснежной рубахе с вышитым воротом, падающий с одного плеча алый плащ оттопыривал меч, на другом боку висели гусли. Сперва мне показалось, что я вижу артиста Столярова, но потом я сообразил, что это не Столяров, конечно, а Садко, которого Столяров играл в старом кино — и, как ни странно, это *советник* Басса. И наконец, сидела отдельно ото всех на скамье, широко расставив ноги и положив ладони в латных перчатках на размашистую крестовину меча, одетая в подроспешную кожу девушка с коротко и неровно подстриженными каштановыми волосами и пристальным, неприятным даже взглядом светло-серых глаз.

«Барабана тугой удар
Будит утренние туманы, —

вспомнил я, —

Это скачет Жанна а'Арк
К осажденному Орлеану...» —

и, изумленно посмотрев в сторону Танюшки, наткнулся на ее улыбку и кивок. Несколько секунд я уважительно-удивленно смотрел на свою девчонку...

— Чем вызвана эта коллективная встреча? — поинтересовался Йенс, поднимая руку вверх в ответ на приветствие Зигфрида.

— Вы вступаете на опасный путь, — сказал Арагорн.

— На путь великого подвига, — возразил Зигфрид.

— Почему ты решил идти через эту долину? — довольно резко спросил Арагорн, не обратив внимания на эту реплику и глядя мне прямо в лицо. Вопрос, как всегда, помог мне самому разобраться в своих желаниях:

— Я хочу приключений, король. Хочу, чтобы о нас пели: «Вот, они прошли долину, где жил Вендихо, — и тот отступил перед ними!»

— Это их *orlogs*, — сказал Зигфрид, — их судьба. Они не могут иначе, и это хорошо.

— А вы знаете, что есть Вендихо? — спросила Святая Жанна. Я заметил, что *советники* говорят обо всех, но обращаются прямо только к своим подопечным.

— Он *кто*? — Танюшка быстро облизнула губы. — Он не *кто*?

— Нет, — усмехнулся Садко. — Вендихо — вся эта долина, и у него много лиц. Даже *ваши* лица есть среди них. А есть и такие, в которые лучше не глядеть вовсе, чтобы сохранить рассудок.

— Они не повернут, к чему уговаривать? — пожала плечами юнечка, вновь улыбнувшись Зорке. — Пусть идут. За славой и честью.

— Кто-нибудь проходил эту долину? — тихо спросил Басс, до сих пор молчавший.

— Проходили, — кивнул Садко. — Но это было давно. Очень давно. Когда люди даже *ваших* лет гнули волей стальные столбы, вышибали ворота городов своим именем и рвали цепи на куски приказом...

— Они шли с запада на восток, — сказала Жанна. — Вы видели оставленный ими камень.

— Ого, — сказал я. — А с тех пор больше никто не пробовал?

— Пробовали, — кивнул Арагорн. — Они погибли.

— Неплохо, — заметил Йенс.

— Всегда можно повернуть, — сказал Арагорн. — Только потом не стоит корить себя за то, что отступил.

— Король, — напрямую спросил я. — Ты советуешь мне идти? И вести за собой

остальных?

— Ты говорил о приключениях, — напомнил Арагорн. — Хотя я никогда не был сторонником приключений ради приключений.

— Да ему просто хочется делать все назло, — вдруг сказал Йенс. Я повернулся к нему — немец нахально улыбался, а Зигфрид качал головой в крылатом шлеме. — Что нельзя, то и можно. Куда не надо, туда и нужно. Где никто не ходит, там и пойдём. Хорошая, между прочим, жизненная философия.

— В целом — это правда, — признался я. — Примерно такой философией я и руководствуюсь.

Арагорн засмеялся — я даже вздрогнул, никогда раньше такого не слышал — и уставился на него изумленно, потому что это был настоящий веселый смех.

Гори, моя душа, пускай огонь сжигает
Мосты ко временам, где жил, собой греша.
Пока светла моя звезда и воздуха хватает,
И разум злом не помрачен, гори, моя душа!

Пока ещё любить и жить хватает страсти,
И драться до конца, собой не дорожа,
Пока свободен мой язык и страху неподвластен,
Пока надежда в сердце есть, гори, моя душа!

Когда же тьма и тьма тоску посеют в сердце,
И ночь падет на мир, безумием страха,
Спаси меня от этих бед, пускай ценою смерти,
Да не угаснет твой огонь, гори, моя душа!

Так дай нам Бог понять на нашей страшной тризне,
Что все, в чем нет огня, не стоит ни гроша.
Нет родины иной, чем жизнь, но свет твой выше жизни,
Веди меня на свой огонь, гори, моя душа!

М. Володин

Андрей,
Йенс и я,
Олег, Танька, Лена, Игорь;
Фергюс, Лена и Зорка, Димка;
Видов, Ингрид и Линде, Мило;
Сергей, Анри, Ян и Раде.

Примерно таким порядком мы и двигались с самого утра, с того момента, как спустились в долину. Я строго-настрого запретил кому-либо отходить в сторону дальше видимости. Прежде чем спуститься, мы довольно долго готовились — чисто морально в основном, но не только. Мы внимательно разглядывали долину, насколько хватал глаз.

Ничего необычного не было видно, если исключить то, что в этих местах — явно благодатных! — нигде не поднималось ни дымка. Вообще не было видно признаков человеческого присутствия.

Я ещё раз спросил всех, не скрывая ничего в плане опасности, нет ли желающих «пойти другим путем». И испытал гордость за то, что ко мне прибились такие кретины...

Надо сказать — пока что неведомый Вендиго никак себя не проявлял. Было тепло, но дул довольно сильный ветер (с деревьев то тут, то там уже летели листья), а на солнце время от времени набегали раздерганные клочья облаков. Зверья тут было полно, мы то и дело

пересекали хорошо натоптанные тропинки, слышали, а то и видели животных и птиц.

Как писал Гайдар в «Мальчише-Кибальчише»: «И все бы хорошо, да что-то нехорошо». Я видел, что многим из наших не по себе. И сам понял, что имел в виду Джанни, когда впадал в истерику. Меня *давило*.

Давило, и все тут. И это было не ощущение отталкивания, которое я испытывал в некоторых местах, в которых побывал, словно тебя тут *не хотят*; есть такие места, чужие человеку, чаще всего — морское побережье или горные плато. Нет. Нас тут явно *хотели*.

Что-то подобное, наверное, испытывает животное, ощущающее присутствие охотника, но не видящее его. За нами наблюдали — жадно и оценивающе. И взгляд был осмысленный, а главное — *повсеместный*. Ниоткуда — и отовсюду.

Все-таки этот мир надо за кое-что благословить. Он «заморозил» в нас способности подростков, исчезающие с возрастом, в частности, интуитивное ощущение опасности, молниеносную реакцию, бесстрашие. И одновременно наделил опытом, вещью бесценной. Так вот. Не урса за нами следили. И не люди. И вообще...

Под «и вообще» начались чудеса. Андрей остановился, вскидывая левую руку, а правой молниеносно обнажив свою валлонку. Но он мог бы и не сигналить, потому что трудно было не увидеть то, что предстало нашим глазам.

Точно перпендикулярно к нашему курсу шла группа ребят. Очень похожих на нас (в том смысле, что похожи вообще-то все, прожившие здесь определенное время), но вооруженных как бы «потяжелее» — со щитами, многие в шлемах, кое-кто с копьями, некоторые — в чешуйчатых панцирях. Двигались они быстро, привычно-ходко и бесшумно.

Совсем бесшумно.

Один из парней обернулся в нашу сторону, и я встретился взглядом с его глазами, светло-серыми и широко расставленными.

Он меня не видел. Отвернулся и зашагал дальше в этой странной процессии.

— У них ни у кого нет тени, — сказал напряженно Йенс. Мы оставались на месте, словно не в силах пересечь ту невидимую черту, по которой они шли, пока странный отряд не скрылся за деревьями, двигаясь все так же размеренно, бесшумно и уверенно.

— Пошли, Андрей, — окликнул я Альхимовича. Он обернулся, посмотрел на меня, сглотнул — и зашагал вперед.

Ничего не случилось...

— Олег, — мы с Йенсом шли в центре ромба, а Танька и Ленка Власенкова на время заменили нас в охране, — ты понял, кто это был?

— Понял, не дурак — дурак бы не понял, — пробурчал я. — Те, кто погиб тут когда-то.

— Дурак, — искренне заметил Йенс. — Наоборот — те, кто смог пройти эти места. Вендихо *сравнивает* нас с теми.

— С чего ты взял? — спросил я. Йенс вздохнул так, что мне захотелось дать ему по шее:

— «Тир», — палец Йенса описал в воздухе «наконечник стрелы». — У них на щитах была руна «тир», или «тиваз», не знаю, но скорее «тир», если это англосаксы, — и он прочел:

Тир — звезда,
веру крепит в атлингах,
не собьются с пути,
туман в пути
им не помеха...

...К вечеру мы вышли на берег тихого лесного озера.

* * *

Обычно я ставил на двухчасовые ночные дежурства по два человека и считал это более

чем достаточным. Нормальным было и то, что часовые старались замаскироваться и не привлекать к себе внимания. Но на этот раз я изменил своей привычке — опасностью были не урса. Мы еще засветло натаскали на поляну у речного берега огромное количество хвороста и сушняка (ходили по четверо!), из которого выложили огненное кольцо. На те же двухчасовые смены я назначил снова четверки, приказав ни в коем случае не покидать круга.

Как только стемнело — начались мелкие и гадкие чудеса. Ощущение *взгляда* стало неотрывным и физически тяжелым. По кустам вокруг ярко горящего огня крались отчетливые звуки. Из темноты протягивались сами собой ветви деревьев. Кто-то тяжело перепрыгивал с одного ствола на другой. Вода у озерного берега шептала вкрадчиво и затягивающе. Что-то плескалось там.

Мы поели и стали укладываться — никто не рвался петь, сыграть в шашки или шахматы, просто посидеть и поговорить, хотя вроде и устали не очень. Ложились головами к огню, ногами наружу — такой «звездой». В первой смене стояли (было десять часов) Йенс, Видов, Димка и Фергюс. И я еще какое-то время бродил по лагерю, стараясь не вглядываться в темноту и дергая часовых без нужды, пока Йенс не сказал почти весело:

— Да ложись ты, князь. Тебе меньше чем через четыре часа вставать.

Я не признался ему, что боюсь ложиться, но вздохнул и отправился к Танюшке. Она уже спала, кстати, лег и я, не разуваясь, просто накрывшись плащом и крепко зажмурив глаза. Я был уверен, что если открою их, то увижу за линией огня нечто непередаваемо страшное.

Странно, но уснул я мгновенно и спал без сновидений, пока не проснулся от какого-то внутреннего толчка. Костер в центре горел, кольцо тоже полыхало. Поднеся к глазам руку с часами (переставлять их по часовым поясам я уже давно бросил, но заводил регулярно, и они исправно отмеряли время), убедился, что проспал больше трех часов, до смены еще двадцать минут, а спать не хочется.

Я сел, потом встал, оглядываясь. Андрей неподалеку подбрасывал в костер хворост. Ян и Мило мерили шагами внутренний круг, а Раде стоял у дальней его границы, напряженно вглядываясь в темноту, и я подошел к нему. Он оглянулся:

— Чего встал?

— Ну, что там? — вполголоса поинтересовался я, не отвечая на вопрос.

— Мерзость разная чудится, — признался он. — Такая, что волосы дыбом... Остальные говорят, что тоже.

— Не всматривайтесь, — резко и громко буркнул я, отворачивая его за плечо; размытая черная тень отдернулась от огненного круга в двух-трех метрах от нас. — Вот сволочь!

— Князь, — Раде серьезно смотрел на меня глазами, отражающими языки пламени, — ты встречался когда-нибудь с нечистью? В смысле — там?

— Никогда, — решительно ответил я. — А ты что, встречался?

Раде вздохнул:

— Вы, русские, совсем европейцы... А у нас до черта такого, о чем вслух не говорят. Мы жили в Скопье, отец нас всегда возил отдыхать в Италию, но пару раз не мог, дела были, и мы жили у прабабки, в селе на границе с Косово. Ей уже за сто, прабабке. Она нас после темноты даже из дома не выпускала, потому что говорила, что у околицы бродят вурдалаки.

— Кончай... — я передернул плечами. Раде моргнул, улыбнулся и продолжал:

— Вот... А во второй раз — мне было двенадцать — я ночью спер у нее ключ, открыл дверь и вышел. Страшно было — не передать, но и тянуло... Там до околицы рукой подать было. Ночь лунная... Вот, помню, я иду и уговариваю себя, что все это сказки, никаких вурдалаков не бывает... Пыль блестит, как серебро, никого нет, в домах — ни огонька, но видно все равно неплохо. — Раде вдруг нервно засмеялся и продолжал: — Короче, я едва успел добежать до дому. А ключ потерял. Он до утра стоял прямо у открытой двери и просил впустить, а я сидел у порога и трясся — чтобы дверь закрыть, нужно было руку наружу протянуть. Я даже, что обдурлся, заметил только утром, когда он ушел. Прабабке я,

кстати, все рассказал. Так вот, ты не поверишь. Сельский шериф¹ меня расспросил и сам пошел на кладбище — я потом там был и видел, как он — в форме, при оружии! — загонял в одну могилу осиновый кол.

— Прекрати, страшно же! — сердито и откровенно сказал я. Раде хлопнул меня по плечу:

— А я думал, что ты только высоты и пауков боишься!

— Не только, — отрезал я. — Еще я боюсь за всех вас. По обязанности.

— По обязанности? — не без яда уточнил Раде. Вода в озере заплескалась так, словно кто-то вылезал на берег; я похолодел и на вопрос Раде не ответил, а вместо этого спокойно сказал:

— Поднимай мою смену. Пора...

В свою смену я взял Сергея, Басса и Олега Крыгина. Ребята быстро привели себя в порядок, и мы разошлись по периметру, подбрасывая хворост. Мы не разговаривали и не присаживались, но именно с этими парнями я чувствовал себя необычайно *надежно*. И это было странно. Йенс и Джек были умней моих старых друзей. Фергюс, Видов, Раде — да и многие другие — умели лучше фехтовать. И не то чтобы я держался со «старичками» как-то особо близко.

Но вот поди ж ты... Мне вспомнился дневник Лотара. Как он писал про своих старых друзей, которых осталось мало, которые замешались в массе ребят и девчонок, ничем не худших, чем они... и все-таки остались его старыми друзьями. Кажется, ребята мои ощущали то же самое, потому что Олег вдруг сказал:

— Интересно, как там Вадим?

— Через энное количество месяцев узнаем, — откликнулся Басс.

— Смотрите внимательно, — окликнул я их. Басс отдал честь. Я усмехнулся и неспешно зашагал вдоль огня, стараясь заставлять себя смотреть под ноги, не коситься в темноту. Следом за мною крался по кустам многолапый шорох, сопровождавшийся странным похрюкивающим звуком. — Сгинь, гадина... — процедил я против своей воли, косясь в ту сторону. В кустах захихикали, завозились, зашептали на несколько голосов: «Сгинь, сгинь, сгинь...» Я зашагал дальше, стараясь держать в поле зрения Сергея, шедшего мне навстречу, и не прислушиваться к шепоту, оставшемуся за спиной.

Мы поравнялись друг с другом, обменялись — ни за чем, для бодрости — кивками и уже почти совсем разошлись, когда до моего слуха донесся (на самой его грани!) далекий, но отчаянный крик. Я оглянулся и по настороженному лицу Сергея понял: он тоже слышал. Но все-таки спросил:

— Слышал?

— Слышал, — коротко ответил мой друг. В этот момент крик повторился — более отчетливо. Кто-то кричал по-французски: «Помогите, ради бога!» — Опять... Что делать, Олег?

— Да ничего, — отозвался я, — это ловушка, ясно же...

Крик раздался в третий раз, примерно на том же расстоянии. В нем звучали отчаянье и ужас.

— Это километрах в двух, на берегу озера, — Сергей вгляделся в темноту. — Недалеко...

— Никого там нет, — отрезал я. Заорали снова. — Сам подумай — ну кто там может так орать, долго и вдохновенно? Бежит и орет? Сидит на дереве и орет? И кого он на помощь зовет?

— Да, правда... — Сергей почесал висок. — Точно... Все равно на нервы действует... Ладно, разошлись.

Мы вновь зашагали в разные стороны. В темноте по-прежнему разносились крики о помощи, но я уже и сам понял — никто там на помощь звать не станет. Крики больше не

¹ Должность сельского участкового в СФРЮ так и называлась — шериф.

напрягали, просто раздражали, а человеческого в них оставалось все меньше и меньше. Словно магнитофон тянул ленту, а по временам наоборот — «убыстрялся». Очевидно, Вендихо это понял, потому что вопли наконец стихли, как оборвало.

Интересно, **чьим** голосом кричал он по-французски? Кто был (или кто была?.. Не поймешь по голосу...) этот француз, погибший здесь? Я подбросил в нескольких местах хвороста в костер, зевнул. Зевок вышел нервным, каким-то собачьим.

— Олег! — окликнули меня. Оклик раздался спереди, из-за цепочки костров, и голос был знакомым; я не успел задуматься — чьим, потому что оклик повторился: — Олег! Поди сюда!

Блин! Я выругался мысленно. Кто-то все-таки вылез за ограждение! Не иначе как этого кого-то заела стыдливость, и он решил помочиться в темноте! Ведь говорил же, предупреждал, требовал! Надо идти, вытаскивать — куда кто там влетел? Рядом совсем кричат, минута туда, минута обратно — быстро обернусь...

Так. Стоп. *А куда это я?!*

Этот вопрос я задал себе, уже примериваясь к прыжку через костер. Помотал головой, рукой потер лицо. Оглянувшись через плечо, я внимательно пересчитал всех наших. Конечно же, все были на месте!

В чаще раздался пронзительный, жуткий вой, бешено захрустели кусты — через них кто-то ломился, прямиком ко мне, явно намереваясь пробить костер. Я шарахнулся назад, выхватывая оружие... но всколыхнувшая лес волна резко улеглась.

— Выходите, — раздался глухой, вездесущий голос, на этот раз говоривший по-русски. — Выходите сюда, хватит играть со мной. Все равно вам не уйти теперь из долины, я получу вас всех, так облегчите свою гибель сами, придите ко мне!

— Иди сюда сам! — крикнул Сергей. — Что, обжечься боишься?!

— Не говори с ним! — рявкнул Басс. — Не обращайтесь внимания вообще!

Кое-кто из наших, похоже, проснулся, но явно не воспринял происходящее — повожился и удрых снова. Голос умолк, вместо него начали раскачиваться деревья. Сперва слегка, потом — все сильнее и сильнее, пока шум ветвей не слился в страшный рев, теперь уже перебудивший всех. Ребята и девчонки вскакивали, хватаясь за оружие и озираясь. Я, перекрикивая гвалт, заорал:

— Все нормально! Просто под утро хозяин долины решил повеселиться как следует! Ложитесь! Ложитесь, спите, все хорошо!

Шум, кстати, улегся почти тут же. Наши укладывались дольше, но в конце концов затихли и они. Мы возобновили свое движение по кругу. Шорохи и треск по-прежнему преследовали нас, их сопровождал тихий, уходящий в неслышимость, вой, от которого начинало ломить виски, а в затылок отдавалась резкая боль. В какой-то момент я заметил, как Олег собирается перебираться через огонь, но Басс дернул его обратно. Крыгин дико посмотрел вокруг, признался:

— Вот ведь... Почудилось — Ленка оттуда зовет.

— Вон твоя Ленка спит! — Басс потряс его за плечи.

Олег улыбнулся:

— Вижу, вижу, я в порядке... Вот ведь гадина! Чуть не выманил... Слышишь, ты, сука?! — заорал он в темноту. — Я тебе...

— Заткнись! — прошипел я. — Все! Тихо! Работаем дальше!

Вендихо не унимался. Очевидно, он чувствовал, что скоро рассвет (стоп, а ведь на американский отряд он днем навалился — надо не забывать...) — и решил нас донять. Из леса выходили слепые олени, двигавшиеся, как манекены, на прямых ногах. От них веяло запахом гниения, между задних копыт волочились черные, спутанные клубки внутренностей. Этой нечисти собралось целое стадо. Смотреть на них было тягостно, не страшно, а отвратно до тошноты. Кончилось тем, что Сергей начал швырять в них головешками и разогнал. Вместо этого начался вокруг мjav, рев и вой, кто-то шарахался с дерева на дерево и даже пролетал над поляной, над костром, заставляя пригibasъ. Но где-то далеко за озером

медленно начинала разгораться полоска зари — и вакханалия вокруг костра пошла на спад. Но, прежде чем она прекратилась окончательно, произошло еще кое-что.

Я как раз раскопегаривал пригасший в одном месте костер, когда ощущение взгляда стало непереносимым, и я, вскинувшись, схватился за наган. Прямо за пламенем высилась темная фигура — точнее я не мог ничего рассмотреть, взгляд как-то странно *соскальзывал* с нее, как вода с промасленной ткани, и только два светящихся мертвенно-зеленым светом диска висели перед моим лицом.

Это только начало, услышал я у себя в голове.

* * *

Утром подморозило. Стало ясно, что наступила осень. Воздух меж деревьев стоял (именно *стоял*) тихий и прозрачный, как стекло. Висела белесая паутина. Конечно, можно было не сомневаться, что день вновь будет теплым, но также несомненно было и то, что накатывает зима. Может быть, не такая суровая, как в старушке Европе, но — зима.

Я не выспался, хотя после смены смог достаточно спокойно поспать еще два часа. Вообще, если честно, все приключения, пока их переживаешь — это смертный страх или столь же смертная скука (вроде бесконечных пеших переходов). Но во-первых, как ни странно, потом вспоминаются только немногочисленные, но по-настоящему яркие моменты. А во-вторых — без этих приключений адреналин в кровь перестает поступать совершенно. Растительное существование...

— Раз пошли на дело —
Выпить захотелось... —

бурчал Игорь, затягивая ремни сапог. — Что-то холодно, Олег...

Что-то стало холодать.
Не пора ли нам поддать?

— Алкогольную тему отставить. — Я зашарил по земле в поисках «сбруи». — А, вот... Доброе утро, Тань.

— Не очень доброе. — Она села, ежась. — Сны такие мерзкие снились... или наяву было, черт его знает... Ты в лес уходил?

— Ты что? — поразился я.

— Значит, снилось, — вздохнула она. — Ой, как холодно-то... Мороз, что ли?

— Невероятно точное замечание, — заметил Олег Крыгин.

— Так, никому никуда из лагеря не отходить! — гаркнул я, будя тех, кто еще спал. — Если кому приспичило до «не могу» — собираться группами не меньше чем по пять человек и опять-таки далеко не отходить!.. Лен, когда завтрак будет?

— Будет, — туманно ответила Власенкова. — Олег, поохотиться бы сегодня. Свежее мясо нужно...

— Не только нам, поэтому перебьемся сухпайком, — отрезал я. — Да вставайте же, наконец!

Мой вопль привел наконец в действие всех. Реанимированный костер разгорелся, утренний холод отступил, послышались шутки и подначки.

— Вообще-то если сегодня ночью мы видели все, на что Вендихо способен...

— Чаю налейте...

— Слушайте, что мне сегодня снилось!

— Нет, это ты послушай...

— А мясо все-таки плоховато коптили, пахнет...

— У нас с водой-то как?..

— Кто мой брусок для точки свистнул? Верните, а то будет, как на Кавказе!
— А там как было?
— А там не вернули...
— Фергюс, у тебя шов под мышкой разошелся, давай я зашью...
— Фляжку заберешь, вон, висит на дереве...
— Смотрите, какое красное солнце...
— Нет, все-таки ночка была неприятной. Сколько еще переходов-то?..
— А где тут все-таки картошка растет еще?..

Я ел свою порцию и невольно улыбался. Честное слово, мне было хорошо среди этой компании. Правда. Но в то же время начинал я ощущать какое-то странное чувство. Оно подкрадывалось и росло последние месяцы, и до сих пор я как-то не обращал внимания на это... а вот сейчас задумался. И опять вспомнил тот сон. Я один. Холодный туман над проросшим острыми копиями осоки болотом.

Я — один.

Друзей у меня почти не осталось уже сейчас, и это был неприятный факт. Я сейчас могу любого из этих ребят, любую из этих девчонок окликнуть. Пошутить могу. Могу приказать, и никто не посмеет не послушаться. Могу пуститься в общие для всех нас воспоминания и сам посмеяться в ответ на дружеские подначки.

Дружеские — но не от друзей. Уплыл Вадим. Уплыл — и ушел, как друг, и расстались мы с ним нехорошо. Сергей остался другом, но в душе я боюсь, что и с ним меня что-то разведет... а раньше-то и мыслей не было таких! Джек — да, пожалуй, друг... а может, просто общность душевных установок? Йенс — словно какая-то стеночка не дает нам сойтись вплотную — и он, похоже, это тоже понимает и не очень старается сблизиться.

Вот вам и шуточный титул. Смешной титул. «Князь». Смешно, весело, шутка... Но тот мальчишка, который глядит на меня из любого лесного озера немигающими карими глазами, — это не шутка. Это правда, и у этой правды жесткое лицо...

— Пошли, собираемся. — Я решительно поднялся на ноги. — Кончайте жрать!.. Там, у кустов, — подъем, блин!.. Не отходить!.. Строиться!..

— Ох, е, — прокряхтел Андриюшка Альхимович. — Тань, он что у тебя — не выпался? Или в военное училище готовится?.. Грехи наши тяжкие, где мой нож?

— Ты на нем сидишь, — спокойно сказал Йенс.

И рывком затянул пояс.

* * *

К двум часам стало совсем тепло. Мы вышли к речке; Вендихо себя никак не проявлял. Холодная даже на вид вода стремительно неслась между узких пологих берегов отчетливо видимыми переплетающимися струями — прозрачная, тугая.

— Перейдем, — я вытер пот со лба ладонью. — Йенс, Олег, свалите поперек вон то дерево.

Мальчишки отошли в сторону, застучали топоры. Олег и Йенс (похожие, кстати, «истинные арийцы») умело вперемежку работали короткими острыми инструментами с оттянутым «бородой» полотном. Все даже засмотрелись.

— Смотри, — вдруг буркнул Раде. Он не наблюдал за тем, как рубят дерево, а что-то крутил головой и сейчас толкнул меня локтем.

— А? — Я оглянулся. И больше ничего не спрашивал.

В двух десятках метров от нас, на прогалине, по которой мы шли недавно, пригибалась трава. Так, словно кто-то двигался в нашу сторону, привлекая ноги.

— Быстро сюда, бросайте дерево! — заорал я, выхватывая палаш. — Спинами к берегу, оружие наголо! Живей!

Команда была выполнена молниеносно. Теперь все видели это странное шевеление — вернее, видели, что оно замерло в двух-трех метрах от нас. Мгновенно появилось ощущение

давящего, пристального взгляда в упор. Кто-то водил *стылыми* глазами по нашим лицам, словно кистью — широкой, смоченной в липкой холодной слизи. Хотелось поднять руку и вытереться, как будто это и правда по-настоящему.

Не знаю, сколько времени это продолжалось. Но долго — на самом деле долго, не по ощущению. Это... *нечто*, или *ничто*, не знаю, как сказать... так вот — оно не стояло на месте, а двигалось вдоль нашей напряженно замершей цепочки, словно искало слабое звено. Потом — ушло. Ушло в лес так же, приминая траву, как подходило к нам.

Я услышал, как кто-то со свистом выдохнул, словно не дышал все это время. Еще кто-то как по команде зашевелился, кашлянул, переступил с ноги на ногу, звякнул сталью...

— Ну и что это было?! — взвинченно спросила Зорка. Ее голос даже не был похож на обычный — ее же.

— Переправу! — прохрипел Йенс. — Черт, скорей же!.. Текучая вода...

— Не поможет, — ответил Фергюс. — Вся эта долина — *он*.

— Переправляться все равно нужно. — Я отмахнул рукой, Олег и Йенс бросились к полуподрубленному дереву. — Не расходиться, стоять, оружие не убирать.

Йенс и Олег работали топорами, как заведенные, только щепка летела, причем часто промахивались, потому что оглядывались, хотя мы отгородили их от леса полукольцом, да еще двойным, убрав девчонок во внутреннее полукольцо. В конце концов дерево, с хряском ломая ветви, рухнуло на другой берег. Мне кажется, оно еще и упасть толком не успело, а половина наших была уже на другом берегу. Я переходил последним, и это, надо сказать, требовало почти всех запасов моего героизма. Но вопить: «Поджигайте мост!!!» — я начал еще на середине.

* * *

Весь этот день мы уходили все дальше и дальше в глубь долины, не теряя боевого строя и то и дело останавливаясь. Вендихо нас в покое не оставлял — среди бела дня, сволочь, чудил почему зря, выпуская из-за деревьев и кустов такую ересь, что я не удивился бы, окажись у меня к вечеру половина седых волос. Но к тому моменту, когда мы уже собрались останавливаться на ночлег, Йенс подошел ко мне.

— Слушай. — Он нервно улыбнулся. — Есть риск не дойти.

— Имеется, — согласился я, отводя глаза от гниющего девчоночьего трупа, ковыляющего за кустами параллельно нашему курсу.

— Есть один способ, — предложил Йенс, — только я не знаю...

— Я знаю, — убежденно заявил я. — Что угодно лучше, чем здесь.

— Придется идти, не останавливаясь, пока не покинем долину.

— Если надо — побежим... Только все равно не успеем, ночью даже лучше на месте...

— Олег, — оборвал меня Йенс, — кончай тратить время. Я раньше этого не пробовал, но может получиться. Во всяком случае, у того, кто мне показывал, получалось.

С этими словами Йенс полоснул себя по запястью...

...Не знаю, как и что там бормотал Йенс, глядя на заходящее солнце, пока его поддерживали — он потерял немало крови, пока нарисовал каждому на лбу руну). Потом мы вынуждены были его тащить, самым элементарным образом, на носилках, которые мы тут же соорудили. Йенс и позже не объяснял свой фокус... и был ли это вообще фокус.

Но все эти жутики Вендихо, которых он напускал массово, резко потеряли к нам интерес. Даже нет — их интерес сменился явным ужасом, они очищали нам дорогу, а мы шли быстро, не оглядываясь и плотней сбившись в клин, в центре которого тащили Йенса.

Мы двигались таким порядком, пока не выбрались за пределы долины. И даже когда Йенс пошел сам, а дорога уже вела в гору — долина кончилась, — мы не остановились.

* * *

От долины Вендихо мы уходили еще целых три дня после того, как пересекли ее границы, хотя по ночам были заморозки, а листва на деревьях либо облетела, либо окончательно приобрела цвет золота и меди (дни, правда, были все еще теплыми). Мы не сговаривались, я даже приказов не отдавал — просто по утрам, как само собой разумеющееся, мы снимались и шагали дальше. Зимовать возле долины мы не хотели.

Аппалачи не очень были похожи на горы в обычном понимании этого слова. Из бесконечных долин, густо заросших лесом, поднимались хребты и перевалы, тоже с деревьями, но редкими. В долинах текли речушки — притоки Огайо — и сбегали со склонов многочисленные ручьи. Помимо всего прочего, эти места кишели жизнью.

Утром четвертого дня я задумался — во время завтрака — о том, что мы опаздываем с зимовкой. Задумался так глубоко, что слабо воспринимал окружающее. В таком состоянии я вполне мог исполнять обычные обязанности, но не более того.

— Олег!

Это слово и вывело меня из обалдения по поводу зимовки. Мы уже часа два шли по берегу ручья. Я вскинул глаза — на меня чуть ли не с сочувствием смотрела Ленка Власенкова.

— А? — встряхнулся я.

— Тебя зовут, — мотнула она головой. — Вон орут.

Перед нами была большая — метров триста — луговина, на противоположном конце которой поднимались пологие холмы, в свою очередь, в нескольких местах увенчанные каменными клыками. Между двух таких «клыков» стоял, размахивая рукой, Димка. Увидев, что я смотрю в его сторону, он поднес пальцы ко рту и засвистел так пронзительно, что эхо мячиком отскочило от леса за нашими спинами и заметалось по луговине.

— Олег!!! — донеслось до нас.

— Иду! — заорал я в ответ, поднимая руку...

...Весь передовой дозор, согнувшись пополам, заглядывал в полукруглый арочный вход, на две трети заплетенный уже отзеленевшим диким виноградом. Вход располагался прямо в основании каменного столба, как дупло в траченном кариесом зубе. Вокруг лежала широкая площадка, со всех сторон обрывавшаяся на глубину восемь-десять метров в ручей — только в одном месте тропинка вела через него, круто поднимаясь. Из пещеры тянуло теплом и не пахло зверем.

— Факелы давайте! — крикнул я, чуть повернувшись через плечо.

— Удачное место? — гордо спросил Ян. Оказывается, неистребимый инстинкт карпатского горца завел поляка сюда ради интереса.

— Кажется, да. — Я рывком сдернул виноградную занавеску. — Но интересно, почему оттуда тепло-то?

— Скорей всего, термальные источники, — это сказала Танюшка, взобравшаяся к нам. — Центральное отопление.

— Сыро будет с таким отоплением, — возразил Димка.

Снизу передали охапку наскоро, но умело сделанных факелов. Видов уже стучал кресалом, выбивая искры, и скоро от первого занявшегося факела разжигали остальные, раздавая их по рукам...

...Сразу за входом, без коридорчиков или переходов, располагался небольшой зал — где-то шесть на шесть, высотой метра два, с сухим песчаным полом. Я услышал довольный вздох Ленки Власенковой и про себя согласился — комнатка для проживания была идеальной. Дальше вел еще один проход — тоже арка в стене — и мы, пройдя в него (пригнувшись, иначе никак), оказались в маленьком «тамбуре», где голова практически чиркала о потолок. Тут было почти душно — влажным теплом тянуло из проходов в стене. За одним, куда мы сунулись, оказался тупик с трещиной в полу. Оттуда шло тепло, но сухое («Сортир», — сказал кто-то, и я мысленно согласился опять). За вторым коридор довольно круто уходил вниз, и половина наших воинов во главе с Андреем полезла туда, а я с

остальными отправился в третий — последний — проход.

Мы сразу застряли в коротком широком коридорчике — спереди слышались какое-то шуршание, вздохи и побулькивание, которые лично у меня вызвали ассоциации со скопищем огромных насекомых. Я застыл. Другие тоже остановились, но Зорка вдруг рассмеялась (откликнулось эхо) и сказала:

— Эх, вы, храбрецы! Это же вода!..

Через большой зал — дальнего конца не достигал свет факелов — бежала в мелком каменном ложе широкая река. Слева под стеной бурлили несколько ям с кипятком, а справа из-под стены выбегал ручей, вода в котором была ледяной. В речушке же она оказалась горячей — очень, но рука терпит, а у того места, где в нее впадал ручей, — прохладней.

— Баня и родник, — заявил я. — Это клад. Ян, я тебе благодарность в личное дело впишу.

— На лоб синими буквами, — хихикнул довольный поляк.

— Эй, а тут раньше жили! — подал голос Сергей. Он стоял у стены, водя факелом вдоль нее. Свет выхватывал из темноты строчки выбитых в камне букв. — По-английски, кажется... Точно! — он помедлил и довольно бегло перевел: — «Пятое января 1692 года...» сколько завитушек... тут имена и фамилии... сорок пять человек... «Уходим завтра на прорыв. Запасы берем с собой, раненых тоже не оставим. Если ударим внезапно — прорвемся, есть все шансы. Да будет с нами Святая Троица, Дева Мария и Святой Георгий, покровитель доброй Англии». А вот тут еще, смотрите!.. И еще, только уже по-русски!.. А вот еще, дата времен войны, какой-то Лотар Брюннер... Олег, это не тот, про которого ты говорил?

— Да, он, — я подошел ближе, с уважением окинул взглядом надписи. — Мемориальная стена... Все, зимуем. Хорошее место!

— А я прямо сейчас нас увековечу. — Сергей достал складной нож, всаживая факел в трещину на стене...

— Там ледник, — Ленка чихнула, почесала нос. — Крутой спуск со ступеньками и ледник. Кувшины — хорошие, но пустые. По мелочи кое-что. По-моему, тут стоит зимовать.

— По-моему, тоже, — согласился я. — Ну что, тогда прямо сейчас начнем готовиться... Давай, Лен, бери все в свои руки.

Глаза нашего завхоза загорелись хищным азартным огнем фанатика. Я понял, что в ближайшее время Олег Крыгин останется в одиночестве и днем, и ночью — Ленке будет не до него. Зато нас она замордует, иначе не скажешь. Кулацкие у нее гены, иначе не скажешь.

— Надо будет очень постараться, — вдохновенно заговорила она, — пока еще снега нет, да и дни теплые совсем...

Я постарался перестать слушать.

* * *

На этот раз меня «прижало» на охоте. Я огибал здоровенный муравейник, обитатели которого уже запечатали на зиму все входы и выходы, когда все вокруг вдруг понеслось с невероятной скоростью — вниз и вперед. Остро кольнули глаза искры звезд. Почти неосознанно я вскинул над головой сложенные «лодочкой» руки, ощущая, как некая бездушная сила разворачивает меня вокруг оси... Солнце выкатывалось над горизонтом, похожим на чашу, потом начало опускаться, и я увидел летящую мне в лицо Европу. Это было так дико, что я зажмурился, а когда через миг заставил себя открыть глаза — на меня надвигалась Скала. Еще секунда — и я увидел подземную гавань и оба драккара Лаури, лежащие на берегу... а в следующее мгновение я понял, что Скала пуста. Не опустошена, нет — именно пуста, покинута...

Первое, что я увидел, рухнув обратно к муравейнику, — острие самодельного копья, покачивающееся перед моим левым глазом.

— Да ну нафиг, — заметил я, не пытаясь отстраниться. Копье сжимал — излишне

сильно и нервно — мальчишка на год-два старше меня, одетый в яркую куртку с откинутым капюшоном, джинсы и высокие кроссовки, слегка веснушчатый, бледно-рыжий, с испуганными голубыми глазами. Руки у него дрожали. — Глаз выколешь, — дружелюбно добавил я, перейдя на английский. — Тебя как зовут?

— Ю... — Он поперхнулся, сглотнул, дико глядя на меня, кашлянул и договорил: — Юджин Барнум.

— Очень приятно. — Я отвел ладонью копые от своего лица. — Олег. Можно без фамилий.

Мальчишка попятился куда-то в направлении муравейника и с тихим треском исчез в буреломе. Слышно было, как он катится куда-то вниз.

— С приобретением, — вслух поздравил я себя.

* * *

— По-моему, он голодал всю предыдущую жизнь.

В голосе Ленки прозвучала определенная опаска. Наблюдая за тем, как американец ест, я спокойно ответил:

— Не объест, чего там.

Хотя мел Юджин действительно со страшной скоростью и уже два раза кивал в ответ на предложение добавки — первое Ленка сделала радушно, второе — с опаской.

Пока мы возвращались в лагерь — без добычи, хотя это как еще посмотреть! — Юджин то и дело принимался рассказывать мне свою историю, одновременно цепляясь за мои рукава. В общем, все было понятно. Жил мальчишка в городе Луисвилл, штат Кентукки. Отрывался по полной (а это что за бред?). Девять дней назад с компанией пошли в пригородный парк — барбекю, пивко. Ну, он отошел к воде, посмотреть на уток, а дальше понятно.

Юджин тем временем смел добавку — тушенное с травами мясо — и, застенчиво улыбаясь, протянул котелок Ленке.

— Хватит, — отрезала та, — обрыгаешься.

— Точно, — подтвердил я, отталкиваясь плечом от стенки пещеры. — Если ты говоришь, что восемь дней почти ничего не ел, то пока хватит... Вставай, пошли.

— Куда? — Он, кажется, испугался.

— Трахаться, — беззастенчиво и мстительно заметила Ленка, подтягивая к себе свои записи. — Олег — он, знаешь, какой?! Ууууу...

— Ерунду не говори, — без какого-либо раздражения отозвался я. И пояснил Юджину: — Поменьше ее слушай. Пошли, подберем кое-что тебе... Ну, чего смотришь? — Я засмеялся. — Пошли, пошли, пошли, нам еще на охоту идти, сейчас время такое: один час зимний день кормит... Да, Лен! — спохватился я. — Танюшка где?

— Они с Анри и Яном час назад ушли... Слушай, вали, куда ты там шел, не мешай, у меня цифры не сходятся!

— Сальдо, бульдо... — пропел я, взмахом руки подзывая Юджина в пещеру. Американец пошел не очень охотно. Кажется, он все еще не до конца понял что к чему.

В пещере я указал ему на запасное оружие.

— Выбирай... Девчонки потом тебя обошьют, а пока ты нормально одет. По сезону.

— Мы что, правда идем на охоту? — Он с сомнением рассматривал клинки.

— Конечно, — кивнул я. — Не охотился никогда?

— Не-а... Вот это что?

— Это палаш, — пояснил я, — почти такой, как у меня.

— Я возьму?

— Бери, — пожал я плечами и посмотрел на часы.

— А что, с этим охотятся? — он крутил в руках перевязь.

— Руки подними. — Я шагнул к нему. — Да поднимай, ты что? — Он как-то мялся и

жался. — И запоминай, как все это носить... Да чего ты шарахаешься?!

— Я не шарахаюсь... — пробормотал американец. — Только я это... в общем, мне девчонки нравятся...

— А мне иногда не очень, — признался я. — Вредные, крикливые и с амбициями... А ты это к чему? — Я приладил перевязь, полюбовался.

— Ну, как же, она же... Елена сказала...

— Еленой ее называть жирно, Ленка, она и есть Ленка, — поправил я. — Ну и что?

— Ну, она сказала, что ты вроде бы... нет, я ничего против не имею, но сам я натурал...

— Ничего не понимаю, — признался я. — Ты по-английски говори! Ладно, по дороге объяснишься. Пошли. Да пошли же, чего ты мнешься?!

Если честно, американец вызывал у меня недоумение, и я правда временами не понимал его слов — казалось, он говорит одно, думает другое, а имеет в виду третье. Но на этот раз смысл его невнятного бормотания дошел до меня, когда и мы дошли — до леса.

— Ты что имел в виду? — уточнил я. — Что я пидарас?

— Э... ну... — Он споткнулся о корень. — Ну, та девчонка сказала же...

— Она тебе еще и не такое скажет, — объяснил я. — Стиль шуток в нашей теплой компании такой... Пидарасов у нас нет. Атмосфера не та. Не выживают. Одинокие есть... одиноких девушек, кстати, нет. Ну так вот, я — нормальный. В этом отношении, — поправился я после некоторого раздумья.

— Ну... голубые, они, вообще-то, тоже нормальные... — начал Юджин, но я отмахнулся:

— Нет.

— Ну вообще-то... — начал он снова, на что я вновь его прервал:

— Не вижу ничего нормального в том, чтобы трахать особь одного с собой пола в то место, из которого срут. Возражение?.. Нет?.. Тогда теперь тихо. Смотри, слушай и нюхай.

Кажется, он хотел еще что-то спросить, но моя спина ярко продемонстрировала новичку, что лучше помолчать. В конце концов, подумал я, этот Юджин не более и не менее странный, чем все мы. У каждого свои закидоны, и любой поначалу ничего толком не умеет. Обтешется, научится, станет не хуже остальных, а то и лучше многих...

— Ты говоришь, никогда не охотился? — не поворачиваясь, спросил я.

— Никогда... — подтвердил Юджин. — Рыбу ловил...

— Рыбу? — уточнил я. — Удочку сам сделать сможешь?

— Ну... в принципе, да, только крючок... хотя и крючок смогу, из акации...

— Отлично. Я тебе покажу рыбное место, и вечером отчитаешься уловом — вот и первое задание, — объяснил я.

* * *

— Олег, иди к нам! — заорал кто-то. Я махнул в ответ рукой, но остался сидеть, положив на колено блокнот. Если честно, мне хотелось присоединиться к нашим, затеявшим на поляне беготню, — я толком не мог понять, во что они играют, однако на расстоянии выглядело интересно.

Я вздохнул. Князь есть князь, дура есть лекс¹, а за меня этого никто делать не станет... Черт побери, мне, в конце концов, четырнадцать лет! Мне охота и побегать, и попрыгать, и вообще...

«Это еще посмотреть, какие тебе четырнадцать», — заметил я сам себе, берясь за карандаш. Но работать у меня так и не получилось начать, потому что кто-то подошел ко мне и остановился рядом.

Я поднял голову. Это был Юджин, и лицо американца выглядело насмешливо-недовольным. Ничего не говоря, он присел рядом и, набрав в горсть камешков-галеk, начал

¹ Dura lex — sed lex. — Закон суров — но это закон (лат.).

бросать их в валун неподалеку, то и дело промахиваясь.

— Что такой скучный? — осведомился я, откладывая блокнот почти с облегчением. Юджин дернул плечами, скорчил гримасу:

— Потому что скучно, — бросил он, стараясь попасть в основание кустика, выросшего в трещине камня. Камешки летели мимо. Упорно.

— Скучно? — Я подобрал пеструю гальку со сверкающими вкраплениями кварца, подбросил на ладони. — Вон, иди. Они, по-моему, в догонялки играют.

— В догонялки! — фыркнул Юджин. — Мне шестнадцать, а не шесть!

— Это заметно, — согласился я и движением кисти бросил камешек.

Кустик подскочил и завалился в сторону, срезанный у основания. Юджин досадливо фыркнул, высыпал гальку под ноги и агрессивно продолжал:

— Скучища тут! Так посидишь, посидишь и думаешь, что уж лучше б убили поскорей!

— Угу, — равнодушно кивнул я. — Есть такая тенденция... Скучно. Ну так изобретай что-нибудь. Занятие, в смысле.

— Да что тут можно изобрести?! — возмутился американец. — Живем, как в средние века!

— Точно, — с удовольствием подтвердил я. — Даже хуже. Как при первобытно-общинном строе. Слышал про такой?

— Слышал! Ну и что скажешь, это хорошо, что ли?!

— Скажу, что это поправимо, были бы руки, ноги и голова, — пожал я плечами.

— Нет, ну вот ты умный парень... — продолжал агрессию Юджин.

— Спасибо, — усмехнулся я, потягиваясь. Мне было немного скучно, немного смешно, а главное — я видел его насквозь и стопроцентно знал, что он сейчас скажет. Это было бы утомительно, если бы в парне не просматривались хорошие задатки, забытые эгоизмом, разбалованностью и пресыщенностью.

— Здоровенные парни и девчонки, — говорил он, — носятся друг за другом, — он махнул рукой в сторону поляны, — как младшеклассники на большой перемене — и рады до уссачки! В догонялки играют!

— Компьютер, конечно, лучше, — заметил я. Юджин, не различив подвоха, энергично кивнул:

— Лучше!

— Да вот беда — нету их тут, — развел я руками. — А что до догонялок... — Я встал, наклонился к земле, шлепнув по ней ладонями. Распрямился и предложил: — Пошли, сыграешь со мной в жмурки.

Лицо у мальчишки было такое, словно я объявил себя вторым воплощением Гитлера.

— Пойдем, пойдем. — Я хлопнул его по плечу. — Развеемся, а то мне тоже что-то скучновато стало...

Увидев, что мы с Юджином идем к ним, наши прекратили беготню и замолчали. Без особых предисловий я махнул рукой:

— А ну-ка — очистить плацдарм! Я с Юджином в жмурки играть буду!

— Оппа, — сказал кто-то, и почти все уставились на американца с нехорошим веселым интересом.

— Молодой-то какой... — понесся шепоток.

— Ага, был...

— Янки, ну ты попал...

— Жаль, дите еще совсем...

— Ничего, Олег его не сильно покалечит... через недельку и встанет, глядишь...

Юджин растерянно улыбался. Кто-то уже накладывал мне на глаза повязку — обычную головную. Басс разъяснял Юджину:

— Тут все просто... Вот, за пределы поляны выходить нельзя, а тут можно бегать, приседать, на месте стоять — главное, чтобы за минуту Олег тебя не осалил... ну, вон, палкой не коснулся. Продержишься — выиграл.

— И всего-то?! — Голос Юджина был удивленным, и я его понимал — поляна была большой. — Это даже нечестно как-то...

— Нечестно, — согласился Басс, — надо было Олегу еще ноги стреножить...

Я вытянул руку и поймал брошенную палку. Сказал в темноту:

— Спасибо, Тань... Ну что?

— Начали! — гаркнул Басс.

Стало тихо. Исчезли человеческие звуки. Несколько секунд я стоял на месте.

Мне было смешно.

Юджин крался мне за спину по краю поляны. Я развернулся к нему; трава зашуршала, я прыгнул вперед. Шаг в сторону... бросок вперед... бросок влево... палку вправо... ага! Я выставил ногу, Юджин, кравшийся мне под руку на корточках, отшатнулся... и я коротко ударил его в колено. Не сильно, но больно — Юджин вскрикнул и сердито завопил:

— Нечестно! Он видит! Нечестно жееее!!!

Кругом засмеялись. Я, тоже смеясь, сдернул повязку. Юджин, явно с трудом удерживая слезы, стоял на одной ноге, держась за колено. Без малейшего раздражения я подал ему повязку:

— На. Попробуй. — Он приложил повязку к глазам и, понурившись, вернул ее мне обратно. — Я не вижу, но слышу и ощущаю, — пояснил я. Юджин сердито сопел. — А хочешь попробовать взять реванш?

— Я же не увижу ничего... — пробормотал он.

— Да не в этом. — Я бросил Танюшке палку и повысил голос: — Дайте-ка кистень! — Мне перекинули кистень — граненую гирьку на двухметровой кожаной плетенке с петлей под руку. Я протянул оружие Юджину; тот его растерянно взял и выжидающе посмотрел на меня. — Не подпускай меня к себе, — пояснил я. — Как хочешь. Можешь бить, хлестать, вертеть кистень как угодно. Только чтобы я не подошел.

— Ого... — Юджин взвесил гирьку. — А если я попаду? Она тяжелая...

— Попадешь так попадешь, — весело согласился я, отходя. — Ну? Давай, начали!

Секунду Юджин сомневался... но потом кистень в его руке закрутился. Крутил он его быстро, однако — в одной плоскости, вертикально справа. Я метнулся влево. Юджин попытался сместить ось вращения, кистень врезался в землю, взрыв ее фонтаном... Я перекатился ближе через плечо — кистень свистнул надо мной, а я, вновь пнув Юджина ногой в уже пострадавшее колено, другой подсек его сзади и, прыжком вскочив, перехватил ремень кистеня. Оп! Петля легла на запястья. Оп! Вторая обхватила шею.

— Все очень просто. — Я раскланялся и, выпустив ремень, пошел обратно к блокноту, бросив через плечо: — Продолжаем занятия. Развяжите парня...

Юджин догнал меня, уже когда я уселся и взял блокнот. Он сел рядом, потирая колено:

— Больно...

— Наверное, — согласился я, — только в бою сделают в сто раз больней. А точнее — просто убьют. Особенно если не урса, а наш брат отморозок.

— Мне никогда так не научиться. — Юджин сердито сопел.

— Это куда проще, чем кажется, — возразил я и вновь (не без тайного удовлетворения) отложил блокнот. — Понимаешь... Я никогда в жизни компьютера не видел...

— Ни разу?! — ужаснулся Юджин.

— Ага, — весело подтвердил я. — Вот ты старше меня и, если брать чисто физически, сильнее. А я тебя сделал, как маленького, потому что... Видел, как щенки или волчата возятся? Они не играют. Они *жить* учатся. То же самое и здесь. То, что ты назвал «детскими играми», — это складывалось тысячелетиями как народный опыт борьбы с враждебным окружающим миром. А ты... да и мы в какой-то степени, хотя и меньше... привыкли, что мир вокруг стабилен и предсказуем. Мы забыли о реалиях. Об играх волчат, в которых и растут волки. Тут, Юджин, нельзя быть компьютерщиком. Можно — только волком в волчьей стае. А ты пока даже не волчонок... Жмурки, салки, прятки... лапта — кажется, это бейсбол по-вашему... Бокс, наконец, драка на палках. Вот наши игры, и скучать

тут просто некогда. Если, конечно, ты умен и жить хочешь.

— Ты никогда не скучаешь? — спросил Юджин. Он смотрел на меня с открытым ртом.

— Уже давно, — ответил я. — Несколько лет назад еще иногда хандрил. А до этого, в начале... да, скучал, и сильно.

— Но ведь... — Он запнулся, но я понял, что хочет сказать американец.

— Да, мы все все равно умрем... Но я человек. И не собираюсь умирать без борьбы. Я считаю, Юджин, что даже за короткую жизнь надо бороться. Из всех сил. Я боролся. И буду бороться. А ты решай для себя. Это легко — решить. Делать — вот что трудно. Очень.

— Ты будешь меня учить? — спросил Юджин.

— Время, — развел я руками. — Но Сергей тебя научит даже большему, чем умею я. Значит, ты решил?

— Решил, — кивнул тот.

Рассказ пятый Далека дорога твоя...

Мертвой свастикой в небе орел повис.

Под крылом кричат ледяные ветра...

С. Калугин

Снег пошел ночью, когда мы с Сергеем спали недалеко от широкого черного ручья. Собственно, на это походило еще со вчерашнего утра, когда мы вышли из лагеря — небо наглухо зашторило сплошным пологом туч густо-свинцового цвета. День прошел в глухой тишине, а ночью, проснувшись, я увидел, как медленно падают крупные хлопья. «Снег», — подумал я и, плотнее завернувшись в плащ, уснул снова...

Когда я проснулся утром, снег уже перестал, но небо по-прежнему было цвета свинца. Гладкие гранитные валуны снег то ли не сумел покрыть, то ли они обтаяли, но в остальных местах он лежал ровным покровом. Мой плащ по краю прихватило к земле морозом. Я с треском отодрал его и сел.

Было не так уж и холодно — градуса два мороза, не больше. На снегу лежали куртка и сапоги Сергея, он сам сидел на одном из валунов на корточках и умывался.

Отпихнув плащ, я стащил куртку и, подойдя к Сергею, присел рядом. Поболтал рукой в воде, сказав:

— Доброе утро.

— Доброе. — Он фыркнул, последний раз плеснул себе в лицо водой и поднялся в рост, потянувшись. — Ночью подходили волки, два раза.

— Чего же не разбудил? — Я плескал водой на плечи. Сергей бомбардировал воздух серией молниеносных ударов и пожал мускулистыми плечами:

— Зачем? Они не особо нахальничали... Еще одного оленя сегодня завалим — и назад, — он посмотрел в ту сторону, где стояли запорошенные снегом сани, передернулся: — Пойду оденусь и костер разведу. Умывайся скорей...

Снег снова пошел — в тот момент, когда я, застегивая куртку, подсел к костру, который развел Сергей. Пахло оттаивающим копченым мясом.

— Лук будешь? — спросил он, с хрустом рассаживая складником крупную луковицу в золотистой чешуе.

— Давай. — Я переместился на брошенный поверх валуна сложенный вдвое плащ. Два или три крупных волка сидели метрах в ста на другом берегу ручья, поглядывали на волокушу и на нас. Я сделал вид, что целюсь в них из пальца. Звери даже не пошевелились. Я задумчиво поинтересовался: — Если их станет больше, как думаешь — нападут?

— А, не знаю, — отмахнулся Сергей. — Ну что, я пойду или ты на месте посидишь?

— Ш-ютынык, — с акцентом ответил я, застегивая ремни. — Я пойду, конечно... Вот блин, надо было лыжи с собой взять или хоть снегоступы. Часа через четыре вернусь... — Я

передернул плечами и сообщил: — Ненавижу холод...

Около того места, где ручей делал петлю, а берег поднимался, я вскарабкался на откос по валунам и довольно хмыкнул. Олени паслись на опушке рощи, метров за триста от меня. Было полное безветрие, снег все падал. Волчья стая — штук семь — рысила туда-сюда между мною и стадом. Тоже дожидались своего... Олени гребли снег, наклоняли головы к серо-зеленым обнажавшимся проплешинкам. Стадо медленно переползало в мою сторону. Я посмотрел вдоль реки — вон там они выйдут к воде — и, присев между двух камней, глубже надвинул капюшон. Предстояло ждать.

Метрах в ста от меня колебалось пятно серого тумана. Я с трудом отвел от него взгляд, медленно вытянул ноги. Снег падал, пушистый, казавшийся теплым. По серому небу, тяжело взмахивая крыльями, пролетели несколько больших воронов.

Мне было тоскливо и хотелось домой. В смысле — туда, где все наши.

Олени приближались, я их слышал уже и достал метательный нож. Снял крагу, сунул правую руку в левый рукав, чтобы не замерзла. Я ждал, что подойдут волки. Но они не подошли — скорей всего, учуяли меня издалека и решили не связываться. Почему-то подумалось: а ведь можно, в принципе, сделать из одного метательного ножа дротик... Правда, я не учился их метать, так что вряд ли поначалу будет много пользы.

Первые олени появились на берегу ручья. Цокали по камням, входили в воду, наклонялись к ней, пили, поднимали головы, снова пили... До меня доносило резкий теплый запах. Ближайший олень оказался метрах в пятнадцати от меня, и я, больше не скрываясь, резко вскочил, сделал по камням несколько больших прыжков и в последнем метнул нож в уже бросившегося в сторону оленя.

Стадо уносилось прочь. «Мой» тоже делал прыжки по камням, но на пятом или шестом его неожиданно повело вбок, и он рухнул в снег, забрызгивая его своей кровью, струей бившей из-под ушедшего в шею, в сонную артерию, ножа. Олень пытался еще подняться, но я уже был рядом и, перехватив корону рогов, оттянул голову назад, движением даги перерезая горло на всю ширину.

Кровь шарахнула в снег, вскипая с шипением, протаивая его до земли. Я, бросив дагу, несколько раз быстро подставил горсть, схлебывая с нее густую, с тяжелым темным запахом жидкость. Вытер руки и лицо снегом, засучил рукава и, выдернув метательный нож из шеи оленя, занялся разделкой туши.

Вот странность. Сколько лет я здесь кукую — а к разделке привыкнуть не могу. Мерзкая работа, а главное — руки потом долго и непередаваемо воняют. А уж как разит содержимое желудков жвачных!..

Но тошная работа или нет, а делать я ее научился хорошо. Сноровисто работая метательным лезвием, я «разбирал», как это называется, тушу оленя по суставам, снимая мясо с костей и укладывая в шкуру. При этом я не забывал поглядывать по сторонам на предмет волков, которым я, кажется, запорол охоту. Если они и обиделись, то претензий не предъявляли.

Снег перестал почти одновременно с тем, как я закончил работу. Потом долго оттирался холодной водой с песком, пока не замерз. Отмылся дочиستا, но от запаха, конечно, избавиться не удалось.

Мяса получилось много, на себе особо не потащишь, особенно по снегу. Зато можно было тянуть, и я начал, вздыхая, пристраивать лямки из ремней...

Получилось неплохо, но волоочь груз по камням вниз-вверх было неудобно, и я зашагал стороной от ручья. Снег пошел снова, я думал, шагая, что Сергей, наверное, приготовил уже поесть, а после обеда мы отправимся в обратный путь и завтра утром, если пораньше встанем, доберемся до дома.

Впереди на снегу чернели точки, они трепыхались, метались и вспархивали. Вороны дерутся над падалью... Похоже, волкам все-таки повезло. Когда я подошел, вороны стали нехотя вспархивать, перелетать подальше, недовольно и назойливо каркая.

И тогда я увидел, над чем они дрались.

Чертыхнувшись, я сбросил с плеч самодельные лямки и откинул капюшон. Конечно, а чего я еще ожидал?

Лицо лежавшего в загаженном и испещренном следами птиц и лис снегу мальчишки разобрать уже было нельзя, да и пол разбирался с трудом. Зато было ясно, что парнишка просто замерз. Он лежал в снегу голый, и руки у него были натуго скручены за спиной в запястьях и локтях шершавой веревкой.

Я вновь несколько раз выругался покрепче для успокоения нервов. Заорал на одного из воронов: «Пошшел!» Он отскочил, но не улетел, а уставился на меня черным бессмысленным глазом.

Труп успел окоченеть. И если ему уже было все равно, то мне — тошно. Кто-то опять развлекался в окрестностях. Не урса — они простые, как юбилейный полтинник. Отпустить связанного и раздетого пленного может прийти в голову только *белой* сволочи.

Интересно, далеко ли он ушел? Мы-то живем здесь, но пока никого не встречали, а выяснять этот вопрос надо...

Вздохнув, я начал таскать камни от ближайшей россыпи и обкладывать тело по контуру, постепенно наращивая загибающийся свод.

Но перед этим — срезал веревку.

* * *

— Значит, где-то рядом снова обосновался маньяк с гипертрофированным властолюбием.

Все закивали, но молча. Все равно лучше Йенса сказать было нельзя.

Снаружи разгулялся настоящий буран, но в нашей пещере было тепло и достаточно уютно, только время от времени нервно содрогался полог, когда вихри били прямо в него. Ярко и жарко полыхал очаг, мы только что закончили ужинать и обдумывали вышеуказанную проблему. Не все, впрочем — кое-кто просто спал, а Димка и Олег Крыгин играли в шахматы. Да и я, если честно, не очень участвовал в этом важном разговоре, потому что Танюшка взялась делать мне массаж (я не просил, честно!). По-моему, она сама от этого тащилась, но за себя могу сказать, что в разговоре я участвовал только нечленораздельными репликами, находясь на тоненькой грани между сном и бодрствованием, но не сваливаясь ни туда, ни сюда.

— Может быть, нам не стоит вмешиваться? — предложила Ленка Чередниченко, но неуверенно — она сидела, прислонившись к Сергею, и изящно позевывала.

— Да во что вмешиваться? — хмыкнул Мило. — Мы ведь даже не знаем, где, кто и чем таким занимается... Если бы узнать... А что, — глаза у серба загорелись, — может, провести разведку?!

— Вот, вот, вот, поехали, — пробормотала Ленка, устраиваясь удобнее, — разведку боем... Олег, ты чего молчишь?!

— Я не молчу. — Мне понадобилось сделать усилие, чтобы прийти в себя. — Я говорю... Можно разведку, конечно. Надо только подумать, куда и как, — и я снова бесстыдно нацелился впасть в бессознательное состояние, но Танюшка неожиданно привела меня в чувство точным ударом сгибом пальца под ребра. — У-у!!! — взвыл я. — Ты чего?!

— Прими участие в совете, князь. — Она повторила тычок.

— Тань, больно! — Я сердито накинул куртку. — Ладно, какой совет, о чем?! Сейчас все по своим местам расставим. Усилием воли.

Поднялся страшный хохот. Наконец прорезался Андрей:

— Он не слышал просто ни фига!

— Все я слышал! — возмущился я. — Ладно, я сказал. Воевать будем обязательно. Когда найдем врага. — Я тряхнул головой, отбрасывая остатки дурмана, и включился в проблему полностью. — Вообще-то, ребята и девчонки, — я подсел к огню поближе, — я вот что хочу сказать. Не знаю, как вы, а мне, если честно, морально тошно сидеть спокойно, пока

кто-то развлекается, издеваясь над людьми. Я всех предупреждал, что со мной легко не будет, что я собираюсь восстанавливать по дороге справедливость — ради развлечения и морального удовлетворения... Сергей, — я кивнул ему, — поведешь разведку?

— Конечно, — легко согласился он. — Кто со мной?

— Я!!! — взревел дикий дружный хор.

— Отставить!!! — перекрыл их воплем я. — Сергей, не разлагай массы... Потом решим, кому идти. Когда буран кончится...

— ...слезы — горе,
Горя — море, —

мурлыкал Басс, —

Счастье — тихий ручеек,
Убегающий в песок... —

Он выдохнул, приглушил струны. Ингрид, прильнувшая к его спине, тоже вздохнула. — Раде, подыграй.

Македонец охотно достал самодельную свирель, продул ее. Линде, улыбнувшись Видову, вытащила глиняную дудочку, поднесла к губам. Басс пощелкал струнами, подкрутил колки.

— Белая гвардия, белый снег,
Белая музыка революций,
Белая женщина, белый свет,
Белого платья скорей коснуться...

Я вскинул голову и замер. Печальной была музыка, и слова, падавшие холодными снежинками, не таяли в свете костра. Негромко, тоненько вступила на разные голоса свирель Раде — македонец играл, прикрыв глаза, а через миг другим тоном вплелась дудочка задумчиво глядящей в пламя Линде...

— ...белые пальцы играют аккорд —
Нам не простят безрассудного дара...
Бьются в решетку твоих ворот
Пять океанов земного шара...

Я посмотрел на Раде — мне вдруг почудилось, что он заплакал. Но это совсем по-человечески зарыдала его свирель...

— Когда ты вернешься —
все будет иначе,
и нам бы найти
друг друга...
Когда ты вернешься —
все будет иначе —
а я не жена
и даже
не подруга...¹

¹ Группа «Белая гвардия».

Там еще что-то было, но я уже не слышал слов.

* * *

Больше всего на свете Сергей любил именно такие моменты. Впереди — интересный путь, рядом — друзья, ничего не тянет за душу. Он временами размышлял, почему все-таки с такой легкостью ушел обратно к Олегу. Конечно, в первую очередь — потому что Олег был друг... нет — Друг. Но еще и потому, что, если честно, всегда предпочитал выполнять, а не командовать. И испытывал гордость за то, что выполняет точно и умело — ведь недаром именно его Олег отправил в разведку.

Андрей и Ариец так же уверенно, как и он сам, шагали в снегоступах по быстро тающему снегу между деревьев, ловко перебираясь через валежины или подныривая под них. Снег скоро потает совсем, тогда надо будет идти пешком.

Небольшой отряд третьей сутки искал следы людей. Выпавший во время недавнего урагана снег сильно затруднял поиски, полностью скрыв следы. Правду сказать, Сергей подумал бы, что тут вообще не может быть людей, если б не видел труп своими глазами.

Мальчишки почти все время молчали — разговаривать им было сейчас особо незачем, дело свое они знали хорошо и накручивали, не очень спеша, километры, всматриваясь с верхушек скал и холмов в окрестности. Живности вокруг было полно. Людей — нет.

Про себя Сергей решил, что они покрутятся еще два дня, исключая сегодняшний, а потом вернутся и будут думать. Он еще раз проверил эту мысль, присев возле кипящей во впадине воды родничка. Зачерпнул ледяную прозрачность, отпил, посмотрел по сторонам.

Андрей свистнул и махнул рукой. Спихнув с ног снегоступы (снега тут почти не было), Сергей подошел — Альхимович, сидя на камне, подбрасывал, улыбаясь, на ладони длинный — в палец — узкий наконечник стрелы, похожий на лавровый лист из красноватого кремня, в мелких выемках тщательной обработки.

— Обронили? — Сергей взял наконечник.

— Выбросили. — Андрей чиркнул ногтем по еле заметной трещинке, рассекавшей наконечник вдоль точно по центру. — Ископаемых тут нету, так что это здешние.

— Или захожие, — возразил Олег, подходя и сбрасывая капюшон. Андрей хмыкнул и носком ноги указал на мелкие кремневые чешуйки, разбросанные на протаявшей земле:

— Если и захожие, то они тут были вот перед самым снегопадом. Эту мелочь сразу мешает с песком, с камешками, а тут вон — поверху лежит, только снежком прикрыло.

— А что это у них наконечники кремневые? — удивился Ариец. Андрей улыбнулся:

— Да просто у нас-то аркебузы в основном, а, например, у Джека три четверти наконечников — кремневые самоделки.

— Не обращал внимания, — признался Олег. — Значит, не больше недели назад кто-то делал тут наконечники...

— Это и правда могла быть разведка, — раздумчиво произнес Сергей. — Ну что ж, надо искать дальше.

— Только давайте пообедаем, — предложил Олег, — а то солнышко на ели, а мы еще не ели.

Мальчишки присели на камнях, подстелив плащи, и, развязав мешки, достали припасы.

— Олег, — задумчиво сказал Андрей, жуя кусок сушеного мяса, — когда тебя Ленка спать укладывает — она тебе косы расплетает или как?

— Поговори, — спокойно буркнул Ариец, откидывая за спину очень стильные косы, заплетенные на висках. — Жуй вон... пока есть чем.

Сергей вертел в пальцах, рассматривая, все тот же наконечник. Выходы красного кремня были тут везде. А вот откуда пришел и куда ушел человек — поди пойми...

* * *

— Пойдем, покажешь.

Юджин просил уже не первый раз, и я, покосившись на него, промолчал. Но янки не отставал:

— Сергея ведь нет, кто тренировать-то будет?!

— Тебе мало утренней тренировки? — не выдержал я.

— Мало, — честно сказал американец. После той осенней истории он превратился в фанатичнейшего фехтовальщика и добился уже немалых успехов. — Ну пойдем, а?

Под слегка ироничными взглядами, стараясь не обращать на них внимания, я подхватил перевязи и первым заспешил к выходу. Вслед мне Басс беспощадно пропел:

— Я специальность себе выбрал по наследству —

Стать учителем не думал, не гадал.

Я всяких ужасов боялся еще с детства...

...Снаружи был теплый ветер, сырой, он слизывал снег на пару с вылезшим солнышком — совсем весна, не январь никакой. Я положил на камни снаряжение, сбросил куртку. Юджин, помедлив, потянул за шнуровку своей куртки, но я усмехнулся:

— Не стоит... Ну, что показать-то?

— Атаки на оружие. — Он шмыгнул носом.

— Ты батман разучил? — Я несколько раз полоснул воздух клинком.

— Батман и контрбатман, — с готовностью кивнул он.

— Тогда смотри, вот фруассе... Шестое соединение...

— Шестое? А, ага... Так?

— Так, так... Оопп!

Юджин удержал палаш, но сам развернулся в сторону толчка. Вернулся на место и потребовал:

— Еще раз.

— Это просто, — усмехнулся я, повторяя толчок медленно. — Главное — угол соприкосновения клинков поострее... Давай ты... хорошо!

Мы немного поиграли клинками. Юджин неожиданно спросил:

— Послушай, а почему ты любишь поединки? Ребята рассказывали, что...

— «Рассказывали, что...» — сердито буркнул я. — Да, поединки я люблю... Почему? — Я неожиданно сам задумался над этим. Повторил: — Почему... Мне нравится быть первым и лучшим, скажем так. Веришь?

— Ты не тщеславный, — уверенно сказал Юджин.

Я засмеялся:

— Это верно!.. Дело просто в том, что мне нравится процесс. Когда я схватываюсь один на один — все равно, всерьез или для развлечения, — я ощущаю себя рыцарем. Свои и чужие на меня смотрят. Я, противник — и бог, как раньше говорили. Это непередаваемое ощущение.

— Ты торчок, — определил Юджин. — Адреналиновый наркоман, вроде тех, которые с мостов на резинке прыгают.

— С мостов на резинке? — удивился я. — Это как?

— Привязывают к ногам такую прочную резину, точно рассчитанную, и человек прыгает — с моста или с плотины там... Говорят, интересно.

— Брр! — Я передернул плечами. — Но ты прав, похоже. В этом.

— А в чем не прав? — насторожился Юджин.

— Что-то *там* у вас неладное творится в мире, — пояснил я. — Если уж стремление защищать справедливость объясняют адреналиновой наркоманией. И мое пристрастие к поединкам отношения к защите справедливости не имеет, Юджин.

— Да я уже понял, что вы... *мы*, — поправился он, — рыцари. И ничего против не имею, можешь быть уверен... Давай еще, а?

Ночь коротка, цель далека.
Ночью так часто хочется пить.
Ты выходишь на кухню, но вода здесь горька.
Ты не можешь здесь спать.
Ты не можешь здесь жить.

Ты хотел быть один — это быстро прошло.
Ты хотел быть один, но не смог быть один.
Твоя ноша легка, но немеет рука.
И ты встречаешь рассвет за игрой в дурака.

Утром ты стремишься скорее уйти:
Телефонный звонок как команда — вперед!
Ты уходишь туда, куда не хочешь идти.
Ты уходишь туда, но тебя там никто не ждет.

Доброе утро, последний герой!
Доброе утро тебе и таким, как ты!
Доброе утро, последний герой!
Здравствуй, последний герой!

Группа «Кино»

— Сюда часто ходили за водой. — Андрей, присев на корточки, похлопал ладонью по плоскому камню, удачно выдающемуся над берегом. Сергей огляделся и удовлетворенно хмыкнул: теперь он отчетливо увидел поднимающуюся на откос тропинку.

— Ходили, но последнее время не ходят, — сообщил Олег с середины откоса. — Тут все оплыло... Я поднимусь наверх? Если лагерь и был, то только там.

— погоди, сейчас вместе пойдем, — махнул рукой Сергей. — Пошли, Андрей, вставай. Хотя едва ли они еще здесь. Мне кажется, это все-таки была разведка...

Это была *не* разведка.

Селение располагалось в укромной, защищенной от ветров откосами ложбине. Кажется. Тут тоже стояли типичные вигвамы.

Стояли когда-то. А сейчас стаивающий быстро снег уже обнажил обгоревшие, полуобвалившиеся каркасы жилищ, черные пятна на месте кострищ... Мальчишки ощущали еще не выветрившийся, тяжелый запах мокрой гари. Похоже было, что тут погуляли урса. Так одновременно подумали все трое, но только в первые секунду. А потом так же синхронно они поняли — отсутствуют основные признаки налета черных. Нет остатков пиршества. Нет тел. Нет разбросанных вещей.

— Сожгли до снегопада, — заметил Андрей. Его взгляд быстро и цепко обегал ложбину. — Тут жило человек пятнадцать-двадцать.

— Бой был, — сказал Олег, успевший пройти по кустам. — Смотрите, что я нашел. — Он держал на ладони обломок арбалетного болта с кованым крестовидным наконечником и метательный нож. — Если пошарить, наверняка еще найдется.

— Давайте поищем хозяев этого места, — чувствуя, как растет неприятное ощущение, не сказал, а приказал Сергей. — Не могли же всех увести, куда-то дели трупы...

Трупы нашлись. Их стащили и свалили в распадок у ручья, а с тех пор над ними хорошо потрудились лисы. Тут были десять тел. Подальше нашлись еще четыре. Две девчонки были распяты между вбитыми в землю кольями. Ясно было, что их изнасиловали, а потом еще повеселились — развели на животах костерки.

А двух пацанов раздернули верхушками согнутых берез. То, что висело на деревьях,

было до такой степени ужасно, что и сейчас смотреть было жутко. Даже закаленным ребятам...

— Да, это не урса, — процедил Андрей. — Это наш брат... развлекался.

— Смотрите! — окликнул их с Сергеем Олег. Он стоял возле одного из деревьев, на которых висели останки, и касался ладонью ствола. — Смотрите, что тут написано!

На стволе березы были глубоко вырезаны английские слова:

Sow the seeds of peace and justice. I enjoyed myself very much.

Manny.

— «Сейте семена мира и справедливости, — перевел Олег. — Я получил огромное удовольствие. Мэнни». Мэнни... — повторил он. — Да, это... наши. *Люди*.

— Наши?! — процедил Сергей. — Выбирай выражения!

— Ребята... — начал Андрей, но продолжить не смог. Кусты вдруг буквально вскипели орущими людьми с оружием. Скользя по размокшей земле, они ломались со всех сторон, за ложбинкой среди ветвей угрожающе зашевелились луки арбалетов.

— Засада! Спина к спине! — заорал Сергей, выдергивая палаш и дагу. Прыжок — они сомкнулись треугольником, выставив во все стороны клинки. Сергей крыл себя же матом в три этажа — до такой степени обалдел при виде разорения, что перестал слушать — вот и подобралась...

Странно, но ребята (и девчонки), которых было человек тридцать, с отличным оружием, явно решительно настроенные, не спешили нападать. Они замкнули троих друзей в полукольцо, прижав к краю спуска. Яростные лица, вытянутое вперед оружие... Олег скользнул шпагой по слишком далеко протянувшемуся мечу, отбросил его, что-то прокричал... Сергей приглашающе улыбался, играя кончиком палаша... Андрей держал валлонку и дагу скрещенными...

— Эва! Эва! — крикнул кто-то, и окружение раздалось, чтобы тут же сомкнуться за спиной рослого, стройного воина. Под распахнутой курткой с меховой оторочкой была видна бригантина, усиленная роговыми бляхами, в правой руке незнакомец держал острием вверх корду, на плечи падали каштановые локоны, а голову и почти все лицо скрывал кожаный шлем с металлической маской. Глаза были не видны в черных глазницах.

Несколько секунд воин мерил всех троих осязанием, хотя и незримым взглядом. Потом невероятно точным движением бросил корду в ножны за спиной и, обеими руками в жестких крагах снимая шлем, сказал мелодичным голосом:

— Это не люди Харди... Кто вы такие?

— Девчонка! — вырвалось у Андрея.

* * *

— Ну, что с рыбой? — Раде слегка зевнул, прикрыв рот снятой перчаткой. Зорка, потрошившая вытасченный македонцем вентерь, отмахнулась: не мешай! Впрочем, Раде в самом деле задал вопрос «от не фига делать» — видно было, что рыбы попало немало, а есть ведь еще второй вентерь, который как раз дружно тянули неподалеку из второй лунки Видов с Линде.

Раде, посвистывая сквозь зубы, огляделся — просто так. Весна не весна?.. Тут все-таки гораздо более теплая погода, чем в Европе. Январь, сейчас бы морозам быть за двадцатник, а тут — оттепели, снега почти нет, по небу проносятся временами дождевые тучи, а если нет — то солнце припекает, как весной... Как еще лед-то устоялся...

Так, а это кто?

По льду от ближнего берега — того, с которого спускались сами рыбаки — шагали неспешно пятеро парней. С оружием, но вида вовсе не угрожающего.

Раде свистнул, и Видов подошел к нему, а девчонки, отойдя наоборот — назад — приготовили аркебузы. Но незнакомые мальчишки шли совершенно спокойно, не обнажая оружия, а шагавший первым открыто улыбался. Это был светло-русый невысокий парнишка,

лицо которого шрам, идущий через левую щеку сверху вниз, даже не портил, а делал более привлекательным.

— Привет, — сказал этот парнишка с уже знакомым американским акцентом. — Так это вы — наши соседи? Мы уже несколько раз видели чьи-то следы, а вот теперь встретились наконец...

Позже Раде сказал, что именно эта улыбка идущего первым парня его и насторожила. Ну, понятно, можно в самом деле испытывать радость при виде кажущихся тебе симпатичными людей — но с чего уж так улыбаться? Не родственники и не близкие друзья встретились... И слишком уж активно они шли на сближение, хоть обнимайся.

— Нам надо бы к князю, — буркнул Раде, — если уж встреча такая долгожданная... — Покосившись, македонец с досадой отметил, что девчонки остаются на месте, опустив аркебузы, и к ним уже подходят двое, а один зашел за спину Видова. Это Раде полностью убедило в том, что тут что-то не так.

— Пойдем, — легко согласился парнишка. Остальные молчали. — Вашим девушкам не тяжело нести аркебузы? Мы поможем.

Короткий шум позади убедил Раде в том, что его подозрения оправдались, и он, прокляв себя за то, что не начал действовать сразу, схватился за барте, но резкая боль в правой руке заставила его вздрогнуть — один из пришельцев, просунув лезвие шпаги под локоть Раде, заблокировал его руку.

Раде сшиб его ударом кулака. Видов оказался быстрее всех — он проскочил между двух парней, один из которых держал за локти Линде, и валлонка в его правой руке прошла по плечу отшатнувшегося парня. Линде стремительно нагнулась за аркебузой, но парень ударил ее в лицо ногой. Видов зарычал; Раде прыжком ушел от стремительного удара двух палашей сразу. Зорка гневно, коротко вскрикнула, быстро щелкнул кистень Видова, один из нападающих завалился в снег, а в следующую секунду четверо бежали к лесу, таща пятого, Раде зажимал раненую руку, Видов поднимал Линде, а Зорка вскидывала аркебузу — шея у нее слева была порезана.

Зорка выстрелила, но промахнулась, а пока хватала аркебузу Линде — вся группа скрылась в лесу. Зорка выругалась с треском, спросила:

— Как у тебя рука?

— Ничего, ничего... — Раде посмотрел резаную рану. — Что у тебя с шеей?

— А, ерунда... Линде, ты как?

— Убью, сволочь! — взревел Видов, рванувшись к лесу. Раде перехватил его за плечо:

— Стой, стой, стой! — Серб дернулся, но македонец его удержал. — Стой, тебе говорю, стой!

— Он Линде губы разбил!! — заорал Видов.

— Да нет, ничего, стой. — Линде роняла на талый снег тяжелые капли. — Держи его, Раде...

— Уходим отсюда. — Зорка успела зарядить обе аркебузы и следила за опушкой. — Скорей, а то еще ахнут чем...

— Кажется, сегодня день визитов, — сказал Раде. Он, обернувшись, внимательно смотрел на другой берег.

Оттуда, растянувшись широкой дугой, бегом приближались не меньше двадцати парней.

Рука на плече. Печать на крыле.

В казарме проблем — банный день.

Промокла тетрадь.

Я знаю, зачем иду по земле.

Мне будет легко улетать.

Без трех минут — бал восковых фигур.

Без четверти — смерть.
С семи драных шкур — шерсти клок.
Как хочется жить? Не меньше, чем спеть.
Свяжи мою нить в узелок.

Холодный апрель. Горячие сны.
И вирусы новых нот в крови.
И каждая цель ближайшей войны
Смеется и ждет любви.

Наш лечащий врач согреет солнечный шприц.
И иглы лучей опять найдут нашу кровь.
Не надо, не плачь. Сиди и смотри,
Как горлом идет любовь.

Лови ее ртом. Стаканы тесны.
Торпедный аккорд — до дна.
Рекламный плакат последней весны
Качает квадрат окна.

Дырявый висок. Слепая орда.
Пойми, никогда не поздно снимать броню.
Целуя кусок трофейного льда,
Я молча иду к огню.

Мы — выродки крыс. Мы — пасынки птиц.
И каждый на треть — патрон.
Лежи и смотри, как ядерный принц
Несет свою плеть на трон.

Не плачь, не жалей. Кого нам жалеть?
Ведь ты, как и я, сирота.
Ну, что ты? Смелей! Нам нужно лететь!
А ну от винта! Все от винта!

А. Башлачев

Костер получился трескучим и беспокойным. Он отплевывался во все стороны роями искр и с хрустом разгрызал поленья.

Мы сидели у костра втроем — я, Эва и Сэм...

Жили на канадской границе, в штате Северная Дакота, в городе Майнот, пятнадцатилетние близнецы Форшем — Эва и Стэн. Пять лет назад они с компанией друзей попали сюда. В смысле, в здешнюю Америку. Два года они странствовали — от мексиканских плато до севера Канады. А три года назад случилась беда.

Эва с несколькими товарищами была на охоте. Когда они вернулись — их лагерь, разбитый недалеко от этих мест, был разорен, почти все в нем — убиты или зверски замучены. Стэна сестра нашла распятым на сосне, и, хотя его удалось снять, через сутки мальчик умер — он был несколько раз тяжело ранен...

Сделали это не урса. Особого труда не понадобилось, чтобы выяснить — руку приложил приобретший за последнее время печальную известность Фрэнк Харди, пришедший с юга.

Эва поклялась мстить. С оставшимися в живых друзьями она напала на лагерь

бандитов ночью, но удача отвернулась от нее. Малочисленная группа была перебита. Эву взяли в плен и сделали служанкой-рабыней. Конечно, ее насиловали, часто и компаниями. Она выжила. Бежала. Добралась до побережья, откуда перебралась в Европу и больше года сражалась там (удивительно, что мы не встретились!). Скоро вокруг энергичной и напористо-бесстрашной девчонки сложился круг «личной гвардии», начавшейся с нескольких парней-скандинавов, назвавших ее «валькирией». С полутора десятками лично преданных ей отчаянных голов, ни один из которых не смел за нею ухаживать, Эва Валькирия перебралась обратно в Америку и начала с того, что, собрав остатки нескольких разбитых урса отрядов, устроила тем на берегах Рио-Гранде кровавую баню.

Это было год назад. С тех пор Эва со своим отрядом искала Фрэнка Харди — и вот напала на его след...

История Сэма Роумэна была несколько иной. Он попал сюда три года назад вместе с Фрэнком Харди и его братом Джо. По его словам, братья были нормальными парнями *там*. А здесь — словно с цепи сорвались! (Меня это не удивило. Я давно понял, что этот мир высвобождает в человеке его *настоящее Я*.) Это была даже не жестокость, а что-то запредельное. «Ради интереса» пленного могли посадить в костер или зарыть в землю заживо. Особенно отличался прибившийся к отряду Харди позже Мэнни Брэннер, ставший фактически главным палачом банды.

Сэм вступился за пленную девчонку. В возникшей короткой схватке он раскрыл Мэнни щеку и вынужден был бежать вместе с девчонкой и еще двумя парнями, тоже выступившими против братьев Харди. Но, как выяснилось, те не забыли «дезертира».

Год назад — примерно когда Эва вернулась из Европы — Сэм с большей частью подобравшегося у него постепенно отряда ушел на запад. Про Харди давно уже ничего не было слышно...

Лагерь, в который они вернулись, был сожжен, оставшиеся там — убиты или зверски замучены. В том, кто это сделал, не было никаких сомнений. Сэм бросился на поиски, даже не похоронив мертвецов...

Мы смотрели друг на друга. Эва сказала, постукивая ножами по сапогу:

— Я слышала о тебе, Олег. В Европе... Ты всегда сражаешься за справедливость. Ты взял неприступную крепость Нори Мясника...

— Я там был не один, — проворчал я, скрывая, что польщен.

— Люди Фрэнка напали на твоих людей, — вмешался Сэм. — Парень со шрамом — это Мэнни, проклятая тварь... Ты поможешь нам?

Вопрос был прямой. По-мальчишески прямой.

Я поднялся. Небо затянули плотные тучи. Из пещеры слышались смех, выкрики и песня:

— От ветров и водки
Хрипли наши глотки,
Но мы скажем тем, кто упрекнет:
«С наше покочуйте,
С наше поночуйте,
С наше повоюйте хоть бы год!»¹

— Похоже, наши уже побратались, — заметил я. — Пошли в пещеру. Завтра... сегодня утром выступаем. Будем искать вашего Фрэнка, пока он не сбежал.

В пещере уже пели новую:

— Держись, братишка,
Крепись, братишка —

¹ К. Симонов. «Песня военных корреспондентов».

Ты серому волку брат...

* * *

— Останетесь завтра дома, — сказал я, закидывая руки под голову. Танюшка возразила:

— Еще чего!

— Останетесь, — отрезал я. Несколько секунд Танюшка молчала, сдержанно дыша. Потом вдруг прошептала:

— Ты так изменился, Олег... Я иногда тебя боюсь.

Вот оно. Я медленно повернулся к ней. В отсветах огня лицо Танюшки казалось бронзовым, в углах губ и у глаз лежали тени.

— Меня? — тихо спросил я, и голос показался мне одиноко дрожащей в ледяной пустоте струной. — Тань, ты что? У меня же... никого нет, кроме тебя.

— Я знаю. — Она отвернулась, натянув на себя одеяло. — Все, я спать хочу.

Несколько секунд я лежал, глядя в ее затылок. Потом — достал из кобуры под боком наган.

Сунул в рот холодный, пахнувший железом и салом ствол.

Закрыл глаза.

И нажал спуск самовзводом...

Я открыл глаза, плавая в ледяном поту, с бешено ломящимся из горла сердцем. Танюшка трясла меня за плечо:

— Олег, Олег, ты чего?!. Ой!

Это я вцепился в ее запястье, сбивчиво забормотав:

— Тань, ты здесь?!. Ты не ушла?!. Такой жуткий сон...

— Ну сон, сон... — Она погладила меня по вискам. — Ты же не веришь в сны?

— Слишком страшный сон... — Я перевел дыхание, удержал ее руку у своей щеки. — Тань, ты то небольшое, что у меня осталось *моего*.

— Расскажи сон, — попросила Танюшка, устраиваясь у меня на плече.

— Нет, — отрезал я. — Тань, завтра вы со мной не пойдете. С нами не пойдете.

— Ладно. Хорошо, — отозвалась она. — Но вы там осторожнее. Пожалуйста — осторожнее, Олег...

Когда меня не будет на земле,
Вселенная покажется пустою.
Но, может быть, напомнят обо мне
Слова, когда-то сказанные мною.

А звезды будут жить на дне морей
И так же по ночам срываться с неба.
Но, может быть, напомнят обо мне
Мои стихи, в которых был и небыль.

Акация все так же зацветет,
Подснежники распустятся весною.
И роковая надпись: «Все пройдет»
Глаза на мир уже другим откроет.

И мир успеет миллионы раз
Разрушиться и снова возродиться...
Но на земле уже не будет — нас —

Нам только сны о жизни будут сниться.

А. Бабкина

Тучи стали еще гуще, плотней и ниже. Похоже было, что вот-вот пойдет дождь. Часовые неподалеку разговаривали о чем-то, костер над входом горел нехотя, словно его тоже придавило сырое небо.

Эва сидела у огня, завернувшись в плащ и держа ладони на рукояти корды в ножнах. Она смерила меня внимательно-равнодушным взглядом и подвинулась на бревне, давая место. Я подстелил плащ и сел, позевывая и ежась. Внимательно посмотрел на американку:

— Ты что, не ложишься спать?

— Нет, — медленно ответила она. — Знаешь, мне было двенадцать лет, когда я первый раз увидела мертвого... ребенка. Парнишка двумя годами старше меня умер на старой барже. Покончил с собой, до сих пор не знаю — почему. Баржа называлась «Хоуп» — «Надежда»... — Эва усмехнулась. — Мы играли неподалеку, подошли, на нас не обратили внимания... Шериф расстегнул «молнию» мешка, посмотрел... У мальчишки было лицо такого... — она пошевелила пальцами в воздухе, — ...сероватого оттенка, но очень спокойное и умиротворенное. Словно ему наконец хорошо... У тебя нет брата или сестры?

— Нет, — покачал я головой.

— Стэн мне тогда сказал, что ничуть не испугался. Мы с ним часто дрались, а когда он умер у меня на руках, у него стало такое же лицо, как у того парня с баржи... А я вот уже четвертый год почти не сплю по ночам. Знаешь, чего я хочу? — Она погладила рукоять корды. — Чтобы Джо, младший брат Фрэнка, погиб раньше своего старшенького. И тот хоть немного пожил бы один — и понял *как* это.

— Они хорошие фехтовальщики? — спросил я. — Братья Харди?

— Очень, — это сказал, подойдя, Джо. Он был полностью одет, перемазан грязью. — Особенно Фрэнк, старший, но и Джо очень неплох. Они оба еще *там* занимались фехтованием на саблях... Вставайте, да и всех поднимайте. Моя разведка нашла их лагерь.

* * *

— Сколько у него человек? — поинтересовался Йенс.

Разведчик Сэма, черноволосый гибкий мальчишка, ответил:

— Два десятка парней, полтора — девчонок, но драться будут все, они у него один к одному. Кстати, они собираются уходить. Не очень спешат, но собираются.

Мы стояли на склоне холма, за которым начинался спуск в ложбину, где расположились лагерем Харди. Был даже слышен шум — ветер дул в нашу сторону. Странно, что не было часовых — впрочем, если они собираются бежать...

— Если с той стороны ложбины, как вы говорите, подъем и обрыв в каньон, — я присел, вынимая дагу, начал чертить, — то сделаем вот как. Ты, Эва, зайдешь с левого конца ложбины. Ты, Сэм, — с правого, я пойду отсюда, по склону. И погоним их вверх, на обрыв. Ну а там — все.

Мы совершенно спокойно планировали смерть трех-четырех десятков наших ровесников, потому что они были опасны для всех...

Сэм поднял голову:

— А дождь все-таки будет, — заключил он. — Ладно. Пошли по местам, что еще говорить-то...

...Вигвамы тут, кажется, были национальным видом жилищ. «Индийская народная национальная изба — вигвам называется», — вспомнил я, шагая по склону. Выкрикивать боевые кличи не хотелось. Хотелось не поскользнуться. И чтобы дождь не пошел.

В лагере нас заметили издалека. И, кажется, также заметили и два других отряда.

Вы видели людей, которые понимают, что им некуда деваться?

Страшное зрелище...

Внизу заметались. Среди мельтешения я не мог разобрать, где там кто... но группа человек из десяти, отделившись от общей массы, рванулась нам навстречу — плотной кучкой, явно на прорыв. Впереди бежал, закрываясь круглым щитом, рослый светловолосый парень, державший в правой руке на отлете длинную шпагу.

— Фрэнк это или Джо — он мой! — закричал Сергей. — Не трогать его! Олег, не трогай! — и он рванул вперед длинными прыжками. Мы с шага перешли на бег, собираясь остановить поднимающуюся группку, но Сергей опередил всех и, прыжком взлетев в воздух, ахнул обеими ногами в подставленный щит, сшиб его хозяина — и они врубались в набегающих сзади парней единым рычащим комком.

— Плотней строй! — успел рявкнуть я, принимая на дагу удар меча мальчишки с безумно расширенными ужасом и ненавистью глазами. Меч соскользнул в сторону, на камни острием во весь размах, я свалил мальчишку одним косым ударом палаша в левое плечо, развалив его тело до середины груди.

Посреди общей схватки сражались Сергей и тот парень — уже без щита. Я это заметил краем глаза, но было не до этого — Анри с трудом отбивался от своего противника, и я перехватил американца.

— Я... сам... — пропыхтел Анри, пытаясь отдышаться.

— Вместе, вместе, — спокойно ответил я.

— Не убивайте! — американец в отчаянье бросил валлонку. — Ради бога! Не убивайте!

Анри опустил палаш, но я не остановил удара — точнее укола, пробившего парня слева между ребер. И обернулся. Схватка практически закончилась, только Сергей еще сражался... нет! Как и тогда, во время схватки на зимнем берегу, я не понял, что же сделал мой друг. Но американец рухнул на сырую землю с разрубленной головой, а Сергей вскинул над собой палаш. По левой руке у него бежала кровь.

— Эва! — закричал Йенс. — Эва, смотри!

Американка в сопровождении двух белокурых атлетов прыжками поднималась по склону. Я подбежал тоже — как раз когда она склонилась над трупом — и, издав улюлюкающий вопль, одним ударом корды отсекла мертвому голову и, подхватив ее за окровавленные волосы, раскрутила над головой и метнула страшный трофей в сторону лагеря с криком:

— Фрэнки! Дружище! Это тебе! — и, повернувшись ко мне, выдохнула: — Это был Джо.

У нее было веселое, счастливое лицо человека, который увидел, как исполняется его мечта...

Ветер закручивал на небе водовороты черных, тяжелых туч.

— Дайте дорогу! — закричал я. словно в ответ на мой крик, хлынул дождь — ледяной ливень, сразу, обвалом, мгновенно превращая подтаявшую землю в грязь. — Дорогу! Фрэнк! Где ты?!

Кто-то шархнулся с моей дороги сам, кого-то я отшвырнул за плечо, расчищая себе дорогу — даже не понял, кого, но впереди оказалось открытое место, лежащие трупы и — шагах в десяти — ошестинившаяся оружием группка людей.

Земля вскипала от дождя.

— Фрэнк! Иди сюда, Фрэнк. Ну? Я жду.

В глубине кучки кто-то лающе рассмеялся. Озлобленно дышащие ребята раздались, и вперед — плечом, словно протискиваясь в узкую щель — вышел рослый светло-русый парень в широкой кожаной броне, похожей на плащ с нашитыми роговыми бляхами. В правой руке у него был палаш, в левой — острием к себе — большой, чуть изогнутый охотничий нож. С обеих лезвий стекала размытая дождем кровь, и Фрэнк мерил меня оценивающим холодным взглядом. Наверное, и мой взгляд был таким же...

— Олег! — словно выплюнул он мое имя, и его взгляд из холодного стал яростным и непримиримым. Я понимал — сейчас он видит во мне человека, разрушившего его

привычный, надежный, устоявшийся мир. И улыбнулся в ответ, потому что меня радовала мысль об этом разрушении. Мир Фрэнка того стоил. Очевидно, именно эта моя улыбка и стала последней каплей. Цедя непонятные ругательства, Фрэнк пошел ко мне по раскисшей земле.

Убивать пошел. Видно было по походке, по хвату оружия, по лицу. Я ждал, стоя на месте, сдувал с губ воду и разминал пальцы на рукояти палаша. Дождь, казалось, еще усилился.

В двух шагах от меня Фрэнк прыгнул вперед — напористо, молча. От палашей, столкнувшихся над головами, брызнул сноп бледных искр. Мы отшатнулись; следующий удар нанес я, такой же яростный, — и вновь шарахнули искры. Мой удар дагой Фрэнк отбил ножом у своего живота, но я ударил его ногой в колено и попал — американец с хриплым рычанием отшатнулся, но тут же вновь нанес удар, а за ним — еще палашом и ножом в бок. Я отбивал удары и удачно ушел от пинка в бедро.

Дождь хлестал нас, хлестал кипящую землю, хлестал застывших ребят — наших и врагов, стоящих на ногах и неподвижно лежащих в грязи.

— Убью, сволочь... — прохрипел Фрэнк, рубя с плеча. Я нырнул под удар, врезал ему ногой в грудь ударом из саватта, но американец ловко ушел, подбил пинком вторую мою ногу, и я полетел в грязь.

Через долю секунды он уже навис надо мной. Я видел — как-то одновременно — безумные, почерневшие глаза и палаш в руке с задравшимся широким рукавом брони. Я сжался в комок, перекачиваясь под ударами, потом обеими ногами пнул Фрэнка в пах и, когда он согнулся, добавил ногой в лицо, опрокидывая его наземь. Он упал неудачно (для себя) — крестом разбросав руки, и я, навалившись сверху, потерял секунду, пытаюсь заколоть его палашом. Фрэнк ревел, я отвечал ему тем же рычанием и бил уже дагой, но не попадал, а потом — получил страшный удар в левую скулу и кувырком полетел в сторону. Не потерял сознания, но сразу встать не смог — правда, Фрэнк тоже не вскочил, одним из ударов я глубоко приколот его плащ-панцирь к земле, моя дага так и осталась торчать в поле. Я нашарил палаш; мы одновременно поднялись на колено и вразмах несколько раз скрестили палаши. Нож Фрэнк тоже выронил, и, когда он потянулся за ним, я вскочил и с размаху ударил американца ногой в лицо, но Фрэнк подставил плечо, ловко перекатился и вскочил, выставив уже обе вооруженные руки. Левый глаз, кажется, у меня заплывал... Волосы Фрэнка почернели, с них текла жидкая грязь. Я опомниться не успел, а он прыгнул вперед, как большая страшная кошка. Отвратительно скрипнул его палаш, остановленный моим где-то над нашими головами, ударом кулака в краге прямо по ножу я вновь вышиб его у врага, но пальцы Фрэнка жуткими клещами впились мне в горло через жесткий ворот бригаантины. Я вцепился в запястье врага свободной рукой, краешком сознания отмечая, что хриплю. Сил оторвать руку Фрэнка от горла не было, и по его оскалу я понимал — еще сколько-то мучительных вдохов, и он выдерет мне горло вместе с куском ворота.

— Задуш, сломаю... — прорычал он мне в лицо, — молись, русская сволочь...

Страх, который я испытал в тот миг, был страхом не перед болью, которая меня ждала, а перед поражением. Несколько раз вслепую я бешено ударил коленом, но попадал в полы этой чертовой брони. Дышать становилось все труднее, я краем сознания отметил, что у меня широко открылся рот, и из него сам собой вылезает язык, а глаза распирает изнутри...

Опрокинутой чашкой опустится ночь.
Шорох крыльев спугнет чей-то сон.
Станет страшно, а значит, уже не помочь,
Не спастись за преградой окон.

Точит когти луна среди черных ветвей.
Темноту факелами согрей.
Пляска смерти одна. Ты летишь из окна.

Убей, слышишь, убей!
Убей, слышишь, убей!

Бархат тяжких знамен
Расшивай серебром,
Поцелуем впечатывай нить.
На прощальном ветру
Нам гореть поутру —
Мы умеем за пляску платить.

Разбивайся об лед,
Видишь, время не ждет.
Часовые торчат у дверей.
В спину вылетит нож,
Просыпайся, поймешь.
Убей, слышишь, убей!
Убей, слышишь, убей!

Из разорванных туч
В руки выпадет ключ.
Треплет болью остатки души.
Не спеши отпускать
Мертвый ветер плясать,
Росчерк молнии штрих заверши.

Пусть холодная сталь
Разомкнет нам уста,
В небе вспыхнут осколки цепей.
Кровь легка и чиста,
Камни сдвинет с креста.
Убей, слышишь, убей!
Убей, слышишь, убей!

Группа «Джэм»

Я вывернул правую кисть и услышал, как палаш Фрэнка со скрипом скользнул куда-то в сторону. Почувствовав, как освободилась рука, я с отчаяньем ударил американца торцом эфеса сверху по голове — и еще, еще, еще, не помню, сколько раз, цедя сквозь зубы почти без голоса:

— Отцепись, отцепись, отцепись!..

Он попытался ударить палашом, но на таком расстоянии длинный клинок скользил по моей бригантине — не было места для размаха. Я просунул кулак в гарде ближе к лицу Фрэнка и уже почти вслепую — перед глазами бурлил алый туман — нанес врагу еще несколько ударов прямо в губы.

Американец отпустил меня.

Добить его я не смог, потому что был занят упоительным ощущением — я *дышал*. У Фрэнка по лицу текла кровь, из рассеченных губ, из-под волос... Да, такого противника мне еще не попадалось. И бой-то не окончен... Я атаковал, как только отдышался — рубя сплеча и держа левую руку наготове. Добраться бы до даги — но я запретил себе об этом думать, чтобы не расслабляться.

Фрэнк оборонялся недолго. Он пришел в себя и, отразив мой четвертый или пятый удар, сам нанес ответный, да такой, что у меня хрустнуло в кисти. Я подпрыгнул, спасаясь от

возвратного кругового в бедро, но третье размашистое движение пришлось слева в ребра.

Бригантина спасла меня от гибели, но я ощутил (больно почти не было, таково оказалось напряжение), как сломалось ребро — или даже не одно. Меня перекосило, дыхание вырубилось. Второй удар пришелся сверху в левое плечо — тут, наверное, и бригантина не уберегла бы, лежать бы мне разрубленным надвое, если бы я не успел чуть повернуться на пятках — клинок прошел концом вдоль груди, а ответным уколом я пробил рукав брони Фрэнка у левого плеча. Ответом мне был рев — не боли, а досады. Американец отскочил, но тут же, словно на пружинах, метнулся вперед, взмахнув рукавом... и меня полоснуло болью по левому бедру снаружи. Я ощутил, как брызнула кровь и мельком подумал, что Фрэнк запросто мог отрубить мне ногу, ударь он поточнее.

Но удар и так был точным достаточно, чтобы я захромал. Тем не менее, я запретил себя думать о ране и боли — вместо этого я бросил себя вперед, молотя Фрэнка палашом сверху вниз снова и снова. Американец начал отступать, из рукава на кисть бежала и капала с пальцев кровь.

В какой-то момент он не просто отбил, а отбросил мой удар и нанес свой — я качнулся назад, а не угадай я этого удара, моя голова сейчас прыгала бы в грязи. А удар ногой в бок бросил меня на спину, второй раз за какие-то минуты. Причем удар был в бок со сломанными ребрами...

Наверное, на секунду я потерял сознание, потому что, когда я открыл глаза, Фрэнк стоял надо мной, держа палаш обеими руками острием вниз. Его лицо было страшным.

«На правый бок!!!» Я подумал это позже, чем опрокинулся в сторону, — и палаш на полдлины ушел в мокрую, раскисшую землю. Фрэнк сунулся вперед, не удержав своего собственного размаха, и я обратным движением ударил его по виску локтем и в затылок кулаком. Фрэнк коротко хрюкнул и зарылся в грязь. Из уха у него выскользнула струйка крови.

Я рванулся за палашом и дагой, мельком заметив, что этот бык начинает возиться! Добравшись до своих клинков, я вскочил на ноги и на миг ослеп от боли в ноге... а когда открыл глаза снова — Фрэнк уже стоял на ногах, держа и палаш и нож. Он часто встряхивал головой и покачивался, но все-таки *стоял*, хотя последними двумя ударами — да что там, любым из них! — я мог его убить.

Двигаться мне было тяжело, нога немела и скользила в сапоге, левый глаз плохо видел, бок кроила и выворачивала боль в ребрах. Но и Фрэнк выглядел кисло, даже не шел в атаку, а переминался на месте. Кровь из уха у него не останавливалась, хотя ее размывал дождь.

Я коснулся кулаком в краге с зажатой в нем дагой рубленой раны в бедре и, вытянув кулак в сторону Фрэнка, сказал по-русски, не очень-то заботясь, чтобы меня понял враг:

— За эту кровь я тебя заставлю захлебнуться своей...

На этот раз мы дрались обеими руками. Точнее, Фрэнк дрался полутора — левая у него плохо двигалась в плече — но он все еще был сильнее и бил, словно кузнечным молотом, снова и снова высекая искры. Я и не пытался парировать удары дагой, зато, выбрав момент, достал его изнутри в левое бедро сквозь раскрывшийся разрез брони. В артерию не попал, но двигаться Фрэнк тоже стал затрудненно. Ответный удар (я не мог отпрыгнуть быстро) пришелся по бригантине, Фрэнк не удержал проклятья. Глаза у него побелели, он вдруг отшатнулся, бросил вверх палаш — я невольно проследил за ним глазами — и, перехватив правой нож, швырнул его в меня, а потом подхватил палаш у своего плеча.

Но этого я уже не видел. Резкий удар ожег мою грудь справа, а за ним вспыхнула боль. Она была неглубокой, но острой, а пересилить себя и отвлечься я смог, только когда увидел, что Фрэнк рядом со мной и его палаш вновь занесен...

Я вскинул над головой «вилку» из даги и палаша — и судьба Фрэнка была бы решена в секунду, не задень я правой рукой торчащий нож. Боль вновь резанула меня длинным огненным лезвием, и я выронил палаш, а рука бессильно упала сама по себе. Обрушившийся на дагу клинок вражеского оружия отбросил ее в сторону — единственно, дага не дала раскроить мне череп. Палаш плашмя ударил меня в правое плечо, и я отрешенно ощутил, как

сломалась ключица.

Палаш взлетел вновь.

Подавшись вперед, я ударил снизу левым плечом под мышку Фрэнка, и его рука повисла вместе с оружием у меня за спиной, так и не нанеся удара. Рядом — в упор — я увидел его глаза, в которых не было страха, только удивление, досада и... *уважение*. Он понял, что проиграл, но все-таки попытался ударить меня левой, просто кулаком.

Не успел. Моя левая рука с дагой была у него за спиной, и я, перехватив оружие испанским хватом, вогнал дагу ему в левый бок сзади, толкнув его навстречу клинку всем телом.

Потом левая рука у меня отказала окончательно — и я рухнул сверху на упавшего навзничь Фрэнка. От боли в ребрах почернело в глазах, но — странно — эта чернота отхлынула, я не потерял сознания.

Фрэнк был жив. Он лежал с закрытыми глазами и вяло выталкивал изо рта кровавые пузыри. Я свалился с него вбок, потом сел, опираясь на правую ногу, шлепнулся на мягкое место в грязь.левой рукой я взялся за рукоять ножа и, выдернув его, отбросил в сторону. Под бригантиной потекло, но, похоже, рана правда была неглубокой.

Фрэнк застыл. Кровь все еще текла изо рта в грязь. Я бросил взгляд на американцев.

И увидел — как-то сразу увидел — наведенный из-за их голов арбалет.

Мэнни, стоя на краю обрыва, улыбался, целясь мне в лицо.

«Какая нелепость», — подумал я.

Потом Мэнни исчез за краем обрыва. Послышался короткий плеск. Американцы разом оглянулись, а я повернул голову в сторону наших.

Андрей стоял чуть сбоку от остальных, держа в руках аркебузу Зорки.

— Нечестно, — сказал Андрей. Дальше я помню, что мимо меня рванули с обеих сторон орущие люди, а я падал, падал, падал и никак не мог упасть.

От сухой коновязи в лес уходит дорога,
На дорогу из тучи молча смотрит звезда...
Ни на что не надейся, а надейся на Бога,
Жизнь дается на время, а Господь — навсегда.

Вот опять смутным ветром потянуло с востока,
Вот опять еле слышно громыхнуло вдали.
Будет битва последней, будет битва жестокой,
И со стуком, как кегли, упадут короли.

Снова крови невинной будет пролито много,
Будем в битве друг друга, как пшеницу, молоть.
Ни на что не надейся, а надейся на Бога —
Сохранить и спасти нас может только Господь.

М. Дунаевский — Л. Дербенев

* * *

Горлу было больно, но я выдавил:

— На... ши... все... жи?... — и закашлялся.

Голос Ингрид отрезал:

— Все. Еще слово скажешь — язык отрежу, хуже не будет, но хоть помолчишь.

Я открыл глаза — глаз, правый, левый не открывался. Танюшка тоже сидела рядом, смотрела больными от сочувствия глазами.

— Я тебя буду держать за руку, — сказала она, и твердые теплые пальцы оплели мое запястье. — Только ты молчи, пожалуйста. Ингрид, расскажи ему.

— Посветите получше, — приказала Ингрид. Кто-то — не было видно кто — притащил факел, спросил: «Как он?» Ингрид лягнула темноту и, чем-то звякая, начала пояснять с некоторым даже удовольствием. — Значит, левый глаз у тебя пройдет, ерунда... Слева у тебя два ребра сломаны, правая ключица — тоже, надо будет складывать... Горло цело, но помолчать надо, этот бугай тебе мышцы повредил, там все синее, даже черное... Справа на ребрах рана — легкое цело, но рана длинная и между ребрами дырка. Ну и правое бедро тоже будем шить. Крови ты потерял не меньше литра... Ну, Олег, я начинаю.

— Держи мою руку, — со слезами попросила Танюшка.

Я улыбнулся ей и погладил пальцами тыльную сторону ее ладони.

Наверное, из-за кровопотери я здорово ослабел, потому что скоро почувствовал, как по щекам сами собой текут слезы. Не то чтобы так больно было, но очень долго. Слишком уж... Я был бы не против потерять сознание, и, когда Ингрид начала возиться с ключицей, я все-таки вырубился. Боль продолжала существовать, но отдельно от исчезнувшего тела, как зримый колеблющийся огонь, по временам приближавшийся вплотную. «Он не умрет?!» — услышал я голос Татьяны и с неохотой пришел в себя. Ингрид шила рану на ребрах — это было последнее, что оставалось сделать. Лицо у меня было мокрое, развести пальцы на руке Танюшке не удавалось, но она свободной рукой гладила меня по волосам и что-то шептала.

— Все, — Ингрид перерезала нить и махнула кому-то: — Иду, уже иду!.. Тань, напои его и пусть спит. Пои осторожней, ему трудно будет глотать.

Если честно, это было последнее, что я слышал.

* * *

Я выздоравливал тяжело. Честное слово, зимы приносят мне несчастье... Оказывается, вдобавок ко всему прочему, я, когда свалился с умирающего Фрэнка, проткнул себе обломком ребра легкое. Я и не заметил, а со стороны это выглядело жутко, представляю: я сажусь, а у меня изо рта хлещет кровь, да еще я начинаю с потусторонним лицом падать в грязь. Ребята тут же рванулись вперед, смяли американцев. Живым не взяли никого — просто рубили в куски, вот и все. У нас убитых не было, Сэм потерял троих, Эва — тоже... Труп Мэнни Андрей нашел ниже по течению и даже спускаться к нему не стал — сверху было видно, что лежащий на камнях лучший палач Фрэнсиса Фентона Харди убит наповал.

Все это я узнал позже, когда начал адекватно воспринимать происходящее. Горло ныло, я не мог говорить толком и лишь улыбался, когда Танюшка начинала мне рассказывать новости. Поднялся я на ноги через восемь дней после ранения, говорить начал через две недели, нагнуться нормально у меня получилось через месяц, хромать перестал через пять недель, а правой рукой толком не владел, скажу, забегая вперед, почти до конца зимы.

Короче, отделал меня Фрэнк крепко. Печально, если исключить, что я его убил. Впрочем, Фрэнка это опечалить уже не могло. А я выбрался на свет божий из пещеры, уже когда начиналась настоящая весна.

Хорошо помню — всю светил солнце, оно успело слизнуть с южных склонов весь снег, а с северных шумно бежали ручьи. На пригревах пробилась щетина травы и цвел багульник. Птичьи стаи шумливо перемещались в ярком высоком небе.

Танюшка постелила плащ, и я сел рядом с ней, щурясь на солнце. Слегка отстранившись, девчонка поводила пальцем по моей щеке.

— Ты такой бледный, даже синеватый, — сочувственно сказала она.

— Ничего, — отозвался я, — через месяцок выйдем, и я быстро восстановлюсь... Зимы для меня — очень неудачное время.

— Олег, я не об этом. — Танюшка слегка потерлась носом о мой висок, потом — об ухо. — Мне жалко тебя.

— Жалко? — Я плавно опрокинулся затылком на ее колени, вытянул над головой руки и углом рта улыбнулся Танюшке, которая, ответив улыбкой, начала мягко и размеренно разбирать мои волосы надо лбом на пряди.

— Ты все равно красивый, — негромко сказала она. — И загар все-таки не весь сошел. Наверное, кожа у нас насквозь им пропиталась.

Я ничего не ответил, и Танюшка тоже какое-то время ничего не говорила, только играла с моими волосами... но потом я вдруг услышал ее негромкий голос, напевавший тихо, но ясно...

— В старом парке тенистом, где в задумчивый вечер
Спит листва на деревьях под гирляндами звезд,
Захотелось мальчишке мальчишкой быть вечно,
И желание это его почему-то сбылось.

Не страшит мельканье дней и лет
Одного его на целом свете.
Хорошо таким быть или нет,
Хорошо таким быть или нет,
Сразу кто ответит? Кто ответит?

Остывают вулканы, и деревья стареют,
Гаснут в небе созвездия, и растут города,
Только этого парня не трогает время —
Беззаботным мальчишкой останется он навсегда¹.

Мелодия песенки была простенькой, но красивой — кажется, это называется «блюз». А слова успокаивали и убаюкивали, хотя время от времени странным диссонансом прорывалась в них и в мелодии тревожная нота...

— Что это? — тихо спросил я, с усилием открывая глаза.

Танюшка улыбалась:

— Нравится?

— Да, а что это? — настойчиво повторил я, поймав ее ладонь и поднося к губам.

— А это из кино, из «Питера Пэна». Я только слова немного переделала...

Я пожал плечами. Да, кино я помнил, и оно мне понравилось, в отличие от книжки (а вот Танюшка балдела и от того, и от другого чуть меньше, чем от Грина). Но песня не вспоминалась, и странно — она была красивой...

— Не знаю, хотелось ли мне быть мальчишкой вечно, — заметил я. — Я просто не думал об этом.

— Американцы зовут нас с ними — и Сэм, и Эва. — Танюшка откинулась на камни, прилегла рядом. — Они идут на север, только Сэм к Большим Озерам, а Эва западней... Но ведь у нас своя дорога?

— Своя, — отозвался я, осторожно потягиваясь и прислушиваясь к шрамам. — Вылупишь зенки, откроешь варежку — и с катушек. Редкая птица дочешет до середины, а какая и дочешет, то так гикнется, что копыта отбросит... Вот наш путь!

Танюшка захихикала, вспомнив эту классику «Ералаша», которую у нас не вспоминали уже давно, дернула меня за прядь на виске, потом провела пальцем по бровям, словно разглаживая их.

— Шелковые брови... — пропела она тихонько. — А волосы у тебя жесткие, потому что ты злой...

Я вытянул руку и пропустил между пальцев ее прядь — русую, густую и мягкую.

¹ Музыка И. Ефремова, слова Л. Дербенева.

— Значит, я злой? — хмыкнул я, снова потягиваясь (боли почти не было). — Вот спасибо...

— Ты мне и злой нравишься, — успокоила меня Татьяна. Я прикрыл глаза (в наступившей темноте плавал яркий диск весеннего солнца) и сказал:

— Мы скоро выйдем, Тань. Нам пора.

* * *

Топоры дробно и весело стучали в плавнях. На берегу перекликались голоса, вкусно пахло похлебкой с копченым мясом и — наконец-то! — картошкой, найденной в больших количествах. Кто-то смеялся. Девчонки на три голоса пели:

— Ах, как пахнет дождем это теплое лето! —
Кто-то в рупор ладоней кричит в небеса...

Мы добрались до берегов Миссисипи — великой американской реки, на которой разворачивалось действие любимых мной твеновских «Приключений...». Дальше, на том берегу, за узкой полоской лесов, начинались степи — Великие Равнины, как в кино или в книжке.

— Третью пути пройдена, — сказал Сергей, подходя ко мне. Он широко улыбался, отряхивая руки, плечи блестели от пота. — Если все будет хорошо, — он треснул меня по спине, — то, может, нам больше и не придется тут зимовать!

— Хлопай осторожней, — проворчал я, передергивая плечами. — Я тебе не тот несчастный ребенок, которому ты когда-то сломал нос.

— Заканчивай работу! О-бед, о-бед, о-бе-ед! — заорала со стороны костров Ленка, для вящей убедительности колотя ложкой в котелок.

— Пойду помоюсь, — сообщил Сергей.

— Погоди, я с тобой, — задержал его я, расшнуровывая куртку и бросая ее на молодую траву.

Мы спустились к самому берегу, откуда Миссисипи казалась еще шире, другой берег практически не был виден. Сергей присел на корточки, зачерпнул воды... и кувырком полетел в реку, получив от меня полновесный пинок!

— История повторяется, — невозмутимо сказал я, подавая смеющемуся Сергею руку. Он дернул на себя, но стащить меня в воду не смог и, все еще смеясь, выбрался на берег. Его волосы, светлые от природы и выгоревшие до белизны, потемнели от воды.

— Ладно, я тебе это припомню, — добродушно пообещал он. — Пошли есть, это самое разумное...

Девчонки и правда расстарались — приготовили кучу всего. Доскребая ложкой остатки картошки, тушенной с мясом и кореньями, я задумчиво сказал:

— И все-таки — где же наши любимые урса?

На несколько секунд воцарилось недоуменное молчание. Потом Ян поинтересовался осторожно:

— Ну урса-то тебе на кой черт?

— Да они мне, собственно, и не нужны, — я пожал плечами. — Просто странно.

— Нет, ну и ладно. — Видов перекрестился, и этим тема урса была исчерпана... по крайней мере — вслух. Да и мысли мне перебили, потому что Игорь, сидевший рядом со мной, вдруг замурлыкал, отрешенно глядя в горячий настой:

— Девочку и мальчика
Силой разлучили...
Без сестры мальчишке...
Па-ра-ра, ти-тили...

Пам-пам-пам... пам-пам-пам...
Сердце тихо бьется...
Время уходит — мальчик остается...
Снегом тают зимы, пролетают весны...
Где же наши братья, где же наши сестры?.. —

и снова мурлыканье без слов.

— Игорь, а что это будет? — осмелилась спросить Ингрид. — Красиво...

Игорь посмотрел на нее затуманенными глазами, встряхнулся и ответил:

— А, не знаю пока... Это когда Эва про себя и про брата рассказывала, у меня что-то такое зашевелилось, а сейчас вдруг... выскочило. Если досочиняю — спою.

— Часа через три плот будет готов, — внес во все это прозаическую нотку Димка, подбрасывая на ладони финку. — Будем переправляться на ночь глядя?

— А сколько на переправу? — уточнил я. Зорка, не поднимая глаз от аркебузы, которую протирала, ответила первой:

— Часа три.

— И снесет, — добавила Танюшка. — Течение не сильное, но на километр стащит точно.

— Больше, — возразил кто-то из девчонок.

— Плот неправильно делаем, — сердито сказал Анри. — Надо так... — он скрестил ладони, — а вон Сергей всех заставил так... — и он словно бы ухватил что-то щепотью. Я посмотрел на Сергея:

— Э... что он имеет в виду?

— Дурь он имеет в виду, — сердито сказал мой дружок. — Я распорядился плот на стяжках делать — чтобы быстрее, ну не Тихий же океан мы на «Ра» переплывать собираемся, в конце концов! — а он агитирует врубные слуги делать. И разорался, словно ежа против шерсти рождает... Мы же так сто лет провозимся!

— Тихий океан переплывали на «Кон-Тики», — сердито не меньше, чем Сергей, сказал Анри. — А ты хочешь, чтобы как у вас в сказке: тят, ляп, вышел корабль.

Кругом захохотали, Сергей сам не удержался от смеха. Андрей поинтересовался:

— Это кто же тебя насчет наших сказок так просветил?

Вопрос остался без ответа, Анри сердито отмахнулся и потребовал добавки.

— Нет уж, Анри, — покачал я головой, — будем делать, как быстрее. Ради трех часов не стоит строить корабль, а акулы тут вряд ли водятся.

— К вопросу об акулах. — Ленка Чередниченко вытянула руку с ложкой в сторону реки. Примерно в полукилометре от берега неспешно плыли штук двадцать крокодилов. Не каких-нибудь сраных аллигаторов, а местных, солидных, до десяти метров каждый. Мы все какое-то время молча провожали глазами невозмутимую эскадру. Потом Раде неуверенно сказал:

— Может, правда надо было попрочней делать?

— Полезут на плот — получают в рыло, — заявил Сергей. — Лен, хочешь сапоги из крокодиловой кожи?

* * *

Течение оказалось неожиданно сильным на середине, а у плота крайне скверные мореходные качества. Хорошо еще, мы озаботились веслами — вырубили их из дерева, грубые и тяжелые, но вполне работоспособные, а рук на плоту хватало, чтобы интенсивно грести, не давая течению стащить нас далеко.

Короче, беспечной переправы с болтанием ногами в воде не вышло. Крокодилы заинтересовались нами примерно там же, на середине — я так и не понял, откуда они взялись и где находились до этого. Скорей всего, подплыли под водой. Если мерить в

попугаях — в смысле, в крокодилах, — то наш плот был где-то 0,8 квадратного крокодила.

Неутешительный результат.

Первый крокодил пошел в атаку на плот, когда до берега оставалась треть пути.

— Куда, скотина?! — процедил Йенс по-немецки и съездил его по бронированному рылу веслом. Крокодил резко отвернул — гребенчатый хвост взбил пену — словно хотел познакомиться, а его страшно оскорбили негостеприимством. — Ублюдок, — добавил немец, и я увидел на его лбу крупный бисер пота. Странно, я сам не особенно боялся...

Почти одновременно второй и третий крокодилы пошли в атаку на корму. Зорка, Танька и Линде одновременно спустили курки аркебуз — пули отчетливо, как по металлу, щелкнули по башке того, который плыл впереди, отскакивая рикошетами. Крокодил грузно полез на плот — как-то не страшно, вяло, разекая бледную розовую пасть. Раде ударил по лапам второго, грозившего опрокинуть плот. Пасть — из нее несло рыбным запахом — оказалась совсем близко. Вытянув руку, я трижды выстрелил из нагана в эту пасть, и верхняя челюсть крокодила захлопнулась с отчетливым стуком, он сполз в воду и поплыл по течению — не шевелясь, растопырив лапы.

— ...курва! — прорвался крик Димки, и я вдруг сообразил, что вокруг орут все. Димка лупил топором по башке второго крокодила, Раде рубил его лапы, а Юджин пытался, сопя, пролезть между ними с томагавком, и его яростно отпихивали свободными локтями. Крокодил не выдержал оголтелого насилия — обиженно съехал в воду. В том, что эти зверюги действовали молча, была такая *чуждость*, что пробирало холодком.

— Только бы не опрокинули, — процедил Олег Крыгин, все еще сжимая топор.

— Куда ты лезешь под руку?! — заорал Димка на Юджина. Тот рывкнул в ответ:

— Я помочь хотел!.. Черт, как в фильме ужасов...

— Хорошо, что они не умеют подныривать, — заметил Игорь. — Я читал, что не умеют... вроде.

— Утешительно, — буркнула Танюшка. — А пасть у них, по-моему, уязвима. — Она взвела аркебузу.

— Еще в глаз можно, — сказала Зорка. — Я попаду.

Я вспомнил ее *советницу* и подумал, что и правда может попасть. Потом пришла посторонняя в данной ситуации, но странная и интересная мысль: Зорка и Танюшка никогда не общались прямо друг с другом и даже не садились рядом. Это не очень бросалось в глаза, потому что людей вокруг было, в общем-то, много. И в то же время эти две девчонки были немного похожи. Если мыслить категориями киношных сравнений, то Зорка напоминала мне девчонку-гайдука из болгарского фильма «Козий рог» — не внешне, а характером. А Танюшка... Танюшке больше подходила героиня какого-нибудь фильма 50 — 60-х годов. Такая решительная, целеустремленная, преданная любимому человеку и общему делу.

— Сволочи, надоели уже! — Сергей ахнул веслом крокодила, высунувшего рыло из воды, и тот ушел на глубину, на прощанье так врезав Сергею хвостом по ногам, что, если бы не реакция того, остался бы мой друг со сломанными голеньями. А так дело ограничилось тем, что ему рассекло кожу на правой ноге под подвернутой штаниной. — Ублюдок! — крикнул вслед крокодилу Сергей, прыгая на одной ноге.

Зорка выстрелила. Крокодил взбил воду в пену, погружаясь.

— Попала, — сообщила Зорка. Проверить это было нельзя, но крокодил больше не появлялся. Остальные резко изменили направление движения — и клином ушли на середину реки. Словно команду получили.

Я выбил из барабана стреляные гильзы и, дозарядив наган, убрал оружие в кобуру. Вздыхнул:

— Ну и слава богу...

Причаливать пришлось на полкилометра в стороне от того места, на которое мы рассчитывали. Из прибрежных зарослей вышли несколько платибелодонов, воткнулись в ил и с урчанием начали перемалывать какие-то корневища, которые с хлопаньем извлекали тут же из дна. Они были вдвое длинней плота и в отличие от крокодилов не проявляли

стремления *вообще* ни к какому контакту.

Там, где мы высадились, грязи было по пояс.

* * *

— Кувшинки как в той заводи, в Испании, помнишь? — Танюшка поддела ногой воду, брызнула на середину спокойной протоки, в прозрачной толще которой колыхались в такт течению водоросли.

— Конечно, помню. — Я стоял по колено в неожиданно теплой воде, уперев руки в бока. — Вот и кончается наша шестая весна здесь, Тань... Сегодня, по-моему, первое мая. Во всяком случае, май или уже идет, или скоро начнется.

Вечерело, солнце садилось в тучу, внутри которой что-то угрюмо ворчало и ворочалось. Похоже было, что надвигается действительно весенняя гроза. Но двигалась туча неспешно, и мы с удовольствием гуляли в окрестностях лагеря, который был разбит сразу за переправой. Мы с Танюшкой уже нахотались, почему-то начав вспоминать смешные случаи из первого нашего года здесь и, успокоившись, спустились к этой тихой заводи, в которой плавали кувшинки.

Танюшка вошла в воду. Ее штаны тоже были подвернуты, куртка полностью расшнурована, и я этим не замедлил тут же воспользоваться, глядя Таньке в глаза.

Танюшка, тоже посматривая на меня — с усмешкой, — позволила моей руке путешествовать по ее телу.

— Ну? — поинтересовалась она через какое-то время.

— Что «ну»? — удивился я.

— Дальше что?

— А что?

— Да ничего, — Танюшка подалась чуть вперед и укусила меня за ухо. Довольно сильно, у меня вырвалось:

— Ау!!!

— Да, — подтвердила Танюшка и тяпнула меня еще раз, сильнее. — Ну? Ты долго еще будешь валять дурака?

— Может, лучше валять дурочку? — осведомился я, стягивая куртку с ее плеч. — Ты не знаешь, где тут ближайшая ду... ай, Тань, хватит!

Она укусила меня в третий раз и шепнула в самое ухо:

— Ну так принимайся за дело...

Мы неспешно, со вкусом, раздели друг друга — этот процесс сам по себе вещь весьма приятная. Спешить в самом деле было некуда — вечер принадлежал нам, никто не будет искать... Танюшка, увлекая меня, опустилась на траву, улыбаясь счастливо и рассматривая меня. Я коротко улыбнулся в ответ, потянулся к ней, но Танюшка удержала меня:

— Погоди, дай я еще на тебя посмотрю... сядь. Да, если в этом мире есть счастье, то я его получила, и это счастье — ты...

— Они жили долго и счастливо и умерли в один день, — тихо сказал я. — Это про нас, Тань... Иди сюда...

— Подожди, я сейчас повернусь... делай так, только не спеши...

Тело Танюшки под моими ладонями то твердело, как сталь, то таяло и плавилось, словно масло. Я чувствовал, что она готова, но и правда не спешил, пока не ощутил — все, больше не могу. Танюшке, похоже, тоже было невтерпех — она подавалась мне навстречу, глаза ошалело посверкивали.

— А-а-а! — вырвался у нее крик, когда *это* началось. Что она выкинет во время наших с нею игр, предугадать заранее было невозможно, — вот на этот раз она начала материться, выплевывая до того сложно построенные структуры, что в другое время я бы ужаснулся. Но сейчас мне было не до этого. Я даже не замечал, что трава ранит мне бок и руку при каждом судорожном движении. Танюшка, выгнувшись, как дикая кошка, укусила меня в плечо,

потом в шею и, не отрывая от нее лица, застонала вибрирующе:

— Этттоо... вес... нааа... — услышал я ее задыхающийся, ликующий голос. — Еще... рrrrrrrрааААА!!! — и снова полился мат такой отборности, что листья вокруг должны были пожелтеть, свернуться в трубочки и осыпаться.

«Еще раз» у меня не получилось — меня выгнуло последний раз, я вскрикнул, окаменел, потом обмяк. Голова гудела и ехала с дребезгом. Танюшка смотрела сквозь меня слепыми глазами. Потом моргнула, выдохнула и съехала на траву рядом со мной.

— Фу, — выдохнула она, вытягивая руки над головой. — Хо-ро-шо... хотя и не совсем.

— Извини. — Я провел пальцами вокруг ее сосков. — Не удержал... А ты слышала сама, как ругалась?

— Не-а... — сонно ответила Танюшка, замирая на траве. Я несколько секунд смотрел в район ее уха, потом спросил, запинаясь:

— Тань... а тебе никогда не хотелось... с... с другим мальчишкой?

Не открывая глаз, Танюшка улыбнулась:

— Вообще-то мне один раз снилось, как меня сразу трое... представляешь?

Я обалдело приоткрыл рот, потом прыснул, представив себе эту картину, — почему-то она была не оскорбительной и не страшной, а смешной. Отсмеявшись, я серьезно спросил:

— Ну нет, это сны, а сны, они... — сбился, вспомнив некоторые свои сны, потом решительно продолжил: — А конкретно с каким-нибудь мальчишкой? — и осекся, поразившись собственной глупости: вот сейчас она *скажет*, назовет чье-то имя... и что мне тогда делать?! А Танюшка тянула; серьезно размышляла... и вдруг открыла глаза.

— Нет. Олег, — спокойно ответила она, — мне никто не нужен, кроме тебя... Откровенность за откровенность, Олег, а ты думал о других девчонках?

— Нет, — честно ответил я.

И Танюшка ответила тоже:

— Верю.

* * *

Подобное зрелище из всех нас наблюдали только я, Йенс и Андрей — в закаспийских степях. Остальные обалдело смотрели вперед, и на высокой, колышущейся под ветром траве лежали наши длинные тени от бьющего в спины восходящего солнца.

— Вот они, Великие Равнины... — выдохнул Игорь.

У степи не было конца и края. Левее, на юге, лежала цепочка пологих холмов, над которыми перемещались точки птиц. Больше на всем этом огромном пространстве не было видно ничего живого.

— Тысяча километров пути, — сказала Танюшка, невозмутимо переплетавшая косу. — Дальше горные цепи Кордильер до самого океана.

— К середине лета будем там, у этих Кордильер, — спокойно решил я. — Ну?... Йенс, Юджин, Димка, Фергюс — давайте в передовой дозор... Пошли!..

Метелки трав хлестали по штанам выше колен с мягким шорохом, оставляя на них легко осыпающуюся сухую пыльцу. Мы шли широким строем, косой полосой, в двухстах метрах от маячащего впереди клина дозора. Идти было даже приятно, хоть и не любил я степей.

Степь, конечно, была вовсе не безжизненной. Правильней сказать, она кишела жизнью, хотя эта жизнь была немного нам непривычной, и Сергей, подойдя ко мне, тихо сказал:

— Еду-то как добывать, на кого охотиться?

Спереди режущие засвистели — так свистел Димка. Мы остановились. Димка, отчаянно крутя рукой, другой указывал вправо. Там катилась — и я только теперь ощутил, как плавно, в барабанном ритме, затряслась под ногами земля — катилась в степь бурая волна. Я не сразу сообразил, что это такое, а Андрей ахнул:

— Бизоны!!!

Это в самом деле были бизоны — те, про которых когда-то рассказывал Джек. Неисчислимое стадо лилось из-за горизонта за горизонт. Вокруг раздались выкрики на нескольких языках:

- Черт поberi!
- Да такая добыча затопчет и не заметит!
- Сколько же их?!
- Такие стада бывают по несколько сот тысяч...
- Смотрите, пыль из земли выбивают!
- А смотрите, сколько птиц над стадом!
- Ну, тут и поменьше какая-то добыча должна быть...

Сперва мы хотели дожидаться, пока это гигантское стадо «схлынет», но, постояв две-три минуты, поняли, что если это и будет, то к вечеру. Тогда я махнул рукой в сторону холмов. Йенс просигналил, что понял — и повернул...

* * *

Между двух холмов росла небольшая рощица, пробивался, стекал вниз по склону, в распадок, убегая по нему, прозрачный ручеек. Мы добрались сюда, когда уже начало вечереть. Удачно подгадали — как раз пора было разбивать лагерь.

Встал вопрос об употреблении нашего НЗ — сушеного мяса, копченой рыбы, лаваша, сушеных грибов, сухофруктов и муки из камышовых корней. Все это весило мало, а следовательно, всего этого мы несли много (каждый парень — на 8—10 дней нормального питания, девчонка — на 5—7 дней), но это был именно НЗ, поэтому я обрадовался, когда Йенс подошел ко мне с аркебузой Таньки и предложил себя в качестве охотника, клянясь, что вернется с добычей максимум через час. Я кивнул — и вместе с Йенсом испарились Андрей (с аркебузой Линде) и Фергюс (со своей собственной). Рванул было с ними и Димка, но Ленка Власенкова перехватила его и бросила на заготовку дров...

Мы разбили лагерь на внутреннем склоне холма, где огонь закрывали другие возвышенности. Темнело очень медленно, неохотно, но вместе с темнотой рождалось в степи множество странных звуков. Зазвучал ночной хор насекомых в травах. На небе одна за другой зажигались звезды, между ними застыли в безветрии легкие перья облаков — три или четыре на всем небе, и было ясно, что и завтра придет солнечный день. Когда девчонки начали уже косо на меня поглядывать, а костер горел вовсю и к нему подтаскивали последние сучья и охапки хвороста, чтобы хватило на всю ночь, — появились наши охотники. Они тащили двух антилоп — ну, во всяком случае, это были существа, похожие на антилоп — и здоровенную, чуть ли не больше антилоп, дрофу. Прибытие экспедиции было встречено шумным одобрением...

Отблески костра погасли позади, но я по-прежнему слышал шум и не чувствовал себя одиноким. Трава под босыми ногами была уже прохладной, а земля под нею — все еще теплой, прогретой за день... Я вышел на склон холма — третьего от нашего — и, легко взбежав на вершину, остановился.

Почти полная луна заливала равнину серебром. Ковыль катился волна за волной, вперемешку — свет и тень, отчего степь казалась живой, шевелящейся. Ни в одну сторону, сколько хватал глаз, не было видно человеческих огней; на востоке я различил все еще видную темную стену леса вдоль Миссисипи, из которого мы вышли.

Я вновь повернулся на запад — и, вздрогнув, напрягся — мне показалось, что чуть ниже по склону стоит человек. Но уже в следующий миг я расслабился — лунный свет превратил в человека каменную глыбу, гранитный выход...

Хотя — нет! Не лунный свет. Я подошел ближе к камню и убедился, что зрение меня не обмануло. Когда-то, очень давно, человеческие руки обработали его. Правда, с тех пор над ним потрудились еще и солнце, жара, ветер, дождь и холод, но все равно было видно, что изобразил когда-то мастер.

Широколицый мальчишка постарше меня стоял, уверенно разведя ноги и опираясь правой рукой — на уровне груди — на рукоять бастарда. На левой, согнутой перед правой, сидела охотничья птица. Голову покрывал шлем с наносником и выпуклыми надглазьями, из-под него падали волосы. Ноги статуи вырастали прямо из камня, и, присев, я различил на нем буквы, похороненные в зауми готических завитков:

ADHONORES

— Ад... хонорес... — призвав на помощь все свои знания, прочел я. — Ад хонорес... Ради чести, если по — латыни... — Я встал с корточек и, положив руку себе на бедро, посмотрел в ту сторону, куда смотрел каменный мальчишка. — Ради чести...

Я не знал, кто и когда он был. Во всяком случае, он пришел из тех времен, *когда* на письме мысли считалось приличным излагать лишь на латыни, не важно, из какой ты страны — значит, не позже XV века.

Но слова, выбитые на граните — под ними я мог подписаться.

Ну что ж, корабль готов,
Поймали ветер снасти,
Над башней маяка
Созвездия зажглись...
И окнами домов,
Распахнутыми настежь,
Глядит издалика
Притихший сонный Лисс.

На сотню мелочей
Удача не делима,
На сотню мелких бед
Не делится беда.
Когда в судьбе твоей
Гроза проходит мимо,
То в чьей-нибудь судьбе
Она гремит тогда.

И если злой недуг
В сердцах еще горячих,
Ты щедростью своей
Им светишь до конца.
Но жалко, что крадут
Огонь твоей удачи
Огарками свечей
Холодные сердца.

Когда придет пора —
Устало веки смежишь,
Свой долг перед судьбой
Давно вернув сполна...
А где-то до утра
Глядит с тоскою Режи,
Как тает над водой
Ущербная луна.

Я стоял с трех до пяти вечера вместе с Раде и Анри. Было еще совсем темно, когда Сергей растолкал меня.

Луна торчала где-то на юго-востоке. Было холодно, особенно если учесть, что я вылез из-под плаща во сне и не нашел его. Раде где-то неподалеку с хряском и воем зевал. Анри не было слышно.

— Проснулся? — уточнил Сергей. — Тогда я ложусь, давай. Все тихо... Да, роса легла. Обуйся...

Роса в самом деле легла. За мной оставалась черная дорожка. Я чуть не налетел на Анри — он сидел на корточках и, вздрагивая, умывался этой росой.

— Помогает? — осведомился я. Анри фыркнул, кивнул:

— Ага, я уже проснулся...

— Ну тогда подкинь дровишек в костер, а мы посмотрим, что и как вокруг. — Я на ходу нацеплял росы в ладони, вытер лицо. — Раде!

Он подошел, бесшумно ступая, предложил:

— Пройдемся, глянем туда-сюда.

— Угу. — Я махнул рукой и, на ходу затягивая ремни «сбруи», зашагал вокруг холма. Раде двинулся в другую сторону, я услышал, как он засвистел что-то явно народно-македонское. Костер разгорелся ярче — Анри до него добрался наконец.

Я отошел подальше, постоял под прикрытием склона холма, ожидая, пока привыкнут глаза. Нет, ничего опасного или необычного в степи не было. Я постоял еще, зевнул, передернул плечами и широко зашагал назад.

Раде вернулся одновременно со мной. Анри устроил возле костра несколько охапок хвороста, на которые вполне можно было сесть. Мы и сели, помолчали, низачем протянув руки к огню. Потом Анри сказал:

— Анекдот вспомнил. Димка сегодня рассказывал, то есть вчера, пока шли... Кто такие хохлы?

— Украинцы, а что? — не понял я.

— Ну, анекдот же... Двое хохлов идут по лесу. Один над другим подшутить решил, как гаркнет: «Урса!» Второй аж присел: «Дэ?!» Первый смеется: «Здрыснув, а?!»

А тот в ответ: «Да тэ ж я з яросты!»

Анри ухитрился даже воспроизвести украинский акцент. Мы посмеялись, снова немного посидели, и Анри, вздохнув, немного смущенно сказал:

— Там, у американцев, у Сэма... такая девчонка была... Фредди, Фредерика. Я чуть с ним не ушел из-за нее.

— Чего ж не ушел? — лениво спросил Раде, сцепляя пальцы и потягиваясь. Анри вздохнул:

— Да ну...

— Ну, к нам бы ее переманил.

— Не успел, — признался Анри.

— Ну, хоть повалялся с ней? — продолжал допытываться Раде.

Анри густо покраснел и кивнул. Потом признался:

— Думал, что ничего не получится.

— Получилось?

— Вроде да...

— С высоты своего сексуального опыта... — начал Раде, но я его безжалостно перебил:

— Полученного не так давно, а?

— Ладно тебе... — добродушно отмахнулся он, но тему не продолжил, задумался о чем-то. Его девичьи красивое лицо стало угрюмым.

— Ты чего? — тихо спросил я.

Раде поморщился, потом сказал:

— Да... Слышал, наверное? Югославии-то моей больше нет. Война там идет. Настоящая гражданская...

— Слышал, — отозвался я.

Раде поморщился снова и добавил:

— Понимаю, что ко мне это отношения уже не имеет, а все равно тошно...

— А я когда узнал, что Союз накрылся, то как-то слишком даже спокойно воспринял, — вспомнил я, вставая. — Ладно, Анри, ты посиди, а мы еще пройдемся, посмотрим...

— У тебя отец ведь был шишкой? — уточнил я. Мы стояли и смотрели на степь.

Раде кивнул. Потом признался:

— Знаешь, ты мне сперва очень не нравился.

— Ты мне тоже, — ответил я так же искренне. — Не из-за отца, конечно... Смотри, вон бизоны пасутся... Или спят?

— Поохотиться бы на них, — заметил Раде.

— Еще успеем, — кивнул я.

* * *

Весной тут, наверное, течет река. Но сейчас из-под моих ног облачками поднималась тонкая серая пыль, слоем оседавшая на одежде, коже и волосах. Нестерпимо пекло стоящее в зените солнце.

Воды не было вторые сутки. Только то, что во флягах, пока полных на две трети.

Андрей помог мне подняться на обрыв, бывший речным берегом, мы вместе вытащили Видова и Мило. Где-то километрах в сорока впереди маячили невысокие, но крутые скалы, у их подножья ярко зеленела полоска растительности. Там вода наверняка была, но расстояние значило, что до воды мы доберемся только завтра к вечеру, а пока предстоит полдня, ночь и день мучений. Впрочем, в отряде давным-давно уже никто ни на что не жаловался. Не жаловались и сейчас — на сушеное мясо, обдирающее рот и глотку; на соль, склеившую волосы и слоем выступившую на коже; на невероятную ночную духоту и на постоянный горячий ветер с юга в левую щеку; на пропылившуюся насквозь кожаную одежду и на резь в глазах, которые нечем промыть...

Мило несколько раз махнул в сторону скал. Видов сказал:

— Интересно, почему тут все так пересохло? В обычной прерии вода есть...

Ему никто не ответил. Мы подождали, пока пройдет основной отряд. Мальчишки и девчонки неспешно перебирались через высохшую речку, чертыхались и отплевывались, влезали наверх и, обмениваясь репликами, всматривались в скалы.

— В той Америке тут небось везде города и парки? — поинтересовался Димка у Юджина. Тот помотал головой:

— Да нет, тоже пустыня... Только дороги через нее и городки. С мотелями.

— Ты чего босой? — поинтересовался я у Юджина. Тот посмотрел на подвернутые выше щиколоток драные джинсы и покрытые толстым слоем пыли ноги, pokrивился:

— Да, кроссовкам п...ц пришел.

— Лен! — рявкнул я.

Чередниченко заметила:

— Если таким голосом, то Власенкову.

— Я все знаю и все вижу, — деловито отозвалась Ленка Власенкова. — Вечером будут ему сапоги... Кстати, это безобразие, как вы подошвы пронашиваете.

— Смотрите! — крикнул Видов и захохотал, указывая чуть вперед. — Тут не один Юджин обувку потерял!

Ответом был уже общий смех. В самом деле, как это ни странно выглядело, метрах в десяти от нас, около двух выступающих глыбок песчаника, мирно лежали покрытые толстым слоем пыли разбитые ботинки. Анри сбегал за ними и принес. Это были кожаные, с верхом выше щиколотки (как ни смешно, верх был целым, только от времени потрескался)

мальчишеские ботинки. Толстая, прочная подошва, пробитая двойным рядом отшлифованных ходьбой гвоздей, была протерта насквозь, у левого — в двух местах. Остатки шнурков с медными кончиками были тоже кожаными.

— Тридцать девятый, сороковой, — определила Ленка. — Смотрите, тут надпись на ранте сохранилась... «Дойчес Райх шумахер... Отто Курцбах».

— Сапожник германского рейха Отто Курцбах, — перевел Йенс, хотя почти все и так поняли. — Похоже, тоже от твоего Лотара осталось, Олег, — обратился он ко мне. — Прямо по следам идем!

Ленка торжественно водрузила ботинки на вершину камня. Юджин фыркнул и бегом бросился обратно... а через пять минут рядом с изделием Отто Курцбаха, служившим неизвестному гитлерюгендовцу, гордо стояли вдрызг разбитые «найки» массового производства, которые носил американский пацан.

Мы еще долго оглядывались на эту картину...

* * *

Уснуть я так и не смог. Вообще-то бессонницей я не страдал, но сейчас меня почему-то доводило все, абсолютно. Было жарко, во сне многие хрипели, и этот звук выводил меня из себя. Костра не было (не из чего разжечь, нафиг, дожили!), видно было, как мотается по периметру Сергей. Игоря и Яна не наблюдалось.

Я не выдержал и, поднявшись, подошел к нему.

— Ты чего не спишь? — буркнул Сергей как-то гнусаво.

Я скривился:

— Неохота... Э, у тебя что, кровь?!

— Носом пошла. — Сергей потянул в себя. — От духоты, блин... Умыться бы...

Как и большинство светловолосых, крепко сбитых людей, он плохо переносил жару. Мне — от природы темненькому и жилистому — было намного легче, но помочь другу я ничем не мог.

— Игорь и Ян лагерь обходят? — уточнил я. Сергей кивнул и тут же вновь задрал голову. — Ладно, я тут, вокруг, пошатаюсь.

Я решил сам себя «уходить», но довольно быстро разочаровался. Было жарко. Тогда я уселся на довольно высокий камень (тут немного обдавало ветром) и прикрыл глаза...

— Вода там есть. — Арагорн повернулся ко мне. Я с наслаждением ловил лицом прохладный ветерок из пропасти, в которой зеленели леса, и в ответ на его слова улыбнулся:

— Да меня это, если честно, не очень беспокоит, ваше величество...

— А что тебя беспокоит? — в упор спросил король.

— Урса, — отозвался я. — Точнее, их отсутствие.

— Если их нет — то будь доволен. Разве не так?

— Если где-то нет кого-то, —
Значит, кто-то где-то есть, —

вспомнил я стишок из детской книжки. — Мы прошли почти половину материка. На таком пространстве за то же время в Европе мы выдерживали десятки боев...

— Будь осторожен, — сказал Арагорн, и его холодные серые глаза проникли мне, казалось, в самую душу. — Будь осторожен, — повторил он, — но берегись не урса, князь...

Полет, полет, полет... Воздух упругим коконом обтекает меня, уже знакомая сумасшедшая скорость...

Что это? Непонятно... Что это, в конце концов?! Туча? Нет, не туча, что-то плотное, что-то... Это... это...

Я охнул и скатился с камня, приладившись о него копчиком. Пока я валялся на земле, пытаясь вдохнуть, слышались торопливые шаги, мягкие и уверенные, — и сбоку от камня

появился сперва клинок палаша, а потом — удивленно-испуганное лицо Яна:

— Олег?! — он быстро огляделся. — А где он?!

— О-о... кто «он»? — Я с трудом встал. — Черт, как больно...

— Он на тебя напал?! — добивался от меня какой-то чуши Ян, озираясь, словно нас вот-вот должны были атаковать отовсюду, в том числе — с неба.

— Чего?! — разозлился я. — Ты о чем вообще?!

— Ну как же... — начал он и вдруг, осекшись, подозрительно начал рассматривать меня, а заговорил медленней намного. — Такое... вроде собаки... или, может, офигенная летучая мышь — я иду, а *она* на камень падает... потом слышу — ты ругаешься, а *его* нет... Оле-ег? — Он отступил, не сводя с меня глаз и держа палаш неуверенно-оборонительным хватом.

— Летучая мышь? — уточнил я со смешком, внутренне холодея.

— Нет, скорее все же собака... с крыльями. — Он сглотнул. — Семург, как на наших старинных браслетах... Олег, не подходи.

— Чего? — Я правда остановился. — Ты чего, Ян?

— Я тебя боюсь, — искренне сказал он. — Это ведь... *ты* был, Олег. Я знаю, у нас в Карпатах до сих пор про такое рассказывают...

— Еще раз расскажи, — снова холодея (не от страха, а от какого-то непонятного восторга), попросил я. Ян, не приближаясь и не сводя с меня глаз, заговорил:

— Сергей мне сказал — иди, посмотри, как там Олег... Я пошел, иду, гляжу... Потом вдруг раз — метрах в десяти от меня вот на этот камень пикирует... ну да, точно, огромный такой пес с крыльями. Сел, как ударился, а потом ты с камня скатываешься и ругаться начинаешь.

— Так, — я посмотрел на свои ладони, потом — на босые ноги. — По крайней мере, этот вопрос ясен, как стекло... Спокойно, Ян. Своих не ем. Но съем, если болтать начнешь.

Ян сглотнул.

— Так это и правда был... *ты* ?

— Скорей всего, — ответил я и, повернувшись, зашагал обратно в лагерь.

* * *

Первое, что мы увидели, подойдя вплотную к деревьям, — вода. Собственно, мы уже с километр слышали ее шум и этот километр почти бежали, хотя жажда и жара мучили невероятно.

Наши страдания были вознаграждены. Вода — чистейшая, прозрачайшая и холодная даже на вид — выбивалась множеством струек из плоской трещины в камне и падала вниз с высоты метров в десять, прямо в чашеобразное озеро, дно которого покрывал мелкий кварцевый песок. Отсюда она уходила под скалу, в урчащую и булькающую холодную тьму.

Свалив оружие на берегу, мы побросали барахло в озерцо, себе под ноги, и нагишом всей кучей влезли под ледяной природный душ.

— Будем жить, — сообщил Игорь, приваливаясь спиной к скале, по которой тоже сбегали струйки воды. Ему ответили утвердительное бормотание и довольное плюханье.

Мы вылезли из воды только тогда, когда позамерзали, а солнце окончательно скрылось за скалами, оставив эту сторону гряды во власти теней — между тем, как за скалами еще был день. Девчонки занялись выполаскиванием одежды, а мы начали таскать дрова для костра, у которого можно будет высушить барахло...

Огромная все-таки разница — есть у вас вода или нет. Помимо всего прочего, среди скал в ложбинке удалось найти картошку и накопать килограммов десять. Всю грязь, которую мы развели в озерце, очень быстро стянуло под скалы, выемка наполнилась вновь чистейшей водой, а налетевший с юга ветер перестал хлестать по лицам жесткой раскаленной метлой и красиво шумел в кронах деревьев.

Усталость довольно быстро прошла (еще одно доказательство того, что она

происходила от жары и жажды), и мы полезли по скалам с самодельными факелами — досконально выяснить, что это за место и какие в нем имеются достопримечательности. Вообще-то затея была несвоевременной и небезопасной — совсем стемнело.

Скальный выход четко ограничивал пустыню — сразу за ним снова начиналась самая обычная степь, от которой мы за дни шатания по пустыне успели поотвыкнуть, но которой обрадовались. Солнце только-только село, запад еще сверкал багровой полосой. Я довольно долго любовался этим зрелищем, но меня отвлек свист Видова — потише, чем у Димки, но достаточно резкий. Серб размахивал факелом, стоя возле каменной щели, в которой мелькали огни еще чьих-то факелов.

— Смотрите, что тут! — Голос Видова гулко отлетел от каменных стен. Тут же размножились шаги — наши со всех сторон спешили на зов — и замирали, оставляя раскатистое эхо.

Ничего особенного там не было. Так. Могилы. Это я определил издалека, еще не подойдя вплотную, — по тому, как стояли вокруг мои ребята и девчонки.

Тут хоронили людей, потому что место было удобное. Клали в расщелину и задвигали подходящим обломком гранита, на котором выбивали короткие строчки.

— Дайте-ка я гляну. — Придерживая рукой палаш, я подошел ближе. Могил было пять. Три слева, две — справа пониже, и эти две были поновей. На трех левых белели строчки:

Shvejс Bromberg Maksim Jasunenko Hovik Klasse

16. X.27–10. VII.44 22. I.26–10. VII.44 22. IX.25–10. VII.44

А на тех, что справа, было написано по-французски:

Unis pour la Victorie.

Igor Dashkevitch. 11.05.1969

Sean Margeotte. 16.12.1970 il mort 19.06.89.

— Швейц Бромберг, Максим Ясуненко и Ховик Класе, — прочел Йенс.

— Я их знаю, — без особой горечи, но хмуро сказал я. На меня повскидывали удивленные глаза, я пояснил: — Не лично. Я в дневнике Лотара про них читал, это его люди, они тут погибли. Во время стычки с американцами... Странно, — вот тут даже я ощутил в своем голосе грусть, — какая встреча...

— А это французы. — Анри потрогал строчки. — «Вместе для победы...» Нет, не французы. Русский, Игорь Дашкевич...

— А второй француз, — возразила Зорка. — Жан Маргит. И отряд, наверное, французский... Олег, ты чего?

— Игорь Дашкевич, — повторил я, потирая лоб. — По-моему, я его знаю... Тоже знаю.

— Заочно? — серьезно уточнил Раде.

Я сердито — от того, что не вспоминалось — дернул плечами:

— Не вспоминается... Может, заочно, может — нет...

— Олег, — подал голос Олег Крыгин, улыбаясь углом рта, — ты что, правда не помнишь? Летом, самым первым... Избушка в Подмосковье. Записка в банке!

— А! — Я хлопнул себя по бедру. — Черт, конечно! — и примолк, в самом деле вспомнив короткую записку на листке с рисунком плотины Днепрогэса, которую Бэн нашел в пустой банке — записку, написанную летом 85-го парнем по имени (точно!) Игорь Дашкевич. Он с четырьмя девчонками собирался уходить на юго-запад... — Значит, он прожил еще четыре года...

Кто-то, кажется, спрашивал, в чем дело (а Олег, похоже, объяснял)... Я слушал плоховато. Танюшка подошла, положила руку мне на плечо, но я и на нее не поглядел.

Значит, он жил еще четыре долгих года, попал сюда и погиб здесь... Встреча поразила меня. Да, именно встреча. Я никогда не видел в глаза Игоря Дашкевича, но эти две короткие встречи сделали его для меня живым знакомым. В конце концов, он еще был жив, где-то ходил, что-то делал уже в то время, когда мы были здесь, мы вполне могли встретиться...

И было грустно. Не страшно, не как-то еще, а грустно.

Я сбросил с плеч вещмешок, повозился, достал дневник Лотара, а из него — записку,

хранившуюся с того самого лета. Разгладил ее на ладони, потом свернул квадратиком и опустил в щель могилы Игоря:

— Вот так. Все. — Я грустно улыбнулся Танюшке, она пожала мне плечо. — Смотри, Тань, правда все. Эта история закончилась. — Я тронул ладонью камень. — За-кон-чи-лась...

На коня — и с ветром в поле
Полечу, полечу!
Догоняй! Я на воле,
Я подобен лучу!
Шею обнимаю у милого коня.
Безрассудство скачки — это для меня!
Безрассудство скачки — это для меня...

Жить, тоскуя, в этих стенах
Не могу, не могу.
Загону коня до пены —
Я из плена бегу.
Шею обнимаю у милого коня.
Никакая сила не вернет меня!
Никакая сила не вернет меня...

Поле, поле, чисто поле,
Обними, обними —
Быстроту у погони
Отними, отними.
Шею обнимаю у милого коня:
— Ну еще немного пронеси меня!
Ну еще немного пронеси меня...

И. Ченцов

Бум! Юджин на полном ходу ловко протаранил меня, и мы покатались по траве — но перед этим я успел швырнуть мяч Олегу Крыгину, и мой тезка великолепным отработанным движением влепил гол в левый верхний угол, поверх головы Йенса — великолепной «свечкой». Я вскочил на ноги, перекатившись через плечо, и показал Олегу большой палец.

— Играем, играем! — кричал Фергюс, хлопая в ладоши. — Хватит обмениваться любезностями, два-пять!

— Этим мячом можно убить! — засмеялся Юджин. — Никогда не думал, что буду играть мячом, набитым травой!

— Никогда не думал, что найдется кто-то, кто сможет сшибить на площадке лучшего полевого игрока команды школы номер три города Кирсанова! — одним духом выпалил я в ответ.

— Я был одним из лучших раннингбэков в *нашей* школьной команде по футболу! — махнул рукой Юджин.

Если учесть, что я соврал насчет лучшего игрока, у Юджина все равно получилось неплохо. Да и из двух мячей, что команда Йенса ухитрилась вколотить моей, один был его (из пяти, которые мы влепили им, два были мои).

Второй раз у Юджина не прошло — я поймал его в момент хорошего броска (финалом было бы падение на спину «всем прикладом») и швырнул через бедро... ну, *сделал* так, чтобы он полетел через бедро. Никакого нарушения правил, но хороший эффект...

Мы решили задержаться на два-три дня в оказавшихся столь гостеприимными скалах.

Если бы я вел дневник или хоть отмечал прошедшие дни, то эти даты обвел бы красными кружочками или еще как обозначил. Хорошие были дни. Будь вокруг осень, я бы непременно решил тут зазимовать. Но до осени было еще почти целое лето! Мы набили мяч, пели, купались, играли в шашки и шахматы, загорали, отсыпались и разговаривали — короче, приятно проводили время.

Матч так и закончился 2:5 в нашу пользу. Не обошлось без мелких травм, но я вышел целым.

— Интересно. — Юджин рассматривал ссадину на левом бедре. — Пыль набилась... А вот интересно, — он несколько раз плеснул водой, — почему ты, Олег, князь?

— Его голосованием выбирали, — пояснил лениво Олег, листавший свой блокнот с зарисовками. — Еще в самом начале.

— Но вообще-то от тех, кто его выбирал в самом начале, почти никого не осталось, — заметил Фергюс.

— Да ради бога, ребята. — Я заложил руки под голову и откинулся на траву. — Кто хочет занять мое место?.. — Всеобщее молчание было мне ответом, и я пожал плечами: — Значит, буду я и дальше мучиться.

— А ты, что, недоволен, морда американская? — уточнил Игорь.

— Да нет, что ты! — махнул рукой Юджин.

— Маль-чиш-ки-и-и-и!!! — заголосила за скалами Ленка Власенкова. — Идите обеда-а-а-ать!!!

— Твоя надрывается, — толкнул Олега ногой Димка.

— Заботится, а не «надрывается», — ответил пинком тот. — Пошли, что ли?

— Выходим когда, завтра?..

— Ты моих штанов не видел?.. А, я на них сижу...

— А неплохо мы вас раскатали...

— Сегодня... Олег, слышь, вечером покажи мне тот прыжок...

— Щиколотка болит. Босиком играем, а кто-то так въехал...

— Я второй день точилку найти не могу...

— У меня чего-то мышцы на спине болят...

— А ты попроси Линде, массаж пусть сделает...

— Смотрите, смотрите, Раде у нас чего-то возбуждился...

— Это он на тебя, Анри...

— Да пошли вы все...

— Интересно, что на обед?..

Я шел вместе со всеми, перебрасывался вполне глупыми репликами — и мне было хорошо.

Очень хорошо.

* * *

— Вьюн над водой,
Вьюн над водой,
Вьюн над водой,
Завивается.
Жених у ворот,
Жених у ворот,
Жених у ворот,
Дождается...

Танюшкин голос серебристо вплетался в ночь, чем-то похожий на звездный свет. Все вокруг притихли, даже дыхание затаили, хотя никто, наверное, не взялся бы объяснить, зачем Танюшка начала петь эту старинную свадебную песню...

— Вынесли ему,
Вынесли ему,
Вынесли ему
Сундуки,
Полны добра...
«Это не мое,
Это не мое,
Это не мое —
Это батюшки мово...»

Я ощущал песню как оцепенение, в котором нельзя не слушать, — и не сводил глаз с
искр костра, переливающихся в волосах Танюшки, с пламени, танцующего в ее глазах...

— Вывели ему,
Вывели ему,
Вывели ему
Ворона
да ой коня...
«Это не мое,
Это не мое,
Это не мое —
Это шурина мово...»

Танюшка жестом, который, кажется, не осознавала сама, запустила пальцы в волосы на
висках, чуть запрокинула голову...

— Вывели ему,
Вывели ему,
Ой, вывели ему
Свет Настасьюшку!
«Это вот — мое,
Это вот — мое,
Это вот мое —
Богом сужденное...»

Она отпустила волосы, скрестила руки на коленях и, уронив на них голову, ни на кого
не смотрела. Я приобнял ее и привалил к себе, ощущая, как Таньку трясет мелкой нервной
дрожью. Сергей негромко попросил Игоря:

— Давай, Басс... «То не вечер...»

— Подпойте, — предложил Игорь, тут же начав:

— Ой — то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне
Малым-мало спалось,
Ой — да во сне привиделось...

И разные голоса дружно подхватили старую казачью песню...

— А есаул догадлив был —
Он сумел

Сумел сон мой разгадать...
«Пропадет, — он говорил, —
Да твоя буйна голова...»

— Пропадет твоя буйна голова, — заметил Йенс явно в мой адрес.

Я пожал плечами:

— Когда-нибудь — да.

Я сказал это спокойно. Но внутренне меня вдруг сотрясла нервная дрожь, потому что мысленным взором я увидел свои останки — не труп, нет, труп свой я представлял много раз и никогда особо не боялся, как бы реалистично ни выглядела в моем воображении эта картина. Я представил себе *череп*. В чьей-то руке, как череп Йорика в руке Гамлета. Когда я прочитал эту вещь, мне было тринадцать, и я долго мучился теми же мыслями, что и принц — не страхом смерти, а именно недоумением... Кто-то найдет мой, *мой* череп, как я сам много раз находил чужие останки. И ему трудно будет представить, что в *этом* был мозг, и кость скрывалась под плотью и кожей, и *это* зеленоглазая девчонка называла красивым... а в пустых глазницах жили зоркие глаза... Меня пугала не мысль о смерти, а именно вот эта картина, нарисованная воображением. Мой череп, лежащий где-нибудь в лесной траве — год, десять лет... Век.

— Ты чего дрожишь, Олег? — спросила Танюшка. Она сама уже успокоилась.

Я поцеловал ее в висок:

— Ничего. Все нормально... Утром выходим! — громко, для всех, сказал я.

* * *

Три чудовищных столба, упиравшиеся верхушками в небеса, покачивались в синхронном, жутковатом танце. Мы сидели на плоском холме и созерцали торнадо, отмахиваясь от мух, роившихся над нами. Самое интересное, что все были абсолютно спокойны — может быть, потому что от нас ничего не зависело.

Жуткое ощущение.

Чудовищная масса бизонов лилась вокруг холма, давшего нам пристанище, мимо нас, как река. Бизоны спасались от смерчей. В общей бурой лаве тут и там виднелись другие животные, несшиеся в ту же сторону, что и бизоны. Мимо нас пробежали, распахивая бизонов и ужасающе трубя, даже несколько гигантских дионтериев.

Нам бежать было некуда — хорошо еще, что мы успели спастись на этом холме от внезапно разразившегося странного половодья. Конца ему не предвиделось. Олег Крыгин, устроившись со скрещенными ногами на склоне, быстро делал зарисовки в блокноте. Горячий ветер, даже не дующий, а хлещущий в сторону торнадо, шевелил его волосы и страницы блокнота.

— Они движутся сюда, — сказала Ленка Чередниченко. И взялась за локоть Сергея.

Я присмотрелся. Да, похоже, что это было правдой — смерчи, красиво и вальяжно выгибаясь «в поясе», неспешно, но уверенно шли в нашу сторону. Я оглянулся на своих. Все были по-прежнему невозмутимы, лишь Йенс, достав зачем-то свой меч, улыбался и щурил глаза на смерчи, как на врагов, которых надо одолеть. Ян негромко и без патетики молился.

— Торопится время, бежит, как песок... — мурлыкал Игорь. — А красиво, скажи, Олег?

— Красиво, — искренне согласился я, подходя к Юджину, который покусывал травинку. Тихо спросил: — Жутко?

— Угу, — кивнул он и улыбнулся. Я ободряюще ткнул его в плечо: американец неплохо «вырос». — А главное — сделать ничего нельзя. Затянет сейчас... Я такое в кинохрониках видел.

Танюшка, подойдя ко мне, взяла меня за руку — молча. Я посмотрел на нее и так же молча стиснул ее пальцы, больше не собираясь их отпустить.

Обезумевшая толпа животных все еще текла мимо нас, но мы видели, как смерчи, словно пылесосы — мусор, втягивают внутрь десятки живых существ. Те моментально исчезали в черной круговерти, словно весили не больше пушинок.

Ровный, монотонный гул нарастал, полностью заглушив рев и вой животных. Сергей что-то кричал мне, разевая рот, и я услышал:

— ...красотища-то!

Если честно, с ним было трудно не согласиться. Но и стоять на ногах тоже было трудновато.

— Они расходятся!!! — проорал мне в самое ухо Андрей. — Смотри, расходятся!!!

В самом деле, два смерча явно должны были пройти по сторонам нашего холма — метрах в ста примерно тот и другой.

— А этот прет прямо на нас!!! — крикнул я в ответ, указывая на уверенно, хотя и неспешно приближающийся третий смерч, до которого оставалось примерно полкилометра.

— Иди сюда! — прокричал Йенс, взмахивая мечом и заставляя его кружиться около туловища. Светлые волосы немца летели возле его смеющегося лица к торнадо. — Ну, иди, иди сюда, отродье ветра! — Он кричал уже по-немецки и хохотал: — Я, Йенс Круммер, жажду познакомиться с тобой ближе! Иди ко мне!

Нас прекратило дергать, но вместо этого возникло странное ощущение — как будто кто-то высасывает глаза, мозг, внутренности, словно все это стало огромным, разбухло и просто не помещается внутри. Это два боковых смерча шли точно по сторонам от нас... У меня в ушах зашумело, и я ощутил, как на подбородок из обеих ноздрей толчками выплескивается густая, соленая кровь.

А в следующую секунду я понял, что перед нами нет смерча. Его остаток быстро поднимался кверху, в облака, расплываясь по ним грязным пятном... а подальше во весь окоем уже сияло чистое летнее небо.

Смерч исчез — внезапно и необъяснимо.

— Берегись! — крикнул Андрей. И, прежде чем я смог понять, что это значит, в каких-то трех метрах от меня на склон холма грохнулась туша бизона. Подскочила в воздух, перевернулась и покатила вниз. В течение последующих двадцати-тридцати секунд мы метались из стороны в сторону, спасаясь от этого чудовищного «зверепада». Со стороны это выглядело, должно быть, смешно, но нам было не до смеха, и я не знаю, как никого не прибило.

— Дожди из лягушек, — тяжело дыша, определил Мило. — Я про такое читал...

— Хороши лягушки, — отозвался Димка, — весом по тонне... Черт подери мою тощую жопу! Смотрите сюда!..

Девчонка лежала ничком, вцепившись широко раскинутыми руками с посиневшими ногтями в землю. На ней оставались трусики и — идиотизм! — клепаная перевязь с кордой. Большие бледно-серые глаза застыли, сохранив выражение непередаваемого ужаса, а светлые волосы были склеены кровью. Чьей — непонятно, на самой девчонке ран не было.

— Красивая, — сожалеюще сказала Линде и вдруг хлюпнула носом.

— Ее надо похоронить, — угрюмо добавил Фергюс. — Интересно, откуда она?

— Ее могло нести сотни километров, — сказал Андрей.

* * *

Мы похоронили девчонку на том самом холме, где стояли, и водрузили на могилу подходящую плиту местного известняка, на которой выбили сакраментальное: «Неизвестная. Приблизительно 14 лет» — и такую же приблизительную дату.

И пошли дальше мимо туш животных, рассеянных в измятой, забрызганной кровью траве.

Мы успели отойти километра на полтора, а дозор — и того больше. И я немного удивился, увидев, что ребята остановились, а Раде бегом несется ко мне.

— Что случилось?! — крикнул я.

Раде, еще не добежав, замахал рукой:

— Страусы!

— Чего?! — изумился я.

— Страусы! — Раде подбежал вплотную. — Честное слово, настоящие страусы! Вот такие! — Он махнул рукой, подпрыгнув на месте, выше головы. — Штук пять, чешут нам навстречу! — Македонец откинул со лба волосы, выбившиеся из-под повязки. — Вон, смотри!

Я посмотрел. Оставшиеся трое дозорных спинами вперед отступали в нашу сторону. А на них, ритмично покачиваясь и выкидывая голенастые ноги, надвигались, расставив для устойчивости обрубочки крыльев, пять... страусов? Да, похожи... только у страусов не бывает таких мощных, тяжелых клювов... Где-то я видел таких птиц. Где-то видел...

— Диатримы, черт побери! — закричал Андрей. — Это же диатримы!

Конечно! Я похолодел. Птицы-хищники, нелетающие, но невероятно быстрые... Мы же все про них читали в «Палеонтологии в картинках!»...

— Сюда! Все сюда, скорей, бегом, в круг! — крикнул я и, на бегу выхватывая наган, бросился навстречу наконец-то догадавшимся побежать ребятам.

— Оле-е-ег!!! — истошно закричала Танюшка.

— Держите ее! — бросил я через плечо. Пробежав полпути, обнаружил, что рядом со мной несется Фергюс, заряжавший на бегу аркебузу.

— Назад... — прохрипел я. Ирландец сплюнул, коротко усмехнулся, а я отметил, что нас догоняет еще и Димка, не нашедший в себе сил бросить товарища. Остальные, слава богу, образовали плотный круг с девочками внутри.

Мимо нас проскочил Анри, крутнулся на пятках, встал рядом, побежал с нами. Ян помогал Видову, который, кажется, подвернул ногу. Мы прикрыли их, я скомандовал:

— Бегите к нашим, дальше!

Аркебуза Фергюса коротко щелкнула. Бежавшая передней огромная птица остановилась и с гневным клекотанием затанцевала на месте. Фергюс ошалело выругался по-ирландски — его пуля отскочила от перьев!

Я мгновенно оценил обстановку.

— Назад, к нашим! — приказал я.

— А ты?! — Анри сжимал в руке палаш. — Ты как же?!

— У меня револьвер...

— Да от них пули... — начал Фергюс, но я зарычал:

— Убирайтесь! — и, встав на колени, принял изготовку для стрельбы.

Передняя птица неслась, откидывая голову назад для удара. Полсотни метров... сорок... тридцать... Тах! Тах! Тах, тах, тах!

Все-таки револьверные пули — не аркебузные, да и целил я в голову — диатрима рухнула, ее клекот захлебнулся, огромные оранжевые лапы вырывали клочья травы с дерном. Я прицелился в другую — трах, трах!.. щелк!

Диатрима мотала головой, приплясывая то на одной, то на другой ноге — я, кажется, выбил ей глаз. Но три ее соратницы обогнули раненую с обеих сторон.

И неслись на меня.

Я открыл шторку барабана, начал выбивать гильзы. Говорят, у западных револьверов экстракция одновременная — барабан откинул в сторону, а гильзы сами из него выпрыгивают...

Все.

Желтый клюв — секирой — навис надо мной.

И обрушился...

...на подставленную аркебузу Фергюса.

Второй удар пришелся ему в левое плечо... И я услышал, как он, падая, бросил мне залившимся кровью ртом:

— За что я тебя люблю, русский — с тобой всегда весело!

Он дал мне две секунды. И на третьей я влил три пули, которые успел вставить в барабан, в близкий и бессмысленный птичий глаз.

Двух уцелевших и одну раненую диатриму ребята разнесли в клочья. Юджину разодрали правое плечо, Йенсу — правое бедро, но бо́льших потерь не было.

Вот только Фергюс умер на руках у Димки буквально через минуту после того страшного удара, сломавшего ему плечо и разорвавшего артерию на шее.

— Мне бы только, чтоб жизни
Смерть моя пригодилась... —

тихо сказал Йенс, кладя мне руку на плечо.

Димка тихо, безутешно плакал над телом друга, стоя рядом с ним на коленях. Остальные молчали.

— Неруда? — спросил я. Йенс кивнул. — Он мне жизнь спас...

— А ты спас ребят, — ответил Йенс.

— Я возьму его аркебузу, — сказала Ингрид. — Тань, поучишь меня стрелять?

Димка очень осторожно уложил удобней голову Фергюса. Поднялся с колен, не пряча мокрых глаз. Сказал:

— Он меня спас... на балтийском побережье... Почти пять лет мы вместе... были... Вот ведь чушь-то какая, даже не в бою, даже не в бою...

— В бою, — вдруг сказала Зорка. — В бою. В этом мире все — бой.

Димка несколько секунд смотрел на нее. Потом достал свой топор.

— Отрублю голову этой... твари. Фергюсу на могилу. Он был бы доволен.

И, сглотив комок, пошел к мертвым птицам.

Водой наполненные горсти
Ко рту спешили поднести —
Впрок пили воду черногорцы
И жили впрок — до тридцати.

А умирать почетно было
Средь пуль и матовых клинков
И уносить с собой в могилу
Двух-трех врагов, двух-трех врагов.

Пока курок в ружье не стерся,
Стреляли с седел и с колен.
И в плен не брали черногорца —
Он просто не сдавался в плен.

А им прожить хотелось до ста,
До жизни жадным, — век с лихвой
В краю, где гор и неба вдосталь
И моря тоже — с головой:

Шесть сотен тысяч равных порций
Воды живой в одной горсти...
Но проживали черногорцы
Свой долгий век — до тридцати.

И жены их водой помянут —

И прячут их детей в горах
До той поры, пока не станут
Держать оружие в руках.

Беззвучно надевали траур
И заливали очаги,
И молча лили слезы в траву,
Чтоб не слышали враги.

Чернели женщины от горя,
Как плодородные поля,
За ними вслед чернели горы,
Себя огнем испепеля.

То было истинное мщение —
Бессмысленно себя не жгут! —
Людей и гор самосожжение,
Как несогласие и бунт.

И пять веков как божьи кары,
Как мести сына за отца,
Пылали горные пожары
И черногорские сердца.

Цари менялись, царедворцы,
Но смерть в бою всегда в чести, —
Не уважали черногорцы
Проживших больше тридцати.

Мне одного рожденья мало —
Расти бы мне из двух корней!
Жаль, Черногория не стала
Второю родиной моей.

В. Высоцкий

Степь кончалась. Вот уже трое суток над горизонтом выше и выше вырастали граненые, слоистые каменные столбы — там начинались Кордильеры. Река, вдоль которой мы шли почти неделю (Танюшка сказала, что это Арканзас), постепенно забиралась в глубь земли и сейчас бежала, ревя и грохоча, в каньоне на глубине почти двадцати метров.

А лето подбиралось к своей середине...

...Я шел в передовом дозоре вместе с Сергеем, Юджином и Димкой. Мы шагали вместе уже почти два часа, бо́льшую часть нашего «дозорного срока». Молчали и до такой степени домолчались, что вздрогнули, когда Сергей вдруг сказал:

— Я уже минут пять наблюдаю что-то непонятное... Смотрите вдоль берега до большого дерева, которое почти упало в реку...

— Столб, — вырвалось у Юджина. — Там стоит столб; не скала, не дерево, а столб!

Я свистнул, подавая сигнал основному отряду, а сам ускорил шаг вместе с дозорными. Мы почти бежали, и вот стало видно, что площадка вокруг столба радиусом метров десять вымощена серовато-желтым булыжником, гладким и округлым. А еще ближе стало ясно, что это вбитые в землю до надбровий черепа — черепа урса. А столб украшала врезанная — не прибитая — надпись на широкой доске:

**НЕЛЮДЯМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН.
ГРАНИЦА.
КОЛОНИЯ КОЛОРАДО.**

— Уже интересно, — признал я, окидывая взглядом горы. — Может, старое?
— Дерево доски относительно свежее, — заметил Сергей. — Ну, в конце концов, путь тут закрывают урса, а не нам. Да мы и не собираемся чинить никаких беззаконий.
— Хорошо. Пошли, — решительно сказал я.

* * *

Через полчаса мы выбрались на дорогу — слабо утопанную, но вполне настоящую. Правда, больше ничего вокруг не говорило о том, что местность населена. Еще через какое-то время мы поменялись — вперед выдвинулся Андрей с Анри, Раде и Яном. Дорога шла все так же недалеко от края пропасти, в которой тек Арканзас (похоже, пропасть стала еще глубже, а вот что шире — точно). Трава постепенно становилась реже и ниже, все чаще высывались каменные проплешины.

Я раздумывал о том, что это за «Колония Колорадо». «Нелюдям вход воспрещен» — это хорошо. Но я пока еще не видел тут людей — подлецов-расподлецов, хоть каких! — чтобы сотрудничали с урса. Может, эту надпись нужно читать, как «...а остальным — добро пожаловать!». А может, само собой подразумевается, что остальным вообще соваться не стоит — и все в округе это знают. Размышляя, я не сразу понял, что вот уже несколько секунд созерцаю над краем пропасти, метрах в пятидесяти от нашего передового отряда, некое вспучивающееся новообразование — и оно медленно растет, словно из пропасти вылезает необъятный пузырь.

Видно было, что Андрей и остальные тоже *это* видят — и тоже обалдели. Они застыли в изумленных позах и постепенно задирали головы выше и выше.

То, что мы видели, настолько не могло тут существовать, что мы не верили своим глазам даже тогда, когда над краем пропасти появилась плетеная корзина-гондола и в общем-то стало ясно, что это — воздушный шар или дирижабль офигенного размера. Как... как туча... Туча! Полет — нечто, похожее на тучу, но не туча... «Берегись не урса, князь...» — слова Арагорна.

— Андрей! — дико вскрикнул я, испугав стоявших рядом. — Андрей, в стороны, за камни! Ан...

Я увидел, как он упал — неловко, на бок, ударившись виском о землю. А дирижабль со страшной скоростью рванул вверх — и пошел к горам на высоте, на которой казался не больше сардельки...

...Тяжелый арбалетный болт попал Андрею между ключиц и, когда я добежал, он уже был мертв. Чудовищный идиотизм положения подавлял. Он бы сумел увернуться от стрелы, сумел бы — но, как и все остальные, обалдел от увиденного. Этот мир ежеминутно грозил смертью, мы были готовы к этому — но в том-то и дело, что с дирижаблем не ассоциировалось никакой опасности, он вообще был невозможен в этом мире!!!

А самое главное — теперь было ясно, что представляют собой местные. Кто конкретно стрелял — ребята не разглядели. Но выстрел был метким, безжалостным и подлым. Это говорило обо всем сразу.

Я какое-то время вообще не мог сориентироваться — даже сам не ожидал, что гибель Андрея меня так подкосит. Но это можно было и понять. Андрей был со мной с самого начала. И когда я позвал, вернулся очень издалека. Спокойный, много умеющий и знающий, отважный — на него всегда можно было положиться.

Теперь его не стало.

— Нам нельзя идти дальше! — кричал Ян. — Если у них есть дирижабли — они нас перещелкают сверху, как на охоте, понимаете вы это?!

— Они убили нашего друга! — орал в ответ Сергей. — Мы обязаны отомстить! Иначе я себя уважать не буду!

— Мальчишки, не кричите! — взывала Ленка Чередниченко, временами заглушая обоих сразу.

— Тихо, вашу мать! — гаркнул я, выйдя из ступора. — Надо похоронить Андрея. Это первое и на данный момент самое главное.

— А если... — заикнулся Ян, но я свирепо перебил его:

— А если эти явятся сюда снова — у меня хватит патронов, чтобы наделать в их баллоне кучу дырок! Все!

Я кричал, чтобы не закричать. Чтобы не крикнуть, что я устал. Чтобы не сорваться ненароком — непоправимо и страшно.

И я знал, что внешне достаточно спокоен.

* * *

Люди стояли метрах в пятидесяти от нас, у подвесного моста, открывшегося за поворотом тропы. Их было около двадцати, и стояли они уверенно не потому, что имели численное преимущество, а просто потому, что ощущали себя хозяевами здесь. Большинство замерли в серповидном строю (слева и справа на флангах по четыре лучника с большими луками). Чуть впереди — еще один с резным крестом в круге на длинном древке. И на полпути между нами — еще один, явно начальник.

Я заметил, что эта группа имеет вид регулярного отряда. Не только по строю. Они были одинаково обмундированы (жесткие кожаные кирасы, круглые щиты у лучников за плечами, кожаные шлемы, средней длины и ширины почти прямые сабли, большие ножи, томагавки, наручья на правой руке...) Никакого снаряжения у них не было, и это тоже говорило в пользу того, что они местные.

Наши тоже рассыпались полукругом, но выгнутым, чтобы в случае чего быстро сомкнуться в кольцо. Я медленно достал палаш и, еще помедлив, наган.

Совершенно неожиданно их командир — я видел широко посаженные синие глаза на смуглом от природы лице и шрам на подбородке — заговорил:

— Я Капитан Востока, меня зовут Герберт. Кто вы такие и зачем перешли границу Колорадо?

— Ах ты ублюдок... — процедил Йенс, доставая топор левой рукой. Но я удержал его — некая мысль, похоже, правильная, забрезжила в моем мозгу:

— Я князь Олег, мы идем к Тихому океану, где нас ждут друзья! Мы просто хотим пройти через ваши земли и не держим в мыслях ничего плохого!

Мне показалось, что в отряде Герберта произошло какое-то облегченное движение. Капитан Востока спросил:

— Вы из Европы?

— Да, — кивнул я.

— Если они не врут, то они не люди Гонсалеса, — сказал кто-то в строю, но Герберт пресек начавшееся шевеление взмахом руки и снова обратился ко мне:

— Я вижу, что вы бывалые люди. Мы не хотим драться, но у нас очень беспокойно...

— Урса? — уточнил я.

Герберт отмахнулся:

— С ними мы справляемся довольно легко... Ты положишь оружие, я — тоже. Мы поговорим.

— Согласен, — без раздумий ответил я. Парень был мне симпатичен, а я привык доверять ощущениям.

Герберт передал оружие подошедшему мальчишке. Я отдал свое Сергею. Тот спокойно и понимающе спросил:

— Не они?

— Похоже, что не они, — ответил я, уже шагнув вперед.

Несколько секунд мы с Гербертом рассматривали друг друга.

— Ты, наверное, русский? — первым нарушил он молчание. Я кивнул. — Мы обычно дружелюбней встречаем незнакомцев... ну, если они не урса, — он улыбнулся. — Но вчера у нас украли двух девчонок, а парня, который был с ними, убили. Мы думали, что вы десант Гонсалеса.

— Три часа назад какие-то мерзавцы на дирижабле убили моего друга из арбалета, — медленно сказал я. — И мы думали, что вы из той же компании...

— На дирижабле?! — лицо Герберта окаменело. — Да это же и есть Гонсалес! Три часа назад... куда он отправился?

— На запад, — я указал рукой.

— Черт! — вырвалось у Герберта. — Послушай, — он смерил меня взглядом, — если вы думали, что это мы, но все-таки шли дальше — значит, собирались мстить?

— Как же иначе? — удивился я.

Герберт кивнул:

— В двадцати милях отсюда стоит наша столица, Элберт. Как насчет того, чтобы отправиться туда и кое-что обсудить с Советом?

Рассказ шестой Именем мертвых

*И однажды умолкнут друзей голоса,
Сгинут компасы и полюса,
И незримо проляжет у ног полоса —
Испытаний твоих полоса!*

В. Высоцкий

— Это же настоящий город!

Я понимал удивление Анри. В самом деле, американцы устроились неплохо. И город не город, но ничего более близкого к городу я тут не видел.

Гора Элберт существовала и в нашем мире. Не знаю, может, она и там выглядела так же, но здесь ее внешний вид удивлял.

Вершина Элберта — на высоте больше четырех километров — сияла вечными снегами. Метрах в трехстах от подножия из склона выдавалась площадка — в три-четыре футбольных поля размером — на которую вела довольно пологая тропа, перегороженная сторожевой башней с воротами. На этой площадке виднелись большие каменные дома, чуть в стороне от них падал в пропасть, на дне которой гремела река Колорадо, водопад.

Герберт сказал, что в Элберте живет почти четыреста человек, но почти половина всегда отсутствует в дозорах Севера, Востока, Запада и Юга. Каждый дозор возглавлял свой Капитан, подчинявшийся Совету и бывший его членом. Кроме того, еще человек сто — сто пятьдесят жили на разбросанных в окрестных горах и долинах фермах и стоянках. Все это приходилось охранять. Не только от урса, но и от весьма многочисленных белых банд, охочих до чужого добра. Были у Колорадо и союзники — но не оседлые, бродячие.

Герберт прожил в Колорадо уже три года, из них последний год был Капитаном, а бандитов ненавидел даже больше урса. До того как попасть в Колорадо, он почти два года странствовал по всей Северной Америке и пять месяцев провел в рабстве у одной шайки, откуда бежал как раз сюда.

О банде Гонсалеса в Колорадо слышали несколько раз — она бесчинствовала на юге. И самым диким были именно слухи о том, что она перемещается на дирижабле. Но в последнее время тут убедились, что это не слухи.

Все это Герберт рассказал мне по дороге и во время ночевки, конечно, гораздо подробней. Я в ответ особо не распространялся, но сказанное мотал на ус. Да Герберт,

похоже, и не рассчитывал особо на мою откровенность.

Вблизи дома оказались победней — не такие уж высокие, плоские крыши из плит шифера, сами сложены из каменных пластин, щели между которыми плотно законопачены мхом. Но это были настоящие дома, как ни крути.

Очевидно, тут в самом деле нередко видели «приходящий персонал» — во всяком случае, особого удивления мы ни у кого не заметили, хотя на «улицах» находилось немало народу. Нас встретили еще около сторожевой башни — три человека, с которыми Герберт быстро поздоровался. Потом он предложил мне сразу пройти в здание Совета, а моих ребят и девчонок обещал разместить на «постоялом дворе». Я тут же согласился, но подмигнул Йенсу, и тот ответил, прикрыв глаза — «понял».

Над Советом висел флаг — алый, все с тем же черным крестом в круге, обрамленном белым. Сам дом был такой же, как и все остальные, но шире, в виде раскоряченной буквы П. Никакой охраны не было, но Герберт негромко сказал мне:

— Оружие оставь у входа. Так положено. — Он и сам снимал перевязи, а я увидел сразу за входом стойку для клинков и крюки для снаряжения. Я устроил там свои вещи и, одернув куртку, прошел за Гербертом в соседнее помещение.

Подсознательно я ожидал увидеть зал, кресла, исполненных сознания собственной значимости ребят и девчонок в них... Зал был, в него лился свет из окон с отодвинутыми ставнями-ползунками. Кресла тоже были, восемь. Но ни одно не занято.

Двое мальчишек (один голый по поясу), сидя со скрещенными ногами на полу, играли в карты. Более презентабельного вида — в коже, в том числе в жестком колете с массивными оплечьями — парень лет шестнадцати стоял возле одного из окон, созерцая водопад. Единственной в самом деле чем-то озабоченной казалась рослая красавица, расхаживавшая по залу взад-вперед. Она первая и обратила на нас внимание.

— Герберт! — завопила она. — Вчера вечером этот пузырь пролетел над нами на запад! От Питчи никаких известий... ты кого привел?

— Олег, — безо всяких церемоний представился я, слегка удивленный происходящим.

— В блэкджек играешь? — спросили меня с пола. Девчонка отвесила парню «с голым торсом» пинка. Парень не почесался, зато стоявший у окна развернулся:

— Олег случайно не Король Поединков?

— Да, — уже не слегка, а очень удивленный, отозвался я.

Парень подошел ко мне, протягивая руку:

— Лин Бойл. Ты про меня не слышал, конечно, я не дорос еще... Я Капитан Севера. А раньше служил у Карди Нэддинга. Не помнишь?

— Его помню, — признался я, — а тебя, если честно, нет.

— Меня ты и не можешь помнить, я позже появился, когда ты уже пропал. Мне про тебя рассказывали...

Мы пожали друг другу руки. Игравшие в карты парни поднялись на ноги.

— Великое дело — слава, — сказал тот, что голый по пояс. — Я Курт, тут по сельскому хозяйству.

— Бенн, охотник, — подал мне руку его партнер.

— Энн, — представилась девчонка, — завхоз этого дикого сообщества. — Зачем тебя привел Герберт?

* * *

Йенс поджидал меня у входа в один из домов, из которого неслись шум и смех. Немец беседовал с красивой девчонкой, то и дело улыбавшейся. Я не стал его отвлекать, но, входя внутрь, сделал глазами знак, и Йенс чуть кивнул.

— Ну, как разместились? — весело спросил я, оглядывая комнату, где был уже типичный бардак — валялись распотрошенные «сидоры», оружие, между всем этим ходили, стояли, сидели, лежали, боролись, переговаривались, спорили шестнадцать моих и несколько

местных ребят и девчонок. Ответом был хоровой «одобрям».

А Андрюшка погиб всего лишь ВЧЕРА.

— Я тебе место заняла! — крикнула Танюшка, болтавшая с черноволосой девчонкой наших лет, которая с интересом уставилась на меня. — Это Магда, а это Олег, мой парень.

— Красивый, — без обиняков заявила Магда. Но времена, когда я смущался в таких случаях, да-авно прошли — и я флегматично ответил:

— На том стоим... Я сейчас приду, Тань.

— Ага, а мы еще поболтаем, — с возмутительным равнодушием отозвалась она, уже отвернувшись...

Йенс ждал меня на прежнем месте, хотя девчонка уже ушла. Я встал рядом, толкнул его локтем в бок:

— Познакомился?

— Угу, — отозвался Йенс. — Ну что я скажу. Все обычно. Никакого двойного дна тут нету, ребята и девчонки, как везде. Короче, нами тут обедать не будут.

— Это как сказать, — ответил я. — Я сейчас говорил с их Советом. Знаешь, чего они хотят?

— Чтобы мы помогли разделаться с этими воздушными пиратами, — безошибочно отозвался Йенс.

Я пожал плечами:

— С тобой неинтересно.

— Это спорный вопрос... В принципе, это не противоречит нашим интересам, — продолжал развивать мысль Йенс. — А они местные, могут помочь нам найти этого Гонсалеса.

— Они это и предложили, — не удивляясь его догадливости, продолжал я. — Но основную часть работы оставляют нам.

— Этот Герберт на меня произвел хорошее впечатление, — заметил Йенс. — Он поведет людей? — Я кивнул. — Ну и отлично, с ним-то мы договоримся о *настоящем* сотрудничестве.

— Договоримся, — рассеянно пробормотал я. — Я пойду отдохну, Йенс.

— А я еще пошатаюсь по этим гостеприимным местам, — откликнулся немец. — Я давно не был в настоящем городе, а этот потянет... на безрыбье.

— Может, тут и кафе есть, — поддержал я.

* * *

— Никогда не думал, что буду чувствовать себя до такой степени беспомощно, — заметил Раде.

— Когда носорог глядит на луну, он напрасно тратит цветы своей селезенки, — задумчиво сказал я, разглядывая покачивающийся в десятке километров от нас баллон.

На меня ошалело уставился Басс:

— Чего?!

— А, не помню... — рассеянно сказал я. — Читал где-то когда-то... Олег?

— Всяко успеют взлететь. — Олег Крыгин поднялся на ноги и потянулся. — Да еще и обстреляют нас сверху.

— Никак не успеть? — через плечо спросил Раде. Олег помотал головой. Македонец выругался и сплюнул в сторону. Я бы не удивился, если бы в той стороне задымилась трава. — Кольку бы сейчас сюда, шарахнуть из автомата с километра...

— Да, если бы пузырь пробить, мы бы там быстро разобрались, — согласился Басс. — Олег, — он повернулся ко мне, — неужели так и отпустим?! От него же вся округа стоном стонет!

— Ну и мы не подряжались тут порядок наводить, — возразил Олег.

— А Андрей?! — разъярился Раде. — А Андрей?! А то, что они нас с ног до головы

оплевали?!

— А что ты предлагаешь? — вздохнул Олег. — Атакуем, даже ночью — они просто канаты пообрубают — и ага. Опять оплюют, вот и все дела.

Они заспорили — зло, на повышенных тонах, Олег тоже разошелся вопреки обыкновению. Я не вмешивался, кивком головы подозвал Йенса и отошел с ним в сторонку.

— Как думаешь, — негромко спросил я, — кого этот урод Гонсалес возьмет на борт, не задумываясь?

— Девчонку, — тоже не задумываясь, ответил Йенс и спохватился. — Ты что задумал?!

— Девчонку, — повторил я, не отвечая на его вопрос. — Мальчишку убьют. Девчонку возьмут к себе... А что, если это будет не совсем обычная девчонка?

— Ты куда клонишь? — допытывался Йенс тревожно. Я снова проигнорировал его вопрос: — *Действительно* необычная девчонка. Не исключено, что она сможет пропороть баллон, а?

— Ее возьмут на борт для того, чтобы изнасиловать, и едва ли позволят пронести хоть какое-то оружие... Олег, что ты придумал?! — Йенс тряхнул меня за плечо. — Ты хочешь послать туда кого-то из наших девчонок?! Ну так оставь эту мысль!!!

— Не, не угадал, — я усмехнулся. — Я хочу послать... *себя*.

Грешен — мне всегда нравилось удивлять тех, кто редко удивляется. Йенса шарахнуло крепко — он выкатил широко открывшиеся глаза и низко отвесил отпавшую челюсть. Кажется, он вообще на какое-то время выпал из нашей системы координат и пытался просто сообразить, кто кем и чем кого. Я ждал. Наконец Йенс родил оригинальное:

— Я не понял.

— Охотно верю, — согласился я. — Представь себе: появляется сильно неординарная, напористая и энергичная девчонка. Не думаю, что ее так уж сразу бросятся насиловать. По крайней мере — выслушают. А там...

— Я по-прежнему не понял. — Йенс убрал глаза на место.

Я вздохнул:

— Объясняю популярно. Я переоденусь девчонкой и отправлюсь на диверсию. Продырявлю баллон, а там и вы все подоспеете. Ну, детали обговорим.

— Да не желаю я с тобой ничего обговаривать! — вдруг заорал Йенс и, шарахнувшись от меня, добавил еще более громким голосом: — Танька! Иди сюда! Уйми своего парня, он окончательно рехнулся, его связывать пора!!!

Я со смехом поглядел ему вслед. И, все еще улыбаясь, отправился в самом деле искать Танюшку.

— Вообще-то ничего невозможного, — сказала Ленка, и остальные девчонки закивали. Я сидел на пне неподвижно, чувствуя себя на редкость неловко, хотя сам это и предложил. Теперь меня разбирали буквально по косточкам. Что самое потрясающее — Танюшка принимала в этом самое живое участие. — Волосы длинные... Неужоженные, правда, но можно в косу заплести.

— В косу не надо, — оспорила Ленка Чередниченко, — у него скулы выпуклые, лицо слишком широким станет.

— Нормальное у него лицо, шестиугольник, — возразила Власенкова.

Чередниченко замотала головой, подскочила, собирая мои волосы сзади в пучок, словно я был манекеном:

— Ну и смотри, и где нормальное?

— Лен, больно, — робко пискнул я. Чередниченко даже внимания не обратила:

— Ну?!

— Да, пожалуй. — Ленка Власенкова обошла вокруг меня походкой хищницы. — Значит так. Помоем ему голову. Как следует.

— А волосы лучше на макушке в хвост собрать, — прорезалась Танюшка. — А с висков подобрать повязкой, только не его, а какой-нибудь вышитой.

— Во, точно... Брови, — Ленка Власенкова чиркнула ногтем, — у него нормальные, красивые брови. И ресницы хорошие. Губы тоже красивые...

— Нос подгулял, — подала реплику Зорка.

— Просто перебитый, — вступилась Танюшка, — что тут сделаешь? А вообще симпатичная девчонка получится. Не заподозришь, что парень.

— Спасибо, — пробормотал я.

Ленка Власенкова покрутила мою руку:

— Запястья тонкие, ладонь узкая...

— Мозоли, и пальцы побитые, — вмешалась Ингрид.

— Да у нас у всех такие, — отмахнулась Чередниченко. — Вот фигура... ну-ка, встань!

Я покорно поднялся.

— Красивая у него фигура, — ответила Линде.

Ленка отмахнулась:

— Для парня. Вон какой треугольник.

Я невольно засопел. «Треугольником» меня еще не называли. А Ленка продолжала наводить критику:

— Ну, грудь мы подложим и подошьем. А вот бедра...

— Да ладно, — сжалась Ленка Власенкова, — в конце концов, фигуры бывают разные... У тебя тридцать девятый?

— Сороковой, — буркнул я.

— Все равно много, — категорично заявила Ингрид.

— Ну, ноги мы ему тоже не укоротим, — ответила Ленка. — Да и это тоже не так страшно... Ну-ка, пройдишь.

Я обреченно прошелся туда-сюда. Девчонки обменивались многозначительными взглядами и вздыхали.

— Хватит, ладно. — Ленка Власенкова махнула рукой. — Запоминай. Руками так не отмахивай. Шаг свой метровый укороти вдвое. И бедрами покачивай.

— Чем? — с сиплым возмущением уточнил я.

— Бедрами, — отрезала Ленка. — Пройдишь еще раз.

Я прошелся. Танюшка вынесла вердикт:

— Нормуль. Он у меня понятливый.

— Нормуль — а с голосом что делать? — поинтересовалась Зорка.

— А чем голос плох? — удивилась Линде. — Этот. Как его.

— Дискант, — подсказала Зорка. — Слышно же, что мальчишка.

— Ничего не слышно! — заспорила Ленка Чередниченко, решив, кажется, наконец сказать в мою защиту пару слов. — Такой голос и у девчонки может быть, у него еще не сломался. Только пусть контролирует, чтобы на низы не слетать, и все будет нормально.

— Короче, ладно — берем его в работу, — решила Ленка Власенкова. — Посиди, Олег, мы сейчас.

И они удалились организованно-решительной толпой, оставив меня в некотором даже испуге. Предстоящая операция на дирижабле меня не пугала, а вот что со мной сделают наши же собственные девчонки...

— Князь.

Я отвлекся от своих печальных мыслей и обнаружил стоящего рядом Раде.

Он выглядел смущенным и в то же время решительным.

— Да? — ответил я.

Раде вздохнул:

— Давай я пойду. — Я не спешил возражать, но он заторопился, словно я его уже перебивал. — Ну я же больше подхожу, правда!

Я улыбнулся — без насмешки. Это, конечно, было правдой — смуглый голубоглазый красавец Раде с нежным девичьим лицом, конечно, мог сыграть девчонку (хотя бы внешне) во много раз лучше меня. Загвоздка была только в одном...

— Раде, — мягко сказал я, — извини, но ты не умеешь драться так, как умею я.

* * *

Из чистого, ровного зеркала ручейного затончика на меня глядело лицо девчонки.

Оно было моим, несомненно, не спутаешь. И не моим в то же время! И девчонка была вполне красивая, хотя и с крупноватыми чертами лица. Высоко подобранный на макушке хвост темно-бронзовых от вечного солнца волос красиво изгибался, падая назад. Вышитая повязка плотно облегла виски. Шнуровка куртки была туго стянута между ключиц.

— В тебя можно влюбиться, милочка, — негромко сказал я, поднимаясь на ноги. До расчлененного между скал воздушного корабля оставалось километра три, не больше. Я был почти уверен, что меня заметили уже давно. Сверху им хорошо видно, должны уже увериться, что я один... одна.

Я шел спокойно, но был собран, как пружина. Если честно, никакого конкретно плана действий у меня не имелось. Главным сейчас казалось — попасть внутрь... А вот интересно — как же все-таки они держат в воздухе такой большой воздушный корабль? Красивый... На миг я представил себе, как здорово было бы на таком лететь над океаном или лесами, переваливать горы и нестись над пустынями... Возникло изумление — кем нужно быть, чтобы использовать это чудо для примитивного, тупейшего разбоя?!

Мне оставалось около полукилометра (я даже различал прямоугольные иллюминаторы в плетеных бортах большой гондолы), когда из-за скал справа появились двое парней, затянутых в черную кожу. Они, на ходу убирая оружие, двинулись ко мне неприятно-развинченной походкой, буквально расцветая ухмылками — так подходят к девчонкам дураки, переполненные ощущением идиотского суперменства, уверенные в том, что они неотразимы во всех смыслах.

Ну-ну.

— Я тебе говорил — девка, — громко сказал один другому.

Тот отозвался:

— С железками... — оба засмеялись. Они говорили по-английски, но, похоже, были латиноамериканцами. — Она что, сумасшедшая? Еще заразимся, когда переть будем...

Но, кажется, их все-таки насторожило то, что я не замедлил шага и не заговорил с ними. Во всяком случае, дальше мы сближались молча, и снова они заухмылялись, только когда мы сошлись вплотную.

— Это корабль Гонсалеса Гаррибы? — спросил я, приподняв подбородок.

— Точно сумасшедшая, — сказал второй. — Знает, а прется.

А первый обратился напрямую ко мне — соизволил:

— А зачем тебе Гонсалес, сучка? — и, подойдя ближе, с ухмылкой хлопнул меня по мягкому месту. — Мы и сами можем тебя неплохо оприходовать...

Кажется, он хотел что-то еще добавить, но не успел. Сгиб моей левой ладони впечатался ему снизу в подбородок, и парень повалился наземь без сознания. Второй тоже не успел дернуться — дага в моей правой руке уперлась ему под левый глаз, и он застыл, нелепо растопырив руки.

— Очень гостеприимно, — оценил я. — Я подожду здесь, а ты поднимешься к Гонсалесу и скажешь, что его хочет видеть Ольга. Из России. Повтори.

— Ольга. Из России, — послушно повторил он.

— Иди, — разрешил я, убирая дагу и садясь на большой валун. Левую ногу я поставил на спину валяющегося без сознания парня. — Этот останется здесь. Не думаю, что вы его очень уж цените, но мне будет приятно отрезать ему голову, если что-то пойдет не так...

Прошло минуты две, отпущенный мною даже не успел добраться до дирижабля, когда нокаутированный очнулся — я ощутил это по изменившемуся ритму дыхания. Но прошло еще минут пять, прежде чем он осмелился подать голос:

— Что ты собираешься делать?

Голос был искренне заинтересованным.

Я зевнул и пояснил:

— Подожду с часок, а потом, если ничего не дожусь, отрежу тебе яйца. Или еще как-нибудь поразвлекусь.

— Наши тебя убьют, — пригрозил он дрожащим голосом.

— Тебя это уже не порадует, — хмыкнул я. — А что-то ты стал таким вежливым? Десять минут назад ты собирался меня оприходовать.

— Тебя еще оприходуют...

Я вздохнул. Достал один из метательных ножей. И одним точным движением приколол ухо — левое — парня к земле. Не обращая внимания на его вой, добавил:

— Если не заткнешься, второй воткну в язык. А третий в жопу.

Он заткнулся мгновенно, но позорнейшим образом заревел, мгновенно превратившись из воздушного пирата и первого самца в свинарнике, сильного и уверенного, в обычного перетрусившего пацана. Кровь впитывалась в сухую землю, но я никакого особого сочувствия не испытывал. Тем более что от дирижабля уже торопились — почти бежали — трое.

— Твои яйца останутся целы, — сообщил я, выдергивая метательный нож из его уха. Но больше никаких движений делать не стал, так и встретив делегацию сидящим на камне.

— Это ты Ольга? — спросил плечистый блондин. Он единственный из четверых уже виденных мною пиратов выглядел бойцом, а не озабоченным придурком, и я ощутил толчок злости при мысли, что Андрея застрелили эти кретины.

— Нет, — ядовито ответил я, — это он Ольга, — я пристукнул ногой по вздрогнувшей спине. — Мы с ним поменялись ориентацией, пока вы добирались сюда... Что сказал Гонсалес?

— Ольга — это ты? — повторил блондин. Над плечами у него виднелись рукояти двух сабель.

— Я, — кивнул я.

Блондин неожиданно улыбнулся:

— А ты ничего. Я бы с тобой покувыркался всерьез, но боюсь за свои уши.

— Это правильно, — одобрил я, вставая.

— Гонсалес хочет говорить с тобой.

— Это я хочу говорить с ним, — уточнил я. — А он решает, соглашаться или нет. Так мы идем на ваш летающий пузырь — или он придет сюда?

— Пошли, — кивнул блондин. И бросил своим спутникам: — Подберите этого...

С баллоном было сложнее, чем я думал. Корзина величиной с четыре составленных попарно «икаруса» была закрыта сверху, и на какой-то миг я вновь поддался восхищению. Гондолу делали руки мастера. Пол пружинил под ногами, мы шли по узкому коридору, влево и вправо уходили дверные проемы с занавесками. Я не мог определить, сколько же тут человек, но, когда мы поднялись в люк в полу, успел заметить, что в хвостовой части — там примерно четверть длины отгорожена — что-то шипит и посвистывает. Похоже, там нагревали воздух или делали что-то еще для поддержания в воздухе этой плетенки.

В носу тоже была отделена примерно четверть, и возле красивой, с вышивкой, занавеси, стоял парень с винтовкой. Я отметил это сразу и про себя выругался. Мы как раз подошли, и часовой сказал:

— Сдай оружие.

После чего получил коленом в пах, и я, перехватив его, согнувшегося, за волосы, сообщил:

— Я сама — оружие, дурак.

Потом пихнул его мимо хладнокровно посторонившегося блондина и вошел в носовую каюту, откинув занавесь...

...Гонсалес устроился со всей доступной здесь роскошью. Даже диваны тут были плетеные. На одном из них — напротив входа — он и устроился, раскинув ноги по спинке.

Это был смуглый кудрявый парень моих лет с большими черными глазами, сейчас, впрочем, слегка затуманенными, потому что тоненькая светловолосая девочка, совершенно голая, стояла на коленях между его широко расставленных ног. На ее шее был затянут широкий кожаный ошейник. Меня замутило. Почему эти ублюдки так похожи в своих пристрастиях — держать рабов, насиловать, унижать и наслаждаться этим?! Откуда это в таких обычных на вид ребятах?!

— Медленней. — Гонсалес ударил девчонку по затылку. — Так это ты Ольга? — Он окинул меня похотливым взглядом. — Зачем ты меня искала? Ты симпатичная, но крупновата и темноволосая, а я люблю блондинок.

— Мне плевать на твои сексуальные пристрастия, — пояснил я. — И я не собираюсь тебя обслуживать. Я пришла сюда затем, Гонсалес, чтобы предсказать тебе твою судьбу.

— Ты колдунья? — Смешно, но в его глазах промелькнула опаска.

Я пожал плечами:

— Нет. Я просто семь лет странствую по этому миру и хорошо разбираюсь в людях.

— Ты странная... — Гонсалес прервался и, закрыв глаза, только что не растекся по дивану. Я ждал, бесстрастно наблюдая за тем, как он кончает и что девочка делает дальше. Наконец Гонсалес пришел в себя и вновь заговорил: — Ты странная, да. Вообще-то сюда по доброй воле приходят только отморозки, за которыми охотятся эти... — он хмыкнул, — ...рыцари.

Вместо ответа я сделал короткое движение правой рукой — и Гонсалес окаменел, издав короткий икающий звук. Пониже его причиндалов торчал один из моих метательных ножей, вошедший в плетенку до торца рукояти.

— Это и есть моя судьба? — хрипловато спросил он. — Кстати, почему у тебя не забрали оружие?

— Потому что я — отморозок, Гонсалес. — Подойдя к дивану сбоку от двери, я сел, вытянув ноги.

— Отнеси ей нож. — Гонсалес толкнул ногой стоявшую на коленях девчонку. Она, раскачав, освободила метательное лезвие и подошла ко мне. «Полоснет еще», — подумал я, но, встретившись взглядом с потухшими, пустыми глазами, понял — не полоснет.

— Пожалуйста... — прошептала она. Девчонка была красивая, и я невольно задержал взгляд на ее груди. Ниже, на ребрах, темнели синяки.

— Ты что, лесба? — хмыкнул Гонсалес. — Что ты так на нее уставилась?

— Тебе не все равно, какие у меня предпочтения? — Я убрал нож в чехол.

— Значит, ты хочешь лететь с нами? — Он не стал развивать тему секса. — Пожалуй, я буду не против, люди нужны всем, а таких, которые подходят мне, здесь не много... Роб! — в дверь вошел тот блондин. — Покажи Ольге ее место, Роб.

* * *

Часовой около двери в «апартаменты» Гонсалеса дрых непобедимо. Ничего иного, если честно, я и не ожидал — в таких компаниях никогда не бывает настоящей дисциплины, это во-первых. А во-вторых, трудно убедить часовых, что нужно кого-то опасаться в десяти метрах над землей при убранной лестнице.

Я постоял около входа в «свою» каюту и, прислушиваясь к поскрипываниям корзины, осторожно двинулся в корму, где по-прежнему тихо посвистывало и пофыркивало. Очень осторожно я отодвинул занавесь. И хмыкнул.

Синеватые отсветы пламени озарили помещение, две трети которого занимала сложная конструкция из дерева и камня (именно в каменной чаше и горел огонь). Чем-то пахло, деревянные трубки в нескольких местах уходили в крышу. «Водород! — дошло до меня. — Не горячим воздухом, а водородом они шар надувают! Ну мастера, ну юмористы... Так, а это кто?!»

В помещении было около десятка ребят и девчонок, прикованных друг к другу и к этой

машине — именно прикованных, грубыми металлическими цепями. Я снова ощутил толчок злости: да что ж это такое?! Ну ведь две руки, две ноги, голова, ну откуда же это — завести рабов, бить их, заковывать в цепи, унижать тех, кто слабее; ну что за б...ство такое?!

Я никого не разбудил. Да и трудно было бы разбудить явно до предела замученных людей. Перешагивая через спящих, вслушиваясь в стоны и бормотание, я подобрался к самой машине.

Как известно — что сделал один человек, другой всегда может раскурочить.

* * *

Я проснулся от внутреннего толчка — и столкнулся взглядом со взглядом сидящего на краю дивана Гонсалеса. Двух девчонок, которые оказались моими соседками и которых я вчера толком и рассмотреть не успел, в каюте не было.

— Доброе утро, — сказал Гонсалес. — А что-то ты в куртке спишь?

— Доброе утро. — Я протянул руку за снаряжением — и пальцы нащупали пустоту там, куда я все сложил вечером. — Что за шутки?

— Никаких шуток, — Гонсалес встал и сделал два шага назад и в сторону, а в каюту вошел, на ходу беря меня на прицел, парень с винтовкой. Но и это было не самым неприятным — куда неприятней оказался вошедший следом рыжеволосый, широко улыбающийся парень.

Я обмер, внешне оставаясь спокойным.

— Он? — коротко спросил Гонсалес, не сводя с меня глаз.

— Он, — ответил Мэнни, продолжая улыбаться. — Но каков маскарад! Олег Верещагин, Король Поединков!

— Дерьмо не тонет, — пробормотал я, — вот уж точно...

Мне было досадно, не страшно. До чего же везет на поганые встречи! Я сдернул с волос стяжку, выругался шепотом, залез за ворот куртки и, оборвав подкладки, бросил их на пол.

— А девчонка была симпатичная, — хмыкнул Гонсалес. — Ну да ничего. — Он дружески улыбнулся мне, — у нас тут есть любители, побудешь девчонкой еще... А как надоешь — отправим тебя к машине...

— Гонсалес, идиот! — крикнул Мэнни. Он больше не улыбался, его лицо стало уродливой металлической маской. — Убей его! Сразу, сейчас! Не играй с ним, не говори с ним, ты не знаешь, на что он способен!

Гонсалес не успел ответить — в каюту ворвался блондин Роб. Мельком взглянув на меня, он закричал:

— Капитан, урса! В трех километрах отсюда, не меньше трехсот, идут в нашу сторону!

— Взлет, — небрежно махнул рукой Гонсалес, и Роб исчез. Я засмеялся и сел на диване удобнее. И если Гонсалес изумленно уставился на мое смеющееся лицо, то Мэнни помертвел, а потом, бросившись ко мне, схватил за отвороты куртки:

— Что ты сделал, русская сволочь?!?!?!?

— Ничего особенного. — Я не пытался освободиться. — Но взлететь вам вряд ли удастся. Я, конечно, не рассчитывал на урса, нет! Но тут вокруг в скалах прячутся около полусотни ребят. Еще я советую расковать ваших пленных и раздать им оружие. Все вместе мы можем справиться с урса. А личные счеты сведем потом.

— Что он несет? — нетерпеливо спросил Гонсалес.

— Капитан! — Роб снова влетел внутрь, зацепившись за косяк рукоятью сабли. — Капитан, что-то с машиной! Мы не можем набрать мощность!

— Увы, — я развел руками. — Решайте скорей. Или урса — или мы.

— Роб! — Гонсалес повернулся к блондину. — Ра... пленных освободить. Оружие раздай. Быстрее! — И он выскочил наружу. Мэнни смотрел на меня сумасшедшими глазами, полными больной ненависти. Я уже успел заметить в углу свое оружие, у входа, но сидел

спокойно.

— Не радуйся, — сказал Мэнни, облизнув губы — и обнажил меч. — Для тебя все кончено.

— Мэнни, — я оставался неподвижен, — это ты убил Андрея?

— Я, — ухмыльнулся он. — За наших, которых убили вы. И я сделал это с наслаждением. Но тебя я прикончу с еще большим наслаждением!

Меч взлетел, но меня на диване уже не было — оттолкнувшись плечом, я прокатился по полу сбоку от Мэнни и, в кувырке вырвав палаш из ножен, тем же движением метнул его в американца.

Мэнни швырнуло к стене, пришили к ней. Меч упал на пол. Покачив головой, я поднялся, неспешно начал застегивать ремни, потом нагнулся за сапогами. Мэнни, слабо икая, смотрел на меня умоляющим взглядом — рукоять палаша торчала у него справа под ребрами.

— Вот так. — Я затянул ремни и выпрямился. — Извини, времени на поединок не было. А это, — я взялся за палаш, — мне нужно.

— Не надо... — попросил Мэнни, цепляясь за мою руку. — Я не хочу... ради всего святого...

— Все справедливо, Мэнни. — Я покачал рукоять палаша, с наслаждением наблюдая, как каждое движение вызывает судорогу боли во всем теле американца. — Никто не просил тебя становиться тем, кем ты стал. У тебя даже второй шанс был... больно, да?.. Но ты снова нашел мерзавца, к которому можно прибиться. Так на что же ты жалуешься?

Слезы текли из глаз Мэнни, рот перекосился. Улыбаясь, я неспешно потянул палаш, придерживая у стенки левой рукой бьющееся тело. Мэнни выплевывал кровь и булькал.

— Знаешь, за что я люблю этот мир? — осведомился я. — За то, что в нем таких, как ты, можно просто убивать.

Я выдернул палаш и убрал руку. Мэнни упал в лужу крови и еще какое-то время возился, пока я вытирал об него палаш...

В коридоре я столкнулся с Гонсалесом и придержал его за плечо. Улыбаясь, сказал в его сумасшедшее лицо:

— Мэнни лежит в каюте. Я его зарезал, как свинью, и перед смертью он остался трусом, каким и был всегда — был и скулил. А тебя я убью после боя, сволочь.

Над полем боя мерцанье свеч,
То звезды горят все краше.
Здесь будет каждому щит и меч,
Когда придут наши.

Усни, накрывшись моим плащом,
И не опасайся кражи.
Здесь будет каждому хлеб и дом,
Когда придут наши.

Пойми изломы речных дорог,
Испей из славянской чаши.
Здесь каждому свет и бог,
Когда придут наши...

Ведь я тебе не скажу в упор:
Стоят по дороге стражи,
И где-то слушают приговор
В тюремных подвалах наши.

Над полем боя мерцанье свеч,
То звезды горят все краше.
Здесь будет каждому щит и меч,
Когда придут наши.

М. Струкова

Стоя возле камня, я переодевался почти с наслаждением — даже не думал, что будет так приятно избавиться от девчоночьих шмоток. Танюшка стояла рядом. Собственно, все стояли рядом, дальше или ближе — и наши, и ребята Герберта, и вчерашние рабы (обалделые, но сжимающие в руках оружие), и банда Гонсалеса... Урса, кстати, тоже уже было видно — они вываливали толпой из-за скал в полукилометре от нас.

— Олег, к тебе, — подошел Сергей с обнаженным палашом в руке. — Один из этих.

Я уже издали увидел «этого» — это был Роб. Кстати, к этому блондину у меня почему-то особой неприязни не было. Американец приближался быстрым шагом, держа в руках сабли. Мои расступились, но неохотно.

— Привет, — сказал Роб, подходя. Он почему-то тяжело дышал, словно бежал долго и упорно.

— Да виделись уже сегодня, — весело ответил я, шнуруя ремни сапог. — Тань, принеси бригантину, пожалуйста...

— Сейчас будет драка. — Роб покусал уголок губы. — Наши и люди Герберта... и...

— И рабы, — добавил я. — Ваши рабы, да?

— Наши рабы, — повторил Роб. — Урса же идут, Олег.

— Ай, как интересно! — восхитился я. — Урса идут! А раньше — не ходили? — Роб молчал, глядя мертвыми глазами, и я поднялся. — Ладно, урса идут — и мы пойдем себе...

Схватка в самом деле готова была вот-вот начаться. Если бы не урса, я бы сказал, что она плохо кончится для бандитов Гонсалеса... но только сейчас она готова была плохо кончиться для всех.

Роб свернул к своим. А я прошел между отрядами (их разделяло шагов десять, не больше) и встал посередине. Огляделся, словно только что свалился сюда с неба. Зевнул. Слева и справа блестела сталь, оскаливались зубы, сверкали глаза...

— Чего это вы тут затеяли? — любопытствовал я. — Не вовремя...

— Олег, уйди! — крикнул Герберт. — Все по чести, они это заслужили!

Его люди поддержали Герберта злым гулом. Я увидел, что подходит Танюшка, подставился под бригантину, потом попросил ее помочь застегнуть крючки. За нами внимательно и слегка недоуменно наблюдали с обеих сторон, и я, храня спокойное выражение на лице, про себя с усмешкой отметил, как ярость все больше сменяется недоумением.

— Что ты там сказал? — уточнил я у Герберта. — Заслужили? Да кто спорит? — Я кивнул в сторону урса. — Если только вон они... Вообще, как вы думаете, — я обращался ко всем сразу, — они подождут, пока мы свои дела закончим, или сразу навалятся? — Ответом мне было молчание. — Пошли, — я махнул рукой. — Пошли-пошли, сначала урса, а личные счета потом, потом.

И, не оглядываясь, пошел к своим.

* * *

Урса остановились в сотне метров от нас полукругом, вогнутой стороной к нам. Мы так и встали — четырьмя квадратами-отрядами.

Я достал из кобуры наган, взвел курок. Скомандовал негромко:

— Девчонки — назад. — За спиной и по краям произошло шевеление. Слева от меня стоял Сергей. Справа выдвинулся Йенс. Значит — все в порядке.

Со стороны урса завывли и заухали, потрясая щитами и оружием. Йенс с усмешкой высоко подкинул ярко блеснувший меч, поймал за рукоять, подбросил снова, что-то приговаривая по-немецки. Ян, опершись левой рукой на чупагу, правой крестился и негромко бормотал. Мило подкатывал рукав. От людей Герберта кто-то заорал по-английски:

— Эй, суки черножопые, идите сюда, ближе идите, мы вам жопы на лоскутья порвем!

Американцы засвистели и заулюлюкали. Зорка, прищурившись, взводила аркебузу, закатав в ствол пулю — зеркально сверкнул подшипник.

— Пошли, — скомандовал я, беря в зубы дагу, револьвер переключая в левую руку, а в правую перехватывая палаш...

Урса бежали навстречу — надвигалась черная стена, и я, отсчитав восемьдесят шагов, начал лепить в эту стену пулю за пулей. Опустошив барабан, бросил наган в кобуру, подхватил изо рта дагу. Как раз в тот момент, когда мы сшиблись с урса лоб в лоб.

— Господи, прости наши невинные прегрешения! — истошно заорал кто-то с восторгом и ужасом.

Хрясть! Косо переломился ятаган, алым веером кровавых брызг плеснул череп под маской. Удар! Палаш утонул между ключиц урса, скрежетнул о гортань. Блок дагой влево... Пинок коленом под щит, удар рукоятью палаша в затылок. Поворот — топор свистит прямо перед лицом, холодный ветерок овеивает лоб... Встречный удар — укол дагой в горло сбоку. Закатываются глаза в щели маски... Щит наклонить вниз дагой, рубящий удар сверху вниз в левое плечо... Заклинило! Я отразил ятаган дагой — раз, другой... Слева пропеллером сверкнула корда, и урса осел вниз.

— Танька, стерва! — рявкнул я, не сдерживаясь. — Пошшшшш... отсюда!

Она не ответила, только мотнула тугой косой, наискось отражая удар асегая в живот — конец корды полоснул по шее урса.

Около полусотни урса все-таки бежали. Их никто не преследовал. У меня убитых не было, хотя несколько человек получили легкие ранения. А вообще у нас оказались около полудюжины убитых — я толком не считал, поскольку подкатили куда более насущные дела.

Ребята Герберта не стали даже остывать после схватки — кольцом охватили банду Гонсалеса. Те стали в круг лицами к врагам. Освобожденные рабы тоже были здесь. И мои ребята подтягивались...

Подошел и я (Танюшка благоразумно скрылась с глаз). Роб был жив. Гонсалес тоже. Он стоял среди своих с длинной шпагой и дагой.

— Ну вот как все хорошо, — улыбнулся я. — Мы все остались живы.

— Похоже, ты хочешь исправить эту досадную оплошность? — сказал он и сплюнул наземь.

— Точно, — кивнул я. — Я же сразу сказал, что убью тебя. А я всегда держу слово.

Лицо Гонсалеса вдруг исказилось, и он прыгнул вперед чудовищным броском всего тела, прохрипев:

— Сдохни, мразь!

Острая боль обожгла мне лицо, и я перестал видеть левым глазом. Отмахнулся вслепую, отскакивая, тряхнул головой — глаз заливала кровь, но, кажется, он был цел. Гонсалес наступал, грозя шпагой.

— А ты сволочь, — опередил я. — Не только убийца и негодяй, но еще и просто маленькая сволочь.

— Больше тебя не спутают с девкой, — выплюнул он.

— А тебя — с живым, — ответил я. Кровь текла и текла в глаз — да, теперь я мог на своем опыте убедиться, как сильно кровоточат раны в голову... Я снова помотал головой, но кровь опять натекла, и я перестал пытаться «прозреть». Потом протру... Разговаривать тоже больше не хотелось — зачем разговаривать с трупом?

Гонсалес, конечно, умел сражаться — и неплохо, надо думать. Длинный клинок шпаги сверкал, как взблеск молнии. Но только для меня он все-таки был не противник — даже с

моим одним глазом, и он понял это. А я увидел понимание в том, как лихорадочно загорелось темным румянцем его лицо, как нервными и испуганными стали отбивы...

— Страшно? — спросил я весело.

— Убью... собака... — прохрипел он, отчаянно кидаясь вперед. Это было ошибкой. Я отбил его шпагу, вытянутую вперед на всю длину, влево к нему, пропустил Гонсалеса мимо себя и всадил палаш ему в правый бок.

— Ай-я-а! — вскрикнул он, как и положено мальчишке, которому неожиданно стало больно. Мой палаш на ладонь выскочил у него слева под ребрами.

— Вот и ага, — сообщил я и длинным движением даги перерезал Гонсалесу горло, одновременно вырывая палаш. Он тяжело рухнул на камни.

Щелкнула аркебуза. Я быстро обернулся, выхватывая револьвер — и увидел, как, не сгибаясь и не донеся винтовки до плеча, падает охранник Гонсалеса, а Танюшка опускает аркебузу. Ее лицо было каменно-спокойным.

— Бросайте оружие! — крикнул я. В группе воздушных пиратов началось шевеление, но Роб что-то резко выкрикнул и хрипло сказал мне:

— Нет смысла. Нас все равно убьют. А так — попробуйте нас еще взять, живыми мы не дадимся.

— Роб, — сказал я, поднимая револьвер, — ты мне, если честно, нравишься. Но те, кто стоит вокруг тебя — они просто подонки. Никакой схватки не будет. Я первым начну стрелять. Бросайте оружие — и клянусь, что я попробую спасти ваши жизни. Мне жалко тех, кто может погибнуть в бою с вами.

— Олег! — рявкнул Герберт — Не сходи с ума! Их надо прикончить! Они же и вашего убили!

— Того, кто его убил, больше нет, — бросил я, и наши обрадованно и удивленно зашумели. — Мне не хочется терять людей. Они сдадутся, Герберт. Увидишь.

— И что с ними делать, когда они сдадутся?! — заорал американец. Я улыбнулся ему, а про себя выматерился — Герберт портил мне всю малину, вылезая со своей непримиримостью. Если ему своих не жалко, то мне не очень-то хотелось терять людей в очередной бессмысленной и отчаянной схватке.

— Это и правда вопрос, — заметил Роб. Но за его спиной вдруг зазвякали клинки — это бросали оружие пираты. Роб резко обернулся и почти простонал: — Труссы, негодяи...

— Поздновато ты это понял, — сказал Сергей. — Ну-ка, Олег, разреши, я его уложу... — он шагнул вперед, но я удержал своего друга:

— Не надо!.. Всем стоять! — Это относилось уже к людям Гонсалеса и бывшим рабам, качнувшимся вперед с совершенно определенными намерениями. — Йенс! Олег! — и с гордостью подумал, когда между сложившими оружие пиратами и разгневанными американцами выросла стена моих ребят: может быть, у меня почти не осталось друзей, зато хватает боевых товарищей. А это иногда важнее...

— Почему ты их защищаешь?! — выкрикнул Герберт.

Я ответил спокойно:

— Мне отвратительна расправа с безоружными... Ребята, девчонки, — я обратился к бывшим рабам, их было около дюжины, — кто из вас дольше всего был у этих?

Они зашептались, вперед вышел светловолосый мальчишка, сжимавший в руке топор.

— Ну я, — с вызовом сказал он.

— Я — это кто? Меня, например, Олег зовут.

— Пол, — он смешался, заморгал.

— Пол, кто из них, — я кивнул на пиратов, — зверствовал? Не может быть, чтобы все.

Пол облизнул губы, положил топор «бородой» на плечо, оглянулся на своих. Вздохнул:

— Да нет, не все, конечно... Мне что, называть?

— Называй и показывай, — предложил я. — Димка, Анри, Раде, Ян — на кого покажут, тех волоките сюда... Ингрид, сделай что-нибудь, глаз не видит уже ничего.

Она подошла, раскладывая на ходу свой набор, что-то скомандовала Танюшке. Та

подлетела мухой — с невинным видом, без корды, зато с водой и тряпкой.

— Убью потом, — прошептал я углом рта.

Она посмотрела большими глазами, спросила:

— Глаз цел? Очень больно?

Я промолчал, потому что Пол начал выкликать...

Ингрид мешала смотреть. Больно почти не было, Танюшка постоянно смывала кровь, кожа похрустывала.

— Кость цела? — мельком спросил я.

Ингрид утвердительно буркнула.

Отделили пятерых — четверых парней и девчонку. Они стояли кучкой, стараясь спрятаться друг за друга. Все притихли — и люди Герберта, и бывшие рабы, и Роб, так и не выпустивший из рук сабель.

— Роб, — окликнул я его. — Забирай остальных. Берите оружие и уходите прочь. Дирижабль оставите. Понял?

— Не боишься, что буду мстить? — странно, словно бы без голоса, спросил он.

— Не боюсь, — ответил я. — Ты не такой человек, и ты знаешь, что мы были правы.

— Позволь забрать продукты, — сказал он.

— Треть, — отрезал я. — Винтовку оставьте... Лен, — кивнул я Власенковой, — посмотри насчет продуктов. Олег, Видов — проводите... Все, Ин? Спасибо... Так, теперь с этими... — Я подошел ближе к приговоренным. Именно это слово пришло мне в голову. Жалости во мне не было, но стояло мутной водой гадливое неприятие того, что надо сделать. — Пол, — я повернулся к парню с топором, — вы их отобрали. Они виноваты. Я не хочу знать, что они делали. Мне интересно другое — ты будешь их убивать?

Он побледнел, сжал губы, но потом решительно сказал:

— Да.

— Давай, но побыстрее, — мотнул я головой (Ингрид сердито рывкнула). — Не надо их мучить.

Пол взял топор боевым хватом — и пошел к пиратам...

Роб подошел ко мне уже с рюкзаком на поясице. Несколько секунд смотрел мне в глаза. Потом сказал:

— Запомни, что у тебя есть враг, Олег. Это я. И следующая наша встреча, если она состоится, будет последней для тебя. Или для меня.

— Это честь — иметь такого врага, — спокойно отозвался я. Роб кивнул, повернулся и ушел. Вместо него появился Мило. Он вел за руку ту самую блондинку, которую я видел у Гонсалеса.

— Это Лора, — сказал серб. — Она пойдет с нами. Или я — с ней.

— Ты знаешь, что она... — начал я, скользнув взглядом по девчонке.

Мило вспыхнул, его пальцы стиснулись до белизны на рукояти камы, но сказал он спокойно:

— Я знаю. Мне плевать.

— Ты хочешь остаться с нами? — посмотрел я на девчонку. Она промолчала, но вцепилась в рукав и плечо серба так, что стало ясно — не оторвешь. — Черт с вами.

— Спасибо, князь! — почти закричал Мило, но я уже не обратил внимания — окликнул Пола:

— Подожди! — Он подошел. — Аэростат этот останется у вас, мы с Гербертом так решили. Починиться там не очень долго, я покажу, где нагадил... Перебросите нас в Калифорнию?

— Конечно, о чем разговор! — Он явно искренне обрадовался, что может чем-то отблагодарить, кажется, еще что-то хотел сказать, но я уже повернулся и пошел искать Танюшку.

Она сидела возле того самого родничка, в который я смотрелся перед «заданием». И сейчас я мельком заглянул в него...

...и замер.

Гонсалес угодил мне по лбу самым концом шпаги, а Ингрид зашила рану со своей обычной сноровкой и умением. Стянутый в полудюжине мест рубец спускался под острым углом над левой бровью к переносице. Заживет — останется белая полоса.

Белая полоса наискось над бровью. Мне вспомнился тот сон, где я видел себя на экране старого телевизора. Лицо — вот с таким же шрамом.

Там, в этом телевизоре, я стоял в непроглядном туманном мареве среди сухих, голых ветвей кустов. Один — вокруг не было никого. Я стоял и чего-то ждал — и мне было одиноко, пусто и тоскливо.

Шрам — вот он.

Значит... значит, будет и серый туман, и кусты, и тоскливое одиночество. Полное. Абсолютное.

Когда?!

* * *

Дирижабль шел в полусотне метров над самыми высокими пиками. Я стоял около приоткрытой двери, сбоку, и задумчиво смотрел, как эти складчатые, странные, будто с другой планеты столбы уплывают назад и в стороны. Местами между ними кипели, прорываясь сквозь узкие ложа, гремучие потоки.

— Да, я не знаю, как бы мы тут шли, — заметила, подойдя и становясь напротив, Танюшка. — Может быть, в нашем мире это не так выглядит, а тут пейзаж, как после ядерной войны... — Она присела на пол, скрестив ноги.

— Жалеешь, что не осталась в Элберте? — спросил я, тоже присаживаясь, но подальше от двери. В машинном отделении пыхтело и посвистывало. Танюшка удивленно посмотрела на меня и, не отвечая на вопрос, сказала:

— Скоро мы доберемся до океана и увидим наших. Вот странно. Скоро год, как не виделись.

Я молча кивнул и, помедлив, растянулся на полу, положив подбородок на скрещенные руки. Танюшка улеглась напротив точно так же, почти носом к моему носу... В дверь задувало ветерком, медленно менялись снаружи пейзажи — разнообразные в своем тягучем однообразии...

* * *

— Э, смотрите, ужрался малолетка, прямо за столом спит!

— Кто их с девкой сюда пустил, в натуре?.. Смотри, она тоже готова.

— Ага, башку от стола поднять не может... Может, они это... по вызову? Я слышал, есть тут несколько пар...

— Да вечер только начался, что ж они — на работе нажрались? Не, смотри, как они одеты, это не шлюшки... Пацан, проснись, пацан!

А я уже давно не спал, если честно. Голова была мутная, чугунным котлом с помоями висела на плечах, и я пытался осознать только одно: взрослые (!!!) голоса!

Я вздернулся, попал левой рукой во что-то мокрое. Надо мной заржали, в уши ввинтилась незнакомая и странно знакомая музыка, хриплый голос:

— Гоп-стоп —

Мы подошли из-за угла...

— Вилли Токарев? — хрипло спросил я вслух, пытаюсь сообразить, где я и что со мной. Я вроде бы был в кафе, шум и гам забивали временами голос певца. Несколько человек сидели на высоких табуретах у стойки, на ярко освещенной эстраде отдыхал оркестр,

остальной зал тонул в полумраке, но видно было — столы почти все заполнены шумными компаниями, едящими и пьющими.

Наш стол стоял у большого панорамного окна, подсвеченного гирляндами лампочек, образовывавшими бегущую строку, и был пуст, только напротив меня начинала слабо возиться Танюшка. А над столом склонялись два бритых наголо амбала в диких малинового цвета пиджаках с широченными лацканами, толстенными золотыми цепями на тумбоподобных шеях. На этих шеях не было галстуков, черные с искрой рубашки били в глаза. Пальцы парочки украшали золотые же перстни, которые вполне можно было использовать вместо боевой части кистеня. Я не знал, смеяться мне или плакать при виде этих чучел, но выражение лиц у них, как ни странно, было дружелюбное.

— Перебрал, пацан? — спросил один из них.

— Я? — Я кашлянул, уже чисто спросил: — Где я? Что это?

Они снова захохотали, Танюшка со стоном отняла голову от рук, дико посмотрела вокруг, уставилась на эту парочку и, мотнув головой, определила:

— Да ну, не может быть... — и вдруг тихо вскрикнула: — Олег, что это?! Где мы?!

Только теперь до меня дошло ВСЁ происходящее.

Я вскочил, опрокидывая легкий стул. Меня качнуло, едва не влипив в окно — один из амбалов поддержал за плечо:

— Домой вам надо, — уже серьезно посоветовал он. — Рано набираться начали, в натуре... Ну чо, такси свистнуть? Бабки-то есть?

— У меня да, а Танькина с ней не живет... — отозвался я.

Амбал свистнул, махнул рукой:

— Пошли, провожу до такси.

— Да нет, спасибо, не надо. — Я более-менее выправил перекося в сознании и заставил себя отсечь невозможность происходящего, сосредоточиться на реальности: столики, проход к дверям, темно-огненная улица за окном, — мы тут недалеко живем... Тань, пошли. — Я подцепил обалдело семафорившую ресницами Таньку под руку. — Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, — хохотнул второй амбал. — Девчонку до дома доведи, красивая она у тебя. — Он подмигнул Таньке...

Стоявший на входе человек в военной форме, с дубинкой и пистолетом, дернулся нам вслед, удивленно глядя, как мы выходим на улицу, но остался на месте, а мы и внимания не обратили на его удивление, потому что окаменели у самых ступенек.

— Олег, где мы?! — шепотом вырвалось у Танюшки.

Я ничего не ответил.

Широкую проезжую часть в обе стороны по три ряда заправили сплошным потоком автомобили. На таких же широких тротуарах, отделенных от шоссе линиями тополей, кипел народ. Все это штриховала перемигивающаяся, напозающая друг на друга, бегущая световая реклама — в основном на английском языке, на русском было совсем мало. Свет потоками лился из витрин, окон и дверей. Он был почти непереносим и резал глаза так же, как резал уши сумасшедший гомон толпы, одетой так, что я обомлел. Во всяком случае, треть, особенно молодые, носили такое барахло и такие прически, что металлисты и панки 80-х удавились бы от зависти массово. При виде наголо бритой девчонки с кольцом в брови, например...

— Олег, где мы?! Что это?! — прошипела Танюшка. — Черт побери, а с нами что?!

Да уж — «а с нами что?!»?! Только теперь я увидел, что с нами-то случилось! Танюшка сохранила свою косу, но глаза у нее стали вроде бы больше, а рот — четче... и я не сразу понял, что это из-за косметики. Мочки ушей украшали клипсы с камешками, на одном из пальцев поблескивал перстень — тоже с «камешком». Короткая плиссированная юбка — светло-серая — открывала длинные стройные ноги в чулках и туфлях на массивном каблуке. Такого же цвета пиджак был распахнут на однотонном жакете с белой рубашкой, через плечо висела сумочка из крокодиловой кожи. Наверное, у меня был очень удивленный взгляд, потому что Танька независимо фыркнула и сказала:

— На себя посмотри.

Я «посмотрел». Волосы — хотя и длинные — резко укоротились. Я был одет в серую тройку с сине-белым галстуком, белую рубашку и белые туфли. Через левое плечо тоже висела сумочка — мужская, — а на левом запястье я обнаружил массивные часы в угловатом корпусе. Танюшка показала свое запястье — с тонким ободком золотых часиков. Мы несколько секунд смотрели друг на друга. Потом Танька спросила:

— Олег, это не Америка?

— Нет... — медленно ответил я. — Ты знаешь. Тань... по-моему, это *они*.

Ее глаза блеснули:

— Бесконечные Дороги?!

Я кивнул:

— Кажется, да, Тань.

Она огляделась, покусывая губу:

— А где же... где все остальные наши? Мы же не можем тут быть одни, Олег, это же нечестно!

— Пошли поищем, — предложил я. — Они должны тоже оказаться здесь. В конце концов, мы и *туда* попали порознь.

— Неужели конец, Олег? — спросила Танюшка.

— Или начало, — я взял ее под руку. — Пошли, посмотрим...

Хотите честно? Это было здорово — вот так идти по тротуару в толпе, рука об руку, молча и удивленно впитывая в себя атмосферу ночного города, постепенно начавшую казаться привычной и естественной. Танюшка, правда, в начале несколько раз буркнула, что отвыкла от юбки, но потом смирилась, ловко приладилась постукивать каблучками рядом. А я вдруг увидел кое-что и сказал:

— Смотри, Тань. Видишь ту башню? Это управление железной дороги в Воронеже.

— Мы в Воронеже?! — удивилась Танька.

— Да, — уже уверенно подтвердил я. — Вон и Петросквер... Неужели там все так изменилось? Как будто и не Союз...

— Так это и не Союз, — напомнила Танька. — Слушай, а что у нас в сумках-то?! Пошли в этот сквер, посмотрим.

Мы перешли улицу подземным переходом, в котором густо сидели нищие и теснились у стен лотки уличных торговцев. Я скользнул взглядом по лежащим на лотках порнографическим газетам и журналам с русскими и иностранными названиями. «Плейбой», надо же!.. Прошли несколько ментов — в какой-то дикой форме, с дубинками, пистолетами, наручниками и... автоматами! Атмосфера в переходе была неприятной, давящей, и я вздохнул облегченно, когда мы выбрались в парк и сели на первую же скамейку подальше от улицы, но под фонарем.

— Ой, смотри! — Танюшка резко тряхнула свою сумочку, из нее высыпались на лавку книжечки документов. — Аттестаты, метрики... свидетельства о рождении... Олег, паспорта!

— Паспорта?! — Я недоверчиво взял обе книжечки, пролистнул, хмыкнув изумленно. Под моей фотографией было написано, что я — Андрей Валентинович Лобанов, Танюшка оказалась Инга Олеговна Семина. Мы родились в 1978 году в Тамбове. — С ума сойти... — только и сказал я.

В сумочке оказались еще какие-то деловые бумаги, довольно много, я не стал пока разбирать — какие, а также — три ключа с биркой, на которой было помечено: «Ул. ген. Лизюкова, 30, кв. 72». У меня на этот раз даже слов не нашлось. И их не стало больше, когда я открыл свою сумочку.

— Тань, деньги! — вырвалось у меня.

Денег было много. Начать с того, что они были странные, непривычного размера и рисунка, крупные — по миллиону рублей! И этих купюр были пачки по сто штук в каждой... — Черт, черт, черт, а это что?! Тань, это же доллары! Тут написано!

Долларовых пачек — купюры по сто долларов, тоже по сто штук — было гораздо меньше, но тоже немало. А на самом дне лежали плотные столбики в пергаментной бумаге. Я надорвал один — оттуда блеснула царская десятка-червонец.

— Прыжок в новый мир, — странно улыбнулась Танюшка. — Полностью документы, ключи от квартиры, наверное, документы на нее и целое состояние в нескольких валютах... Невероятно, Олег... Ну что, поедem на эту Лизюкова? Или пойдем, тут близко, нет?

— Не знаю, — признался я, вставая.

И обнаружил, что мы — не одни.

Двое парней — постарше меня и покрепче — стояли буквально возле нас; увлеклись мы, пропустили... По сторонам маячили еще шестеро. Резко пахло алкоголем, лица тех, кого я видел, не отражали ни интеллекта, ни готовности к сотрудничеству, ни даже простого гостеприимства.

— Сумку давай, — без предисловий, «двадцати копеек» и «закурить», потребовал один из стоявших вплотную. — И вали отсюда без шума, а с девчонкой мы поговорим.

Еще двое, погыгыкивая и поцыкивая зубами, подошли к Таньке сзади.

— Вообще-то в мое время, — задумчиво сказал я, — девчонку, как правило, отпускали и разговор вели с парнем. Тань, тебе не кажется, что здесь много изменилось к худшему?

— Определенно, — процедила Танюшка. — Руки убери, а? — Что-то шлепнуло, послышался мат.

— Он уходит не хочет, тоже типа присоединится, — подал голос до сих пор молчавший второй старший. — Гля, хаер какой, точно пидар!

— А это мы сейчас проверим, — процедил первый, и в его левой руке возник и со щелчком выбросил лезвие кнопочный нож.

Это — было — ошибкой.

Неизвестно, успел ли понять что-то нагрузившийся плохим пивом мальчишка, вообразивший себя героем ночных улиц. Едва ли он даже толком успел осознать, что *не так*.

Просто увидел, как странно и страшно *изменилось* лицо интеллигентного, симпатичного, хорошо одетого пацана, на лбу которого внезапно выступил шрам. Увидел — и упал даже не в боль.

В темноту...

Я уложил парня с ножом раньше, чем он начал свой — *страшно медленный* — удар. Свингом в висок. Позади послышались плотные, мягкие удары — один, другой, Танюшка прервала неприятный ей разговор в самом начале двумя фуэтэ в голову. Я двинул оставшегося передо мной по вискам кулаками, и он завизжал:

— Уйя-а-а-а-а!!! — и, рухнув наземь, покатился по ней от нестерпимой боли. Я развернулся — Танюша, сбив круговым шассе бросившегося к ней парня, вцепила ему пинок под челюсть. Прыжок — от моего удара ногой в открытый бок еще одного так швырнуло в дерево, что он отлетел от ствола в сторону и рухнул наземь.

Двое последних бросились бежать со всех ног, мгновенно растаяв в парковой тьме.

Шумела совсем рядом улица. Тоненько скулил в темноте тот, которого я ударил в виски. Один из сбитых Танюшкиными фуэтэ лежал неподвижно, второй стонал, придерживая скулу рукой. Остальные четверо не двигались.

— Мы никого не убили? — деловито и спокойно спросила Танюшка. Сумочка висела у нее на плече; я подобрал свою. — Хорошее было бы начало.

— Я мог первого убить, — я подошел к лежащему рядом с ножом парню, наклонился. — Так и есть, убил, Тань. Нож увидел — отключился...

Жалости я не испытывал. Сколько их было, этих убитых...

* * *

Такси — непривычная машина, обтекаемая и приземистая — доставила нас прямо к подъезду девятиэтажки в типичном «спальном районе». Тут, в отличие от центра, вообще

никого уже не было, только в домах часто светились окна (такси мы поймали, уйдя километра за полтора в другую часть города). Расплатились — и таксист совершенно без эмоций уехал, а мы остались стоять у подъезда.

— Странно как-то, — сказала Танюшка. — А что, если сейчас откроем, а там кто-то живет?

— Или наши нас ждут, — сказал я, шагая к подъезду. — Пошли, на месте разберемся, Тань.

— Это верно, — глубокомысленно согласилась она...

Кабина лифта была медленной и грязной. Она ползла вверх, скуля и поскрипывая. И росло во мне вместе с движением понимание *неправильности* происходящего. Может быть, поэтому я и не удивился, когда, выходя из лифта первым, увидел у дверей нашей (нашей?!) квартиры хорошо одетого толстенького смуглого человечка, от которого пахло потом на всю площадку.

Увидев нас, он широко улыбнулся, но в глазах метнулась опаска, и это было вполне естественно. По мне хорошо было можно прочесть, что я собираюсь сделать с соплеменником Абди аль Карная.

— Одну минутку! — Он выставил ладони вперед. — Только одну минуту вашего драгоценного внимания и времени! Я послан сюда, чтобы объяснить происходящее. Выслушайте меня!

— Тань, выслушаем? — коротко спросил я. Танюшка оперлась ладонью на стену возле головы араба, спросила:

— Это один из *тех*? — Я кивнул, зевнул. — Ладно. Давай послушаем.

Араб опасливо отодвинулся от нее — и натолкнулся на меня. Я улыбнулся во все зубы:

— Говори.

— Я не имею права сказать, кем он послан... — начал араб и испуганно заспешил: — Я клянусь могилой матери, что не имею права, если вы начнете меня пытаться, я просто умру, как только заговорю!.. Вы прошли испытания. С честью прошли. От и до. Вы заслужили новую жизнь. То, что вы получили — это старт. Начальный капитал. Вы можете начать с нуля. С большими возможностями.

— Ты хочешь сказать, — тихо спросила Танюшка, — что это все-таки Бесконечная Дорога?

— Бесконечная Дорога — это просто название! — взмахнул руками араб. — По-настоящему она — вот. Награда для тех, кто прошел до конца.

— Чья награда? — быстро спросил я.

Лицо араба, лоснящееся от пота, дернулось:

— Я... не м-могу... Квартира, деньги, веселая жизнь — чего еще желать молодым... Зачем столько вопросов?

Что сделала Танюшка — я толком не уловил, но араб, широко открыв рот и умоляюще выкатив глаза, сел под стеночку, а моя амазонка повернулась ко мне. У нее были печальные глаза, хотя она улыбалась:

— Ну что, Олег? Остаемся?

Я прикрыл глаза. Не знаю, откуда, но откуда-то пришло уверенное знание: мы и правда можем сейчас войти в эту квартиру и остаться в ней жить. В этом странном, шумном, суетливом мире никто не обратит на нас внимания — похоже, тут никому ни до кого нет дела, и это — самое лучшее для нас, что можно придумать. Может быть, через полгода наши соседи по площадке сообразят, что рядом с ними кто-то живет... Разве мы не заслужили этого? Сколько нашей крови — моей, да и Танюшкиной! — впитала земля *того* мира? Сколько пало наших друзей?!

— Ты, слышишь? — Я пихнул араба, симулировавшего сердечный приступ, ногой. — А где наши товарищи?

— Ой! — встрепенулась Танюшка. — Точно!

Араб открыл один глаз и искательно заулыбался:

— Но... но они тут ни при чем!.. Это — *вам*, это *ваша* заслуга... а они — там...

Я поднял глаза от его носа, блестящего капельками пота. И встретился вновь взглядом со взглядом Танюшки. Печальным был взгляд. И понимающим...

Там ведь почти не осталось тех, кто действительно был нашими друзьями, с кем вместе мы росли, с кем начинали — чужие люди, если подумать... Сейчас можно войти в эту квартиру, все-таки можно. Я включу телевизор, мы переоденемся и пойдем на кухню — вместе готовить что-нибудь вкусное. Я был уверен, что там есть и телевизор, и шкафы с одеждой, и полный продуктов холодильник на светлой, чистой кухне...

Но это были просто мысли. Красивые, которыми можно побаловаться, как игрушками.

Вот только играть-то нам уже поздно. Выросли мы. Сильно выросли...

— Вот что, — сказала Танюшка. — Нам надо обратно. Правда, Олег?

Я кивнул. И ощутил огромное, резкое облегчение. А у араба глаза полезли на лоб, рот открылся, и он несколько раз глотнул:

— Вы... — Голос его превратился в тонкий писк, он прокашлялся и начал снова: — Вы что, не понимаете?! Это *один* шанс, другого не будет! Откажетесь сейчас — и все! Навсегда! До смерти! Понимаете! До... ай!

Перехватив его под кадык двумя пальцами, я подтащил его к лифту. Нажатием кнопки отправил кабину вниз и, дождавшись, пока она остановится на первом этаже, мигнул Танюшке. Она подошла, сильным рывком распахнула двери, а я наклонил араба над гулкой шахтой:

— Мне почему-то кажется, что, если я тебя отпущу, ты разобьешься.

— По-по-поня-ал!.. — выдавил он. — Отпустите... только не туда... я сейчас... — Я пихнул его к стене, Танька со смешком отпустила створки. Араб, широко открыв рот, тер горло, потом покачал головой: — Вы глупцы...

— Обратно. — Я толкнул его ногой в бедро. — И быстро, а остальное — наше дело.

— Ваше, ваше... — вздохнул араб. — Ладно. Все. Вы выбрали...

Испуганные глаза Танюшки смотрели на меня в упор. Я, скорей всего, выглядел не лучше. Танюшка вздрогнула и вскочила — за секунду до меня.

Мы были все в том же коридоре дирижаблевой гондолы, около приоткрытой двери, где уснули.

— Это сон, Олег? — спросила Танюшка и вдруг затряслась, клацая зубами. Я обнял ее и, прижав к себе, привалился к плетеной стене. — Это сон, Олег? — повторила она.

— Нет, — тихо ответил я, лаская ее волосы и зарываясь в них лицом. Мне хотелось плакать. — Не сон, Тань...

— Почему?! — Она стиснула мои плечи. — Ну почему, Олег, ну почему же?! Нам было бы хорошо там вдвоем!

— Ты правда в это веришь? — спросил я.

Танюшка всхлипнула и тихо ответила:

— Нет, не верю... Но я сейчас ненавижу тебя и всех вообще, Олег... за... за то, что... — Она затихла.

— Тебе хорошо, — ответил я. — Ты можешь плакать.

— Мы собственными руками подписали себе смертный приговор, ты понимаешь? — еле слышно спросила Танька.

— Море! — раздался чей-то крик. — Море, пролив!

— Эй! — В коридор выскочил Димка. — Калифорния!!!

* * *

— Ну что, Пол, — я пожал ему руку, — удачи в облаках. Надеюсь, вы-то не возьметесь пиратствовать?

— Нет. — Ответное рукопожатие американца было крепким, а ответ на мой шуточный вопрос — серьезным. — Почему ты не хочешь, чтобы мы помогли вам найти своих?

— Не надо, — повторил я свой отказ, который Пол уже слышал. — Они где-то рядом.
— Интуиция? — по-прежнему серьезно спросил Пол.
— Вроде того, — ответил я.
— Без таких, как ты, — вдруг сказал Пол, — тут было бы совсем паршиво.

* * *

— Ну, конечно. Ну как же без них, — проворчал Йенс, переворачиваясь на спину и зевая. — Они не могли не испортить встречу.

— Ну, это придаст встрече определенный шарм. — Я взвел наган, а про себя подумал, что никакой это, к черту, не шарм, когда ты год не виделся с друзьями, а между тобой и ими возникает препятствие в виде этих визгливых надоед...

Видно было, что наши обосновались тут довольно давно — и прочно. Не знаю, кто выбирал место, но выбрали его неплохо. Холм с плоской вершиной был неприступен со всех сторон, кроме океана — на пятачок пляжа, отовсюду огражденный скалами, вела тропа, и там, возле удобного причала, стоял когг. Частокола на вершине холма не было, но имелась защитная стенка по грудь человеку — а больше при обрывистых склонах было и не надо. Над холмом под морским ветром вился наш флаг. Видно было, что часть наших защищает стену, а часть находится на когге. Урса — около сотни — обложили форт, а еще примерно столько же снаряжали дальше по берегу лодки.

Нас разделяло метров двести, и мои ребята и девчонки возбужденно переговаривались, узнавая друзей и подружек. Получалось, что вроде все живы, и от этого возбуждение росло и закипало, большинство уже и не пытались сдерживаться, только сейчас поняв, как они соскучились по своим.

Я нашел глазами Джека — он командовал обороной стены, я видел его страшный лук. Возле него маячил парень с автоматом — Колька, и он то и дело оглядывался на не отходящую от него светловолосую девчонку — похоже, у него с Лидкой наладилось, сумел он вылечить несчастную... Вадим виднелся на мостках причала, он что-то кричал тем, кто на когге, но ветер относил слова... В правой руке Вадима сверкал бастард.

— Ну что? — Я оглянулся на своих.

— Много урса-то, — заметил Олег Крыгин.

Видов проворчал, ритмично затачивая валлонку:

— Год за чужих без раздумий вписывались. Так что, за своих не схватимся?

— Да нет, тут и разговора быть не может. — Олег полюбовался шпагой в вытянутой руке. — Князь, как будем?

— Вон там, — я указал рукой в краге, — видите гряду?.. Позади нее можно подобраться метров на полста к холму. Там бросаемся вперед. Девчонки дают три залпа через наши головы и тоже бегут. Прорвемся и уйдем на когге.

— А в форт, вверх — как? — уточнил Йенс.

— Веревки сбросят, — безапелляционно ответил я, — куда денутся... Готовы? Пошли.

— Рось!!! — заорал я, спрыгивая с каменного уступа. Я услышал, как за спиной подхватили клич прыгающие следом ребята, упруго защелкали аркебузы девчонок... но все это перекрыл ликующий вопль Джека со стены — он орал, потрясая луком:

— НА-ШИ-И-И!!!

— Наши! Наши! — поддержали его другие голоса.

Урса офигели. Настолько, что мы уже секунд десять их вовсю молотили (а я успел расстрелять весь барабан), а они только бестолково метались и визгливо вопили. Мы раздвинули их толпу, как медицинские крючки раздвигают рану, и девчонки, не теряя времени, прорвались к самому подножию холма; сверху сбросили не веревки, а лестницы. Но от лодок уже мчалась толпа, и огонь с холма не мог ее остановить.

— Скорей! — подгонял я, перезаряжая револьвер. Юджин и Раде прикрывали меня, потом отпрыгнули в стороны, и я встретил бросившихся вперед урса огнем в упор. Девчонки

одна за другой переваливались через стенку — последние. — Поднимайтесь! — крикнул я, отрубая чью-то руку с ятаганом. — Оопп! Ну!

Йенс, Олег, Сергей и Игорь еще оставались возле меня. Я рыкнул — Йенс и Олег уцепились за лестницы по краям, их просто втянули наверх, Игорь карабкался по средней, к которой отступили — спина к спине — и мы с Сергеем. Сверху стреляли почти отвесно, не подпуская к нам урса.

— Веселуха, а?! — крикнул Сергей.

Я засмеялся в ответ, сверху Джек крикнул:

— Цепляйтесь оба! Втащим!

— Давайте! — крикнул я, вскакивая боком на лестницу. Мы с Сергеем дополнительно обняли друг друга за шеи — и полетели вверх. Я снова рассмеялся — чья-то брошенная толла царапнула по голенищу сапога, внизу разочарованно взвыли...

От Джека пахло горячей кожей, потом и сталью, а стиснул он меня так, что я задохнулся. Над его плечом я увидел Вадима — он стоял уже на палубе когга и поднимал руку в приветствии, хотя и не улыбался.

— Пусти, задавишь... — простонал я не в шутку. Вокруг хохотали, хлопали друг друга по спинам и плечам, обнимались, даже, кажется, целовались и плакали. Колька, бросив автомат, выставил зад над стенкой, рывком спустил штаны и заорал:

— Эй! Поцелуйте, а?! Если достанете!..

Внизу завывали сильнее. И я не знаю, как в этом шуме и гаме я услышал, как плачет Видов. Горько. Не радостно.

Он стоял на коленях над телом лежащей ничком Линды. Чуть сбоку от левой лопатки торчала рукоять толлы. Наверное, в нее попали еще у самого низа лестницы — рукоять торчала прямо, так не бросить снизу — но Линда заставила себя подняться вверх, чтобы никого не задерживать. Она даже смогла сама перелезть через стенку.

И только там — умерла.

* * *

Самое ужасное — что не веселиться было нельзя.

Смерть — частая гостья. А встречи, которым искренне радуешься — редкая...

Урса ушли. Очевидно, трезво оценили происходящее и решили не испытывать судьбу. Поэтому горели сразу несколько костров и гремело такое веселье, которое может быть только после долгой и опасной разлуки, когда обе стороны словно вновь знакомятся друг с другом и стремятся вывалить максимум новостей за минимум времени. Полуголые девчонки между двумя кострами отплясывали ламбаду под собственное повизгиванье и улюлюканье. И где-то совсем рядом, но невидимый, ревел, как прибой, Игорь:

— Кровь за кровь — то воля не людей, а богов!

Смерть за смерть — ты должен не роптать, а терпеть!

Здесь твой ад — не знаешь ты дороги назад!

Пей свой яд — ты прокуратор Понтий Пилат!..

Они довольно спокойно добрались до Калифорнии, хотя в Амазонском проливе, во время стоянки у берега, на них напали урса с лодок, а позже, когда уже выплывали в Тихий океан, схватились с огромным спрутом, принявшим «Большой Секрет» за легкую добычу. Для спрута это плохо кончилось. Когг добрался в Калифорнию еще до середины осени, и ребята сумели неплохо обосноваться на месте, которое им понравилось. Урса их больше не беспокоили, и зима, весна, да и почти все лето получились тихими. Они, как признался Джек, даже еще не начали нас ждать — мы ведь должны были появиться всяко позже.

А вот внутри команды не все было в порядке. Джек как-то вскользь об этом говорил, но я понял: они конфликтовали с Вадимом...

Вадим тоже был рад, он и не скрывал этого. Мы с ним пожали друг другу руки, он что-то сказал о шраме... и больше в тот вечер мы не пересекались, хотя я, кажется, успел потрепаться и посидеть рядом со всеми по очереди и вместе — тоже.

— Завтра снимаемся, — сказал я Джеку. — Пойдем на юго-запад, чтобы выйти к Пацифиде у экватора.

— Медленно будем идти, — заметил Джек, не возражая. — Сейчас начнутся осенние ветры, как раз встречные. Месяца два придется ползти.

— Значит, к началу ноября доберемся. — Я встал. — Пойду к Видову...

— Не надо, — подал голос Мило. — Он спать лег, я его уложил... Не трогай его, князь.

— Ладно, хорошо, — покладисто согласился я. Мне в самом деле не очень-то хотелось идти к Видову. Суровый, отважный серб в самом деле любил Линде. Бывшую разбойницу из банды Нори Пирелли, которую спас когда-то из рук освобожденных нами рабов...

— Тут много островов, — сказал Джек. — Мы кое-какие исследовали, хотя в основном в глубь материка ходили, до тех мест, где скалы начинаются.

— Мы бы там вряд ли прошли, если бы не дирижабль, — признался я. — Сверху смотрел, такая жуть...

— Может, и прошли бы, — возразил Джек. — Человек везде пройдет, где захочет.

— К вопросу о встречных ветрах, — заметил я и, зевнув, потянулся. — Пойду потанцую, что ли?

* * *

Сандра уже не в первый раз прокляла себя за эту дикую мысль — встретить возвращающихся ребят на берегу. Нет, ее можно было понять — беспокойство росло, а после докладов стражи о том, что пиратская эскадра вот уже восемь дней ходит у берегов, оно выросло до невероятных размеров. Тогда-то она и сорвалась на берег...

Сейчас она отчетливо понимала, какая это была глупость. Если бы даже на ее глазах пираты топили «Бриллиант» в виду берега — чем бы она смогла помочь, даже окажись у нее в распоряжении весь ее оставшийся отряд? А она, кроме всего прочего, взяла с собой всего двух человек...

Сейчас у них уже нельзя было попросить прощения за то, что она, графиня, их погубила. И Хэл, и Нэд погибли, защищая ее. И это была вторая глупость, допущенная в горячности. Ясно же, что двое мальчишек, даже умелых бойцов, не защитят ее от возможного нападения... но она, обязанная думать о своих людях, не подумала о том, что пираты могут оказаться и на суше. Сознание как-то прочно связывало их с морем.

Глупость. Преступная глупость, за которую она скоро поплатится сама...

Мальчишки хорошо ее защищали, горько подумала она, глядя на пять трупов пиратов, лежащих вокруг неподвижных тел Хэла и Нэда. Они в самом деле были лучшими бойцами... Еще двое держались, хорошо зацепленные, за спинами пятерых своих товарищей.

Но ей лично хватило бы и двоих раненых врагов... Прижимаясь лопатками к нагретой солнцем скале и сжимая в руке корду, Сандра с отчаяньем понимала, что успеет нанести разве что несколько хаотичных ударов, которые легко отобьют, а потом — обезоружат и скрутят. Она не боялась, что эти ребята сразу бросятся ее насиловать. Скорее всего, утащат на корабль и будут шантажировать ее людей. Это было едва ли не страшнее насилия.

Нападать пираты не спешили. Окружив девчонку полукольцом, держа наготове оружие, они переговаривались — не насмешливо, не похотливо, а серьезно и спокойно, прикидывая, очевидно, как ее ловчей скрутить. Мальчишки были загорелые, голые до пояса, с увязанными в одинаковые «хвосты» волосами и высокими брассардами из жесткой кожи, вооруженные тоже одинаково — тяжелыми палашами, тесаками на поясах и томагавками в петлях. Старшим было лет по шестнадцать, младшему — примерно двенадцать-тринадцать. Общей у всех была и татуировка на левом плече: тройная молния в перевернутой пятиконечной звезде. Сандра вспомнила, как Хэл говорил о таком значке — люди Сатаны,

грозы Тихого Океана...

Какие-то обрывки мыслей забивали голову, ни одну не удавалось додумать до конца. Страх. Страх, вот что это — страх... Страх и беспомощность. Высшая степень, последняя степень беспомощности. Когда *совсем* ничего нельзя сделать.

СОВСЕМ.

В первую секунду Сандра не поняла, что произошло. Просто темная стремительная молния вдруг ударила откуда-то сверху в грудь двум стоящим ближе остальных пиратам — и тех швырнуло на гальку, а остальные шарахнулись назад. Едва ли они испугались (Сандра испугалась куда больше!), но происходящее было крайне неожиданно.

Заторможенный от ужаса мозг девчонки не сразу отметил реалии и расставил акценты. И только через какое-то время — кажется, очень долгое! — Сандра осознала происходящее.

Молнии не было. Конечно. Был мальчишка, прыгнувший со скалы над головой Сандры — ногами в грудь тем, кто стоял ближе (пираты, тяжело дыша, поднимались на ноги; один из них тянул воздух открытым ртом и придерживал грудь). Мальчишка незнакомый, но...

Но — в голове Сандры вихрем пронеслись определения, и каждое из них подходило незнакомому чок в чок. Быстрый? Опасный? Уверенный? Страшный? Ловкий?

Все было правдой.

Среднего роста, одетый в кожаную, расшнурованную на груди куртку с широкими рукавами, вытертые штаны и сапоги с ремнями, мальчишка стоял, широко расставив ноги и уперев руки в бедра — длинноногий, расслабленный, голова наклонена к левому плечу. Темные волосы волной падали чуть ли не до лопаток, густые, спутанные. Их стягивала над бровями широкая, лоснящаяся от вьевшегося пота кожаная повязка. За поясом торчала грубая крага, на перевязях висели палаш, дага и... револьвер. Сандра видела его лицо — правильное, смуглое от вьевшегося в плоть, не в кожу даже, загара, с высокими скулами, решительным подбородком, широкими бровями вразлет и прищуренными янтарно-кариими глазами. Красивый мальчишка. Портил его только перебитый когда-то нос, да еще на лбу белой тонкой линией виднелся шрам. Хотя... еще больше портила его улыбка. Веселая такая. Красивая. Радушная. Страшная.

— Доброй охоты, — сказал он пиратам, мельком глянув на Сандру. Сказал по-английски, с небольшим акцентом, но совершенно правильно. — Я никого не ушиб?... Леди... — Он так же мельком поклонился Сандре. — Я помешал разговору?

— Спаси! — вырвалось у Сандры. Глупо вырвалось, и пираты захохотали — спятившая от страха девчонка, растерявшая весь свой гонор, просила одного спасти ее от семерых. Мальчишка тоже засмеялся — хорошо так, весело, еще раз поклонился Сандре:

— Леди... Я так понял, эти ребята вам не друзья?

— Они убили моих людей! — выкрикнула Сандра, сама только сейчас понявшая всю глупость своей просьбы. И, набравшись мужества, со слезами закричала: — Беги, мальчик! Они и тебя убьют!

— Меня? — Темноволосый мальчишка лениво *перекатил* голову на другое плечо, осмотрел пиратов оценивающим взглядом и вынес вердикт: — Не думаю... Джентльмены, я прошу вас покинуть этот пляж.

Это было не предложение. И не шутка. Это было *требование*. И требовал человек, *привыкший* требовать. Но, что было еще более странно и страшно — он не насмехался, называя пиратов «джентльменами». Он в самом деле предпочитал быть вежливым. До последнего.

Эти семеро не поняли того, что поняла Сандра.

И это их погубило. Хотя они еще могли спастись — уйдя. Но им — семерым против одного! — казалась смешной сама эта мысль. Настолько смешной, что они и засмеялись, идя вперед...

Сандра не была хорошей фехтовальщицей, да ей это и не было нужно. Но схваток она навидалась достаточно. Так вот. Темноволосый мальчишка *не дрался*. Он даже оружия в

первые мгновения не достал. И не потому, что не успел или не смог.

Не захотел...

Палаш медленно, величаво *выплыл* из правой руки первого, замахнувшегося на незнакомца — и с коротким хрустким звуком вошел в живот набежавшего следом, а хозяин палаша начал падать, но не успел: руки человека, которого он хотел убить, его удержали. Пират недоуменно открыл рот, вися на руке своего противника. Перевел взгляд на собственный локоть. Увидел торчащие из окровавленных мышц острые, розовые обломки костей.

И только после этого закричал — истошно, бессмысленно, протяжно, ощутив дошедшую до сознания боль. А в следующий миг этот вопль оборвался — полусогнутая ладонь темноволосого мальчишки с быстротой молнии врезалась ему в переносицу костяшками пальцев.

Тело еще не успело рухнуть на гальку, а неожиданный защитник Сандры, перескочив через него, в прыжке столкнулся с третьим бойцом, метнувшимся навстречу. Левым локтем небрежно отшвырнул вооруженную руку врага... а правая рука с пальцами, скрюченными, как когти зверя, безжалостно вцепилась пирату в лицо, и тот покатился по берегу, дико вопя и закрывая лицо ладонями.

Вот теперь темноволосый, приземлившись на ноги, выхватил оружие... нет, не выхватил. *Достал*. Скрестил перед лицом палаш и дагу. Поднял скрещенные клинки над головой. И перетек в боевую стойку, как живая ртуть.

Томагавки в него метнули сразу двое. От одного темноволосый лениво (!!!) уклонился, и тот лязгнул где-то в камнях. А второй...

Сандра видела, как этот ненормальный выронил дагу. Разворачиваясь на пятках, поймал томагавк за рукоять. Продолжая круговое движение, послал его обратно. И, завершая поворот, *поймал* дагу, которая *не успела* упасть.

С томагавком между глаз в прибрежную воду молча свалился его хозяин — один из двух раненых.

«И их осталось трое», — вспомнилась Сандре, окаменевшей у скалы, строчка из песенки про урсаитят. Было семеро. Только что. А осталось трое.

С начала схватки прошло несколько секунд.

Кажется, до этих троих — оставшихся — только сейчас дошло, что происходит. Да и то — по тому, как они переглядывались, было ясно, что они и сами не верят в это произошедшее. А увериться окончательно этот мальчишка им просто не дал.

Визгливо вскрикнула скрецающаяся сталь, разбрызнулись всея искр. Сандра увидела, как один из пиратов, чтобы удержать захваченный дагой палаш, смешно побежал вокруг темноволосого — сперва просто так побежал, а потом уже без головы. Второй падал, зажимая руками вспоротый живот. Последний, и так уже раненый, пытался, не сводя глаз с клинков противника, на которых не было ни следа крови. Челюсть мальчишки прыгала, он зажмурился так, что веки задрожали, и уронил палаш, когда дага темноволосого потянулась к его животу...

Темноволосый негромко хмыкнул, и надо было слышать, сколько прозвучало в этом коротком фырке презрения. Дага быстро дернулась... и вместо вываливающихся к ногам пирата кишок к ним свалились его клешеные штаны.

Дага перерезала ремень.

Темноволосый символически вытер о рукава куртки свои клинки — серые, в царапинах и щербинах, но с кромками, заточенными до нестерпимого серебряного сияния — и, не глядя, вбросил их в ножны. Деловито оглядел поле боя... вернее — побоища. Тот, кого он ударил пальцами в лицо, хрипло стонал, не отводя окровавленных ладоней от лица, и Сандра с содроганием поняла, что темноволосый играючи выбил ему глаза. Парень со вспоротым животом корчился возле собственных внутренностей. Остальные лежали неподвижно; если кто-то и был жив, то предпочитал не подавать никаких признаков этой самой жизни.

— Не стой столбом, — приказал спаситель Сандры последнему оставшемуся в живых,

который только теперь осмелился открыть глаза, не веря, что еще жив. — Подбери штаны... тем более, что гордиться там тебе особо нечем. — Мальчишка побагровел так, что из глаз брызнули слезы, а Сандра неожиданно для себя хихикнула. — И посмотри, что с твоими друзьями.

После этого он, повернувшись к Сандре, слегка поклонился. Молча. Выпрямился. Сандра только теперь полностью, как следует, рассмотрела его лицо. И поняла, что он младше, чем показалось сперва — хорошо, если есть четырнадцать лет. Другой вопрос — *сколько он ЗДЕСЬ?*

— Это твои люди? — Он указал подбородком в сторону Хэла и Нэда.

Сандра закусила губу, но справилась с собой и кивнула:

Да... Они защищали меня и погибли... Ты кто?! — вырвалось у нее наконец.

— В данном случае это не важно... — Мальчишка покусал уголок губы. — А важно следующее. Первое — мы не сможем похоронить твоих ребят. Второе... ты умеешь хорошо бегать?

Подтолкнутая чем-то изнутри, Сандра оглянулась. И увидела, как метрах в ста, не больше, из-за скал один за другим выскакивают не меньше двух десятков пиратов. Щелкнул выстрел, и пуля, с визгом от ricochetовавшая от камня, заставила девчонку рвануться вперед, мимо своего спасителя...

Живет в согласье с временами
До хлеба жадная толпа,
Но тайно властвует над нами
Любовь, которая слепа.
Тому — венец, иному — плаха,
Она решает сгоряча.
Бела крахмальная рубаха
Бунтовщика и палача.

Очерчена обломком шпаги
Граница света с темнотой —
На белой гербовой бумаге
Поставлен росчерк завитой.
Так проверяются кумиры
На верность высшей из присяг.
Мальчишки, первенцы, задиры.
Последний вздох, последний шаг...

Да, да, конечно, все на ощупь,
Все наугад, все второпях:
И этот снег, и этот росчерк,
И горький привкус на губах.
Но все ж, не надобно юродства,
Пока у подданных любви
Блаженный гений благородства,
Как чертик, мечется в крови.

А. Медведенко

Идиотизм положения был в том, что мне пришлось бежать в обратную сторону от бухты, где стоял «Большой Секрет». Двойной идиотизм — в том, что я отправился на прогулку один. Хотя — это все то же дырявое счастье...

Девчонка неслась рядом со мной. Хорошо бежала, если честно — страх подгонял,

наверное, а я на бегу подумал, что это может быть та самая Сандра и в некоторой степени мне повезло: не каждый раз удастся вот так познакомиться. Хотя я бросился ей на помощь просто потому, что бросился.

Наличие у преследователей ствола меня резко нервировало. Они держались все в той же сотне метров и почему-то не особо старались приблизиться, но и не отставали. Такое поведение вызывало смутное беспокойство. Оно сильно напоминало...

«Поведение загонщиков», — додумал я, резко останавливаясь, потому что метрах в двухстах впереди из-за скал высыпали, разворачиваясь в цепь, еще не меньше двадцати пиратов. Сандра, со свистом дыша, остановилась тоже. У нее были отчаянные глаза.

В полукилометре от берега я только теперь заметил корабль. Пока бежали, краем глаза я видел что-то такое, но не оборачивался, да и походило это на скалу из-за неподвижности. Теперь же я видел, что это драккар. Узкий и длинный, со снятой мачтой и убранными веслами, он лежал на воде совершенно по-особому, как никогда не лежат другие корабли, похожий на затаившегося зверя. На миг мелькнула дикая, но обнадеживающая мысль — а что, если это пропавший Тиль или бог знает каким ветром занесенный сюда Лаури?! Это было бы слишком большой удачей. Но к людям, плавающим на драккарах, у меня сформировалось доброжелательное отношение.

— Надо плыть! — крикнул я девчонке, бегом входя в воду. — Скорей!

— Это твой корабль? — Она следовала за мной и, судя по ее движениям, в воде моя новая знакомая чувствовала себя куда уверенней меня. Я-то научился плавать очень неплохо, но полюбить это странное занятие так и не смог.

— Это *не их* корабль, — ответил я, отталкиваясь ногами, — и это сейчас главное...

Что-то увесисто ударило по воде слева от меня, и почти одновременно я услышал выстрел. Через секунду — следующий, и меня ощутимо дернуло за левое плечо. Не теряя ни секунды, я нырнул — и избежал пули в голову, удар которой едва не порвал мне под водой барабанные перепонки.

Бросаться за нами в воду эти ублюдки не спешили, хотя почти половина зашла в нее — кто по колено, кто по пояс. Оглядываясь, я увидел мальчишку с винтовкой — тонкий ствол поблескивал на солнце, но больше он не стрелял. Зато у нескольких человек были арбалеты или аркебузы, а на таком расстоянии они не менее опасны, чем винтовка.

Девчонка ныряла, часто, надолго. Я так не мог. Выгребая, видел вдоль борта драккара нескольких человек — голые до пояса, они навалились на планшир и наблюдали за происходящим, как из первого ряда кинотеатра. Я отрывисто подумал, что это будет обидная смерть — в спину пулей или болтом на глазах у равнодушных зрителей. Для них это, как ни крути, кусочек совершенно чужой жизни, даже интересно, как на сцене...

Короткий удар в плечо был почти безболезненным, но я вдруг понял, что не могу загрести левой рукой и начал удивленно тонуть, поворачиваясь боком. Вокруг расплывалось быстро бледнеющее облачко крови. Девчонка поддержала меня, но я крикнул:

— Плыви, я сам! — и, стиснув зубы, заставил себя взмахивать рукой. Выше левой лопатки при каждом движении остро вспыхивала, толкаясь в кость, безжалостная боль. Но я давно уже привык не обращать внимания на физическую боль и спокойно терпеть ее.

В нас стреляли снова, но мы уже здорово удалились от берега, и пули давали большой разброс, шелкая в стороне по воде. Зрителей на борту драккара стало больше, слышались реплики — в основном на английском языке:

— Гребите, гребите...

— Девчонка-то лидирует...

— Интересно, что они не поделили?..

— А сейчас узнаем...

— Какой стиль, а?!

Реплики были не то чтоб дружелюбные, но и не враждебные — нейтральные. Видно было, что парням скучно и они рады развлечению. Сандру (если это все-таки была та Сандра) уже дружно тащили на борт в шесть рук. Плечо жгло и крутило, словно в него

всадили раскаленный стальной прут, но я, пересиливая себя снова, поднял обе руки и успел оттолкнуться ногами от борта. Меня без особой осторожности, но ловко перевалили на кормовую площадку, на теплые, пахнущие смолой доски — и почти тут же стащили ремни с оружием. Я дернулся, но меня удержали за здоровое плечо, кто-то сказал добродушно, но решительно:

— Нет уж, погоди, мы сперва должны разобраться, кто ты такой...

— Ты что, украл у них девчонку? — спросил еще кто-то, но третий голос негромко, быстро и отчетливо сказал:

— Эрл Нэд, — и все разом умолкли, расступаясь.

Я повернулся в сторону идущего к нам по скамьям человека. И с трудом сдержал стон — не боли, а досады. Дырявое счастье не исчерпало себя. Такое себе и представить было трудно, но вот поди ж ты...

— Валькнут, а? — тихо сказал я по-русски.

Тот, кого называли «эрл Нэд», тряхнул длинными русыми волосами. Его глаза холодно смеялись.

— Валькнут, — согласился он на том же языке. Мне почудился смех и в его голосе, но точно я ничего сказать не мог. Я не видел его губ.

Нижняя часть лица мальчишки была закрыта жесткой кожаной маской.

* * *

— Ну и что мне с тобой делать? — Нэд Кардиган поставил босую ногу на борт.

— Девчонку не трогай, — попросил я, опираясь рукой на верхнюю доску. Левая у меня висела, как плеть. — Мы познакомились четверть часа назад... А со мной решай, как хочешь. Только, если можно, отдай оружие.

— Я Сандра Баллок, графиня этих мест, — подала голос девчонка, и я отметил, что не ошибся. Корду у нее, кстати, тоже отобрали. — Этот человек спас меня от пиратов Сатаны. — Нэд остался непонимаем. — Он твой враг?

— Ну как сказать... — Нэд пожал плечами. — Мы виделись всего один раз. Я потом три месяца хромал, но, в конце концов, я тоже наделал в нем дырок. А вот то, что из-за него я пропустил одну из самых грандиозных битв в моей жизни, меня обидело очень сильно... Я Нэд Кардиган, леди, если вам это имя что-то говорит... не говорит? Жаль, но это не важно... С вами-то мы решим потом, а вот с тобой, Олег?... Может, и правда — бросить тебя обратно?

— Ты не сделаешь этого! — крикнула Сандра. Нэд двинул бровью — и ее почтительно, но решительно утащили на нос. Кардиган задумчиво проводил девушку глазами, потом повернулся ко мне:

— Ты что, так с тех пор и путешествуешь один? Все думали, что ты погиб.

— Не один и не погиб, но рассказывать слишком долго. — Я вдруг ощутил, что очень устал, и попросил: — Послушай, решай поскорей. Только об одном прошу — отдай оружие.

Нэд щелкнул пальцами. Рыжеволосая девчонка (а я и не заметил с ходу, что они тут есть!) подала ему мое оружие, и Нэд, удивленно щелкнув по кобуре нагана, осторожно, уважительно выдвинул клинок моего палаша из ножен на ладонь:

— Так вот ты какой вблизи, палаш Короля Поединков... Отличное оружие... — Он мельком взглянул на берег. — Интересно, если ты правда вернешься туда, сколько из них уцелеет?

— Штук пять я завалю, — ответил я. — С наганом — больше, но у них винтовка, так что не знаю...

Бесшумным движением Нэд задвинул палаш в ножны и посмотрел на меня своими страшными красивыми глазами волка-одиночки. Меня впервые с начала разговора пробрал холодок. Этот парень не обладал ни малейшей толикой жалости к кому бы то ни было. Если и существовали на свете люди, которых он любил, то это осталось в далеком прошлом... А уж жалеть он и вообще не умеет. «Что он видит? — подумал я вдруг, заставляя себя не

отводить глаз. — Жилистого темноволосого пацана четырнадцати лет со шрамом на лбу, по левой руке которого течет кровь?.. Или объект для развлечения — выбросить за борт и заключить пари, сколько *этот* продержится, скольких успеет свалить?..»

— Держи. — Я вздрогнул от неожиданности, перехватывая рукой свое снаряжение. Нэд отвернулся, словно мгновенно потеряв ко мне интерес. Вспрыгнул на корму и, поднимая широкое, массивное весло-правило, вставил его в уключину, одновременно заорав:

— А ну!.. Весла на воду! Живей, волчары!

По драккару прошло оживленное движение. Борта молниеносно и синхронно проросли пятиметровыми сосновыми лапами. Хищный зверь, спокойно лежавший на воде, казалось, приподнялся на них перед броском. Я видел напрягшиеся спины ребят, сидевших попарно на каждом из четырнадцати весел.

— А-апп! — выкрикнул Нэд, и драккар ожил, а я услышал, как Кардиган медленно, звучно затянул:

Ах, бедный мой Томми,
бедный мой Том... —

и палуба откликнулась слитным:

— О-хэй... о-хэй...
— Зачем ты покинул
старый свой дом...
— О-хэй... о-хэй...

— Эй, на драккаре! — донеслось с берега. — Отдайте парня и девчонку!

— Девчонку еще понятно! — заорал кто-то с носа. — А парня-то вам зачем?! Озабоченные?!

— Хо-хо-хо!!! — грянули на палубе три десятка здоровых мальчишеских глоток.

— Сатана с вами рассчитается! — пригрозили с берега.

Другой голос — девчоночий, задорный, как солнечный луч, играющий на воде, — откликнулся с борта:

— Он сейчас на земле! А мы на воде!

— Ха-ха-ха!!! — отозвалась палуба. Нэд молча подгрёбал своим веслом, потом перекрыл всех:

— Под парусом черным
ушли мы в набег...
— О-хэй... о-хэй...
— Все семьдесят пять
человек...
О-хэй... о-хэй...

— Олег, — окликнул меня Нэд. Я поднял голову, одной рукой затягивая ремни. — Куда тебя доставить? Где твои?

Мы смотрели друг другу в глаза. Долго. Наконец я шевельнулся:

— Я покажу, где стоит «Большой Секрет». Джек, кстати, там...

Но Нэд уже отвернулся, и снова ввинтился в небо его сильный голос...

— По ком это Дженни плачет?
— По мне... по мне...
— Ах, бедный мой Томми
спит вечным сном...

— На дне... на дне...
— Все семьдесят пять не вернулись домой.
Они потонули в пучине морской¹.

Скажи мне, гордый рыцарь,
Куда ты держишь путь?
Ведь правды не добиться,
А смерть не обмануть.
За честь и справедливость,
За безответный спрос
Немало крови лилось,
Немало лилось слез.

Камень-гранит в поле лежит,
Выбрать дорогу камень велит:
Кого судьба помилует,
Кому поможет щит.
Вправо пойдешь — шею свернешь,
Влево пойдешь — сгубишь коня,
Прямо — спасешься сам, но убьешь меня.

Ни в селах, ни в столице
Не верят в чудеса,
От этой правды, рыцарь,
Не скроешься в леса.
Сними же с глаз повязку,
Брось меч, не мни ковыль.
Ты сплел из жизни сказку,
А мы из сказки — былъ.

Принцессы лыком шиты,
Злодеям не до них.
И коль искать защиты,
Так от себя самих.
Ступай же мимо, конный,
В том нет твоей вины,
Что нам нужны драконы,
Которым мы верны.

Камень-гранит в поле лежит,
Выбрать дорогу камень велит:
Кого судьба помилует,
Кому поможет щит.
Вправо пойдешь — шею свернешь,
Влево пойдешь — сгубишь коня,
Прямо — погибнешь сам,
Но спасешь меня.

Е. Бачурин

¹ Музыка А. Рыбникова, слова Ю. Кима.

— В Новом Свете резко повышенная процентность сволочей.

— Это сказал Йенс — спокойно, задумчиво даже. Я услышал это сквозь шум крови в ушах — Ингрид вырезала из меня застрявшую у лопатки пулю, — но потом вдруг подумал, что Йенс прав. Как это ни неприятно — прав. В Старом Свете банды из белых были исключением (именно банды, а не те, кто просто что-то имел конкретно против таких же конкретных групп). Тут, в Америке, бессмысленный бандитизм был обычным явлением и носил характер именно жестокости ради жестокости. Явно что-то было не в порядке с местными ребятами...

«Конкеррор» — так назывался драккар Нэда — стоял в бухте бок о бок с «Большим Секретом». Мы уже знали, что Кардиган возвращался из кругосветки, а драккар построил полтора года назад, «устав от суши». А еще знали, что «Бриллиант» Сандры люди Сатаны пустили на дно. Обломки судна Нэд видел неподалеку от этих мест, только тогда не мог определить, что это значило.

Сандра выглядела убитой и встревоженной. В ее поселении оставались еще почти четыре десятка человек, из которых половина — девчонки, и не оставалось сомнений в том, что именно туда и направляются пираты.

— У них не меньше двухсот бойцов, — твердила девчонка. — И три каравеллы. Мои просто не смогут отбиться, понимаете вы?!

— Понимаем, — заметил я и добавил: — А кто такой вообще этот Сатана? У него имя-то есть?

Растерянное молчание было мне ответом.

— Ясно, — буркнул я. — Три каравеллы, две сотни бойцов, гнуснопрославленный пират, а кто — бог его знает, плавает тут и плавает... Превосходно. Великолепно. Отлично.

— По крайней мере, мы знаем, где его искать, — невозмутимо сказал Нэд. — Он наверняка отправится к острову Сандры.

— О боже! — Девчонка зажала рот обеими руками.

Ленка Чередниченко презрительно фыркнула, я бросил на нее сердитый взгляд и быстро повернулся к Нэду:

— Эти слова значат, что ты собираешься его искать?

— А как же? — искренне удивился Нэд.

Джек с грохотом спустил ноги с фальшборта. Глаза у него были радостно изумленными. Нэд ответил ему невинным взглядом. Йенс откровенно скалился. А Нэд, глядя на Джека, вдруг сказал по-английски:

— И да будут эти камни свидетелями того, что я подниму свой клинок лишь в защиту справедливости...

— И да будут эти камни свидетелями... — откликнулся Джек растерянным и благодарным эхом.

— Погодите, постойте, — вмешался я. — Очень рад видеть единение духа старых друзей. Я не шучу. Но у меня тридцать — всего! — человек. С девчонками. Сколько у тебя, Нэд? Тридцать два? И у Сандры сидят в крепости или там где еще два десятка бойцов. Итого — чуть больше восьмидесяти. На каждых двоих наших пятеро пиратов. Допускаю, что мы умеем сражаться лучше, хоть и не факт. Но треть из наших — девчонки, и мне не хочется, чтобы они погибли. Да и что останется от наших отрядов, даже если мы победим? Три человека? Пять? На большее я не загадываю.

— Это что-то новенькое, — подал голос Вадим. — Король Поединков, отказывающийся от схватки!

— Попрошу не передергивать мои слова, — хмыкнул я, кладя ногу на ногу. — Не отказываюсь и не собираюсь отказываться. Но и не подумаю повести своих людей в героическую битву, после которой никто из них не вернется.

— Тяжело посылать в бой друзей? — без интонаций спросил Нэд.

Я посмотрел на него:

— Тяжело. Но ты ошибся. Они *мои люди*, а не *друзья*, и я за них в ответе. Вот и все.

— Мальчишки, — Sandra умоляюще смотрела на нас, — пожалуйста, помогите... Ну пожалуйста, они же всех перебьют!

— Ну-ка, Sandra, — Нэд движением ноги расчистил песчаную площадку, — нарисуй-ка свой замок. Только подробно, со всеми подходами.

— Интересно, — прошептал Джек мне на ухо, — как она управляется со всем хозяйством? Не производит она впечатления вождя...

— Завхоз, — так же тихо ответил я. — Как наша Ленка... или Радица вон. Могу поспорить, что хозяйство у нее налажено от и до и жизнь процветающая, вот и не выдвинулся настоящий вождь... Слушай, Джек, а Нэд зачем просит план чертить? Он может что-то придумать?

— Он может, — усмехнулся Джек. — Ты там у себя не слышал про такого великого полководца современности — Кардигана?

— Нет, — решительно ответил я. — Хотя у нас там с великими полководцами туго. Массовка.

Вокруг Нэда, склонившегося над сидящей на корточках Сандрой, толпились уже человек двадцать. Причем какие-то реплики подавал каждый второй. Я протиснулся поближе, бесцеремонно расталкивая всех рукоятью палаша.

Sandra весьма тщательно изобразила план.

— Этот ромб, — Нэд коснулся рисунка ножами шпаги, — это форт? — Sandra кивнула. — А какие укрепления?

— Ров, частокол, — пожалала Sandra плечами. — На скалы по берегу не поднимаешься... Через мели корабли тоже не пройдут. Мост если успели сжечь, то и со стороны маяка сразу не подойдешь, речка очень бурная... В сущности, высадиться можно только вот в этом узком заливе. — Она тоже действовала кордой в ножнах, как указкой. — Тут по обеим сторонам поля.

— Мели — это сколько? — уточнил Нэд. Sandra нахмурилась, вспоминая, потом уверенно сказала:

— Не глубже двух ярдов.

— Значит, каравеллы не пройдут, у них осадка минимум восемь футов, — заключил Нэд. — А у моего драккара — пять. С полной загрузкой — чуть побольше.

— Ты что придумал? — спросил я, наклоняясь.

— Ночью пройти вот здесь. — Нэд указал на мель с западной стороны острова. — К бухте, где река впадает в океан. Замаскируем драккар и высадимся. Тайно. Одно дело шестьдесят против двухсот в полевом бою. Другое — если эти двести про тех шестьдесят вообще не знают.

— Положим, знают, — сказал Джек. — И драккар твой видели, и как ты Олега с Сандрой на борт принимал... Но ты прав, — неожиданно заключил он, — подобного там не ждут.

— Давайте сначала выясним, — я распрямился, поправляя перевязь палаша, — все ли согласны участвовать в этой маленькой войне.

— Ты считаешь — это необходимо? — удивился Нэд.

Я твердо ответил:

— Для моих ребят — да. Я хожу в бой только с теми, кто хочет идти со мной. — Оглядевшись, я увидел, что все наши, в сущности, уже тут. — Ну что же, вы все слышали, что мы собираемся делать. Желаящие — а точнее, нежелающие — могут отказаться.

На меня со всех сторон смотрели совершенно спокойные глаза людей, для которых понятие отказа от схватки уже просто внутренне не формулировалось.

* * *

Полная луна прыгала по моему клинку, раскручивавшему вихри вокруг меня. Войдя в

ритм, я кружился по всей полянке, заставляя оружие в обеих руках совершать независимые от моего движения обороты. Со стороны — и я это знал — я сейчас напоминал многоуровневую фрезу, к которой нельзя подойти без риска быть втянутым в это вращение — и погибнуть.

Куст, до которого я не дотянулся кончиком палаша, подскочил и завалился на сторону. Кружение продолжалось, я начал прокручивать перевороты и сальто, не переставая работать оружием, пока вокруг меня не повис *зримый* серебристый кокон отраженного от клинков лунного света — непроницаемый и ровный...

— Тебя можно победить?

Я мягко приземлился на носки и, бросив клинки в ножны, улыбнулся стоящей возле кустов Сандре. Луна светила девчонке в спину, но я узнал ее по фигуре.

— Не знаю, — ответил я. — Но до сих пор я не проиграл ни одного поединка.

— Я не видела еще таких бойцов, как ты, — она подошла ближе. — Ты мог бы научить меня?

— Я не стал бы учить тебя, даже если бы у меня было время. — Мокрой ладонью я убрал со лба волосы. — Девушек должны защищать парни.

— Твоя зеленоглазая не умеет драться? — слегка раздраженно спросила она.

Я дернул углом рта:

— Мы очень долго были в разлуке. Она мстила за меня и выучилась драться очень неплохо. Тебе что, есть за кого мстить, графиня?

— Может быть, и есть! — с вызовом бросила она мне. Я протянул руку, взял не успевшую отшатнуться Сандру за подбородок (она расширила глаза) и уверенно бросил:

—Het.

— Ты читаешь по глазам? — быстро и зло спросила она, высвобождаясь.

— Я скоро семь лет здесь, — весело ответил я, и, похоже, это веселье ее оскорбило.

— Парни из Европы — это что-то непостижимое, — сказала она. — А русские — самые безумные из всех... Покажи палаш.

Я поддел гарду пальцем и, перекинув палаш на ладони рукоятью влево, протянул девочке.

— Не боишься? — спросила она. — Ты подал его так, что не можешь быстро схватить и ударить... о!

Палаш в моей левой руке замер точно перед ее носом, острием в луну.

— Я правша, — спокойно объяснил я, — но и левой умею владеть...

Сандра крутнулась на пятках и метнулась прочь. Я еще какое-то время пытался продолжать упражнение с клинком, потом засмеялся, плюнул, не поймал палаш ножами, плюнул снова. Повернулся, пошел к лагерю, чтобы хоть часок поспать — и нос к носу столкнулся с Танюшкой.

— Тань? — чуть удивился я, и ее корда наискось прижалась к моей шее слева. Глаза у Танюшки были бешеные.

— Я тебе сейчас горло перережу, — тихо сказала он. — Что вы там обсуждали с этой кkkkkkkкrrrrrrровой?! Быстро отвечай!

— Режь, — сказал я, чувствуя с каким-то непонятым наслаждением, как бритвенной остроты клинок надсекает самой своей тяжестью кожу, и щекочущая струйка крови тонко побежала по шее.

— Она уговаривала тебя остаться?!

— А? — до меня дошло, что Танюшка права. — Да, пожалуй...

— И?! — верхняя губа Танюшки приподнялась.

— Я согласился, — пожал я плечами. Глаза Танюшки полыхнули, и я на миг пережил свою смерть. Потом клинок откачнулся, и девчонка облегченно вздохнула, проведя рукой по глазам:

— Издеваешься... Ой, я тебя порезала!

— Да, вот странно, правда? — иронично спросил я и напрягся: — Ого! — Язычок

Танюшки прошелся по шее снизу вверх. — У тебя задатки вампира... Носферату, помнишь, нам рассказывали? — Ее язык крался выше, выше и оказался в углу моих губ. Требовательно отвердел. — Я думал, мне удастся поспать еще хоть час... — Голос у меня сорвался, потому что побоялся прикусить Танькин язык.

— Прости. — Она отстранилась. — Я ревнивая дура... Это у меня с тех пор, как ты пропадал, а в небе светило черное солнце... как гаснущий уголек... Я не могу потерять тебя, Олег... не хочу... не сейчас... не так...

Она задыхалась, и я увидел на ее глазах настоящие слезы.

— Что я без тебя, Таня? — тихо спросил я.

— Слышишь? — Она улыбалась сквозь эти слезы. — Наши поют... Значит, все правильно, да, Олег?

Со стороны лагеря несло хоровое:

— Ничего на свете лучше нету,
Чем бродить друзьям по белу свету!
Тем, кто дружен, не страшны тревоги —
Нам любые дороги дороги!
Наш ковер — цветочная поляна,
Наши стены — сосны-великаны,
Наша крыша — небо голубое,
Наше счастье — жить такой судьбою!¹

А чуть подальше откликались по-английски ребята Нэда:

— Если ты и смел
и честен —
руку, друг, тебе мы
подаем.
Встанем, как один —
все вместе!
Будь уверен в нас —
не подведем!
Нам, дружище, пора
в бой — во имя добра!
Знай — повсюду друзья с тобой!
Смелее в бой!²

— Значит, все правильно, Тань, — отозвался я, увлекая ее на колющий кожу острый прибрежный кустарник, хрустко промявшийся под нашими телами...

Вышедшая в зенит луна холодно смотрела на лежащих среди измятых веток обнаженных мальчика и девочку, все еще обнимавших друг друга. Наконец, мальчик, продолжая ласкать свою подружку, со стоном подался чуть назад и в сторону. Девчонку сотрясла тягучая, сладостная судорога, она сдвинулась следом за пареньком, стараясь удержать в себе то, что доставляло такое наслаждение, но потом со вздохом повалилась на спину. По ее лицу блуждала потерянная улыбка. Мальчик нагнул голову и принялся ловить губами ее сосок. Лицо у него было сонным и усталым, но счастливым.

Неподалеку печально и негромко, но очень ясно гудела волынка, выводя в чьих-то умелых руках мелодию, прозрачную, как эта лунная ночь. Многим, кажется, не спалось...

¹ Музыка Г. Гладкова, слова Ю. Энтина.

² Музыка И. Цветкова, слова К. Рыжова.

— Может быть, мы опять лезем не в свое дело? — тихо спросил я, осторожно, нежно лаская пальцами плечо и шею Танюшки.

— Поспи, — она не ответила на мой вопрос, — у тебя еще есть время. Я разбужу, когда надо будет грузиться.

Я вздохнул, устраиваясь удобнее и уже уплывая куда-то в звонкую тишину. В самом деле, почему бы не поспать? Танюшкины пальцы гладили мои волосы, но не как в любовной игре... а я вдруг вспомнил почему-то маму, хотя она никогда не гладила меня по голове... расчесывала прядь к пряди мои жесткие, спутанные волосы, темные от природы, но давно выгоревшие до цвета старой меди — так прочно, что даже зимы не могли вернуть им прежнего цвета.

— Солнце за море ушло —
спа-а-ать... —

успел я услышать голос Танюшки, прежде чем заснул совсем...

Таня не спала. Она продолжала поглаживать волосы Олега, стараясь больше ничем не шевелить даже легонько, чтобы невзначай не разбудить его. Олег ровно, тихо и сильно дышал, и от луны лежали на его скулах черные полукружья теней ресниц. Он спал так доверчиво, незащитно, полностью положившись на нее, что у Тани от нежности перехватило горло.

— Он вернется живым, — Танюшка подняла глаза к диску луны. — Он вернется живым, слышишь?!

Олег завозился.

И через секунду на берегу затрубил рог.

* * *

На драккаре мне удалось поспать как следует. Я просто-напросто растянулся на корме, натянул на голову кожаную покрывку и отключился без снов и ощущений.

Когда я проснулся, было за полночь. Драккар двигался ходко, солнце пекло, во сне я вспотел.

Все, кроме смены гребцов, спали тоже. Хотя — нет, не все. Нэд сидел на корме, а Джек — прочно держал кормовое весло. Они негромко разговаривали. Совершенно спокойно, как и положено разговаривать старым друзьям. Если не считать, что маску Нэд носит, потому что Джек когда-то снес ему часть нижней челюсти.

— Добрый день, — я сел. — Что у нас за бортом?

— Вода, — отозвался Джек, передавая весло Нэду. Ловко вскочив на борт, он неспешно перебрался на нос и устроился там, возле самой головы, а я поднялся на корму. Нэд отстраненно посмотрел на меня, небрежно опираясь на резную рукоять.

— Выспался? — неожиданно спросил он.

— Ты сумеешь провести драккар по мелям? — вместо ответа спросил я.

Нэд наклонил голову, чуть переложил весло и сильным голосом затынул:

— Я ворона вижу, он черным крылом
Взмахнул и поднялся за белым орлом...

— Ворон-викинг,
Ворон-викинг! —

отозвались на веслах.

— Я вижу, как в небо они поднялись,

Как спутались когти, как крылья сплелись! —

отозвался с носа Джек, ловко сев вполоборота, а палуба отозвалась:

— Ворон-викинг,
Ворон-викинг!
— Орлиные крылья вороньих сильней,
Орлиные когти вороньих острей —
И падает ворон, орел одолел, —

пел Нэд, щуя глаза в даль моря, —

Он сел на скалу и победу воспел!
— Но ворон оправился, взмыл на скалу —
Страшный удар он наносит орлу! —

Джек в рост поднялся на носу и улыбался:

— Ворона клюв —
Викинга меч!
Орлу он срубает
Голову с плеч!
— Ворон-викинг, —

ухнула палуба, —

Ворон-викинг!¹

«Ну что ж, — подумал я, — не худший вариант, если подумать».
А вода, взбитая веслами в пену, бежала за бортом от носа к корме.

* * *

Сергей помог мне застегнуть крючки бригантины.

— Нормально?

— Нормально. — Я подвигал плечами. Спереди тихо посвистели, драккар плавным рывком придвинулся к темнеющему на фоне неба берегу еще ближе. Достав наган, я посмотрел, открыв шторку, донца патронов в барабане.

— Стрелять будешь? — поинтересовался Йенс. — Вроде бы наш брат белый...

— Случай не тот, — пробормотал я, убирая наган. — А ты прав, Йенс. Урса тут мало, потому что своих ублюдков хватает... Вот и проредим их густые ряды.

Драккар неспешно, но уверенно подбирался к берегу. Нэд не хотел рисковать, выслал вперед дозор на лодке для промеров. Своего мастерства эрл Кардиган не преувеличивал — его драккар уверенно шел над мелями, только что не скребя по ним дном, впритирку, но без проблем.

— Пожалуй, я проведу разведку, — подошел ко мне Вадим.

Я покачал головой:

— Пожалуй, я сам ее проведу... Слышишь, Нэд?

Он махнул рукой, подходя:

— Хорошо, но мы не будем ждать, пойдем сразу следом за вами. Если что, — он

¹ Музыка и слова группы «Маркиза».

подозвал одного из своих мальчишек, с рогом на боку, — трубите.

— Не надо, — отозвался я. — Вадим пойдет со мной, а у него свирель. Ждите свистка.

— Хорошо, — Нэд хлопнул меня по плечу, — и удачи. Если тебя сейчас все-таки убьют — то, честное слово, это будет обидно.

— Учту, — усмехнулся я. — Вадим, Йенс, Сергей, Джек — со мной пойдете?

— Это звучит, как вопрос, — проворчал Вадим, наматывая на кулак ремень кистеня и пряча гирьку в рукав.

— Ответ? — хмыкнул я.

Вадим развел руками:

— Конечно — да.

— Два топовых огня справа по борту, — сказали с носа. В самом деле, примерно в трех километрах от нас ритмично покачивались два огня, словно бы висевшие в небе. Раньше, чем я успел это сообразить, Нэд сказал:

— Это в заливе за мысом. Две каравеллы... Знать бы, где третья?

— Если я что-то понимаю, то северней нас, у маяка, — вспомнил я карту Сандры. — И, кажется, форт еще не взят, иначе зарево было бы вполнеба...

В темноте облегченно вздохнула девчонка.

— Пошли, а? — почти жалобно попросил Сергей, поправляя перевязи. — Замотался ждать.

— Лодка подана, прошу, — сообщили серьезно из-под наших ног у борта. — Тут рядом, сползайте, доставим.

— Табань, — приказал Нэд, уже перестав на нас обращать внимание. — Убрать весла, волчары!

* * *

Если бы я был на месте Сатаны, то, получив известие о появлении драккара, первым делом приказал бы караулить именно мели. Но этот парень — кто бы он ни был — судя по всему, оказался типичным американцем: ограниченным, самоуверенным и недалеким. Скорей всего, он просто не подумал, что «чужак» может вмешаться в местные дела. И почти так же точно, что «гроза Тихого Океана» редко встречался с европейцами.

Когда мы выбрались на берег, начинало светать — только-только, но вполне достаточно, чтобы не сбиваться с дороги. Мы выбрались к речушке, впадавшей в залив. Справа от нас начинались поля, засеянные уже налившейся золотом пшеницей, а кое-где, полосками — кукурузой.

Спереди тянуло дымом — и полевая дорога вскоре вывела нас к сожженному мосту. Точнее, он был сперва сожжен — очевидно, защитниками острова, — а потом наскоро восстановлен, просто положены бревна. На той стороне, за садовыми насаждениями, дымил подожженный маяк. А с этой видны были полдюжины сгоревших и разметанных вигвамов. Несколько человек, переключаясь, возились около трех больших, поднятых на столбы, амбаров. Три трупа лежали аккуратным рядом около берега, еще пять или шесть — просто разбросаны вокруг в притоптанной траве и пшенице. Вадим тронул меня за рукав и указал глазами на тела двух девчонок, уже безжизненные, распятые между вбитыми в землю кольями. А пацана со всажженным в голову томагавком, обвисшего на веревках у одного из опорных столбов, увидел я сам.

Ну что ж, обычные развлечения для мерзавцев, достаточно сильных, чтобы метнуть топор или «поставить» свою «палку», но *недостаточно людей*, чтобы иметь совесть.

— Около дюжины, — заметил Джек. Он не сгибал лук, а держал ладонь на рукояти меча.

— Мелочи, — небрежно сказал Сергей. — Надо только взять живыми парочку и никого не упустить... Заметили, кстати: чем больше кто-то увлекается вот такими вещами, тем хуже он сражается.

— Зайдем отсюда, со стороны поля, — приказал я, обнажая палаш и дагу. — Прижмем их к реке. Вадим, Йенс — на вас по одному пленному.

Немец кивнул. Вадим проворчал:

— Да сделаем...

Сейчас он был похож на самого себя — прежнего и ответил мне, когда я ему подмигнул.

Мы спустились с пригорка, из-за кустов на котором наблюдали, и, войдя в посеvy, бесшумно заскользили вперед.

Я опередил остальных — просто в силу привычки — и, очевидно, все-таки нашумел. Недостаточно, чтобы серьезно кого-то обеспокоить, но когда я вышел на край, то мальчишка, что-то лопавший из берестяного короба (поразительно похожего на наш, русский, туесок!), смотрел именно в мою сторону. Остальные были повернуты к нам спинами.

Я поймал глазами недоуменный взгляд пацана и, покачав головой, поднес лезвие даги к губам: «Тсс...» Но парень то ли был достаточно храбрым, а скорей просто не мог поверить в то, что появился кто-то более опасный, чем они. Туесок упал на землю (там оказались крупные ягоды). Мальчишка заорал, выхватывая палаш.

Прожил он ровно столько, сколько мне понадобилось, чтобы сделать три прыжка, после чего — я неудачно ударил, а из шеи свистнула кровь. Краем глаза я отметил, что Йенс показал — германцы умеют метать топоры не хуже, чем местные — томагавки; со ступенек одного из лабазов падал с топором в голове аркебузир.

Смешно. Похоже, они еще не верили, что проиграли.

Тот, с которым я столкнулся вторым, отбил два моих удара, третий я направил стык в стык в основание клинка. Мой палаш не подвел: рукоять его палаша с визгом разлетелась, а руку мальчишка прижал к животу, вместо того чтобы выхватить хотя бы тесак. Недоуменные — не испуганные — синие глаза мальчишки расширились, словно собираясь выплеснуться из орбит, он приоткрыл рот... и все. Я разрубил ему голову.

Больше мне драться было не с кем. Один из пиратов улепetyвал по мосткам, но Джек, подойдя к реке, не очень спешно натягивал лук, когда он положил стрелу на тетиву, мальчишке оставалось метров десять до первых деревьев, но разделявшие их с Джеком жалкие тридцать метров были просто смешным расстоянием для Путешественника.

Стрела прошила бегущего навывлет где-то в области левой лопатки и вошла в дерево. Мальчишка рухнул сразу. Джек зевнул и молча отправился за стрелой.

— Царапнули, — сказал за моей спиной Сергей, и я, обернувшись, увидел, что он затирает обильно кровоточащую рану в левом плече. — Ерунда, — ответил он на мой взгляд.

Около ног Йенса стоял на коленях мальчишка, которому он крутил руки, упираясь коленом в спину. Лицо мальчишки было искажено, в глазах закипали изумленные слезы. Очевидно, до него стало доходить, как это — когда больно. Вадим подтащил второго, уже связанного — руки у лопаток, на горле петля. Обоим пленным было лет по четырнадцать, крупные ребята (куда плечистей меня и более рослые), со светлыми волосами и глазами.

— Очень хорошо, — заметил я, вытирая палаш о штаны ближайшего убитого. Осмотрев клинок, я удовлетворенно кивнул: зубрин не осталось. Джек возвращался, досадливо махнул рукой — не смог вытащить стрелу, ясно... — Вопросы следующие. Сколько людей? Где третий корабль? Как расположены силы? Каковы планы? Где сам Сатана? Отвечаешь ты, — я указал на того, которого скрутил Йенс (он выглядел более испуганным), — и по порядку. Сколько у вас людей? Всего?

Мальчишка отчаянно огляделся и заревел уже в голос, не стесняясь.

— Это не содержательно. — Йенс ударил его коленом в спину. — Отвечай князю!

— Подними-ка его. — Подошедший Джек достал охотничий нож и распорол ремень штанов, которые упали к ногам мальчишки. Тот задергался, но Йенс врезал ему ребром ладони по почке, ругнувшись по-немецки. Джек обошел мальчишку и приставил нож к его горлу.

— Не забрызгайся, — посоветовал ему Сергей, глазами приглашая меня принять участие в *ломке*, но я... не мог. Не потому, что жалел этих двоих. Я...

Я вспомнил Город Света. И *не мог*.

Как ни странно, но мое молчание тоже «легло в строку». Видя, что я отношусь к происходящему как-то не так, мальчишка истошно закричал:

— Мистер, — как я уже упоминал, я был меньше ростом и субтильней комплекцией, — мистер, бога ради, не позволяйте им! Я все скажу, пожалуйста!!! Ну пожалуйста, умоляю вас!

— Сколько людей всего? — повторил я вопрос. Мальчишка нагнулся за штанами, но Сергей наступил на них ногой и удержал за волосы:

— Ну нет, еще ничего не кончилось...

— Сто семьдесят во... — Он сглотнул, отчаянно огляделся и поправил: — Сто шестьдесят восемь.

— Это с тобой и вот с ним, — я кивнул на второго пленного, все еще стоявшего на коленях, — или?..

— С-с-с... нами...

— Ну, это ты зря, — миролюбиво и почти весело сказал Йенс. — Значит, сто шестьдесят шесть.

— Где третий корабль? — задал я следующий вопрос.

— Там, у маяка... — Он слабо махнул рукой.

— Вы с него?

— Да, с него...

— Сколько людей у вас, где?

— Сорок восемь у нас... там, на той стороне реки, обыскивают местность, а мы передовой отряд... Остальные возле крепости...

— Сто восемнадцать, — подсчитал Вадим. — Ну, кажется, мы узнали все, что хотели.

— Не совсем, — возразил я. — Как на самом деле зовут Сатану?

Ответом мне был изумленный взгляд:

— Н-не знаю... никто не знает... да и зачем?..

— Действительно — зачем? — согласился я. — Вот теперь все... Ну что, становись на колени. — Я достал палаш. — Отпусти его, Йенс.

Йенс разжал руки, и мальчишка опустился на колени, завороченно глядя на мой клинок. Он сглатывал и облизывал губы — снова, снова, а глаза подергивались маслянистой пленочкой *последнего понимания*.

— И ты будешь рубить? — с любопытством спросил Вадим.

— Вон там лежат девчонки, — ответил я. — Ты видел, что с ними сделали? — и, отвернувшись, коленом тронул плечо пленного. — Поудобней встань, шею вытяни... Волосы убри... — Он покорно выполнял мои распоряжения, только никак не мог отвести взгляд от клинка.

— Так, все, хватит, — сказал Вадим и, отойдя в сторону, уставился в поля.

— Нервы, — сказал ему вслед Йенс. — А сможешь обоих в один мах?

— Ставьте рядом, — указал я, — сейчас попробую.

Этот парень упирался, но вяло, как-то обморочно, а когда его поставили на колени, остался стоять точно так же, как и первый. — Может, хотите помолиться? — осведомился я со смешком.

— Олег, это уже лишнее, — заметил Джек. — Хватит их мучить, они все-таки не урса. Кончаем шутить.

— Да я и не шучу, — ответил я и нанес удар...

В тишине было слышно, как блюет от страха тот, второй. Первый — что без штанов — обделался в тот момент, когда мой палаш замер, коснувшись его кожи; просто непроизвольно опорожнил кишечник, уже представив себя мертвым. Говорят, отрубленная голова еще несколько секунд видит и осознает окружающее, хотя точно этого я не знал и не

стремился проверить.

— Пачкать палаш кровью трусов я не стану. Увижу вас здесь с оружием в руках — убью. Вадим! Сигнал нашим!

* * *

Отряд, рыскавший вокруг маяка, тоже успел натворить дел. То, что сожгли сам маяк, было еще мелочью. Когда мы подошли туда, там было около двух десятков человек — примерно поровну на берегу и отшвартованной у самого берега каравелле. Остальные, очевидно, рыскали в округе. А эти, на берегу, занимались обычными делами. Несколько человек играли в самодельные карты. Трое держали стонущую девчонку. Еще один ее насиловал — как-то вяловато, уже не в первый раз, наверное. Среди обгорелых остатков маяка виднелись два или три обугленных трупа.

В ту секунду, глядя на происходящее, я подумал, что зря отпустил тех двоих.

Мы стояли за кустами и деревьями метрах в двадцати от маяка. Ждали, пока половина отряда Нэда кружным путем проберется ближе к сходням. Поэтому я хорошо видел этих ребят. Совершенно обычных, крепких, загорелых, в большинстве своем светловолосых или светло-русых, как большинство американцев. И мне вдруг до спазмов в груди захотелось, чтобы ничего этого не было. Чтобы все это исчезло. Потому что это было противоестественно и дико...

Нэд повел себя нагло. Кусты вдоль берега позволили ему с полутора десятками своих людей подойти метров на двадцать к сходням, после чего они из этих кустов просто вышли и направились к кораблю. Честно слово, они преодолели половину пути, прежде чем пираты что-то сообразили! А тут в игру вступил и я с остальными бойцами...

— Рось!!! — заорал я, первым бросаясь из кустов. За мной метнулись остальные, грозно вопя и сминая кусты.

Насиловавший мальчишка продолжал двигаться, хотя уже видел нас, — он кончал и просто не мог остановиться. Я не стал его убивать, проскочил сбоку. Со стороны корабля раздавались вопли и крик, похожий на вой умирающего животного...

Палаш — под удар, пинок ногой в пах, сзади в затылок — со всего размаху, череп разлетается мелкими брызгами... Краем глаза — как в кино, с мачты каравеллы падает флаг с тройной молнией в перевернутой пятиконечной звезде, кто-то уже забрался туда... томагавк! Отбитый дагой, он, крутясь, ушел куда-то в сторону...

— Да что ж такое?! — заорал я зло. — Опять все, что ли?!

Да, это было все. Кто-то корчился на земле, кто-то кричал, но вообще это было все. По сходням тяжело катился убитый; Нэд, поставив ногу на фальшборт, вытирал шпагу.

— Олег! — окликнул меня Вадим. — Олег, Ян убит.

У Нэда было убито двое. Трое за двадцать, если ваш противник — белый, это счет, которым можно гордиться... если один из этих троих — не ваш... товарищ.

Ян умер сразу. Его достали сбоку уколom палаша — точно меж ребер в сердце. Я стоял над убитым, пока его укладывали удобней (словно это имело значение!), и пытался вызвать в себе настоящую жалость. Не получалось. Умом я понимал, что Ян убит, что это страшно... но не получалось вспомнить что-то, что могло бы сделать его по-настоящему живым в памяти. Парень как парень...

— Тут еще два десятка, — напомнил Нэд. Он так и не убрал шпагу, держал ее на локте. — И надо действовать быстро. У меня еще один тяжелораненый, а у тебя?

Я мотнул головой. «Тяжелых» у меня не было.

— Будем прочесывать посадки до реки, — предложил я, — выйдем их по одному... Джек, возьми человек десять, идите к реке, к переправе, посмотрите, чтобы никто не ударил нам в спину...

Нэд тоже отдал кому-то распоряжение, чтобы остались и помогли Сандре, хлопотавшей над изнасилованной девчонкой и каким-то раненым парнишкой, которого

нашли на берегу.

Мы растянулись двойной цепочкой. Странно. Мне казалось, что это будет приключение. Рыцарский подвиг. Восстановление справедливости.

А сейчас — сейчас мне было противно, скучно и хотелось, чтобы все это поскорей закончилось. Я знал, что это плохой настрой для боя (а основной бой был еще впереди!), но ничего не мог с собой поделать.

— Ты что-то какой-то... — бросил Сергей, принаравливаясь в мой шаг. — Олег, что с тобой?

— Ничего сверх того что, — ответил я. — Все в норме, Сергей...

На их месте я бы попытался собрать кулак и прорваться через наш фронт. Но они, похоже, думали каждый о себе — или, может, просто погибли те, кто мог их организовать. Мы ловили и кололи их среди посадок, в кустах подлеска и высокой траве.

Я не пускал оружия в ход.

Ну их к черту. Я не поднял клинка, даже когда какой-то парень с сумасшедшими глазами бросился на меня шагов через пять, занося тесак — уклонился, ударил локтем в позвоночник... и, уже упавшего, его приколол метнувшийся ко мне Сергей.

— Ты что, Таньку хочешь навечно огорчить?! — заорал он. Я отмахнулся, промолчал. Сергей уже не отходил от меня, а мне вдруг стало смешно, если честно.

Если меня кто-то достанет, то не эти щенята, в глазах которых — только страх и обреченность... да вот же в чем дело!!! Я даже остановился на миг. Мне — *скучно*, потому что они просто не дотягивают до уровня, с которого «считается» мой противник. Все равно что комаров давить. Но, с другой стороны, они белые, и от этого скука дополняется тоскливым отвращением к убийству, которого не бывает, когда убиваешь урса.

«Обратным ходом» загребли еще троих — они где-то отсиделись и сейчас решили, что смогли спастись. Ошибались... Никто из них даже не пробовал сопротивляться, только один, самый младший, цеплялся за руки тех, кто поволок его убивать — и бессмысленно кричал западающим голосом:

— Ннние-е-еээна-а-а... ннние-е-еээна-а-а...

Я смотрел на происходящее без жалости. Просто потому, что знал: я бы погиб в бою, бросившись на клинки, даже окажись я один против сотни... а, случись мне оказаться в руках врагов, не стал бы их ни о чем просить, даже если бы они стали резать меня по суставам.

— Не убивайте их!

Все обернулись, даже трое пацанов, уже стоявшие на коленях.

— Не убивайте их! — крикнула Сандра снова, задыхаясь от долгого бега. — Не убивайте! Не трогайте их, пожалуйста. Хватит! В конце концов, это мой остров, и я приказываю... — Голос ее упал. — Я прошу... не убивайте их... пусть живут, пожалуйста...

— Оставьте их, — равнодушно сказал Нэд. — У нас впереди самое главное.

* * *

Судя по всему, начало операции мы провернули неплохо. Пора было переходить к финалу. Два десятка лучников и аркебузир во главе с Джеком снова погрузились на драккар и, обогнув западный мыс, высадились на склоне скалы, которой заканчивался мыс восточный. Теперь даже если Сатана решит вывести свои корабли в открытое море из залива, стрелы и пули не оставят на палубах никого живого. Но наши силы резко уменьшились, и это тоже был факт — неприятный уже для нас...

Отряд Сатаны расположился на двух берегах залива, под стенами форта. Причал был сожжен — очевидно, самими же защитниками. Штурмовать укрепления никто не торопился — пираты сидели или лежали, ходили или стояли на почтительном расстоянии от стен, за которыми на настиле виднелись защитники. На пустой полосе между осаждающими и стенами кое-где торчали стрелы, лежали два трупа и брошенное бревно с грубо

обрубленными сучками — таран. Очевидно, штурмовать все-таки пытались... как, впрочем, и поджечь частокол. Я разглядел торчащие в бревнах стрелы. Ну, это бессмысленное занятие. Дуб так не запалишь.

— Будем ждать ночи? — спросил Нэд.

— Нет, — отозвался я. Честное слово, еще за секунду до этого я ни о чем таком не думал, а тут вдруг само выскочило, одновременно в мозг и на язык. — Мы сделаем по-другому...

Когда я изложил Нэду свой план, он молчал около минуты, изучая меня потемневшими глазами. Потом хмыкнул и заметил:

— Вот из-за таких, как ты, Олег, мы в свое время так и не смогли продвинуть нашу границу за Урал. Эдакие вольные, шатающиеся по белу свету ублюдки, которые говорили по-английски с добротным русским акцентом... Между прочим, одного такого я посадил на кол.

— Помогло? — осведомился я.

— Ненадолго, появились двое его приятелей... Ну что ж, действуй. Если тебя начнут убивать — постараюсь выручить.

— И без тебя найдется кому, — проворчал Сергей. Кажется, он хотел что-то еще сказать, но я уже уходил. И не обернулся...

Нет, ну почему я не боюсь?

Я неспешно шагал от края поля к лагерю, держа руки подальше от эфесов и посматривая то в ясное небо, то просто вокруг, то перед собой, где уже собиралась теплая компания по встрече. Скорей всего, среди них были и те, кто тогда преследовал нас с Сандрой на берегу, так что меня должны были узнать.

Некстати заныло забинтованное плечо. Я остановился, встал на колено, поправил завязку сапога. Выпрямившись, широко улыбнулся, продолжая шагать. Я видел, что они собираются делать, поэтому не замедлил движения вперед, отбив ударом ладони направленный в голову клинок, а обратным движением разбив горе-убийце нос и верхнюю губу.

— Мне нужен Сатана, — сказал я, обводя остальных взглядом (клинки опускались). — Скорее.

Вокруг произошло плавное движение. Я смотрел теперь поверх голов и сам ощутил, какое у меня *скудное* лицо. И это не было маской. Нет.

— Ты хотел говорить с Сатаной.

Вот теперь я опустил взгляд.

— Тесен мир, — сказал Сатана. — Здравствуй, Олег.

— Здравствуй, Арнис, — ответил я.

* * *

Мы стояли на берегу залива друг против друга. И я заговорил первым:

— Ты здорово изменился. Не внешне... Я бы ни за что не подумал, что за всем этим стоишь ты. Гроза Тихого Океана...

Очевидно, он уловил презрение, прозвучавшее в моем голосе. Но не стал оправдываться или спорить, а просто спросил:

— Какое у тебя ко мне дело?

— Мелочи, — пожал я плечами, ощущая, как растет во мне ноющая боль. Не физическая, нет... — Вокруг вашего расположения сейчас находятся до двухсот человек. Четверть — с луками и аркебузами...

— Олег, — прервал он меня, — это ты расскажешь кому-нибудь другому. Не мне. Хорошо, если тут у тебя человек двадцать. Я не очень удивился бы, узнай, что ты тут вообще — *один*.

— Арнис, — в тон ему ответил я, — как ты думаешь, твои ребята поверят мне, если я

им скажу про две сотни? Мне кажется, ты нашел себе не лучшую компанию. По крайней мере, те шесть десятков, которых мы уже прикончили, не произвели на меня впечатления стойких бойцов... Мне и в голову бы не пришло, Арнис, что ты — хотя этот мир меняет людей! — мог оказаться в такой компании.

Несколько секунд он смотрел на меня и, очевидно, понял, что я говорю правду:

— Вот как... А что наши? — вдруг спросил он. — С тобой?

— Далеко не все... Долго рассказывать. Ну так как, Арнис? Устроим свалку?

— Ты-то ведь отсюда все равно не уйдешь, — сказал он. — Махну своим... и даже будь у тебя там правда две сотни — лежать тебе тут.

— Ты думаешь, меня это пугает? — удивился я.

Он снова несколько секунд изучал меня, потом кивнул:

— Не думаю... А неужели ты думаешь, что этот мир дал мне что-то, за что я должен быть ему благодарен? Мне было плохо... мне и сейчас не очень хорошо. Так почему остальным должно быть лучше?

— Не очень верится, что это ты, — вырвалось у меня. — Года три мы не виделись?

— Около того... — согласился он.

И я припечатал:

— Маленький срок тебе понадобился, чтобы стать подонком. Изнасилованные девчонки, пытки, сожженные дома — это все в отместку за то, что тебе было плохо? Тебе лечиться надо, Арнис... Прикажи своим, — я повысил голос, — бросить оружие, иначе через три минуты наши две сотни раскатают вас в блин. Оружие складывать туда, самим отходить туда, — я дважды махнул рукой, крутнулся на пятках и зашагал прочь, не оборачиваясь, но слыша, как за спиной начинается шум...

Наблюдать со стороны было, если честно, неприятно, как всегда неприятно наблюдать за испуганными людьми. Мы протрубили в несколько рогов, из крепости откликнулись — один из сигналов нам показала Сандра, там поняли, что подошло подкрепление. Наши ребята, давась от смеха, то и дело мелькали меж кустов, и я видел: отряд Арниса разделился примерно два к одному, и большинство было явно за сдачу...

— Трусы, — презрительно сказал Сергей.

— Не все. — Нэд указал на группку примерно из тридцати человек. Они сплотились вокруг Арниса, который, судя по всему, перестал уговаривать остальных и сейчас, как можно было судить по жестам, необычайно для него резким, собирался на прорыв. На противоположном берегу залива творилось вообще черт-те что, там, похоже, просто разбегались. А из ворот форта уже выбегали с оружием его защитники, тут же начавшие связывать тех, кто бросил оружие.

Арнис, как я и предполагал, пошел к кораблям. Раде, оказавшийся рядом со мной, сморщил нос:

— Да черт с ними, там их перестреляют, как куропаток...

— Это не то, что мне нужно, — возразил я и заметил, как Нэд кивнул, обнажая шпагу. — Те, кто хочет, могут оставаться здесь. Остальные — за мной!

Арнис понял, что ему не уйти. На бегу я увидел, как его отряд — да, эти неплохи! — мгновенно и туго стянулся в твердый, ошестинившийся во все стороны сталью клубок.

А у меня на бегу бились в голове невесть откуда всплывшие строчки...

Вот и сошлись дороги.

Вот и сошлись дороги.

Вот и сошлись дороги —

Вот мы и сшиблись клином —

Горек, ох, горек час!

Это не я с тобою,

Это не я с тобою,

Это не я с тобою —

Это беда с бедою
В чистом поле сошлась!

— Лево, право, назад! — крикнул я, не поворачиваясь и, перейдя с бега на припрыг — раз, два! — нанес удар ногой вверх, в живот первого, оказавшегося передо мной, под взлетевшее оружие, вбивая его внутрь строя, на его же товарищей. — Ффа!

И все-таки я был прав. Этот мир меняет людей. *Очень*. А точнее, как я уже думал не раз, выволакивает на свет божий нас *настоящих*.

Дагу — вверх, вбок; локтем в зубы. От подставленной чашки палаша отскакивает чей-то клинок; самым концом отточенной обратной стороны — как бритвой — по руке над локтем — а! Скользящий удар чьего-то тесака по боку моей бригаантины, кто-то упал под правую ногу, я рухнул на колено, палаш над головой — глухой лязг — дагу снизу вверх в пах... Подняться! Удар сверху, еще один — в раненое плечо... да кто же так молотит?! Над моей головой — промельк валлонки, можно встать, мой противник валится с проколотой грудью... ага, это Ленька Смагин позаботился... черт, что с ним?! Не донеся ладоней до залившегося кровью лица, Ленька падает назад, в гущу смыкающихся тел... Кто, сволочи?! Рослый парень, волосы схвачены на макушке в «конский хвост», а на палаше — кровь... Держись, гадина... Места для размаха нет, совсем нет, он отпихивает меня эфесом, в левой — нож, я блокирую его дагой... Ясо пытается просунуть у меня под мышкой клинок, я огрызаюсь:

— Не лезь!

Прижаться ближе... руку расслабить... ага! Я блокирую запястье коленом, бью сверху дагой — за правую ключицу, за левую ключицу — и здоровяк, обливаясь кровью, уходит куда-то вниз... Лицо — кровавые сгустки сползают по левой щеке, острая боль снаружи левого локтя... вот они, свалки, кто-никто обязательно зацепит... ага, место! Косой удар слева в шею — харрашшоо!! Так, где Арнис, Арнис где?!

— Место дайте, черти! — кричит кто-то по-немецки. Йенс, что ли? Да, место бы неплохо, побольше места... Пот, кровь, толчея и озверение... Рука — в перчатке, толстой, коричневой — вцепляется в плечо, прямо перед глазами — длинный нож... перетопчешься, ублюдок — ннна! Рот вспухает алым пузырем из перерезанного основанием палаша горла. Я умею любить. Я даже щадить умею. Но не в бою...

А вот и Арнис...

У ног Арниса лежали двое наших — не моих, а Нэда. И сейчас он сражался с третьим, а третьим... третьим был Мило. Как и раньше, у Арниса были ландскетта и скрамасакс. Кругом не оставалось уже его людей, только полукруг тяжело дышащих наших — и схватка в его центре.

Мило дрался очень хорошо. Он уже не раз это доказывал, да и сейчас я мог бы высоко оценить его действия. Его скьявона мелькала, как молния, и он, конечно, вышел на поединок с намерением победить... Но все-таки... все-таки...

Все-таки он не успел увидеть то, что увидел я. Не хватило нескольких лет опыта. А я увидел, как Арнис, поймав на гарду ландскетты клинок Мило, плавно-мгновенно нагнул руку. Чуть-чуть. Но достаточно для того, чтобы Мило, подавшись в сторону, уже не смог увернуться от вошедшего под ребра вверх скрамасакса.

Мило повернулся в нашу сторону, взмахнув руками влево и, так и не выронив оружия, рухнул третьим трупом к ногам Арниса.

Стало тихо-тихо — почти совсем, и я понял, что весь остальной бой закончился. Арнис поклонился убитому и, обведя нас взглядом, спросил:

— Кто следующий?

Несколько секунд никто ничего не говорил. Потом я заметил, как напряглись плечи Видова, понял, что сейчас он рванется мстить за соотечественника — и сам шагнул вперед... но меня перехватил Сергей.

— Давай я, — предложил он, улыбаясь.

— Почему ты? — усмехнулся я в ответ.

— Надо же и мне создавать репутацию, а у тебя она уже всяко есть. — Сергей сжал мне плечо. Он вроде бы шутил, но глаза были серьезными. Я увидел, как у него шевельнулись губы, уловил вздох «Саня...» и понял: Сергей хочет если и не спасти меня от груза убийства, то, по крайней мере, разделить его со мной. — Ну, я пойду, — сказал Сергей, больше не дав мне вставить ни слова. И пошел навстречу Арнису, пригибаясь и раскручивая в руках палаш и дагу.

Арнис ждал, чуть сгорбившись. Со стороны это, наверное, было не очень заметно, но у меня был наметанный глаз, и я видел, что он устал и хочет успокоиться...

Арнис, Арнис... Мальчишка с медлительным акцентом, показывавший нам на остановке около училища ГА, как правильно вязать узлы. Мой... мой друг. Первый, потерявший тут свою девчонку, — вот он прыгает по льдинам на вскрывшейся балканской реке... Мне захотелось крикнуть: «Да черт возьми, хватит, вы чего?!»...

Клинки тяжело столкнулись с пронзительным, брызжущим искрами, визгом...

Вот и сошлись дороги...

В первые же секунды боя Арнис ранил Сергея — еще раз в уже раненное сегодня плечо. Не скажу, чтобы это как-то отразилось на быстроте моего друга, — у него даже лицо не дрогнуло. А еще через полминуты, заполненной яростным обменом ударами, Сергей коротко вскрикнул — его дага со стеклянным, очень красивым звоном обломилась под ударом скрамасакса. Как ни странно, но именно в этот момент Арнис получил рану. Очевидно, он не ожидал, что дага Сергея обломится — и подался вбок-вперед, а Сергей полоснул его по бедру, левому, снаружи. Арнис отскочил. Сергей с руганью швырнул в сторону рукоять с двухсантиметровым обломком клинка, сделал рискованный длинный выпад, отдернул клинок вовремя... и достал Арниса. Справа, в открывшуюся во время ответного удара подмышку, разрубив артерию.

Арнис снялся с клинка. Отшагнул, открыл рот, выплевывая кровь. Раскинул руки крестом и рухнул на спину, не выпуская оружия из рук.

Сергей бросил палаш и, закрыв локтем лицо, закачался, словно собираясь упасть тоже.

* * *

Теплая, щекочущая вода дошла мне до колен, и я, остановившись, прикрыл глаза, подняв лицо к небу. Мне казалось, что я кожей ощущаю звездный свет...

Сережка Лукьянко умер на руках Раде, за десять-пятнадцать минут до того, как Вильма добралась до него. Его ранили в печень, и какое-то время он еще боролся за жизнь, то проваливаясь в бессознанию, то выплывая из нее на поверхность. Очевидно, хотел дожидаться Вильму. Мы все хотели, чтобы он дождался. Но Серый вдруг начал метаться, попытался встать, и мы поняли — все. Он жестами подозвал меня, силился что-то сказать, но горлом лилась кровь, не слова... Я присел рядом с ним, ощущая, что сейчас завою от тоски.

— Не останется... места... игре, в которой... убивают... — прокашлял Сергей.

И — умер. Просто не стало его. Сережки Лукьянко, который хорошо дрался и мечтал писать книжки, а иногда — рассказывал то, что хотел бы написать. Интересно рассказывал, но я поймал себя на мысли, что с трудом вспоминаю сюжеты. Просто — интересно, захватывающе...

А еще мне не забыть, наверное, как Вильма с каменным лицом ломала свою длинную, тяжелую недевчоночью шпагу, которой так ловко владела, ранила руки и ломала... и наконец сталь распалась с плачущим звуком, похожим на человеческий крик. А потом Вильма ушла по берегу, не разбирая дороги... Лора плакала над Мило. Не знаю, любила ли она его, но не могла не привязаться к тому, кто ее-то как раз любил, кто вытащил ее из пиратского дирижабля и уговорил меня взять в отряд...

А Лидка, увидев убитого Ленку (а он погиб, ему разрубили череп, погиб — и дал мне подняться на ноги...), вдруг завизжала и забилась, выхватила нож... Не знаю, что она хотела

сделать. Колька обхватил ее, прижал к себе, держал, целовал и говорил что-то утешительное и бессмысленное...

У меня погибли четверо. Семеро — у Нэда, еще трое — у защитников форта Сандры. Пиратов в плен попало не меньше полусотни, совершенно неясно было, что с ними делать, да меня это и не интересовало. Из трюма одной каравеллы вытащили десяток пленных, взятых где-то на севере и ошалевших от неожиданной свободы... И еще что-то происходило, крутилось, кувыркалось, несло, сам собой завертелся какой-то праздник с кострами, плясками и песнями...

А я плюнул и ушел. До темноты шлялся по острову, но веселье было слышно везде, и за этим весельем стоял Арнис, убитый Сергеем, и сам Сергей, закрывший лицо локтем, и кровавые пузыри на губах другого Сергея. Наверное, меня искали. Не знаю...

— Эх, жить будем,
Эх, гулять будем,
А как смерть придет —
Помирать будем!

Это пел Игорь. Я различал его голос, разухабистый сейчас, не похожий, но все равно его.

А как смерть придет — помирать будем...

— Олег.

Я обернулся. Джек — в полном снаряжении, с вещмешком, луком — спускался к берегу, и я вышел на песок. Англичанин остановился в двух шагах от меня, тяжело дыша и не сводя с меня расширенных глаз, в которых дрожала луна.

Остро царапнуло сердце. Тоскливенько, глубоко. Я улыбнулся:

— Ты чего?

— Наконец-то я тебя нашел, — сказал он.

— А что, ищут? — без интереса спросил я.

Джек пожал плечами:

— Да не очень... Бесятся все. Или плачут... Олег, я пришел просить тебя. — Он сглотнул. Я молча глядел ему в глаза. — Нэд уплывает через час.

У меня пересохло во рту. Я тоже глотнул, громко, скрежещающе:

— И?..

— Избавь меня от клятвы, — тихо попросил Джек и опустил глаза.

А я вспомнил склоны Олимпа — вечность назад! — и его клятву верности мне... и Таньке...

— Ты хочешь уплыть с ним?

— Да. — Он с усилием поднял глаза. — Но если ты скажешь «нет» — я останусь. Я только прошу тебя... я никогда никого ни о чем...

А в глазах у него, за луной, за дрожащими бликами, были тоска и одиночество. И я ужаснулся мысли, до какой же степени нужно быть одиноким, чтобы самым близким и родным стал тебе твой враг... только потому, что не осталось на свете больше никого, с кем бы связывали тебя общие воспоминания...

Джек смотрел — и губы у него дрожали.

— Эх, ты, — тихо сказал я, — дурачок.

Я обнял его за шею и ткнулся в лоб Джека своим лбом. Он был умней меня, но сейчас я ощущал себя мудрецом рядом с мальчишкой... а еще ощущал, как близко у моих глаз слезы и как это — когда тебе печально и сладко одновременно.

— Олег... — начал он быстро, но я перебил его:

— Иди. Я освобождаю тебя от клятвы... Да. Еще... — Я отстранился. — Ты навсегда останешься моим другом, Джек Путешественник. Где бы ты ни был. Независимо от того, встретимся мы еще или нет. Вот тебе моя клятва.

— А ты всегда будешь моим другом, — твердо сказал он. — Я долго странствовал по этому миру после гибели нашего королевства. И нигде не было мне так хорошо, как у вас.

Я обнял его уже по-настоящему... и первый раз в жизни поцеловался с мальчишкой. И это было... здорово. Совсем *не так* и *не то*, что с Танюшкой. Абсолютно по-другому, но здорово. Потому что...

Джек сказал правду. Он был мой *друг*.

Прыжками Джек поднялся на берег. И там, наверху, остановился уже неразличимым силуэтом. Вскинул руку:

— До встречи!

Я вскинул руку в ответ. Молча.

И... все. Джек пропал.

Несколько минут я смотрел на это место, ни о чем не думая вообще. И вздрогнул, когда там появилась фигура... Джек?! Вернулся?!

Но это был не Джек, а Вадим. Он тяжело хромал на левую ногу — в бою ему разрубили бедро и, похоже, сломали кость, он шел, опираясь на удобный самодельный костыль.

— Сегодня вечер встреч, — заметил я. Вадим — случайно, конечно — остановился на том же расстоянии от меня, что и Джек.

— Я остаюсь, — сказал он. — Ирка со мной. Вильма и Лора тоже.

— Вильма и Лора — это хорошо... — пробормотал я, пытаюсь осмыслить первую часть сообщения. Я в самом деле считал, что потерявшим парней девчонкам лучше остаться на этом острове, где теперь будет спокойно, но не знал, как им это предложить. — И ты остаешься тоже?

— Я устал, — отрезал Вадим. — Устал, Олег, и больше не верю ни в романтику, ни в справедливость... ни в тебя.

Я покусал губу:

— Что ж, к этому шло. Давно... Мне будет тяжело без тебя.

— Ничего, — спокойно ответил он, — у тебя есть надежные люди.

— Да, есть, — подтвердил я, — побратим.

И посмотрел ему в лицо. Наши взгляды скрестились, как клинки, и за этим перекрестьем стояла пещера и наша кровь, смешавшаяся над тушей убитого медведя.

Да. Órl ògs.

Что-то рвешь по-живому. Что-то отмирает само... и неизвестно, что хуже.

— Я не рыцарь, — ответил Вадим.

— Да, не рыцарь, — безжалостно отрезал я. — Всего хорошего. Удач на новом месте.

И, отвернувшись, пошел по берегу прочь.

Вадим не окликнул меня. А я не оглядывался...

Когда я вернулся к кострам, там по-прежнему было немало людей, но никого из ребят Нэда уже не осталось, и я с холодком в груди понял, что они отплыли. Все сидели тихо, кто обнявшись, кто полулежал, кто скрестив ноги, — и слушали Игоря, который негромко пел очень знакомое:

— Под небом голубым
Есть город золотой —
С прозрачными воротами
И с яркою звездой.
А в городе том — сад.
Все травы да цветы...
Гуляют там животные
Невиданной красоты...

И я услышал, как моя Танюшка, сидевшая неподалеку с задумчивым лицом, присоединила к голосу Игоря свой:

— Одно — как желтый огнегривый лев,
Другое — вол, исполненный очей,
А с ними — золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый...

Гусли-арфа Игоря неожиданно заплакали под его пальцами, и к ним вдруг присоединилась поцарапанная гитара в руках какого-то парнишки, подхватившая мелодию...

— А в небе голубом
Горит одна звезда...
Она — твоя, о ангел мой,
Она с тобой всегда...
Кто любит — тот любим.
Кто светел — тот и свят.
Пускай ведет звезда тебя
Дорогой в дивный сад...

Тебя там встретят огнегривый лев,
И синий вол, исполненный очей,
С ними — золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый...¹

Он приглушил струны. Никто не хлопал, все просто молчали, не глядя друг на друга. Молчали, пока тот же парнишка с гитарой не подобрал новую грустную мелодию и не запел по-английски:

— В полях под снегом и дождем —
мой верный друг,
мой бедный друг, —
тебя укрыл бы я плащом
от зимних вьюг,
от зимних вьюг.

А если мука суждена
тебе судьбой,
тебе судьбой,
готов я скорбь свою до дна
делить с тобой,
делить с тобой...

Я знал эти стихи Бернса, но по-русски. Они мне всегда нравились...

— Пускай сойду я в мрачный дол,
где ночь кругом,
где тьма кругом —
во тьме я солнце бы нашел
с тобой вдвоем,
с тобой вдвоем.

¹ Музыка В. Вавилова, слова А. Волохонского.

И если б дали мне в удел
весь шар земной,
весь шар земной,
с каким бы счастьем я владел
тобой одной,
тобой одной...

— Почему ты стоишь один в темноте? — Я обернулся и увидел Сандру. Она улыбалась, и улыбка была чуть смущенной. Не дожидаясь моего ответа, она быстро сказала: — Я тебе так благодарна... но я тебе плохо отплатила. У вас погибшие... и четверо твоих остаются у нас...

— Каждый волен решать, где ему оставаться и с кем идти, герцогиня, — ответил я спокойно. Сандра на миг запнулась, словно не решаясь что-то сказать, но потом выпалила:

— Оставайтесь все! Чем плохо?!

— Да ничем, — пожал я плечами. — Просто не для нас. Меня лично ждет Пацифида, а остальные просто идут со мной, потому что этого хотят... — И добавил:

— Теперь все это странно,
Звучит все это глупо,
В семидесяти странах
Зарыты наши трупы... —

И это тоже романтика, Сандра.

И я подошел ближе к костру, возле которого сидела Танюшка. Она посмотрела на меня снизу вверх и тихо спросила:

— Проветрился?

— Да, Тань. Я сяду? — Она хлопнула рядом, и я опустился на расстеленный плащ. — Тань, — я толкнул ее локтем, — ты не обиделась?

— Эх ты, — вздохнула она и погладила раненое плечо. — Опять тебя зацепили...

— И еще руку под локтем, — вздохнул я. — И еще сердце, Тань. Сразу несколько ударов, и так точно...

— Ты про Джека? Он мне сказал. Жаль, что он ушел...

— Не только из-за Джека. Про Вадима знаешь? — Танюшка кивнула. — А больше всего, Тань, знаешь — из-за Арниса.

Она помолчала. Потом коснулась губами моего уха и шепнула:

— Если бы ты этого не сказал, мне было бы тяжело с тобой... дальше. — И, пока я переваривал ее слова, она добавила: — Но вообще-то, знаешь, Олег... все справедливо. Каждый сам выбирает, как будет жить. И умирать. Только сам.

— А где Сергей и Ленка? — спросил я, чтобы хоть что-то сказать.

— Они давно ушли, — пожала плечами Танюшка. — Ленка его увела... Хочешь, — Танюшка улыбнулась углом рта, — и мы пойдем?

— Куда? — резко затормозил я.

— Ты меня трахнешь, — пояснила Танюшка. — Именно трахнешь, говорят, это помогает от переживаний... Я потерплю. Помнишь, как ты это сделал тогда, в Англии?

— Тебе что, тогда не понравилось? — осведомился я.

— Понравилось, — призналась Танюшка. — Только вообще-то ты мне не из-за этого нравишься...

— А что, разве бывает, что нравятся только за это? — удивился я.

Танюшка удивилась тоже:

— Да, и нередко... А, конечно! Это... — Она засмеялась. — В общем, это девчоночьи разговоры. Мальчишки же за глаза обсуждают девчонок? Обсуждают-обсуждают, не отворачивайся... Ну, и мы тоже парней обсуждаем. Многие как раз на это и упирают —

какой ее парень секс-гигант... Олег, да ты смущаешься?! — Она весело удивилась. — Правда смущаешься, вот это да!

— Я не говорю за глаза о девчонках, — сердито отозвался я. — И не думаю, что я секс-гигант.

— Ты такой, как надо. Особенный, — серьезно ответила она. — Самый лучший... А вот я у тебя, — она вздохнула, то ли в шутку, то ли всерьез, — средненькая вся...

— Ты — средненькая? — усмехнулся я. — Ну-ну...

— Конечно, средненькая, — упорствовала Татьяна. — У Ингрид грудь красивей, и у Ленки Чередниченко, кстати, тоже... У Клео талия тоньше, а бедра шире... И у Радицы, и у Лидки ноги длиннее...

Она упоенно перечисляла свои недостатки, пока я не прервал ее:

— Ничего подобного. И ноги, и грудь, и талия у других девчонок хуже...

— А ты их разглядывал?! — возмутилась Танька. — Ах ты, порочный мальчишка! — и вдруг добавила: — А самое страшное, Олег, это то, что мы все равно умрем.

— Жанна из тех королев,
Что любят роскошь и ночь... —

пел неподалеку Игорь.

— Да, — отозвался я. — Мы вернемся в Европу через пару лет, я соберу всех, кого смогу собрать, и пойду на Город Света.

— Я с тобой, — спокойно ответила Танюшка. И я кивнул в ответ...

— У королевы нет сил.
Трудно пойти вновь на риск.
И она разбивает часы,
Чтобы продлить себе жизнь —
Жить!!! Ведь пока,
Как богиню, на руках
Носят Жанну,
Жанну...

— Пошли к остальным, — попросила Танюшка, и мы вышли к огням. Олег Крыгин (у него левая рука была на перевязи) увидел меня первым и оживленно зашумел, остальные подхватили, и Раде — неожиданно для меня — перекрыл остальных:

— Спой, Олег! Спой, князь!

Я отмахнулся, смеясь, но шум нарастал (в том числе, орали и совершенно мне незнакомые люди), и я, отчаявшись отмахаться, знаком попросил у Игоря его инструмент, который он мне ловко перекинул. Настраивая его, я не столько пытался добиться хорошего звучания — уж Игорь-то знал, как отрегулировать свою бандуру, лучше моего! — сколько соображал, что же спеть.

— Ладно, сейчас! — рывкнул я, выпуская из-под пальцев перебор. — Тихо!..

По рыбам, по звездам носит шаланду —
Три грека в Одессу везут контрабанду...

Я всегда любил эти стихи Багрицкого, хотя, если честно, не все в них понимал. Не знаю: нынешние слушатели («подзаборный Интернационал» по определению, которое когда-то дал Йенс), конечно, тоже не все понимали, но слушали очень внимательно, с молчаливым одобрением, и я разошелся:

— Так бей же по жилам, кидайся в края,

Бездомная молодость, ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться Вселенной навстречу
И петь, задыхаясь на страшном просторе:
«Ай, Черное море! Хорошее море!»¹

Мне захлопали, засвистели одобрительно. Я передал кому-то арфу (лиру) и, сев, получил поцелуй от Танюшки, которая мною явно гордилась. Правда, эту гордость она выразила со своим обычным своеобразием:

— Вот видишь, можно и осла научить петь.

— Спасибо, — краем губ ответил я, — милая моя ослица...

В ответ я получил точный и очень болезненный удар локтем в область почки, сопровождаемый милой улыбкой:

— Хватит или еще?

— Знаешь, по-моему, хватит, — пробормотал я, потирая бок, — больно как-то...

— Это хорошо, — так же мило сообщила она, — осленок мой дорогой.

А около костров кто-то — не понять было за пламенем — уже запел по-русски (но это был не наш) хорошо знакомое:

— Мы в такие шагали дали,
Что не очень-то и дойдешь,
Мы в засаде годами ждали,
Невзирая на снег и дождь,
Мы в воде ледяной не плачем
И в огне почти не горим —
Мы охотники за удачей,
Птицей цвета ультрамарин!

И больше половины присутствующих — в том числе и мы с Танькой — дружно подхватила:

— Мы — охотники за удачей,
Птицей цвета ультрамарин!²

— Мне осталась
одна забава —
пальцы в рот да веселый свист...
Прокатилась
дурная слава,
что похабник я и скандалист... —

пел Игорь, аккомпанируя себе резкими аккордами и местами форсируя голос. Кажется, это был Есенин — я не помнил, где слышал эти стихи.

— Пошли, Тань, отдохнем, — шепнул я. — Или ты еще посидишь?

— Пошли. — Она оперлась на мою руку и поднялась на ноги.

— ...Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней —

¹ Музыка В. Берковского, стихи Э. Багрицкого.

² Группа «Машина Времени».

Но, коль черти в душе гнездились,
Значит, ангелы жили в ней!

— Значит, ангелы жили в ней, — задумчиво повторила Танюшка, ступая рядом со мной. — Почитай мне стихи, Олег.

За какую-то секунду до ее слов я уже знал — непонятным образом! — о чем она попросит...

— Ты за парту со мной
Снова рядом садишься.
Из-за этого я,
Может, двойку схвачу.
И не мне одному
Ты, красивая, снишься,
И к тебе я во сне,
Словно к звездам, лечу.

Завтра утром в метель
Выйдем вместе мы, чтобы
Лица ветром обжечь,
Стать в два раза сильнее.
Вот такая любовь —
Это вера и верность,
Это счастье двоих
Повзрослевших друзей.

И когда полетим
На другую планету,
Мы об этом с любовью
Напишем рассказ, —
А пока про любовь
Говорим по секрету,
Только двое о ней
Знают в классе у нас.

Будет путь наш далек,
Будет трудным и длинным,
И таежным костром
Разожжем мы рассвет.
Про такую любовь
Пусть снимают картины
И пускают в кино
До шестнадцати лет.¹

Танюшка довольно долго молчала. Потом тихо сказала:

— Спасибо, Олег.

Я поцеловал ее в теплый висок, пониже прядей волос. Хотел продолжать, если честно, но возникшая впереди рослая тень вдруг произнесла:

— Князь, мне надо поговорить с тобой.

Я узнал теперь одного из освобожденных пленных — рослого рыжего парнишку,

¹ В. Харитонов. Стихи песни «До шестнадцатити лет» на музыку С. Туликова.

который вел себя с непоколебимым достоинством и первым делом попросил себе оружие. Чем-то он напомнил мне нашего Фергюса, пусть ему мягко спится в земле прерии.

— Тань, иди, я сейчас буду, — коснулся я ее плеча. Танюшка скроила недовольную гримаску, но ушла без слов, а я кивнул парню, так и стоявшему передо мной: — Ну?

— У тебя большая убыль в людях, — сразу начал он. — Возьми меня к себе.

— У меня большая убыль, — согласился я, — но это не причина, чтобы брать любого и сразу.

— Я не любой, — спокойно возразил он. — Меня зовут Джерри Харроусмит, я из Австралии, тут уже четвертый год... и не сидел на месте. И тем, что у меня на поясе, владеть умею.

— Да ну? — прищурился я.

Джерри дернул бровью и, отступив, обнажил палаш:

— Испытай.

— Н-ну давай, — протянул я...

Джерри не соврал. Он дрался, пожалуй, не хуже, чем я — в те времена, когда пробыл тут тот же срок, что и он. Я понял это после первых же ударов, а через двадцать секунд опустил оружие:

— Хватит. Ты хорошо дерешься... Как же вышло, что ты попал в плен?

— Ты не попадал? — без обиды спросил он.

Я засмеялся:

— Да, и не раз. Извини, бестактный вопрос... Как же тебя, австралийца, занесло сюда?

— Говорю же — не сидел на месте... — Он покрутил палаш, убрал его в ножны и смешно сморщил нос. — От своих давно отбил, пятки чесались... туда-сюда бродил. А тут, на побережье, один оказался, вот и скрутили.

— На кораблях ходил? — спросил я, тоже бросая палаш в ножны не глядя. Джерри кивнул:

— На драккарах — нет, а на парусных — ходил.

— А куда идем — знаешь? — продолжал я допрос.

Джерри кивнул опять:

— Да. На Пацифиду. Я там бывал.

— Бывал?! — быстро спросил я.

Джерри явно смутился:

— Ну... только на побережье. За водой заходили.

— Ясно, — кивнул я. — Хорошо. Если хочешь — можешь прямо сейчас идти на «Большой Секрет». Это когг, у него свастика на флаге. Я беру тебя, Джерри.

Он ничего не ответил, но, помедлив, коротко поклонился и пропал в темноте. Я постоял, прислушиваясь к темноте, потом хмыкнул и неспешно зашагал дальше, напевая негромко:

Плыви дорогою удач,
Пока спокойно спит палач —
Хитрый бродяга Чарли...
Но помни: кончится игра
Одним ударом топора —
Помни, бедняга Чарли...

Около сходней «Большого Секрета» балдел, держа на коленях Клео, Ясо. Грек был забинтован поперек груди, но, кажется, это его не особо беспокоило. Увидев меня, Ясо всполошился и с виноватым видом сказал:

— Ой, слушай, тут тебя искал парень от Сандры, она хотела с тобой поговорить про каких-то пленных, я толком не понял... Надо было тебя найти, да?

— Ничего, — вздохнул я, — думаю, это не срочно... Хотя знаешь, — я оглянулся, —

схожу выясню. Скажи Танюшке, что я скоро буду.

Не знаю, почему я изменил свое решение, — тем более, что идти куда-то не очень хотелось, а уж тем более — искать Сандру. Но искать особо и не пришлось — возле распахнутых ворот форта меня окликнул один из здешних парней:

— Олег! Сандра просила передать, что с тобой хочет поговорить один пленный, рвется прямо.

— Ну и где он? — буркнул я. — В загоне?

— Да нет, тут сидит, за воротами.

— Давай его сюда.

Надо сказать — я удивился, увидев, что ко мне идет тот мальчишка, которого я не убил во время нашей первой встречи с людьми Сатаны, на берегу. Он был хотя и без оружия, но в остальном — свободен, если исключить, что потирал запястья, словно растирал следы от веревок. Но я чувствовал — он просто волнуется.

— И о чем ты хотел со мной поговорить? — Мне стало скучно. Это могло и до утра подождать...

— Я... — он прохрипел это короткое слово, потом прокашлялся и посмотрел на меня отчаянно и умоляюще: — Я хочу просить тебя, чтобы ты взял меня к себе.

— Это интересно, — признался я. — А на кой черт ты мне нужен? Ты не умеешь сражаться и служил человеку... — я помедлил, — ...и служил скверному делу. И вообще — с какой стати это пришло тебе в голову?

— Ты мог... ты мог меня убить, но не убил... — начал он, но я его перебил:

— Если бы кто-то при девчонке спустил с меня штаны, а потом взял бы в плен — я бы скорей язык себе откусил, чем просить его о чем-нибудь.

— Я хочу... быть с вами. — Мальчишка кусал губы, чтобы не расплакаться. — Очень... очень хочу, пожалуйста... Я... я не виноват, я всегда хотел к таким, как вы, но...

— Но боялся уйти — и уж тем более боялся возразить тем, кто сильнее, когда они убивали, жгли и насиловали, — любезно добавил я. — Теперь они разбиты, мы сильнее, и ты решил...

— Нет! — закричал он и не выдержал — все-таки расплакался навзрыд, что-то бормоча. Я поморщился и собирался уже уйти, но мальчишка вдруг мазнул по глазам обеими руками и с отчаяньем, придавшим ему смелости, закричал: — Тебе легко обвинять, ты вон какой... герой, по-настоящему герой... а если бы тебя в начале, ну, сразу... ты бы смог — против?!

Я с интересом повернулся к нему и хмыкнул. В словах мальчишки была если не правда, то справедливость. Да, а попади я *с самого начала* в компанию, подобную той, в какую попал он, — был бы сейчас Королем Поединков? Мы — это не только то, чем мы сами хотим стать, это в немалой степени еще и то, чем нас делают окружающие люди. И не у многих изначально есть задатки, позволяющие не подчиниться никакому влиянию.

— Перестань реветь, — спокойно сказал я. — Я был в плену и пережил такое, что... впрочем, это неважно. Но, может быть, ты и прав... Как тебя зовут?

— Ромка... Роман...

— Так ты русский? — неприятно удивился я. — А как ты оказался в этой компании?

— Я... по обмену в Америку приехал... недавно совсем, там и... прихватили...

— Ромка... — повторил я и вдруг, сам не веря себе, приказал: — Ну-ка, подойди ближе и голову, голову подними! Ну, быстрее! — Он с опаской выполнил мое приказание и вдруг длинно всхлипнул и замер. Рот у него сам собой приоткрылся, а мокрые глаза стали огромными. На берегу, во время боя и сразу после него, мы друг друга и не могли узнать, мы еще не «остыли», а тут... — Твоя фамилия Редин? — спросил я. Ромка пошевелил губами, неверяще пожирая меня глазами, потом немо и быстро закивал. Ему легче было меня узнать — он-то меня таким и запомнил, какой я сейчас стоял перед ним (ну, по возрасту), а для меня он при нашей последней встрече был второклашкой, младше меня нынешнего на шесть лет, и, конечно, изменился... но я узнал его раньше. Ромка Редин, сын нашей школьной

библиотекарши, обожавший смотреть, как я фехтую...

— Так это ты-ы-ы-ии-и-и-и?! — вырвалось у него с подвизгом. — Мамочка родненькая!..

— Значит, по обмену, — сказал я, расстегивая перевязь палаша. — Спиной повернись. Куртку задери и держи. Терпи, даже стонать не смей... Это чтоб слово «русский» не позорил! — загорелая спина Ромки содрогнулась, он переступил на месте, но промолчал. — Это чтоб за словами не прятался! — Он вздрогнул снова и чуть подался вперед. — Это чтоб в бою не трусил! — Он снова пошатнулся. — Это чтоб знал, за кого и на кого оружие поднимать! — Ромка не выдержал и тихо застонал. — Это чтоб молча терпел, щенок! — Он снова вздрогнул, но уже молча. — Это тебе на память!.. Это тебе от меня! — Эта полоса брызнула кровью, и я, опустив перевязь, начал застегиваться. — Куртку не опускай. Сними, сходи к морю и окунись пару раз. Потом можешь прийти к нашему кораблю... Что надо сказать?

— Спасибо! — выдохнул Ромка искренне, сдергивая куртку. — Спасибо большущее, Олег!

— Пожалуйста, — проворчал я и, не выдержав, громко выругался.
Матом.

«Большой Секрет» отошел от острова Сандры Баллок в конце августа, неся на себе солидный запас продуктов и команду из четырнадцати мальчишек и восьми девчонок.

Из этих двадцати двух человек только семеро, считая меня, были из тех, кто почти семь лет назад появился в этом мире на лесистых равнинах недалеко от Ергень-реки.

Рассказ седьмой На дальнем берегу...

*Помнишь детские сны
о походах Великой Армады?
Абордажи, бои, паруса
и под ложечкой ком?
В. Высоцкий*

Одиннадцатые сутки «Большой Секрет» болтался где-то на широте экватора.

Жаркими ночами огромный Южный Крест смотрел на нас сверху сияющими глазами крупных звезд. Днем в мертвейшем штиле жарилось в небе солнце — желтком яйца на раскаленной сковородке. Вода была теплой, как парное молоко. Наша — в трюмных бочках — вода была в порядке, мы предохранили ее комочками смолы. Вот только расходовалась она быстро...

Ни ветерка. После почти месяца ураганных встречных ветров, мешавших нам добраться до цели...

Я заточил огрызок карандаша, задумчиво посмотрел на него и, отложив, начал махать бортовым журналом, стараясь нагнать хотя бы минимум относительно прохладного воздуха себе на лицо и грудь. За этим занятием меня и застал Сергей.

— Прохладней стало? — осведомился он не без иронии.

— Сгинь, — лениво попросил я его. Он не сгинул, а уселся напротив, широко расставив босые ноги. — И перестаньте трахаться с Ленкой, когда остальные слушают.

Сергей быстро выбросил вперед кулак. Я перехватил его и, выгнув наружу руку, припечатал ее к столу.

— Очень неплохо, — оценил Сергей, выворачивая запястье из моих пальцев.

— Слушай, — спросил я, — а ты пойдешь со мной в Город Света?

— Да, — кивнул он. — Даже если больше никто не пойдет... Но те, кто сейчас на корабле, пойдут с тобой куда угодно. Отсев произошел, Олег. Теперь можно шагать в легенду.

— Отсев... — пробормотал я. — Думаешь, Джек испугался? Или... Вадим?
— Я не об испуге, — ответил он. — У каждого свои пути.
— Сергей, — тихо спросил я, наклоняясь через стол, — тебе никогда не снилось, что ты вернулся домой?

Несколько секунд мой друг молчал. Потом еле слышно выдохнул:

— Тебе... тоже?

— Да, — кивнул я и не стал развивать эту тему. — Интересно, сколько нам еще тут париться? Ленка говорит, что воды осталось не больше, чем на месяц.

— А что с продуктами? — осведомился Сергей. — Ты уже прикинул, кого будем есть первым? По-моему, надо кого-нибудь из девчонок. У них мясо понежней. А у тебя, например, одни жилы.

Я не успел подыскать достойного ответа — в дверь просунулась белобрысая голова Анри:

— Олег, — позвал он, — поди сюда.

— Иду. — Я отпихнул по столу журнал и выбрался наружу, под оглушающее солнце, от которого не было тени. Но тут, по крайней мере, поддувал ветерок снизу, от воды. Он тоже был теплый, однако создавал хотя бы иллюзию прохлады. Анри стоял возле борта вместе с Джерри. Остальные раскинулись на палубе тут и там, кто-то лениво плескался в купальне — спущенном за борт парусе, который решили использовать хоть так.

— Че случилось? — поинтересовался я.

Джерри негромко сказал:

— Тайфун идет. — А Анри подтвердил это несколькими энергичными кивками. Я быстро осмотрелся — нигде на белом от зноя небе не было ни облачка, море лежало ровное, как стекло.

Я поинтересовался:

— Вы что, перегрелись?

— Послушай, — предложил Джерри, — только внимательней.

Я прислушался, сам не зная, к чему... и *услышал*.

Воздух, вода и небо тихо звенели. Это была не та звонкая тишина, которая рождается иногда в полном молчании. Это был именно *звук*. И в нем жила угроза.

— Слышу, — коротко ответил я.

— Мы с отцом ходили на яхте, — сказал Джерри. — Ну — *там*. И один раз такое было в Коралловом море. Я не знаю, как нас не утопило, — трепало трое суток.

— Подъем, блин!!! — уже не слушая его, заорал я. — Все на палубу! Живей! Тревога!..

Ураган обрушился на нас через семь минут после того, как мы в бешеном темпе приготовили все, что только можно, к «трепке». Я не знаю, как это описать толком. Только что все было, как прежде, лишь этот страшный звон сделался слышен всем. А через какие-то секунды уже не было ни неба, ни океана, ни воздуха, ни воды, ни солнца — ничего.

Ни-че-го.

Мы оказались среди черно-синего воющего пространства. Верха и низа тоже не оставалось... Голоса исчезли. Дышать стало почти невозможно — воздух смешался с водой. А необъяснимая молниеносность произошедшего давила ужасом.

Я приказал всем убираться в надстройки. Сергей и я прикрутили себя к румпелю, Ясо привязался к бушприту, хотя вряд ли там что-то можно было увидеть — но тут должно было быть полно коралловых рифов, а на такой напороться значило погибнуть.

Во время шторма в Атлантике такого — даже похожего — не было.

— Поставить бортом — перевернет! — крикнул Сергей. Он орал мне буквально в ухо, я видел, как жилы вздулись на лбу и шее, но мне казалось, что он шепчет. — А так ничего! Пока идем вразрез — ничего!

Я подумал, что, если сорвет закрышки люков, то мы пойдем ко дну после первой же волны так и так, без разворота бортом. И тут же мысль оборвало — когг застыл над водяной пропастью с Останкинскую башню глубиной, а главное — застыл точно носом вниз. Потом

он рухнул, и я не закричал только потому, что закусил щеку до крови. Но глаза удержать открытыми не смог. Абсолютно *чужой* голос Сергея простонал: «Дер-жи-и-и!» — переходя в хрип, и я вцепился в румпель и окаменел, сросся с ним и с палубой, понимая, что сейчас миллионы тонн водяной горы расплющат нас сверху, и последнее, что я почувствую, будет чудовищная боль в лопающихся легких...

Мы летели куда-то вверх, и я знал, что дышать нельзя. Потом я открыл глаза. Палуба кипела скатывающейся по ней водой. Когг летел на гребне волны почти на боку. Я выплюнул кровь, рот наполнился соленой водой, раненую щеку обожгло болью. Сергей смеялся, мотая слипшейся гривой.

Мне показалось, что меня окликают. Наклонив голову, я увидел у ног лицо Кольки — вцепившись руками в леер, он что-то кричал перекошенным ртом.

— Что?!?! — крикнул я.

— Течь! — донеслось до меня, как с другой планеты. — В трюме! М-мать!

— Затыкайте! — заревел я. — Задельвайте!

Колька исчез. Вода мешалась на мне с таким же соленым, но холодным потом. Если подались доски, то — все... Неужели где-то что-то не проверили?... Все, все, все... Я ждал удара, разворота корпуса... после чего от нас или останутся щепки, или мы пойдем на дно.

Это был даже не страх. Страх — когда видишь опасность, контролируешь ее и можешь избежать, ищешь и находишь выход. А сейчас — что я мог контролировать, как избежать?

Мы прошли через волну.

— Успеют залатать! — крикнул Сергей. — Смотри, Ясо держится!

Действительно, грек, распластавшись на бушприте, махал нам рукой. Я успел различить на его лице улыбку — и корабль вновь ухнул вниз...

* * *

— Терпи, Олег, — сказала Танюшка. Огонь свечи мотало вместе с ней, а мне казалось, что я сижу нормально, все остальное же пляшет бесконечную дику сарабанду.

Я положил руки на стол, и Танюшка, сжав зубы, словно ей тоже было больно, плеснула на них морской водой из котелка. Прямо на кровоточащие лохмотья «живой» кожи и открытые раны.

Это была не боль. Я не знаю, что это было, потому что я просто потерял сознание. Милосердно. Сразу же, до того, как мозг успел осознать ощущения...

А вот пришел я в себя от боли. Танюшка обрезала своим коротким ножом самые торчащие куски кожи, бросая их на пол. Я смотрел на это и держал руки плотно прижатыми к столу.

— Больно? — в глазах у Таньки стояли слезы.

— Тань, давай, давай, — спокойно сказал я. У Сергея терпения не хватило — или Ленка оказалась не такой ловкой, я слышал, как он ругается. — Делай. А я буду рассказывать тебе, какие у тебя красивые глаза... только немного заплаканные... это почему?

— Да ну тебя, ты бы хоть на левую свою крагу надел! — Танька достала самодельные бинты. — Сейчас еще срезать буду...

— Как там Олег? — тоскливо спросила в пространство Ленка Власенкова. — Пойду выгляну...

— Сиди, — приказал я.

— Одним глазком! — жалобно попросила Ленка. Я ничего не стал повторять, и она осталась сидеть.

Боль стала нестерпимой, жгучей — я почти воочию увидел языки пламени, лижущие мои ладони. Как тогда, зимой, когда меня пытали урса... очень больно.

— И попка у тебя очень красивая, — зло сказал я, почти выключаясь. И не выдержал: — Ну больно же, Танюшка, очень больно!

— Радица! — не выдержала Танька. Спокойная, замкнутая сербиянка подошла и, присев на ее место, занялась моими руками. А Танюшка присела рядом со мной и запечатала мне рот поцелуем. Потом снова и снова, горячо шепча: — Потерпи, миленький... чуть-чуть потерпи... вот так, вот так... поцелуй меня тоже...

Губы у нее были горячие и соленые от слез.

Каюту швыряло и кидало, как обувную картонку, которую пинают ногами развеселившиеся мальчишки.

* * *

Нас мотало больше шести суток, слившихся в сплошную череду часовых вахт — больше выстоять было нельзя — и трехчасовых перерывов-отдыхов, во время которых, в каютной сырой болтанке, уснуть помогала только невероятная усталость. Мы даже не понимали, куда нас несет, да и не очень пытались это понять. Если у кого-то и была морская болезнь, то заметить ее было просто невозможно.

На свои руки я, если честно, старался смотреть пореже. Танька перебинтовывала мне их после каждой вахты — и каждый раз плакала. Я как-то взглянул — и тоже едва не заплакал... От постоянной влажной жары в тех местах, где кожаная одежда терла тело, обнажилось живое мясо. Ходить нагишом тоже было нельзя — от ударов морской воды кожа немела, начинался страшный озноб, а снасти полосовали незащищенное тело с совершенно зверской силой.

Утром седьмых суток тайфун выключился. Мы болтались посреди океанской глади, дул ровный, хотя и несильный ветер с востока, а впереди — на самом горизонте — маячила полоска земли. Следом выключилась и моя команда, а я, мысленно завывая от злости и тоски, повесился всем телом на основание бушприта и, то и дело промывая себе глаза морской водой, чтобы не уснуть (жгло дико), начал таращиться вперед.

Князь добровольно стоял вахту за всех.

А как иначе-то?

Впрочем, предел сил имеется у любого человека. Часа через полтора все промывания перестали помогать, и я поймал себя на том, что сплю с открытыми глазами — смотрю вперед, а мозг выключен, ничего не фиксирует. И требуется усилие, чтобы осознать волну, солнце или берег в отдалении.

— Олег, — я замедленно оглянулся. Возле меня стоял, протирая кулаками глаза, Ромка. — Олег, ложись спать, я постою. Я уже выспался.

Он врал. Не выспался, конечно. Но «заспал» усталость, это правда. И все-таки я медлил. Ромка расценил это по-своему.

— Не доверяешь? — тихо спросил он. Даже без обиды, скорей тоскливо.

Несколько секунд я смотрел на него и думал, что за то время, пока он у нас, Ромка ни с кем так и не сошелся, хотя и пожаловаться на него не мог никто. Я сознательно гонял его по самым разным работам, какие только мог изобрести. Мальчишка вкалывал безропотно. Но своим его так и не признали.

— Дурак ты, — устало сказал я. И решил: — Слушай, Ром, я отключаюсь. Ва-а-ще. Если что — ты меня буди.

— Конечно! — Он просиял. — Ты ложись, все будет нормально, я чесслово не усну!

Я его уже не слушал. Спустившись под лестницу с носовой надстройки, я, испытывая физический кайф, растянулся на теплых досках, которые почти не качало, последним усилием принял максимально удобную позу и, испытав короткий прилив невероятнейшего наслаждения, уснул...

Когда я открыл глаза, то первое, что я ощутил, — полный отдых. Именно так. У меня ныли руки, а раньше я этой боли вообще не замечал за чувством общей разбитости. А все остальное было отлично — голова ясная, тело совершенно послушное, настроение хорошее. Я потянулся и посмотрел вверх. В просветы между ступеньками лестницы заглядывали

огромные звезды, но как-то странно, и я понял, что стоит парус. Тихо бурчала за бортом вода. Слышались разговоры, шаги и смех по всему коггу, потом я услышал, как несколько голосов где-то на корме распевают а capella:

— Человека трясло, ломало —
Все ему, человеку, мало!
Подавай ему плод запретный —
Очень любит он плод запретный!.. —

И голос Танюшки взвился к звездному небу:

— Он к нему простирает руки,
На губах ощущая сладость!
Он не может без этой муки —
Это старая его слабость!¹

Я с завыванием потянулся — и почти тут же сверху, с носа, свесилась взлохмаченная башка Ясо, и грек торжествующе завопил:

— Проснулся!!!

Я засмеялся, услышав, как на корабле усилилось «звуковое оформление». Так значит, они себя вели относительно тихо, просто дожидаясь, пока я проснусь! От переполнявшего меня теплого чувства благодарности я влепил дикой силы щелбан в лоб Ясо и, вскочив, выкатился из-под лестницы кувырком через плечо.

— Ну как? — бросил я глядевшему на меня Сергею.

Тот улыбнулся:

— Да все отлично. Идем напрямиком к Пацифиде!

— Черт побери! — Я взлетел на нос. — Так эта земля — Пацифида?!

— По уверениям Джерри — да, — подтвердил Сергей, — и, во всяком случае, для острова она слишком огромна — во весь горизонт!

— Второй раз ураган оказывает нам такую услугу, — заметил Басс, поднимаясь сюда же. — В прошлый раз нас одним махом донесло до Америки...

— Ну й що гэто нам дало? — ответил я фразой из анекдота. И спохватился: — А почему никто не спит?

— А потому, что все выпались, — пояснил Сергей.

Я почесал нос:

— Вообще-то я есть хочу. Ле-ен?..

— И тут же «Ле-ен?..». И сразу все меня зовут... — в каком-то песенном ритме отозвалась она из района кухни под нашими ногами, и Сергей, хихикнув, проскандировал «припев»:

— Бу-ра-ти-но-о!..

Однако уже через минуту я, сидя у основания бушприта со скрещенными ногами, поглощал жареную рыбу. Последние шесть дней горячего у нас не было, а мокрый сухпак ужасно надоел. Кстати, надо будет перетряхнуть и просушить то, что осталось от наших запасов...

— Кавалергардов век недолог,
И потому так сладок он, —

напевал я, стоя возле борта и глядя чуть в сторону, за плечо:

¹ Слова и музыка В. и В. Мищуков.

— Труба трубит, откинут полог,
А где-то слышен сабель звон.
Еще рокочет голос струнный,
Но командир уже в седле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.

Течет шампанское рекою,
И взор туманится слегка,
И все как будто под рукою,
И все как будто на века.
Но, как ни сладок мир подлунный —
Лежит тревога на челе.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.

Напрасно мирные забавы
Продлить стараетесь, смеясь.
Не раздобыть надежной славы,
Покуда кровь не пролилась!
Крест деревянный иль чугунный
Назначен нам в грядущей мгле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле¹.

Я улыбнулся в ночную звездную тьму и, повернувшись, встретился со встревоженным взглядом Танюшки. Тогда я снова улыбнулся уже ей.

— Тогда я спою тоже, — сказала она. И, не сводя с меня глаз, заставила всех замереть.

— А напоследок я скажу...
А напоследок я скажу:
«Прощай! Любить не обязуйся!
С ума схожу — иль восхожу
К высокой степени безумства?!»
А напоследок я скажу...
«Как ты любил — ты пригубил
Погибели... Не в этом дело!
Как ты любил — ты погубил,
Но... погубил так неумело!..»²

— Зачем ты это спела?! — спросил я, догнав Танюшку у кормы и схватив ее за плечо.

— Зачем ты это спел?! — яростно возразила она.

Я опустил руку:

— Прости.

Она обняла меня за шею и прижалась щекой к щеке. А я в этот момент понял, что, скорей всего, уже завтра мне придется решать, кому уходить на Пацифиду — а кому огибать ее на когге.

Я не знал, что решу. Но был уверен, что не возьму с собой Танюшку. Хотя не знал я и

¹ Музыка И. Шварца, слова Б. Окуджавы.

² Музыка А. Петрова, слова Б. Ахмадулиной.

другого — как буду жить без нее...

Если я богат, как царь морской,
Крикни только мне: «Лови блесну!»
Мир подводный и надводный свой
Не задумываясь выплесну...
Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи...
Рудники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Если беден я, как пес, один
И в дому моем — шаром кати,
Ведь поможешь ты мне, господи,
Не позволишь жизнь скомкати!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи...
Рудники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Не сравнил бы я другую с тобой,
Хоть казни меня, расстреливай!
Посмотри, как я люблюсь тобой —
Как Мадонною Рафаэлевой!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи...
Рудники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

В. Высоцкий

Йенс. Ромка. Видов. Ясо. Колька. Раде. Игорь. Олег. Димка.

И я.

Эти идут. Десять человек.

Девчонки плывут на когге. С ними Сергей, Юджин, Джерри и Анри.

Я обхватил голову, подергал волосы. Вдохнул, чертыхнулся. Мне было не по себе — не хотелось выходить на палубу и объявлять решение, потому что я предвидел волну народного возмущения. Отодвигая этот момент, я придвинул контурную карту Пацифиды.

Континент был почти круглым — конечно, берега искромсаны, но в целом похоже на круг, почти не заполненный обозначениями. И этот круг пересекал решительный штрих нашего будущего похода.

Я отпихнул карту и, встав, так же решительно вышел наружу.

Берег был метрах в трехстах от правого борта. Солнце еще только встало, его лучи падали прямо на древесную стену, и она казалась непроницаемой, сплетенной из сочной зелени. У корней деревьев клубился туман, стекая в океан густыми струями. До корабля доносились свист, шорох и потрескивание, уханье и завывание.

Все наши теснились у борта, но, услышав мои шаги, обернулись. На мне скрестились взгляды множества глаз, и я, чтобы не продлевать этого ожидания ни им, ни себе, заговорил:

— Мы добрались до Пацифиды. Те, кто пойдет на когге, обогнут материк с юга и будут ждать нас у устья большой реки, которую Лотар называл Гьелль. Остальные пойдут

напрямик. Скоро сентябрь. По моим прикидкам, к началу лета следующего года они выйдут туда же, и «Большой Секрет» их подберет. На всякий случай он подождет до следующей осени. Если к следующему сентябрю никого не будет — когг уйдет...

— Олег, — тихо сказал Сергей (он не сводил с меня встревоженных глаз), — хватит, это потом... Кто идет, кто остается?

— Да. Конечно. — Я посмотрел поверх голов, но заставил себя опустить глаза. — То, что я сейчас скажу, не обсуждается. Я так решил. Это все... — Я помедлил, набрал воздуха в легкие. — Я говорю имена тех, кто идет со мной.

Лицо Таньки окаменело. Я заставил себя не вздрагивать.

— Йенс.

Лицо немца осталось непроницаемым, только в глазах что-то дрогнуло, как рвущаяся паутинка... Страх? Нет. Я вспомнил, что он последнее время часто разговаривает с Радицей, и сербиянка, окаменевшая после гибели Бориса, вроде бы оттаивает возле немца...

— Ромка.

Роман откровенно просиял. Наверное, он так же просиял бы, объяви я, что он в качестве разведчика должен первым отправиться в ад.

— Видов.

Серб кивнул, как кивает человек, услышавший то, в чем не сомневался, и, отвернувшись к борту, лег на него скрещенными руками и грудью.

— Ясо.

Грек вскинулся и, не сдерживаясь, закусил губу. Я уловил, уже отворачиваясь, как он посмотрел на Клео, и понял, что Ясо не хочет с нею расставаться. Они были хорошей, счастливой и очень подходящей парой...

— Колька.

— А то, — спокойно отозвался он, поддериывая на плече автомат и крепче прижав к себе печальную Лидку.

— Раде.

— Спасибо, — искренне сказал македонец. Зорка перекрестилась, но глядела на своего парня с гордостью.

— Игорь, — равнодушно отозвался Басс, ободряюще кивая Ингрид. И сразу отошел с ней куда-то к мачте.

— Олег.

Крыгин никак не подал виду, что услышал, но до меня донеслось, как он чуть позже шепнул Ленке: «Поможешь собраться».

— Димка.

— Да, хорошо, — кивнул тот, закладывая большие пальцы рук за пояс.

— Все. Остальные плывут, — сказал я. И ушел в каюту.

* * *

Самое странное, что «бури» не было. Я сидел в каюте и ждал ее, а ничего не было, и до меня дошло, что там, снаружи, все уже просто собираются. Наверное, «вступительное слово» получилось у меня внушительным.

Но ко мне не пришли ни Танюшка, ни Сергей. И это почти пугало. И, чтобы избавиться от страха, я пошел делать дела...

Ясо на мое предложение остаться замотал головой и, не став ничего слушать, убежал от меня. Йенс выслушал. Хмыкнул. Посмотрел на небо. И спросил:

— Ты знаешь, что такое Гьелль?

— Знаю, — вздохнул я. — Я читал книжку про богов Асгарда в детском переложении. Река в царстве мертвых, вода которой несет ножи.

Йенс кивнул и ушел.

Как-то так получилось, что уже через час собирать стало нечего, все, кто должен был

плыть, собрались у спущенного в лодку, которую уже давно опустили на воду, трапа.

И стало ясно, что пора отправляться.

Танюшка принесла мой вещмешок, бросила к моим ногам, посмотрела вокруг... и, как и большинство девчонок, повисла у меня на шее. Ее губы уткнулись мне в ухо.

— Ты не смеешь не вернуться, слышишь? — ровным голосом сказала она.

— Я вернусь, — так же ровно ответил я. И не стал ничего объяснять, просить прощения, вообще что-то говорить. Вместо этого я поцеловал ее — в губы, в глаза, в губы... и, отстранившись, надел ей на руку свои часы... и снова поцеловал в губы, в губы, в губы, в губы...

— Все, иди. — Она оторвалась от меня и со стоном отвернулась.

Я сделал два шага — и наткнулся на Сергея. Около трапа была сумятица, и он показал глазами, что надо отойти. Мы отошли за мачту — и я получил удар в грудь, бросивший меня на нее: Сергей стоял напротив меня с поднятыми кулаками, весь ходя ходуном.

Я перевел дыхание и, улыбнувшись, встал прямо. Сергей размахнулся... и не ударил. Его рука упала.

— Как ты мог?.. — с мукой спросил он. — Ну как же так?.. Мы же... мы с тобой...

— Сергей, — прервал я его, — представь себе: мы выходим — а корабля нет. В прошлый раз я был уверен, что Вадим и Джек его доведут и сохранят... его и всех на нем. А сейчас?.. Йенс?.. Но ведь ты сам сказал — мы с тобой. Мы не с ним, Сергей. Значит — только ты.

— А если я доведу когг — а вас не будет? — Он оскалился в отчаянье. — Ни через девять месяцев, ни через год?!

— Тогда тем более, — тихо сказал я. — Тогда ты и только ты сможешь сделать так, чтобы все жили и дальше... И об этом, Сергей. Плыви, куда захочешь. Но не на Скалу. Скала пуста.

Он не удивился моим словам. Позднее он, наверное, спохватится, подумает: откуда я мог это знать? Не мог же я объяснить свое давнее видение — пустая Скала и драккары Лаури, лежащие на песке в портовой пещере... Но сейчас Сергей не обратил внимания на мои слова — он стиснул мои плечи и твердо сказал:

— Я приду к Гьеллю. И ты придешь.

— Конечно, — кивнул я. — Мне пора...

Пока Анри и Джерри гребли, везя нас к небольшому пляжику, я ни разу не оглянулся. Я не позволил себе оглянуться и потом, когда мы вошли под сплошной полог, в сумрак и туман лесов Пацифиды.

Струйкой дым понесло. Тишина.
Запечалилась в небе луна.
Ну и пусть — мне печаль не страшна.
Главное — что есть ты у меня.

А ты — там, там, там,
Где черемуха растет,
И рябина тонким прутиком песок метет...
А ты там, где весна,
А я здесь, где зима...
Главное — что есть ты
У меня!

Вновь поход. И опять мы идем.
Ловим воздух, как лошади, ртом.
Ну и пусть впереди западня.
Главное — что есть ты у меня.

Фотокарточку нежно храню.
Ты смеешься на ней. Я — кричу:
«Я вернусь, по-другому нельзя!
Главное, что есть ты у меня!»

А ты — там, там, там,
Где черемуха растет,
И рябина тонким прутиком песок метет...
А ты там, где весна,
А я здесь, где зима...
Главное — что есть ты
У меня!

Группа «Любэ»

Сколько бы я ни прожил еще на этом свете — умри я завтра, умри через год, десять лет или судьба (ха-ха!) отпустит мне век Хаахти или хоть Джека с Нэдом, — так вот, сколько бы я ни прожил, мне не забыть того первого дня на Пацифиде. Именно первого, хотя, честное слово, там хватало куда более насыщенных дней.

Мы шли через душный, насыщенный испарениями сумрак. Уже через сотню шагов ветерок с берега океана перестал долетать до нас. Казалось, что мы погрузились на дно невероятного океана. Глубокий свет зеленоватого оттенка полосами лежал в бархатной полутьме, и лишь кое-где пробивались вниз чистые солнечные лучи. Если поднимаешь голову — взгляд натывался на все новые и новые ярусы листвы, уходившие вверх фантастическими террасами, переплетенными сетью лиан. Тут и там цвели прямо на стволах деревьев неизвестных пород крупные, сочные, даже страшные какие-то цветы.

Но внизу, там, где мы шли, было неожиданно довольно просторно — не так, как я представлял себе джунгли по книжкам, где каждый шаг прорубают мачете. Подлеска, травы не было совсем. Земля мягко пружинила, выпуская воду — это чувствовалось, но не было видно, потому что плотный, как сметана, туман клубился чуть ниже колен. Он ощущался, как вещественная теплая субстанция, вроде бы даже чуть противившаяся шагу.

Окружающий мир казался безжизненным, но десятки самых разных звуков таились и крались в листве и тумане. Духота оказалась невыносимой. Жарче всего в моей жизни мне было, когда мы шли через солончаки Дикого Запада, но там была сухая жара, а тут — постоянно действующая парилка, которых я терпеть не мог, кстати. И при мысли, что это — на ближайшие полгода, а то и больше, — мне стало не по себе.

И все-таки я был доволен. Сколько лет я шел к этой своей мечте — и вот она сбылась, мы на Пацифиде. И, переполняемый этим чувством, я оглянулся на остальных и взмахнул рукой:

— Пошли скорей! — возбужденно позвал я. — Ну?! Что же вы?!

* * *

Я проснулся оттого, что в джунглях ухнуло и затрещало. Это вполне могла быть одна из тех чудовищных плюющих ядом тварей, с которыми мы близко свели знакомство в последнее время.

Кожа в паху и под мышками зудела. Я провел ладонью по телу и, ощутив на бедре скользкий нарост, сквозь зубы выругался. Как ни старайся, а все равно добираются. Внутренне вздрагивая от омерзения, я завожился, нашаривая кисет с мокрой солью, ощупью посыпал нарост. Подождал с полминуты, тронул — пальцы попали в кровь, но пиявки уже не было. Тварь... Помнится, когда я первый раз нашел на себе такую, я даже не заорал —

завизжал. Круче был эффект только от пауков величиной с суповую тарелку (без лап!), от которых я при первом знакомстве бросился бежать...

Нашарив штаны, я влез в них, а потом и в сапоги, не выбираясь из гамака. Одежда, сделанная из кожи, стала нашим уязвимым местом — она осклизала, плесневела и воняла. Но хорошо защищала от большинства неприятностей, так что приходилось мириться...

Легкие с натугой прокачивали воздух с влажностью больше ста процентов. Ночью было не менее душно, чем днем. И я ощущал, что скоро мне так и так заступать часовым.

Вокруг в гамаках спали еще семь мальчишек. Шумно спали. Кто-то тянул воздух открытым ртом, кто-то стонал, кто-то храпел, кто-то чесался изо всех сил. Мелкая мошкара, слабо фосфоресцируя, вилась над лагерем. Стояла угрожающая тишина, лишь кто-то скрипел в джунглях. Потом снова слышались уханье и треск...

За пять месяцев странствий по джунглям мы не видели ни урса, ни белых, ни каких-либо следов их пребывания здесь. Но путешествие было тяжелым чисто по природным причинам.

На нас ополчились сырость, духота и бездорожье. Какая-то мерзейшая плесень зеленого цвета возникала на теле. Кожа между пальцами ног трескалась и кровоточила, а кое-где — отслаивалась лоскутами. Оказалось неожиданно плохо с водой — мы как-то пару раз налетели на роднички, хлебнув из которых по нескольку суток мучились поносом. С продуктами тоже было не слишком. Джунгли кишели жизнью, но эта жизнь была либо совершенно неуловимой, либо смертельно опасной — ядовитые огромные слизни, чудовищные водяные змеи, крокодилы, гигантские паучищи, существа вроде носорогов, протаптывавшие в джунглях бетонно-твердые тропы и мгновенно впадавшие в ярость, черт-те что еще... Туманный, душный мир таил в себе настоящий заповедник невероятной нечисти, словно вышедшей из ночных кошмаров горячечного бреда.

За эти месяцы мы не видели солнца и чистого неба ни разу. Разжечь огонь вечером тоже было нелегко, да и вообще не всегда удавалось. Я время от времени начинал опасаться, что кто-то сорвется со вполне естественным вопросом: «На кой черт ты нас сюда затащил, Олег?!»

Если бы я знал...

Видов торчал за толстенным деревом, прислушиваясь к темноте. Поведя плечом, он дал мне понять, что ощущает мое приближение.

— Что там? — тихо спросил я.

— Вроде ничего, — так же шепотом отозвался серб. — Они далеко, если это вообще они... Ты чего встал?

— Все равно менять пора... Где Димка?

— На другой стороне...

— Иди, поднимай Раде. Потом можете с Димкой идти спать.

Он бесшумно канул в полосатый мрак.

Я провел ладонью по кобуре. У меня оставалось одиннадцать патронов к нагану, у Кольки — восемь последних к автомату. За это время мы не стреляли ни разу. Но меня не оставляло ощущение, что эти патроны нам еще понадобятся.

Меня беспокоило одно. За все пять месяцев с нами не произошло ничего *такого*. Как ни крути — ничего, что могло бы оказаться «выходящим за рамки». А я ведь помнил рассказы о Пацифиде.

И я пошел сюда *за этим*. Вот и ответ на незаданный вопрос, зачем я «их» сюда затащил.

Но пока ничего нет. И это меня беспокоило.

Если где-то нет кого-то —
Значит, кто-то где-то есть...

* * *

Мы вышли к речке около десяти утра. Последние полчаса были очень тяжелыми — лианы словно бы сговорились нас не пропускать. Да и сама река не слишком радовала — над ней все тем же пологом смыкались ветви деревьев, ровная, казавшаяся неподвижной, вода отливала вороненой сталью.

— Сонной, зловонной реки Лимпопо... — пробормотал Ромка.

— А? — не понял Йенс, пробовавший воду веткой.

— Это у Киплинга, — пояснил Ромка. Нам было так тяжело, что его перестали чуждаться уже в конце второй недели, но он по-прежнему был стеснительно-зажатым и редко что-то говорил сверх деловых бесед. — Про Слопенка... «Откуда у слона хобот?»...

— А, — безразлично отозвался Йенс и сказал мне: — А река-то течет на запад, или мой «компас» отказал... Чувствуешь? — Я кивнул. Река в самом деле текла на запад, я это ощущал тоже. — Если это и не один из притоков Гьелля, то почему бы нам хоть немного не сплавиться?

— На чем? — хмуро спросил Ясо. — Здешние деревяшки тонут, как железо.

— Сын мой, — Йенс бросил ветку в воду (она и правда утонула), — вон там, у излучины, я вижу бамбук. Мы свяжем плот лианами и устроим себе хотя бы сутки курорта.

— А если повезет — то и больше. — Олегу идея Йенса явно понравилась. — Пошли строить плот!..

Сухие (относительно) бамбуковые палки — а точнее, стволы толщиной в ногу — отлично держались на воде, да и вязать из них плот было легче, чем из деревьев средней полосы, а уж с ними-то у нас опыт был. Короче говоря, ближе к часу дня мы уже сплавлялись по течению, временами отпихиваясь шестами от довольно близкого — метра три, не больше — дна. Настроение поднялось. Перспективы заиграли в несколько цветов радуги. Даже воздух тут вроде бы был посвежей. Мы разулись, потом сбросили и одежду — кусачая гнусь тут почти не попадалась, а залетных одиночек можно было просто бить, как европейских комаров. Зашел разговор о девчонках, но я объявил мораторий на воспоминания.

— Давайте природой любоваться, что ли? — предложил Димка, вытягиваясь на животе.

* * *

— Олег, проснись!

— Уди.

— Олег, проснись, я говорю!

— Уди н'х.

— Да Олег же!

— Н'х!!!

Меня беспощадно затрясли, и я, открыв глаза, сел, зло глядя на встревоженное лицо Игоря. Все спали, только Ромка с шестом торчал на корме и смотрел куда-то вперед с неослабным вниманием.

— Че надо? — свирепо спросил я. Я в самом деле разозлился — уж больно хорошо спал. Очевидно, организм отпустил тормоза, подсознательно определив плот на реке как очень безопасное место.

— Смотри, — Игорь, повернувшись всем телом, указал — даже скорей ткнул — вперед.

Я встал на колени и заморгал глазами. Мы подплывали к плоскому каменному зданию, сложенному из больших шероховатых плит, как захоронения в Англии. Было не очень понятно, каковы его настоящие размеры — по стенам вползали все те же лианы, верх тоже закрывала зелень. Только вход и прилегающие к нему блоки оставались почти свободными.

— Крепость? — вырвалось у меня. — Нет... Игорь, давай, буди всех... Ром, пихайся к

берегу, посмотрим, что это такое! — Я уже влезал в штаны. На плоту завозились, пытаюсь выяснить, что происходит в окружающем мире — разморило, как оказалось, всех.

— Эй, тут мелко! — Ясо соскочил в воду с носа плота — там было до середины его сапог. — И, похоже, тут был причал — вон, видно доски!

В самом деле — чуть в стороне под темной водой различались остатки настила. Пока я их рассматривал, кое-кто уже добрался до непонятного здания и заглядывал внутрь.

— Полежай.

— Ага, а ты чего?

— Темно...

— Факел, может, сделать?

— А вдруг там какая тварь?

— А там вон, дальше, там свет...

— Дайте-ка я, — решился Колька и — с автоматом наперевес — полез в проем входа. Поскользнулся и с матерком съехал вниз. — Ой, бя!

— Ты что, ушибся? — спросил Димка.

— Да тут просто грязно, — ответил Колька. — Я пошел дальше...

— погоди! — окликнул я. — Иду!

— Ну как же без тебя, — с иронией заметил Йенс, подавая мне руку. — Сползай...

Очевидно, каменное здание постепенно уходило в болотистый берег. Под ногами шлепала грязь. Но впереди и в самом деле проникали внутрь рассеянные потоки зеленоватого света из широких окон, заплетенных лианами. Постояв, мы привыкали к темноте, она уже не казалась полной, хотя следом уже сползали, закрывая свет от входа, остальные любопытствующие.

Когда-то тут жили. В грязи лежали остатки «пирамиды» для оружия и снаряжения, а подальше видны были остатки стола и нескольких топчанов. Дерево разбухло и ползло под пальцами, как мыло. На каменных стенах сохранились следы деревянной обивки из планок. А на них, в свою очередь, еще различались лохмотья, в которых я с удивлением узнал когда-то висевшие на стенах рисунки, плакаты и прочее. Что там было на них изображено — непонятно, однако не вызывало сомнений: когда-то тут жили, и жили постоянно.

— Смотри! — изумленно сказал Колька, касаясь пальцами стены. Там сохранились остатки более плотной бумаги — старая фотография на толстом картоне: — Это же...

— Черт побери, это ваш Сталин! — вырвалось у Йенса. — Честное слово!

Да, с фотографии на нас смотрел мудрым и веселым взглядом «отец народов» — слегка расплывшийся, но еще вполне узнаваемый. Пока я переваривал увиденное, Игорь тронул меня за плечо:

— А вот тут посмотри, Олег...

В углу лежали ящики — много, тоже наполовину утонувшие в грязи, — а на них доска, очевидно, упавшая со стены, в ней торчали ржавые остатки гвоздей-самоковок. На доске сохранились разводы, когда-то бывшие буквами, но еще вполне читаемые и сейчас.

— «Полевой... лагерь... — прочитал я, — 2-й Кругосветной Сталинской пионерской... экс... а, экспедиции!.. 1934 год». Ничего себе...

В ящиках, крышки которых распадались в руках, лежали когда-то продукты, но это угадывалось только по запаху гниющей органики. Точнее — пере-перегнившей.

— Вторая Кругосветная Сталинская пионерская... — повторил я. — Ну, давали парни.

— Если они и погибли, то не здесь, — все еще озираясь, сказал Йенс. — Но запасов не забрали, значит, что-то случилось...

— Да что случилось, что случилось, — проворчал Олег, — убили. Или урса, или еще кто...

Он, кажется, собирался и дальше развивать эту тему, но внутрь соскочил Ромка.

— Олег! — крикнул он. — Посмотри, что там! Это... Это что-то!

— Что — «что-то»? — Я, подтянувшись в прыжке за каменную притолоку, выдернул себя наружу. Ромка заторопился к зарослям чуть подальше, то и дело оглядываясь, его глаза

горели. — Ну... блин!!!

— Смотри, вот, он большой! — Ромка рывком сорвал остатки покрывала из лиан, и я увидел остальную часть корабля, от которого до этого видел только корму, на которую и наткнулся Ромка.

Это был драккар. Он лежал с креном на правый борт в заводи, которая высохла и превратилась в болото грязи. Борт драккара был проломлен, палуба осклизла и заплесневела, торчали весла. Но все это я отметил мельком. Мой взгляд приковало носовое украшение.

Любой из наших узнал бы его. Любой, кроме Ромки. Его с нами не было, когда мы последний раз видели этот корабль.

— Олег, ты чего? — тихо спросил Ромка. Я посмотрел на него и, кажется, испугал своим взглядом. — Ты чего, Олег? — Он даже чуть отшагнул.

— Я знаю этот драккар, — сказал я. Но больше ничего объяснить не успел. Подошедший первым из остальных Видов тихо сказал:

— Драккар Игоря.

Да. Это был тот драккар, на котором когда-то плавал Саня... а потом уплыл в никуда Игорь Летягин по прозвищу Сморч.

Для того дорога и дана,
Чтоб души вниманье не дремало.
Человеку важно знать немало,
Оттого дорога и длинна.
Человеку важно знать свой дом —
Весь свой дом, а не один свой угол.
Этот дом замусорен и кругл,
Чердаки в нем крыты белым льдом.

Закон дороги простой:
Шагай вперед не спеша.
И пусть — верста за верстой —
Внемлет дороге твоя человечья душа.

Человеку важно знать людей,
Чтоб от них полезного набраться.
Чтоб средь всех идей идею братства
Ненароком он не проглядел.
А еще полезно знать, что он —
Не песчинка на бархане века.
Человек не меньше Человека,
В этой теме важен верный тон.

Иногда в дороге нам темно,
Иногда она непроходима.
Но идти по ней необходимо,
Ничего иного не дано...

Д. Сухарев

Если экспедиционный лагерь был оставлен, в общем-то, в порядке, то драккар носил явственные следы боя. Очевидно, Сморч поставил свое судно в заводи на ночевку, и его отсеки тут — за кормой драккара мы обнаружили остатки перегородившего выход бревна, с тех пор сгнившего. Какое-то время они держались, используя драккар, как крепость. Потом...

Мы нашли изъеденное ржавчиной оружие. И скелеты в остатках одежды. Наверное, их было больше, но погибшие не на драккаре давно стали частью земли, ила, воды... Определить, когда все это произошло, было невозможно.

— Он прошел сюда по реке, значит — есть выход в океан, — сказал Йенс, но я не слушал его.

На носу, перед самыми первыми скамьями, лежал скелет с гизармой поперек груди. Лезвие съела ржа, мох вырос на костях и остатках одежды. Скелеты одинаковы. Но не узнать гизарму я не мог.

Несколько секунд — очень долгих секунд — я глядел в черную глубину глазниц черепа. Одна глазница была повреждена, кость возле нее треснула и разошлась. Именно сюда пришелся смертельный удар.

Казалось, что эта глазница сощурена.

Желудок у меня подпрыгнул к горлу. С трудом удерживая его содержимое, я отвернулся и пошел к борту, чтобы не видеть останков.

Но я знал, что не забуду увиденного.

Не смогу забыть, хотя очень постараюсь.

Из всех сил постараюсь.

— Игорь? — спросил Олег, на которого я наткнулся, как слепой. Я кивнул. — Вот так... Значит, урса тут все-таки есть.

Я соскочил в грязь. И застыл, скорчившись и чувствуя, что холодный пот струится между лопаток.

До нашего слуха донеслись ритмичные размеренные удары. Глухие, но громкие и мощные, они неслись откуда-то из разом притихших джунглей, пульсируя меж древесных стен по берегам реки, как кровь в артерии.

Бум-бум-бум-бум-бум-бум.

Барабаны.

Барабаны в джунглях.

Барабаны, за которыми нельзя ходить.

* * *

— Ты хочешь себя убить с упорством, достойным лучшего применения! — прихлопывая москита, Олег треснул себя по шее с такой силой, что едва не упал в воду.

— Слушай, тетка, — спокойно ответил я, — сказать тебе, за каким чертом я вообще сюда поперся? Кормить москитов и облезать от местного лишая? Ничего подобного. Меня лично интересуют здешние тайны.

— В их числе — барабанный бой? — уточнил Олег.

Я кивнул:

— В их числе — и в первую очередь! — барабанный бой.

— Я пас, — поднял руки Олег и вдруг рассмеялся. — В конце концов, если даже мы погибнем, то... — Он помедлил, подыскивая слова, и тогда вместо него закончил Йенс:

— ... то мы же все равно погибнем, так о чем разговор?

Барабаны бухтели весь день. Стемнело, а их рокот продолжался в ночи, и временами начинало казаться, что это повторение боя наших сердец... или что наши сердца подстраиваются под бой барабанов...

Мы заночевали посреди реки, расчленив плот между вбитых в дно шестов. Собственно — «заночевали» не то слово. Было уже за полночь, а мы все еще обсуждали вопрос о том, что делать с этим боем. Точнее — *как* делать. Наконец я сказал:

— Ладно, давайте поспим наконец, — и, подавая пример, вытянулся на бамбучинах, сунув под голову вещмешок.

— Хорошая идея, — признал Йенс. — Торопиться некуда, они, похоже, не умолкнут долго. Часовых будем ставить?

— Непременно, — зевнул я. — По часу...

— Я встану первым, — сказал Олег, усаживаясь на краю плота со скрещенными ногами...

— Вставай, пора дежурить. — Ромка открыл глаза и несколько секунд сонно пытался сообразить, что к чему. — Проснулся? — убедившись в этом, Олег улегся и тут же уснул.

Ромка зевнул, несколько раз плеснул себе в лицо водой из реки. Она была теплой и пахла цвелью, но мальчишка проснулся окончательно. Он присел с краю и несколько минут вглядывался и вслушивался. Барабаны продолжали рокотать, и этот звук пугал. Он был причиной плохого сна, в котором звучал, как наяву, но Ромка уже не мог вспомнить этот сон... и был доволен, что не может.

Кто-то отчетливо сказал за спиной: «Ну и что, ну и пусть — как хочется... ладно, да...» Ромка оглянулся, понял, что это во сне. Ясо перевернулся на живот, что-то пробурчал — говорил не он. Остальные спали спокойно.

Ромка вздохнул и поморщился, слушая барабаны. Его взгляд упал на Олега Верещагина, и Ромка подумал, насколько странной и в то же время приятной оказалась их встреча. В свое время он мечтал стать его другом и ужасно жалел, что между ними — пять лет разницы. Для Олега он был восторженным болельщиком-младшеклассником, который ходит на каждую схватку... ну или сыном библиотекарши, который поглядывает, как старший мальчишка с серьезным лицом листает толстые непонятные книги...

А сейчас — сейчас они были ровесниками! Эта мысль неожиданно насмешила Ромку. Больше того — он был на три или четыре месяца *старше* ! Физически...

Ромка вздохнул — коротко и печально. Нет. Ровесник — да, может быть... но не *ровня* . Нет. Не ровня. Они жили бок о бок, но в определенной степени были даже дальше, чем там, в Кирсанове. *Здешний* Олег был воином и героем. На самом деле, не как в книжках или кино... вернее — как раз как в книжках или кино, но по правде. Иногда он казался совсем прежним — когда смеялся или дурачился с остальными, когда просто сидел и думал, когда спал... Но иногда его лицо твердело, на лбу становился виден тонкий шрам, и слова его делались неsgiбаемыми, отточенными и определенными, как острие его же палаша, а между ним и остальными отчетливо проступала прозрачная, но непробиваемая стена.

Ромка часто думал, знал ли сам Олег об этой стене. И приходил к выводу, что знал. Да, знал и жил с этим. У него была Танюшка — для нее не существовало этой стены. Был Сергей, который умел эту стену преодолевать. Был Йенс, который не обращал на нее внимания.

Для остальных Олег был — Князь. Сколько бы искренности ни было в их совместном веселье.

За последние пять месяцев Ромка наладил отношения со всеми, а Кольку, пожалуй, мог бы назвать своим другом.

Но Олег — Олег, который вытащил его из болота, дал шанс стать человеком! — был там. За стенкой. И то, что он там был для всех, не успокаивало.

Ромка снова вздохнул. Олег, словно отвечая на этот вздох, стиснул пальцами рукоять палаша, потом отпустил оружие. Ромка отвернулся и стал смотреть и слушать ночь...

Йенс на смену проснулся сам. Ромка не уловил даже, как он оказался рядом — сидел со скрещенными ногами и прислушивался тоже.

— Тихо? — спросил он.

— Тихо, — кивнул Ромка. — А что, ты на смену?

Теперь кивнул Йенс. На плоту кто-то снова забурчал, потом тонко вскрикнул.

— Как ты думаешь, что с нами будет? — спросил Ромка.

Йенс пожал плечами:

— Мы все умрем.

— А... — Ромка поперхнулся. — Нет, я понимаю, но сейчас конкретно...

— Возможно, мы умрем сегодня днем, — равнодушно ответил Йенс. — Или через несколько минут.

— Да ну тебя... — уныло сказал Ромка.

Немец рассмеялся:

— Тебе что, страшно? Не бойся, незачем...

— Ты что, не боишься умирать? — удивился Ромка. Йенс пожевал бамбуковую щепочку, сплюнул в воду, пожевал снова... Ромка терпеливо ждал.

— Как сказать... — медленно произнес немец наконец. — Я еще не все увидел. Хотелось бы посмотреть хоть одним глазком этот Город Света... и еще кое-что хотелось бы сделать... Но особо бегать от смерти тоже не собираюсь. Я германец. Это обязывает.

— Это, наверное, страшно... — прошептал Ромка, поежившись.

— Это, наверное, больно, — поправил Йенс. — Но наверняка — не так больно, как при некоторых ранениях, после которых болит неделями и хочется как раз умереть. Поскорее... Ложись-ка ты спать, римлянин.

— Почему римлянин? — удивился Ромка.

— Роман — это «римский» в переводе с латыни, — охотно пояснил Йенс и засмеялся.

— Я сейчас пойду, — пообещал Роман. — Я только еще спросить хочу...

— Давай, — согласился Йенс.

— Олег... чего он хочет?

— Ты знал его *там*? — вопросом ответил немец.

Ромка вздохнул:

— Да, немного... Я и Сат... Арниса знал тоже, только не люблю про это вспоминать...

— Какой он был, Олег?

— Ну... — вопрос озадачил Ромку. — Спокойный... аккуратный... учился неплохо... фехтовать и читать любил... Он старше меня был, он меня и знал-то только потому, что я за него на фехтовании болел, а моя мама была... она школьный библиотекарь.

— Олег хочет, — начал Йенс, никак не реагируя на ответ Ромки, — чтобы о нем помнили. Помнили долго. Может быть — вечно. Но этого он уже почти добился — о нем поют песни. И будут петь долго... может быть, и вечно. Еще он хочет того же, чего и я, — посмотреть этот мир. К этой цели он тоже близок. По крайней мере — в его понимании. И наконец, он хочет залить кровью улицы того места, где в нас играют — Города Света. Вот до этого он еще не добрался. Но, когда доберется, я хочу быть рядом, потому что это будет самое интересное место на белом свете на тот момент... А теперь ты идешь спать, Роман.

Я делил с вами хлеб и соль...
Вашу воду и водку пил,
Я с каждым из вас умирал в его час.
Я вашей жизнью жил.

Что осталось из вашей судьбы
В стороне от жизни моей?
Ни в тяжком труде, ни в горькой беде,
За волнами семи морей?

Я так нашу жизнь описал,
Что людей забавлял мой рассказ...
Только мы с вами знаем, что шутка дурная:
Веселого мало для нас!

Дж. Р. Киплинг

«Идти за барабанами» в прямом смысле слова было бы не подвигом, а глупостью. Мы

сплавлялись еще сутки. Первые шесть часов звук становился все сильнее, потом — начал удаляться, и под утро, когда рокот уже был слышен не очень хорошо, я приказал остановиться, причалить к берегу и, спрятав плот в прибрежных зарослях, высадиться и залечь в засаде неподалеку от берега.

Честно? Я не очень верил в сверхъестественное происхождение этого навязчивого звука. Нет, в этом мире имелаась разная «нечисть», несомненно. Но барабанный бой у меня с этим не «монтировался», хоть убейте...

Около трех часов дня пошел дождь. Это оказался настоящий тропический ливень — теплый, пахнущий чем-то сладким и пряным, упругий и сильный, словно струи из поливочного шланга. Лес вокруг наполнился грохотом водяных струй. За прошедшие пять месяцев мы ни разу не попадали под дождь, и нынешнее светопредставление наводило на грустные мысли о сезоне дождей, разливах рек и прочем.

Струи ливня вбивали нас в раскисшую землю, делая ее частью. Рокот барабанов стал не слышен совсем. Дождь стер его...

Пальцы Игоря коснулись моего бедра. Я чуть повернулся. Игорь указал глазами в сторону берега, и я усмехнулся.

Урса пробирались через кусты. Рысцой, неспешно, но уверенно, не меньше сорока воинов. Они явно преследовали плот, собираясь напасть на ночевке. Я рассматривал их и думал, что уже успел от них отвыкнуть — последний раз видел прошлым летом, во время схватки у дирижабля.

Я показал два пальца и сжал кулак. Мой жест, означавший двоих пленных, пробежал по цепочке.

— Рось!..

Я перелетел куст, в прыжке ударив ногами в грудь урса — упал на него сверху опять же ногами, раздавливая грудную клетку. Звиг-загг — сказали клинки, ятаган переломился с высоким звуком, выбрызгивая искры, урса отлетел к дереву, и моя дага наискось перерезала ему горло. Крутнувшись, я поймал и отбросил дагой брошенную в спину толлу. Хозяин ее, метнувшийся ко мне с занесенным топором, получил пинок в грудь и рухнул прямо на тесак Димки. Еще один до меня не добежал — в левом ухе у него вырос метательный нож Игоря.

Но я не особенно огорчился — передо мной вновь маячила раскрашенная маска... Урса отбил мой палаш верхним краем щита, дагу — ятаганом. Я скользнул на нижний уровень и отрубил ему ноги ниже колен. Он смешно заковылял по грязи на обрубках, поливая ее кровью, потом дико завыл и рухнул на живот. Ударом ноги сверху вниз я сломал ему шею.

— Все, не оглядывайся, Олег, — со смехом сказал Ясо, вытирая палаш о широченный лист, — остались только пленные.

— Раненые есть? — уточнил я.

— Плечо, — весело признался Колька. — Кость цела, ничего...

Кость у него и правда была цела, но левое плечо сильно разрубили ятаганом.

— Но зато я его в плен взял, — похвастался Колька, кивнув на связанного урса.

— Аж пятерых взяли! — восхитился Раде.

— Ну оно и к лучшему. — Я ткнул в одного из урса. — Вот этого поставьте на ноги... — Подождав, пока мой приказ выполнят, я подошел к остальным четверым и начал их рубить...

— Думаю, вопрос ему вполне ясен? — уточнил я, обращаясь к Йенсу, который держал урса, и одновременно подставляясь под льющие с деревьев потоки, чтобы смыть кровь.

Йенс, ударяя урса локтем в позвоночник, начал задавать вопросы — отрывисто, его знаний языка хватало только на то, чтобы объясниться, а другие (и я в том числе) вообще ни слова не знали. Тот отвечал высоким от ужаса, визгливым голосом, умоляюще косясь на немца.

— Он ничего не знает о барабанах. — Йенс, сдувая с губ воду, с улыбкой посмотрел на меня. — Они их слышат, потом приходит бокор и говорит, что делать. Они живут прямо тут, на плоскогорье.

— На плоскогорье? — отрывисто переспросил я. Йенс кивнул. — Спроси его, что сказал бокор на этот раз. Что он сказал о нас?

Йенс продолжил допрос. Похоже, урса боялся отвечать, но немца он боялся еще больше. Йенс отпихнул его, с такой силой ударил по лицу, что урса швырнуло в грязь, где он скорчился, глядя на нас расширенными, бессмысленными глазами.

— Он говорит, что бокор сказал: на реке плот с белыми, их надо убить, как убили прошлый раз тех, кто приплыл на лодке со звериной головой.

— Значит, См... Игоря убили они, — сказал Олег, доставая топор. Я перехватил его запястье, ощутив злую силу сопротивления:

— Подожди. Если мы его убьем, кто поведет нас?.. Йенс, скажи этому выродку, что он будет жить, если проведет нас на это плоскогорье.

* * *

Когда голубое, яркое небо резануло по глазам, я невольно отшатнулся и вскрикнул — настолько это было неожиданно. Последние три часа мы поднимались в каком-то тумане, и до меня только теперь дошло, что мы поднялись выше слоя дождевых облаков, затянувших джунгли в каком-то полукилометре от земли.

— Небо... — сказал Раде, потягиваясь. Следом выходили из джунглей остальные, и я рассмеялся, глядя на них в свете только-только поднявшегося солнца. Они тоже ржали, как кони, глядя на меня и друг на друга. В самом деле, зрелище было то еще. Отряд леших на прогулке. Причем мокрых и истощенных леших.

— Отдохнем, а? — предложил Ромка умоляюще. — Ну хоть часок...

— До места еще далеко? — кивнул я Йенсу на урса. Тот задал пленному несколько вопросов и повернулся ко мне:

— Говорит, что вон там — спуск, и все, их селения в долине.

— Угу, — кивнул я, и Олег, подойдя к урса, раскроил ему череп топором. — Теперь можно отдохнуть...

— Мы запаршивели, как помоечные щенята, — буркнул Ясо. — Черт побери, что с моими волосами — не видел раньше, и при солнце не видеть бы!

Я не был склонен уделять столько внимания своей внешности, как Ясо или Раде, но не мог не согласиться с ними сейчас. Хотя бы на своем примере. Обычно волосы мне подрезала Танюшка, и сейчас мокрая, спутанная грива кое-как обкромсанная клинками товарищей, могла напугать кого угодно, особенно если учесть, что на две трети от корня волосы вернули себе свой природный темно-русый цвет, а ближе к концам сохранили темно-бронзовый выгоревший оттенок. На плечах, над бедрами, на пояснице, у колен и вокруг щиколоток — короче, везде, где кожи плотно касалась одежда или ремни, — кожа слезла до крови и осклизла от грибка. Почти то же самое было под мышками, в паху и между ягодиц, а межпальцевые промежутки на руках и ногах кровоточили. И так жилистый, я еще больше похудел, ребра и ключицы выступили наружу, а все остальное тело обвивали жгуты жил и мускулов.

Я почти заставил себя разложить вещи, оружие и одежду на камнях — и рухнул в траву, наслаждаясь сухим теплом. Судя по отдельным междометиям, остальные тоже всю ловили кайф.

Как и когда я уснул — заметить не удалось. Убитый у Тихоокеанского побережья Америки Сережка Лукьянко говорил, что невозможно поймать момент наступления сна... Зато всегда замечаешь, когда и как проснулся.

Солнце выползло в зенит и пекло всю. Раньше, уснув на таком солнышке, я проснулся бы свежесварившимся, да и сейчас суставы ломило. Рядом со мной, обхватив одной рукой коленки, сидел Ромка. Другую ладонь — слегка дрожащую — он держал над моим лицом, защищая его от солнца.

Несколько секунд я смотрел на эту ладонь. Потом — Ромка отдернул ее — сел,

опираясь на руку.

Все остальные еще спали. Часовых не было, и я выругался про себя — на себя же. Одно-единственное вот такое «упущение» вполне способно перечеркнуть годы жизни.

— Давно так сидишь? — спросил я, ощущая блаженство уже просто от того, что в первый раз за пять месяцев *просох*.

— Нет, — он пожал плечами. — Тебе солнце прямо в лицо светило.

— Ромыч, — я помедлил. — Ты только не обижайся. Давай сразу все выясним, — он не сводил с меня удивленных глаз. — Ты что, в меня влюбился?

Глаза — хлоп-хлоп-хлоп. И не наигранно, а — первый «хлоп» удивленно, второй «хлоп» непонимающе, третий «хлоп» обиженно. Четвертого «хлопа» не было, но именно во время, нужное для него, я понял, что смертельно обидел мальчишку — и успел перехватить его за плечо, заставив сесть обратно; он уже вскочил почти и выдохнул:

— Пусти.

— Ладно, — я убрал руку. — Понимаешь, у нас...

— Я знаю, мне рассказывали про Сашек... ну, про Бубненко и Свинкова... — ответил он. — Но я ничего такого... — Он вздохнул, и я правда понял, что обидел его зря.

— Извини, — покаянно сказал я. — Просто, знаешь, я столько тут разного навиделся... в том числе и того, про что ты говорил...

— Я просто... — Ромка помедлил и вдруг выпалил: — Ты мне правда нравишься... ну, не то, что так, а просто... в общем, я просто хотел помочь...

— Эх, Ромыч-Ромыч... — я улыбнулся, и Ромка тоже заулыбался в ответ, а потом сказал:

— А это здорово, что нам с тобой теперь поровну лет, и мы можем... — Он вновь запнулся, но закончил, — ...дружить.

— Здорово, — согласился я. А про себя подумал, что Ромка быстро разочаруется, ну да ничего. Он себе и настоящих друзей теперь найдет быстрее...

* * *

Дождь шел и над этой долиной, по склонам которой кучками среди росчистей лепились хижины урса. Никто из нас, в том числе и я, не видел, как живут урса, и мы, лежа в кустарнике у нижней кромки туч, не без интереса рассматривали пейзаж.

— Нас десять, а их тут сотни, — сказал Димка. — Многовато...

— Да, всех не переловим, разбегутся, — задумчиво кивнул Видов, и Димка ткнул его локтем в бок:

— Остряк...

— Меня не интересуют эти курятники, — нетерпеливо прервал их я. — Ищите тропку, по которой может ходить этот бокор!

— Кажется, я нашел. — Йенс вытянул руку. — Смотрите, вон последняя группа хижин, дальше — голый склон, а тропинка идет, и утоптанная... Видите?.. А вон там сворачивает за камни и в ущелье. Кому и зачем туда ходить?

— Точно. — Я усмехнулся, приподнимаясь на локте. — Отлично... Ну что, наведемся в гости к этим барабанщикам?

— Пошли, — кивнул Раде, подкидывая и ловя свой барте.

Вернее, он хотел его поймать... но почему-то промахнулся — и едва спас ногу, возле которой вонзился в землю топор.

* * *

Обходить долину по склонам было довольно сложно — склоны оказались достаточно крутыми, да еще и заплетенными зеленью, корни которой расшатали камни верхнего слоя. Камни эти не только срывались из-под ног — они грозили и наступившего на них утянуть

следом. Утешал одно — урса тут явно не ходили.

Лил дождь. Долина внизу кипела, как грязевое озеро, из хижин почти никто не появлялся — и это было как раз хорошо. Плохо было, что мы падали. Лично я упал трижды. Первый раз наметившийся глобальный перелет склон — дно долины (метров двести кубарем под углом в 45 градусов) без особой нежности и решительно прервали кусты. Второй раз я сам вцепился в камни и выполз обратно. На третий раз меня поймал в самом начале все того же славного пути Димка — мы едва не продолжили путешествие вместе, но удержались. Сам я ловил поочередно: Ромку, Кольку, Игоря и еще раз Игоря, а ни разу не сорвался только закаленный суровым балканским детством Видов. Когда я второй раз поймал Басса, то увидел, что он смеется.

— Представляешь, — ответил он на мой немой вопрос, — мы лезем, рискуя сломать шею... а куда и зачем? Чтобы подраться. Мы сумасшедшие, Олег, просто е...тые, ты это понимаешь?!

— И это наполняет мое израненное сердце гордостью, — сообщил я. — Лезь давай.

Короче говоря, до тропинки, на которую указал Йенс, мы добрались только к вечеру, злые, со сбитыми коленками, локтями и пальцами — кому как повезло. Если бы урса — в любом количестве — попались бы нам в этот момент, мы бы раскатали их в блин просто со злости. Лично у меня от подметок сапог остались одни лохмотья, и я, плюнув, разулся и подвязал сапоги к вещмешку — починю, как освобожусь... Широкие кожаные клешы, удобные, если снимать-надевать, на шаге хлестали по ногам с мокрым звуком. Это страшно раздражало почему-то.

— Ждем до утра? — шепнул Олег, останавливаясь рядом со мной. Я на несколько секунд задумался, потом помотал головой:

— Нет. Долго уже идем, они там могут забеспокоиться, куда группа захвата делась. В гости, так сейчас.

— Ну что ж. — Олег положил свою длинную шпагу на плечо. — Знаешь, о чем я жалею? Что тут я не могу рисовать. Придется потом по памяти, когда воссоединюсь со своим альбомом.

— И с Ленкой, — я толкнул его локтем, — а?

— И с Ленкой, — согласился Олег. — А тебе не хочется к Танюшке?

— Хочется, — согласился я, — почти против воли вспоминая Танюшку — ее лицо мелькнуло в памяти на миг, а потом вспоминалось только тело. Я, конечно, не стал развивать эту тему, но Олег, наматывая на палец свою левую косу, вдруг сказал:

— Мне, Олег, когда мы там, в траве, дрыхли, сон приснился. Станный, правда. Как будто мы с Ленкой оказались в лесу. Мы ехали верхом и одеты были, как обычно... как *там* одевались. А потом выехали к дому... такой, посреди леса, с огородом, садом, большой. Мы вошли внутрь, а там чего только не было, а главное — представляешь?! — документы на нас с Ленкой, и куча денег, разных, даже золотые монеты... Потом пришел араб. Прямо как ты рассказывал. Он сказал, что все это наше. Что это ферма где-то в брянских лесах, что наступил 94-й год... Помню, что мы с Ленкой отказались, потому что вас никого не было, а он сказал — это только для нас, потому что только мы заслужили... Станный сон, правда?

— Да. Станный, — хрипло сказал я, натягивая на левую руку крагу и не глядя Олегу в глаза. — Пошли?..

У нас не было другого выхода, кроме как подниматься по тропинке — иного пути не существовало, а по этой тропке валом катилась грязная вода. Мы были видны отовсюду — из долины и от пещеры, — и оставалось надеяться, что ночная темнота не позволит нас разглядеть, а дождь остудит пыл тех, кому приспичит гулять снаружи. Если кто-то появится наверху и увидит нас, то вполне может в одиночку закидать камнями.

За каким чертом я это делаю?! За каким чертом все это делают?! Ноги скользили по камням, и, если бы я не ходил до фига босиком, то от моих подошв остались бы только кровавые лохмотья. Так или иначе, но мы добрались до площадки над тропой. Все. И без особого ущерба.

Йенс был прав. Сразу за этой площадкой был поворот тропинки, уходившей точно в жерло пещеры, похожей на вход в церковь — мне почему-то вспомнилась Казачья Церковь на черноморском побережье. Но если там были спокойствие и величавость, то здесь из отверстия веяло холодным мраком.

— Дер Энтритт цу Хэлль, — тихо сказал Йенс. И я понял: «Ворота в ад». Да, было похоже. Если на свете есть ад, то вход в него выглядел бы примерно так.

— Знаешь, — задумчиво сказал Димка, — там, где я жил... живу, короче... есть две деревни. Представьте: стоит дорожный указатель. И написано — две стрелки с надписями, — он показал руками: — Рай... Иерусалим. Деревни так называются.

— Врешь, — буркнул Раде.

— Честное слово.

— А ты откуда, Дим? — поинтересовался Колька.

— Из Костромской области...

— Пошли. — Я обнажил клинки, первым шагая в темноту. Это было мое право и моя обязанность.

Я вполне доверял слуху, да и в темноте видел неплохо. Но сейчас тьма, окружавшая меня, была совершенно полной, как... как не знаю что. И не слышалось звуков — никаких, кроме осторожных шагов ребят за моей спиной. Меня почему-то преследовало видение трещины в полу — широкой, бездонной и незаметной. Вот странность, идиотизм, дичь — я по-прежнему боюсь высоты. И пауков.

Черт, а что, если тут живут пауки?! Огромные пауки, и я сейчас врежусь лицом в паутину?! Как в пещере Шелоб, про которую рассказывал Кристо?!

Мысль была страшной, но додумать ее я не успел. В следующий миг мне почудилось, что я оказался внутри огромного барабана.

Грохот послышался... нет, не со всех сторон. Мы были *внутри* этого грохота, он давил и взрывал артерии изнутри. Кажется, я что-то кричал, но своего голоса не слышал.

Не знаю, когда это прекратилось. Я лежал на каменном полу, всхлипывая дыша. Было тихо, только кто-то стонал и ругался. А главное — мы находились в ярком, резко очерченном круге электрического света, падавшего откуда-то сверху и наискось. Мы вскинули головы, но свет бил прямо в глаза, заставляя жмуриться и отворачиваться. А потом — потом зазвучал голос. Он был насмешливый, уверенный. И он говорил по-русски!

— Добро пожаловать! — отзвуки загрели, и я понял, что, во-первых, пространство вокруг нас большое, а во-вторых, говорящий использует усилители. — Любопытство, ах, любопытство... На какие глупости ты их толкаешь! И добро бы одного, двух... так нет — постоянно, постоянно... Раз, два... о, десять. Видели больше, но бывало и меньше.

— Ты кто?! — крикнул Игорь, вертясь на месте.

— А какая тебе разница? — удивился голос. — Ты же все равно труп... Мальчики! Можете начинать! К вам пришла еда и развлечение!

Свет погас. В окружавшей нас вновь кромешной тьме послышались странные, непонятные звуки, множившиеся, откликавшиеся эхом, скреживавшиеся и сплетавшиеся в общий вкрадчиво-жуткий фон.

— В круг, — приказал я, — на мой голос, скорее, все!

И ощутил, как меня касаются плечи и спины.

— Урса, — сказал Видов возле меня. — Тут тьма урса.

Вспыхнувший на этот раз свет шел на нижнем уровне, но зато освещал все. Мы находились в самом центре огромной пещеры, верх которой тонул в темноте. Видимая часть стены была замощена черепами — один к одному, они смотрели на нас излучавшими тьму глазницами. Но самым насущным было не это.

А то, что Видов оказался прав. Вокруг нас стояли урса. Они стояли сплошным кольцом. И их было не меньше трех сотен.

Они заполняли всю пещеру.

Передний ряд стоял, плотно сдвинув щиты и выставив широкие лезвия ассигаев.

Равнодушные маски смотрели на нас в упор.

— Убейте их, мальчики! — с дурацкой жизнерадостностью, сорвавшись вдруг на визг, проорал тот же голос и добавил еще что-то на языке урса. Мы сбились в кучу теснее, выставив клинки во все стороны. Я слышал, как тяжело дышат ребята... — А Короля Поединков берите живым! Живым берите! Ему отрубим руки и, пожалуй, отпустим!

— Хочешь сдаться, Олег? — шепнул Игорь. Я хмыкнул, хотя про себя облился холодным потом. С них станется — задавят толпой и... Нет уж, лучше смерть!.. Ха, но этот голосистый ублюдок меня знает — это вряд ли урса...

— С общефилософской точки зрения похоже, что нам конец, — спокойно сказал Йенс.

— Мне удариться в истерику и просить прощения за то, что я вас вовлек в это? — уточнил я.

— Не стоит, — покачал головой немец.

— Прости, Ясо, я в октябре стащил у тебя из вещмешка последний кусок лаваша, — послышался голос Димки.

— Так это ты?! А я думал — крыса... хотя все равно, так и есть, — отвечал грек.

— Прости меня, Раде, — всхлипнул Колька, — я давно мечтаю тебя поцеловать, но боюсь признаться... давай сейчас, а?!

— Олег, попроси урса подождать, я отрежу этому придурку голову, — попросил Раде.

Ребята все еще шутили. Не думаю, что они не понимали того, что нас ждет. Но просто стоять и ждать смерти было страшно.

— Паршиво, — прошептал Йенс так, чтобы слышал только я. — Чувствуешь себя жучком, которого сейчас наколют на булавку... Свалить бы хоть одного...

— Подожди-ка, Олег. — Олег Крыгин протиснулся мимо меня. Я поймал боковым зрением его улыбку... и она была странная. Он чуть вышел вперед из общего круга и, повернувшись вполоборота, сказал — всем сказал, не мне одному: — Ладно. Вы только живите, ребята. Вы только живите, вот и все... РОСЬ!!!

Он прыгнул вперед.

Ассегаи остановили его, и я увидел, как из спины Олега выскочили с треском три широких, залитых кровью лезвия. Но полностью затормозить бросок урса не смогли — и Олег, падая на их щиты, пробил в кольце брешь.

А потом я перестал слышать, видеть и воспринимать мир вообще. Остался только багровый вихрь, подхвативший меня...

Жаль, мало на свете свободных зверей.
Становятся волки покорней людей.
Ошейник на шею, убогую кость
В те зубы, где воет природная злость.
А ловкие сети калечат волчат,
Их суки ручные вскормят средь щенят.
И будет хозяин под свист тумачков
Смеяться, что нет уже гордых волков.
Пусть лают собаки, таков их удел.
Восстаньте волками, кто весел и смел!
Кто верит в удачу и лютую смерть,
Кому бы хотелось в бою помереть!
Учите щенят, есть немало волков
Средь них, не запятнанных сталью оков.
Вдохнут они волю и примут ваш вой,
Как клич, как девиз на охоту и бой!
Собачьи идеи в собачьих богах,
Ошейник Иисуса — их слабость и страх.
Но вольные звери не знают преград,

Поймут волкодава тупой маскарад!
Поймут и оскалят кинжалы-клыки,
Пощады не будет вам, горе-стрелки!
Ведь вольные ветры в их воют лесах.
И символ для волка — свобода, не страх!

А. Симонов

...Урса... Нет, это голова — без маски, лежит в луже крови с оскаленными острыми зубами... Так, а это что? Еще один урса? Да, вернее — нет, это его половинка... а вот еще одна, но от другого, и его разрубили не сверху вниз, а пополам по поясу. Мотки кишок... А кровищи-то вокруг сколько!

Во рту был вкус металла. Я даже не очень понимал, стою или лежу... Кажется, все-таки стою... А в чем-то у меня руки... в чем это я вообще?.. А, да, это тоже кровь, и оба клинка, намертво засевшие в руках, в крови, и кровь сползает по ним не каплями, а сгустками...

Я огляделся.

Свет горел по-прежнему. Урса лежали вокруг. По отдельности. Грудами. Частями. И просто трупами. Среди расколотых щитов и масок, среди раздробленного и просто брошенного оружия. Я увидел тех, кто стоит на ногах, но это были не урса, а мои ребята. Я считал их и не мог сосчитать, потому что забыл цифры. А еще не понимал, почему они так на меня смотрят. Их надо было окликнуть, но мне пришлось делать усилие, чтобы начать говорить:

— Все живы?

— Олег... — начал Ромка, но я скривился:

— Я знаю... остальные... все?..

Я и сам видел уже, что все живы, хотя они, как и я, с ног до головы были в крови.

— Урса? — У меня наконец восстановился нормальный голос. И Йенс, не спуская с меня глаз, тихо сказал:

— Последних ты убил у выхода. Там, где стоишь, Олег.

Я машинально оглянулся. За моей спиной в самом деле был выход из пещеры.

— Где этот! — торможение отхлынуло, я стал прежним. — Этот, который говорил... Раде, назад!!!

Я увидел все сразу.

Лепившуюся к стене лестницу, уводящую на кольцевой балкон под потолком пещеры.

И — грузную, невысокую фигуру на верхних ступенях лестницы... с пистолетом в руке.

— Колька, убей его! — крикнул я, выхватывая наган. — Колька, убей!.. Автомат!.. Выстрел.

Раде упал, придерживаясь рукой за перила. В следующую секунду я — не знаю как! — оказался на балконе за спиной этого, с пистолетом. Прямо возле динамика, закрепленного в перилах, одного из многих. Стоящий с пистолетом обернулся, и я увидел, что это араб — испуганные глаза, какой-то комбинезон... Я выстрелил, он покачнулся, но, удержавшись рукой за ограждение, выстрелил в ответ. Меня ударило в левое плечо, толкнув назад... я выстрелил второй раз и увидел на этот раз, как пуля отлетела от комбинезона.

Выстрелить в меня еще раз он не успел — тяжелый удар калашниковской пули в правый бок швырнул араба на стену. Я бросился вперед, перепрыгнул через слабо копошащееся тело. Раде внизу шевелился... Я, перелетая через ступеньки, ринулся вниз... Ясо успел первым, подхватил македонца... Я упал рядом на колени.

— Черт, как больно... — Раде отнял руку от бока. — Пистолет, вот так штука... — Его красивое лицо исказилось, и я вдруг понял, что македонец умирает. — Князь, я что-то не вижу тебя, тут очень темно... свет!.. Включите... свет... Зорка!.. Позовите Зорку... я... я не хочу так... Как неудачно... — Он перешел на македонский, а мы стояли и сидели вокруг

него. И ничего не могли сделать. Потом он нашарил мою руку и ясно сказал, улыбнувшись: — Я счастлив, что был с тобой до конца, князь.

Горлом у него хлынула кровь. Раде несколько раз дернулся — и его не стало.

Игорь принес Олега и положил рядом. Глядя на меня, тихо сказал:

— Вот и еще одного нашего нет... Теперь только ты, я, да Сергей на корабле. Из всех наших парней, Олег. Из всех.

— Где эта паскуда?! — прохрипел Ясо, вскакивая на ноги. В его руках алыми отблесками вспыхнули кинжалы.

С площадки упала вниз, тяжело ударилась и раскололась, как спелый арбуз, голова с налитыми ужасом глазами. Мы посмотрели вверх. По лестнице тяжело спускался Йенс (и когда успел туда взлететь?!) с окровавленным топором в руке.

— Почти уполз, — сказал немец. — Хотя бок ты ему прострелил, Коль... Олег, там проход, про который ты рассказывал, только он не работает.

— Филиал Города Света... — Я поднялся. — Коль, спасибо, ты мне жизнь спас... Я и не думал, что у него комбинезон пуленепробиваемый...

— Ребята, неужели мы три сотни положили? — неверяще оглядывался Ромка, зажимая грудь справа, где куртка висела лохмотьями, набухшими кровью.

— «Мы », — хмыкнул Колька. Подумал и согласился: — Ну, сотни две наши. А остальные... — И он покосился на меня. — Только фарш летел...

— Олег, ты ранен. — Йенс подошел ко мне. — Пуля в плече, ты не чувствуешь? Пошли, я выну... — Мы отошли к лестнице, я сел, тихо попросил:

— Пальцы мне разожми, я клинки не могу выпустить...

— Сейчас... — Йенс усмехнулся. — А ты знаешь, что ты в крылатого пса умеешь превращаться? Все видели, но молчат, потому что не верят... Как ты на баллюстраду махнул...

— А ты? — по какому-то наитию спросил я. Немец, надрезая мне плечо, кивнул обыденно:

— И я тоже.

— Я за собой первый раз это на Кавказе заметил, почти четыре года назад, — признался я. — Только тогда не понял, что к чему, а уж в Америке Юджин мне сказал, что видел, как я... с-с-са-а!..

— Все. — Йенс бросил окровавленный кусочек на пол пещеры. — Ну что, будем шить. Урса, я думаю, сюда явятся не скоро.

— Это точно, — согласился я, откидываясь затылком на ступеньку. — Йенс. А как я скажу, что... Ленке и Зорке, что... я же ни разу этого никому не говорил, Йенс... всегда на глазах...

— Придется сказать, — ответил немец, вдевая в иголку самодельную нить из кривобокой маленькой склянки с кустарным спиртом. — Но это еще не скоро. Мы все можем просто не дойти. Так что не беспокойся особо.

* * *

Мы вынесли ребят туда, где не было дождевых струй и сырых, шепчущих джунглей. Я не знаю, как нам это удалось. Я вообще не знаю, как мы выбрались обратно. Знаю, что было утро, и земля под палашом поскрипывала камешками и упругими корешками.

— Он мог вернуться, — сказал я Йенсу, когда мы закончили копать. — Ему предлагали. Ему и Ленке. Понимаешь, он мог вернуться. А вместо этого...

— Кладем их? — спросил Игорь.

— Да, — я поднялся с камней — с тех самых, на которых мы недавно сушили свою одежду, возле которых, дурачась, боролись в теплой траве. — Кладем. Тайне барабанов Пацифиды конец. Все очень тупо.

Возле города Кабула —
В рог труби, штыком вперед! —
Захлебнулся, утонул он,
Не прошел он этот брод,
Брод, брод, брод вблизи Кабула.
Ночью вброд через Кабул-реку!
В эту ночь с рекой бурлившей
Эскадрон боролся пливший
Темной ночью вброд через Кабул-реку.
В городе развалин груды —
В рог труби, штыком вперед! —
Друг тонул, и не забуду
Мокрое лицо и рот!
Брод, брод, брод вблизи Кабула,
Ночью вброд через Кабул-реку!
Примечай, вступая в воду, —
Вехи есть для перехода
Темной ночью вброд через Кабул-реку.
Солнечен Кабул и пылен —
В рог труби, штыком вперед! —
Мы же вместе, рядом плыли,
Мог прийти и мой черед...
Брод, брод, брод вблизи Кабула,
Ночью вброд через Кабул-реку!
Там течение волны гонит,
Слышишь — бьются наши кони?
Темной ночью вброд через Кабул-реку...
Взять Кабул должны мы были —
В рог труби, штыком вперед! —
Прочь отсюда, где сгубили
Мы друзей, где этот брод,
Брод, брод, брод вблизи Кабула.
Ночью вброд через Кабул-реку!
Удалось ли обсушиться,
Не хотите ль возвратиться
Темной ночью вброд через Кабул-реку?
Провались она хоть в ад —
В рог труби, штыком вперед! —
Ведь остался б жив солдат,
Не войди он в этот брод,
Брод, брод, брод вблизи Кабула.
Ночью вброд через Кабул-реку!
Бог простит грехи их в мире...

Башмаки у них, как гири,
Темной ночью вброд через Кабул-реку...
Поверни от стен Кабула —
В рог труби, штыком вперед! —
Половина утонула
Эскадрона там, где брод,
Брод, брод, брод вблизи Кабула
Ночью вброд через Кабул-реку!

Пусть в реке утихли воды,
Не зовем уже к походу
Темной ночью вброд через Кабул-реку.

Дж. Р. Киплинг

В середине июня, продравшись через полосу прибрежных мангров, мы вышли к побережью Пацифиды на западе, пройдя континент насквозь.

Еще двое суток у нас ушло, чтобы добраться до места, где нас ждал «Большой Секрет».

* * *

В конце июня мы отплыли на северо-запад, к побережью Азии.

Рассказ восьмой Будет ласковый дождь...

*Слишком долго бродил я где-то,
Где был нужен, хотя не мил...
А. Дольский*

С высоких хмурых скал, увенчанных лесом, казавшимся черным без солнечного света, стекали струи тумана. В нескольких местах у подножия скал вода плавно и угрожающе ходила водоворотами. Где-то ревел поток водопада.

— Жутко, — призналась Танюшка. — Смотри, как мрачно... Ты здесь был тогда?

— Южнее, — ответил я. И согласился: — Да, жутковато... Ну и скалы!

— Это хребет Джугджур, — вспомнила Танюшка. И вдруг вскинулась: — Олег, смотри!

— Черт! — Я окаменел.

Из скал на наш корабль смотрел высеченный фас мальчишеского лица. Неизвестно, кто и когда приложил к этому руку, но что рельеф очень старый — это было видно сразу. Время, ветер, волны настолько выбили его, что точно разглядеть черты было уже невозможно. Выше лица бесконечно катилась по камню свастика — почти такая же, как на моем палаше.

— Держи на лицо! — прокричала из «вороньего гнезда» Лидка. — На лицо держи, Джерри!

Отрывисто захлопал на повороте парус. «Большой Секрет» тяжело рассек воду и побежал к берегу, а через несколько секунд в скалах открылся проход...

Бухта имела форму капли — расширялась от горла в стороны. Берега окаймляла полоса галечного пляжа, дальше начинался лес. А слева от прохода на этом пляже, достаточно высоко, чтобы не достал прилив или ворвавшаяся штормовая волна, серо-желтой полосой светлела на гальке длинная двускатная палатка.

Мы все застыли. Не от испуга, скорей от неожиданности и удивления — дикие места вокруг не располагали к ожиданию встречи, хотя, если подумать, ничего странного не было в том, что кто-то разбил здесь свой лагерь. Но уже через несколько секунд нам стало ясно, что в бухте уже давно никого не было.

Очень давно.

— Правь к берегу! — крикнул я Джерри, примериваясь, как ловчей прыгнуть в воду...

Галька сухо скрипела под моими ногами. Меня почему-то сводило напряжение, я ловил себя на том, что пальцы сами крадутся к рукояти палаша, и я несколько раз оглядывался на шаги ребят за спиной, как на чужие.

Место не то чтобы пугало. Страшного тут ничего не было. Но оно... да, оно отталкивало.

Чем ближе мы подходили к палатке, тем ясней становилось, что это — не для людей. Между нижним ее краем и галькой была широкая щель. Верх в нескольких местах лопнул, кожа не расходилась только потому, что оказалась хорошо выделана. Узлы, затягивающие вход, превратила в цельные комья морская соль, насквозь пропитавшая их.

— Корабельная палатка, — сказал Джерри, доставая охотничий нож. Посмотрел на меня. Я кивнул. Австралиец начал пилить ремни, пыхтя и тихо чертыхаясь, потом отшагнул. — Это сталь, Олег. Легче сбоку прорезать.

— Легче снизу пролезть, — сказал Игорь чуть насмешливо, ныряя под низ — только сапоги мелькнули.

Назад он выскользнул почти сразу. Рот Басса был приоткрыт, глаза выпучены. Несколько секунд он вообще ничего не говорил, но потом клацнул зубами и сказал потрясенно:

— Там драккар Тиля. Ван дер Бока.

* * *

Черный драккар с акульей мордой был не брошен, а аккуратно прибран — поставлен на катки, подперт с бортов сваями, мачта, весла и правило сняты и уложены на палубу под скамьи. Акуля голова тоже лежала на палубе, и все это сверху дополнительно было затянуто промасленной штормовой кожей, которую мы сняли.

— Тут никого не было уже несколько лет, — определил Анри. — Они не убежали, а ушли. И им, похоже, ничего не грозило...

— Скорей всего, он проплыл тем же путем, что и мы — через Амазонский пролив, — вставил Колька. — Иначе в Америке мы бы про него услышали.

— А потом? — спросил через плечо Анри. Колька качнул головой:

— А потом, что потом? Пошел со своими в Сибирь. Сейчас, может быть, где-нибудь на Урале.

— Чушь, — ответил Анри. — Он никогда бы не бросил драккар. Поплыл бы или побережьем, или, если правда торопился, в Европу, северными морями — как угодно, но драккар не бросил бы, я точно говорю.

— Он что, с тобой советовался? — сердито спросил Колька.

— Не спорьте, — тихо, но отчетливо сказал Йенс. Он стоял около оружейного ящика на носу, придерживая откинутую крышку коленом. — Это не важно. Куда важнее вот что.

Толчком колена он отбросил крышку совсем (ременные пересохшие петли сломались, как пластмассовые). Мы повернулись на стук.

В ящике лежало оружие. Много. Он был полон доверху.

Запасного оружия просто не могло быть *столько*.

Ни шатров на судах, ни ночлега в домах.
Супостат за дверьми стережет;
Спать на ратном щите, меч булатный в руках,
А шатром — голубой небосвод.

Как взыграет гроза, подыми паруса:
Под грозою душе веселей.
Пусть гремит, пусть ревет; трус — кто парус совет!
Чем быть трусом, погибни скорей.

Ты купца, на пути повстречав, защити;
Но возьми с него должную дань.
Ты владыка морей, он же прибыли раб:
Благороднейший промысел — брань...

Но вот викинг плывет: нападай и рубись;
Под щитами потеха бойцам;
Кто отступит на шаг, то не наш: вот закон;
Поступай, как ты ведаешь сам.

Рана — прибыль твоя: на груди, на челе
То прямая украса мужам:
Ты чрез сутки, не прежде, ее повяжи,
Если хочешь собратом быть нам.

Э. Тегнер

— Шпага Тиля, — Игорь, перевернув ножны, рывком вытряхнул из них длинный синеватый клинок. Я кивнул — я тоже ее помнил — и встретился глазами с растерянным взглядом своего старого друга. — Ничего не понимаю, — тихо сказал он. — Они сложили все оружие в ящик, Олег. Смазали, сложили и... и просто ушли... Но так же не бывает!

Я снова кивнул. А про себя вспомнил башню... и груды клинков на полу... и мои мысли о том, откуда мог взяться этот склад... Конечно, там оружие не было сложено так аккуратно, как тут, но все-таки похоже.

— Ты такого раньше не видел? — спросил я Йенса.

Тот покачал головой:

— Не видел... Слышал несколько раз, — неожиданно добавил он, — что вроде бывает такое: отряд пропал, оружие брошено или вот так... заскладировано. Но сам не видел, говорю тебе.

— Загадка... — пробормотал я, не скрывая изумления. — Черт побери, опять загадка... Ребята! — Я повысил голос. — Расходимся попарно, надо обшарить все вокруг — может быть, найдутся какие-то следы!

* * *

Мангровые корни смыкались надо мной и вокруг меня сплошной клеткой. Солнечный свет гас, и, когда исчез последний лучик, влажные гибкие хлысты начали охватывать мои руки и ноги, растягивая их в стороны, а один корень захлестнул шею и плавно, неотвратно стянулся...

— Олег, проснись, Олег, ты что?!

Я со стоном открыл глаза и сел. Пот лил с меня ручьями, я никак не мог успокоить дыхание. Танюшка гладила меня по плечам и спине.

— Пацифида... — простонал я, падая обратно на палубу, на расстеленный плащ. Танюшка несколько раз поцеловала меня в губы, потом прилегла на грудь. — Тань, я мокрый.

— Ничего, это даже приятно... А если бы ты знал, что *мне* снилось в те десять месяцев!

— Кое для кого эти сны обернулись явью. Ленка до сих пор со мной разговаривает через силу, а Зорка вообще в мою сторону не смотрит...

— Не выдумывай, они со всеми так.

Я вздохнул и, осторожно отстранив Танюшку, встал, подошел к борту. Около костра виднелся Джерри, я окликнул его:

— Сергей вернулся?

— Да, он уже спать лег, — через плечо сказал Джерри. — Ничего не нашел.

Я оперся на борт и задумался. За весь день никто — и даже, как выяснилось, сильно припозднившиеся Сергей с Ленкой — не нашел никаких следов Тиля. Я решил перестать

думать об этой проблеме вообще — тем более, что это и не проблема, а, скорей, загадка, одна из многих.

Более насущной проблемой был вопрос о том, что делать дальше — а именно его предстояло решать, и поскорей. У меня — да и у всех остальных — не было опыта плавания в приполярных районах, и я боялся рискнуть плыть через северные моря. Можно было бросить «Большой Секрет», как это почему-то сделал со своим драккаром Тиль, и идти через Сибирь примерно тем путем, который я проделал, возвращаясь из плена... но бросать когн никому не хотелось, а мне — меньше всех. Третий путь вел в обход Азии и Африки, но в этом случае он занимал почти год. Хотя... с другой стороны, в тех-то местах мы как раз еще не были...

Странно, подумал я, поворачиваясь к борту спиной. Странно, странно, странно... Почему меня тянет на берег? Я прошелся по сопкам, разыскивая все те же следы Тиля, но у меня такое ощущение, что я чего-то или не заметил, или пропустил...

— Ты куда? — уже сонно спросила Танюшка.

— Спи, я скоро, — отозвался я. — На берегу побуду.

— А-а... — Она, кажется, так и не проснулась толком.

Я спустился к костру. Джерри посмотрел на меня вопросительно.

— Пройдусь тут недалеко, — объяснил я, глядя в ту сторону, где над океаном уже начала разгораться заря. Джерри кивнул, свистнул и негромко, но отчетливо сказал:

— Анри, не колыхайся, это князь на прогулку вышел.

Анри, очевидно, сидел где-то в кустах или на дереве. Я пошел вдоль берега, но за первым же мысом свернул в лес.

Странно. Почему? Куда меня вообще несет? Я остановился, разбираясь в себе. Первое — причин куда-то тащиться у меня не было начисто. Так с чего это я так энергично засобирался и «улетел»?

Лес стоял передо мной сплошной темной стеной. Метров на двести правее виднелся более темный участок — кажется, распадок или овраг. В глубине его теплой шапкой шевелился туман — белесый, странный... нет... да, странный, но не *тот* туман, который бурыми лепешками тут и там пятнает этот мир, скрывая собой человеческую слабость, страх, боль...

Просто странный туман.

«А почему странный? — думал я на ходу, вышагивая в сторону этого тумана. — Стоп! Куда я опять?!»

Я остановился у самой кромки тумана. Там не было звуков, не было движения, кроме шевеления самих туманных пластов.

Я оглянулся. Отблески костра плясали вдали на ветвях пихт.

И я сделал первый шаг...

Под ногами чавкало, тут и там клонились в стороны камыши. Светало, и мне казалось, что распадок резко расширяется и я нахожусь уже на какой-то болотистой равнине. Туман висел сплошняком со всех сторон — не то чтобы непроницаемый, но что происходит *за* его пределами — видно не было совершенно.

Я шел неспешно, а самое главное — во мне совершенно не было беспокойства, только ощущение того, что *надо* идти. Шаг, шаг, еще шаг... Болото не болото, но сыро... а еще — такое ощущение, что впереди ждет что-то важное и нужное. Только странно — откуда тут такая равнина, в дальневосточной тайге нет таких равнин вообще...

Я не заметил, когда болотистая почва под моими ногами сменилась чем-то твердым. Вокруг по-прежнему плавал туман, но я обратил внимание, что больше нет кустов, не шуршит по сапогам трава — и только после этого внимательно посмотрел под ноги.

Там был асфальт. Самый обычный, чуть выбитый асфальт, из которого тут и там торчала разноцветная щебенка. Я ходил по такому четырнадцать лет — много лет назад.

И отвык от его вида.

— Фокусы, — сказал я тихо, и мой голос утонул в тумане. Я присел на колени и

потрогал асфальт. Он был прохладный, шершавый и влажный. Он был настоящий, и под пальцы мне попалось стекло, о которое я чуть не порезался. — Фокусы, — повторил я, распрямляясь.

Я научился — давным-давно научился! — настороженно, но в то же время спокойно относиться к непонятым и неожиданным вещам. Если есть асфальт — значит, есть асфальт, и мы по нему пойдем. Куда? А вот там и увидим. В конце-то концов, не зря же меня сюда притащило?

Туман вроде бы стал даже плотней. Но за его колеблющимися стенами мне чудились какие-то конструкции. Не деревья, нет. Что-то очень знакомое, но забытое. Такое же, как асфальт под моими сапогами.

Я свернул влево. И через пять шагов споткнулся о бордюр тротуара, а передо мною выросла стена панельного многоэтажного дома. Туман влагой оседал на стекле окна над моей головой.

Сквозь зубы втянув сырой воздух, я сделал еще шаг и дотронулся до стены. Повел по ней рукой и так, чертя пальцами по краске, пошел дальше. На углу висел номер — черные угловатые цифры на белом:

44

Тут же была табличка, но просто белая, без названия.

Я пошел дальше. Задел рукоятью палаша об угол, рассеянно посмотрел на оружие, подумал и свернул за угол.

Это был парк. Слева и справа тянулась чугунная кованая ограда — витки металла сплетались в растительное кружево. Листва на деревьях казалась серой, за нею видны были тоже какие-то дома. Справа я увидел качели и скамейки. Качели почему-то раскачивались — бесшумно и плавно. Рядом со скамейкой лежал мяч: малиновый с синей полосой, надвое разделенной белой.

У меня был такой.

Ночь
И тишина,
Данная навек.
Дождь, а может быть,
Падает снег...
Все равно, бесконечной надеждой согрет,
Я ищу
Этот город,
Которого нет!
Там
Легко найти
Страннику приют.
Там наверняка
Помнят и ждут...
Много лет, то теряя, то путая след,
Я ищу
Этот город,
Которого нет!

Кто
Ответит мне,
Что судьбой дано?
Нам об этом знать
Не суждено...
Может быть, за порогом потраченных лет,

Я найду
Этот город — которого нет!
Там для меня
Горит очаг —
Как вечный знак
Забытых истин!
Мне до него
Последний шаг —
И этот шаг
Длиннее жизни...

И. Корнелюк

Странно. Какое-то спокойствие опустилось на меня, словно плащ, и я неспешно шел дальше по асфальтированной дорожке, пока вновь не оказался на развилке и, бросив взгляд вправо, неожиданно увидел, что эта улица чиста от тумана. Шагах в тридцати от меня была открытая дверь, дальше — стеклянная витрина, расписанная почему-то снежинками. Наискось через нее шла надпись:

КАФЕ

Без названия, просто кафе. По-русски, я это понял уже после того, как прочитал надпись. Рядом с дверью стояла урна из серого чугуна, знакомая, вазой. Я подошел, заглянул — она была пуста, только на самом дне лежала монетка — пять копеек.

У меня возникло подозрение, что я сплю. Я сунул руку в урну, достал монету. Да, пять копеек 1981 года. Я уронил ее обратно — медь глухо щелкнула о чугун.

Вход в кафе был завешен длинными низками пласт-массовых колечек, они сухо застучали, когда я их раздвинул, входя внутрь. Снова повеяло чем-то знакомым — то ли «Севером», то ли «Молодежным»¹. Слева в глубине — стойка, за ней полки, пустые. Дверь и окошко раздачи на кухне были закрыты, дюжина столов с тонконогими стульями — пуста...

Нет. В дальнем углу, у самого окна, где я всегда любил садиться в кафе, на столе дымились чашки и тарелки.

— Эй, — окликнул я, прислушавшись. Нет, было тихо. Я пожал плечами, подошел к столику. Из синего стаканчика торчали белые уголки салфеток. В держателе с колечком стояли чашечки с перцем, солью и горчицей. На тарелке лежали четыре куска черного хлеба — мягкого даже на вид. В тарелке был бульон с несколькими пельменями, зеленью и вроде бы сметаной, в другой — сочные, поджаренные кусочки шашлыка с жареной картошкой и луком. На блюде стояла кружка — именно кружка — с чаем и лежало пирожное. Эклер.

Я сел. Мне не часто последние годы доводилось сидеть на стульях, палаш помешал — я поставил его между ног. Взялся за ложку — алюминиевую, но чистую, новенькую — и с недоверием посмотрел на свои собственные пальцы, держащие ее. Она была в них чудовищно неуместна.

— Бред, — сказал я тихо. Опустил ложку в бульон. Поболтал ею там.

И начал есть...

Я заканчивал подбирать остатки картошки, когда в кафе вошел человек. Я ощутил его приближение за миг до того, как затрещали пластмассовые низки на входе, вскинул голову, не выпуская вилку, но левую руку положив на рукоять даги.

Он вошел, бесшумно ступая по кафельному полу, быстро и ловко двигаясь, пересек проем между рядами столов и остановился через стол от меня.

— Хорош поел? — дружелюбно спросил он по-русски.

— Да, спасибо, — кивнул я. И только сейчас сам понял, что еда ничуть не походила на кафешную.

¹ Названия культовых в среде кирсановских подростков второй половины 80-х годов XX века кафе.

Вошедший рассматривал меня. Я — его. Это был мальчишка — немного старше меня, плечистый, узкобедный и длинноногий. На крепкой высокой шее сидела почти скульптурная голова. Лицо с решительным подбородком, высокими скулами и широко посаженными зелеными глазами через верхнюю губу и левую щеку перечеркивал шрам. Рыжие волосы падали на плечи в красивом беспорядке.

Одет мальчишка был со средневековым шиком: на белую рубашку с пышными рукавами — алая туника. На широком черном поясе, на перевязях с золотыми бляхами, висели длинный меч со странной рогатой рукоятью и прямой массивный нож. Узкие алые штаны уходили в тонкие сапоги — черной кожи, с белыми отворотами под коленом. Но выражение лица у парня вовсе не было заносчивым или высокомерным. Он смотрел, как и говорил: дружелюбно, только чуточку печально.

— Пей чай, я подожду. — Он пододвинул стул и сел, широко расставив ноги (меч повис между них рукоятью точно под руку).

Чай тоже был хорош, а эклер — не с масляным, а с заварным кремом... но мне ни то, ни другое толком не лезло в горло. Мальчишка смотрел в окно; справа на шее под отложным воротником я заметил еще один шрам, звездчатый — от стрелы остаются такие. Это почему-то успокоило меня. Парень был «из наших». И появилась уверенность, что сейчас я услышу что-то... что-то очень и очень важное.

Может быть — *самое* важное за все мои годы здесь.

Я поставил кружку на блюдечко, и мальчишка поднялся, одновременно поворачиваясь ко мне:

— Меня зовут Диад, — сказал он. — Если ты не против — пойдем, поговорим на ходу, Олег.

Я не выдал своего удивления. Просто кивнул.

* * *

Временами мне казалось, что мы не идем, а стоим на месте — и мимо нас движется, как при съемках старого фильма, лента с нарисованными домами, деревьями... Но в общем-то это было все равно. Ко мне вернулось странное спокойствие, а Диад молчал, шагал себе и шагал неспешно, словно мы с ним были хорошими друзьями и просто гуляли после уроков по хорошо знакомым улицам.

Но все-таки я нарушил молчание вопросом:

— Я не сплю?

— Нет, — покачал головой Диад и, остановившись, присел на низкую ограду. — Ну, вот теперь давай поговорим. Только ничего не спрашивай, пока я буду говорить. Все спросишь потом...

Это случилось почти две тысячи лет назад. С еще более давних, вообще незапамятных времен существовал на Земле... ну, Орден такой, что ли. Светлых Магов, Добрых Сил — все равно, как называть, смысл ясен. В него входили люди разных племен. Члены этого Ордена умели очень многое, они жили почти вдесятеро дольше обычных людей, помогали им и всячески способствовали прогрессу, цивилизации, культуре.

Но вот, как уже было сказано, примерно две тысячи лет назад, маги, умевшие не то чтобы предвидеть, но достаточно точно прогнозировать будущее, с ужасом поняли, что их раса сворачивает на дорогу, которая неизбежно приведет в тупик. Еще очень не скоро, но приведет всю цивилизацию к гибели, и гибель эта придет не от войны или эпидемии (а именно эти вещи считались тогда самыми большими бедами), а от гипертрофии эгоцентризма и нарастания лени духа — они погубят белую расу, и ее остатки станут добычей «темных народов», которые, в свою очередь, вновь превратят Землю в арену бесконечных и бессмысленных кровавых войн на уничтожение...

Это будет еще очень не скоро даже по их счету, поняли маги. Но будет, и избежать этого нельзя. Уже поздно что-то менять. Время было упущено, а над временем были не

властны даже они.

Маги не хотели такого будущего для народов, плотью от плоти которых они были, которые провели по тысячелетним крутым путям, извилистым и кровавым тропам истории. Они стали искать выход.

И нашли его.

Не властные над временем, они уже давно овладели пространством — им была известна многомерность мира. Новые и новые пространства открывались знающему человеку сразу за порогом дома. Все они были безлюдны, пусты, не очень нужны человечеству — ему, в те времена немногочисленному, и на одной-единственной Земле было не тесно. Маги же иногда странствовали по тем мирам из любопытства или в поисках отдыха — и неплохо их знали.

Тогда они приняли решение создать банк. Резерв. Запас жизненной силы, квинтэссенцию расы, которая после неизбежной катастрофы сможет вернуться и очистить Землю для нового начала... или создать это начало в другом пространстве, если последние битвы разрушат материнское пространство полностью.

С точки зрения XX века, маги были жестокими людьми. Но они были в общем-то и правы, избрав метод «наполнения банка».

Маги умели снимать копии с людей... Нет, не то. «Копия» — это что-то вторичное, неполноценное даже. Трудно подобрать термин, да это и не важно, суть ясна. Кроме того, они умели легко определить потенциал человека: будущего лидера в политике, искусстве, науке, военном деле, экономике. И они начали перемещать в выбранное пространство двойников — мальчишек и девчонок 10–16 лет, поодиночке и группками (благо, люди талантливые тянутся друг к другу). В этом мире их ждало оружие (хотя кое-что попадало сюда с ними самими; со временем — все меньше, но все же...), а главное — проверка. Проверка не только лидерских качеств, но и умения дружить, чести, совести, верности, отваги — всего того, чем обладают подростки и что в значительной степени теряют взрослые.

Проверка была жестокой. Безмерно. Она беспощадно отсекала не только и без того редкий балласт — неумолимо гибли смелые, сильные, решительные, опытные, допустившие всего одну ошибку. Хоть где-то. Далеко не всегда выживали двойники тех, кто на Земле стал великими людьми — и нередко «блистали» те, чьи «прототипы» так ничем и не прославились. Эта жизнь давала возможность раскрыться полностью.

В качестве постоянных «оппонентов» двойников сюда же поместили большое количество урса — синтетически созданную на основе рептилий расу. А как контролеров процесса на базу — в Город Света — поместили небольшую популяцию арабов. Этот властолюбивый и жадный народец был счастлив такой «властью», а сюрпризов от них можно было не опасаться. К творчеству они не были способны...

Время шло. За год в это пространство попадало до пятнадцати тысяч мальчишек и девчонок. Через год от них оставалась только половина. Через два — пять тысяч. Через три — четыре... К пяти годам — около двух с половиной тысяч. «Оканчивали школу» в среднем две сотни в год, с семи-двенадцатилетним сроком за плечами.

Не все и не всегда укладывалось в схемы. Чаще всего неприятности были связаны с тем, что новенькие не могли «оставить за плечами» старые счеты. В этом мире имели место «реплики» многих земных войн — в уменьшенном виде, но факт (однако, например, ни Первая, ни Вторая мировые войны так и не повторились...)

А результатом... результатом для тех, кто проходил через все испытания, была Бесконечная Дорога. Вот то самое, что сейчас было со мной. Уход в третий мир, на еще одну Землю, где тоже царило Безвременье, но иное. Там, среди лесов, в поселках и на фермах, на кордонах и в полевых лагерях жили сейчас в ожидании Срока около четырехсот тысяч мальчишек и девчонок, доказавших, что они могут.

Резерв. Банк. Надежда расы. Надежда Земли...

Все большие вещи, наверное, заканчиваются так. Я сидел на оградке, привалившись

спиной к каменному столбику. Думал. Молчал. Мне было легко и пусто.

Я дошел до конца. Диад меня не окликал, не говорил больше со мной — точно так же сидел напротив.

— Ты давно живешь там? — спросил я. И поправился: — Или ты... этот? Маг?

— Нет, — покачал он головой. — Я из одного бриттского племени, а живу... живу уже почти два тысячелетия.

— Значит... — я помедлил. — ...все?

— Да. Все. — В голосе Диада были понимание и сочувствие.

— Все, — повторил я. — Странно... Послушай!!! — Я вскинулся. — А мои...

— Успокойся, — кивнул он. — Вы дошли сюда вместе. Ты вернешься и приведешь всех своих. Просто говорить удобней с одним, чем с группой.

— А это все? — Я повел вокруг рукой. — Это что?

— Ничего, — пожал плечами Диад. — Твои воспоминания. *Они* это могут... Но еда, — он улыбнулся, — настоящая.

— Да, настоящая... — откликнулся я. — Послушай, Диад... Но вот есть Хаахти, Хаахти Салоранта, он тут... там почти век. Или мой друг Джек Сойер — он тоже очень долго... Почему они не ушли *туда* ?

Диад сплел пальцы на колене.

— Потому что не захотели... Такие есть тоже.

Я хотел снова спросить: «Почему?» И не спросил. Вместо этого я задумчиво поинтересовался:

— А тебе не кажется, что это неправильно и... несправедливо? В наше второе лето здесь погиб Север, Игорь Северцев. Чем он был хуже меня? Я могу еще и еще называть...

— Я тоже могу, — отозвался Диад. — Одна ошибка... только одна... И расплата за нее; ни при чем тут — «хуже», «лучше»... Жестоко, да? Но не несправедливо...

— Значит, я буду жить, — тихо сказал я. — *Мы* будем...

И снова замолчал.

Но я не просто молчал. Странно, но я вспоминал, и эти воспоминания всплывали у меня в мозгу, словно фантастические кадры из какой-то бессистемной, но берущей за душу склейки, пропитанной моей памятью, как проявителем и закрепителем одновременно. Я не «заказывал» эти воспоминания. Они приходили сами собой... Не получалось вычленить из них ничего конкретного, но то всплывали трупы в первом разоренном урса селении, которое я увидел... то лицо умирающего на руках Лаури Свена... то металлическая груда оружия на каменном полу... ландскетта, выпадающая из мертвой ладони Кристины... голова Севера на шесте... смертельный холод голодной зимы, луна в глазах волчьей стаи... скрип стали толлы о кость бедра, *моего* бедра... лицо Дейны, лицо моего «хозяина», лицо желтоглазого Жоз — калейдоскоп, мозаика, вихрь лиц... вытянутая к моему лицу рука Марюса... бредущий к берегу в белой пене приборя Саня, его улыбка, улыбка на мертвых губах... волна Атлантики, рев ветра в вантах... Вадим, поднимающий руку на палубе нашего корабля... смеющийся Сергей, раскинувший руки мне навстречу у своего трона... брызги бледных искр из-под клинка... злое отчаянье схватки... теплая пыль тропы на Кавказе, ее вкус со вкусом крови во рту... солнечный мед первого нашего с Танькой раза на дне каменной чаши, переполненной весенней зеленью... звериная, ловкая посадка Джека у снежной норы при нашей первой встрече... снежный вихрь из-под ее лыж, мчащихся у самых пастей двух амфиционов... клятва под взвихренным небом надвигающейся бури... Равнины Америки, бесконечные ковыли, а в небе — плавающие кресты птиц... Вздвигающиеся снежные шапки Кордильер... Огромный баллон дирижабля, медленно поднимающийся из каньона перед окаменевшим Андреем... Кукурузные поля на том острове, где разошлись наши с Вадимом пути, острый блеск клинков тогдашних схваток, отряд Арниса, пробивающийся нам навстречу... Джек, прощающийся со мной... Стекланные провалы меж стекланных гор, наш «Большой Секрет», словно вмурованный в воду взвихренного тайфуном моря... Мои ладони на столе, и слезы Танюшки, и алые пятна на бинтах... Туманы Пацифиды, туманы над берегами, туман над

джунглями... страшный дождь, смывающий кожу, смывающий чувства и память... Ладонь над моим лицом... выскакивающие из спины Олега ассгаи... выстрел из пистолета, пуля в плече...

Что еще?!

Я потрогал ладонью бронзовую оковку ножен палаша. Вновь сгустился туман. Диад ждал, спокойно и терпеливо.

Я провел здесь целых семь лет. Почти столько же... ну, немногим меньше, чем прожил *там*. И — если честно признаться! — намного насыщенней. Это была страшная жизнь. Это была красивая и бешеная жизнь. Это была тяжелая жизнь.

Это была *жизнь*.

Оказывается, всего лишь ступенька куда-то еще.

Может ли жизнь быть ступенькой?

А те? А погибшие? Может быть, они и делали ошибки. Но — честное слово! — они были хорошими людьми. Многие из них — наверняка уж...

Все-таки — *жаль*.

Я улыбнулся и прочел:

— И никто — и никто не вспомнит войну.

Пережито — забыто.

Ворошить ни к чему...

Ну что же, Диад... Я рад, что все кончилось. Я пойду за своими. Только... Диад.

— Чего? — спросил он, как спрашивает друг, которого ты окликнул. И у меня стиснуло горло — я вдруг воочию увидел пологий зеленый откос, нас с Танькой, верхами спускающихся по нему вниз — туда, где из домика под низкой черепичной крышей, у мостика над ручьем, держа за талию рослую красавицу, вышел Диад — они стоят, смотря в нашу сторону, улыбаются и ждут нас, своих друзей, и воздух сладок и густ от запаха поспевших яблок в саду за домом...

— Диад... — я помялся. — Ты не можешь мне сказать... что *там* со мной?

— Могу, — пожал плечами Диад так, словно это было полной ерундой, я попросил у него подержать сумку, пока я перешнурую кед. — Смотри.

Он махнул рукой перед собой, словно протирая невидимое стекло. И я увидел — как тогда, там, где *существо* показывало мне берег Пурсовки.

Это было фойе какого-то большого здания — наверное, института, потому что тут оказалось полно молодежи. Около большой доски объявлений стоял молодой парень, одетый в серую тройку, с черной мужской сумкой на бедре, подтянутый и прямой. Я взгляделся — да, это был я. Это было мое лицо, даже почти не изменившееся, хотя и несомненно повзрослевшее... и моя манера держаться — не нынешняя, а *тогдашняя*. Я разговаривал с двумя молодыми мужчинами в черной полувоенной форме.

Потом картина исчезла.

— Что это? — быстро спросил я. Диад ответил:

— Это ты. Тебе двадцать один год, ты поступил в Тамбовский институт и сейчас разговариваешь с очень хорошими людьми. Дальше тебе будет трудно, но... но интересно.

— А где Танюшка? — не удержался я.

— Она не с тобой, — сказал Диад. — Она пропала зимой 92-го, Олег.

* * *

Открыв последние страницы блокнота Лотара, я довольно долго сидел неподвижно, только поглаживал бумагу пальцем. Со стороны могло бы, наверное, показаться, что я глубоко задумался. На самом деле я скорее не думал вообще ни о чем. Я снова был в беседке над лесным морем, только на этот раз — один, Арагорн не ждал меня там, а я не ожидал

увидеть его... Очнувшись, я взялся за ручку, удобней устроил ее в пальцах, усмехаясь полузабытому ощущению, и вывел ниже слова «гэхаймэ» — «тайна»:

Записал Олег Верецагин

- 1. Противник — всегда жертва, даже если он сильнее или превосходит количеством. Он жертва независимо от того, нападает ли он на вас, или вы атакуете первым.*
- 2. В бою преимущества противника нужно превращать в его недостатки.*
- 3. Бой — это инстинкт, а не наука.*
- 4. В каждом бою есть шанс победить. Он может быть один и едва уловим, но он есть обязательно. Главное — уметь его использовать.*
- 5. Воин ничего не боится. Ни одно явление в жизни не должно вызывать у воина чувства страха. Особенно — смерть.*
- 6. Готовность к атаке для воина так же естественна и постоянна, как умение дышать, — о ней просто не думают, используя ежесекундно.*
- 7. Атаковать нужно уметь без подготовки и из любого положения.*
- 8. Результат боя — ни одного врага, могущего стоять на ногах. Прочее — недоработки.*
- 9. Воин должен быть непредсказуем, непонятен и неожиданен для врага.*
- 10. В бою нет времени на то, чтобы понять происходящее вокруг. Воин действует на основе не рассудка, а чувства.*
- 11. Настоящий воин способен вести бой в любой среде. Бой — естественное состояние, все прочее — промежуточные моменты.*
- 12. Мы — такие, какие мы есть. Боеспособность и физическое совершенство тела — не синонимы. Накачанные мышцы всегда уступят воинскому духу.*
- 13. Умение сражаться подразумевает умение побеждать любого противника, любого цвета кожи, вооруженного любым оружием и обладающего любым набором умений.*
- 14. Если боя нельзя избежать — начинайте его первым.*
- 15. Никогда не позволяйте себя оскорблять. Если это произошло — отвечайте на слова ударом, даже если это будет последний удар в вашей жизни. Честь дороже, а если вы забудете об этом, то однажды лишитесь и того, и другого.*
- 16. Никогда не оскорбляйте незнакомца первым без причины, независимо от того, слаб он или силен. Ни слабость, ни сила сами по себе не предмет для насмешек или конфликта.*
- 17. Никто не знает, чем закончится бой, но помните — ничего не бойтесь. Бояться уже поздно.*
- 18. Либо охотитесь вы — либо охотятся на вас.*
- 19. Никогда ни о чем не просите того, кто вас победил. Умирайте молча.*
- 20. Враги надежнее друзей. Враг может превратиться в друга, друг — только во врага.*
- 21. Можно прожить без друзей — нельзя без товарищей. Любой из твоих товарищей — твоя часть, вы — единое целое в бою. Если товарищ у тебя за спиной — ни он, ни ты можете не беспокоиться о тыле.*
- 22. Погибнуть, спасая своих, — это не возможность. Это честь и долг.*
- 23. Полученное даром — не ценится.*
- 24. Без чести жить легко — умирать тяжело.*
- 25. Почти нет вещей, которые нельзя было бы простить другим. Но есть вещи, которые нельзя простить себе.*
- 26. Сильный человек должен быть справедлив, но не всепрощающ. «Не судите, да не судимы будете» — это то же самое, что «будь добрым, чтобы иметь право быть грязным».*
- 27. Глупо пытаться стать самым сильным. Это возможно, но никому не нужно, в первую очередь — тебе самому.*
- 28. Честнее всего быть равным среди равных.*

29. *Никогда и никого не подчиняй против его воли.*

30. *Жить сейчас — значит украсть у себя потом. Да, потом может и не быть. А если будет?*

31. *Сильный часто должен быть жестоким. Но он не имеет права быть злым и подлым...*

Отложив ручку, я не без изумления перечитал написанное. Если честно, я не знал, что здесь — мои мысли на самом деле, а что — читанное или слышанное когда-то, а потом — забытое. Но передо мной лежал настоящий кодекс. Иначе не скажешь.

Я перечитал его снова, уже медленней. И опять взялся за ручку, набрасывая строчки уже без пунктов...

«Не так уж трудно сделать цель из умения махать клинком. Но само по себе оно не очень многого стоит, это я могу сказать совершенно точно как человек, выигравший множество поединков и заслуживший прозвище Короля. Конечно, чье-то тщеславие это вполне удовлетворяло. Да и вообще — этот мир, убивающий нас, очень щедр, и я не шучу. Он каждому позволил стать тем, кем тот хотел стать. Я встречал тех, кто делал себе цель из мирной жизни в долине, где растет хлеб; из морских походов и пиратских набегов; из путешествий по всему белу свету; из ненависти к урсам; из умения петь песни и еще десятка дел. Я встречал даже тех, кто ставил своей целью власть над людьми или прямое владение ими.

И все это было не так уж трудно.

Но все это не то.

У происходившего со мной — с нами! — должен был быть определенный смысл, больший, чем отборочный тур в «светлое завтра». И если я еще не понял, что это за смысл, это не значит, что его нет.

Подняться к небу — вот работа.

Подняться к небу — вот это смысл».

Я закрыл и убрал блокнот туда же, где лежал в моем вещмешке толстый альбом Олега Крыгина. Подошла Танюшка, присела рядом.

— Ты почему такой грустный весь день? И не сказал, куда дальше собираемся... — она заглянула мне в глаза. — Да что с тобой, Олег?

— Тань, — сказал я, — собери, пожалуйста, всех-всех-всех. Мне надо им сказать кое-что очень важное. Очень, Тань.

* * *

Немного смешно и странно было видеть, как ребята и девчонки идут за мной. Они, прошедшие все огни и воды этого мира, привыкшие бесстрашно смотреть в глаза любому врагу, сейчас походили на детей, которые попали в незнакомую местность и стремятся не отстать от единственного взрослого...

Я улыбнулся им. И подумал вдруг: а почему мне так тошно? Или нет, не тошно... а как-то... как-то странно, словно перед глазами падают листья — желтые, алые — и, мешаясь с дождливой мерзостью, устилают асфальт...

Нет, не перед глазами, а в душе все это...

Перед туманной стеной я остановился — неожиданно для себя самого — и сказал, поворачиваясь:

— Подождите здесь. Мне надо поговорить.

Мне вновь стало немного смешно на миг, когда я увидел, как покорно, ни слова не говоря и ничего не спрашивая, они стали рассаживаться на валунах, даже не пытаясь подтянуть снаряжение, например... Словно я был не князем, а богом или пророком типа Моисея, который все знает, все может, который говорит с небесами и которого можно лишь слушаться.

— Я сейчас, — повторил я. Подмигнул Танюшке, она неуверенно улыбнулась в ответ...
...а мне вдруг стало очень-очень легко. Печальный листопад прекратился. Светило солнце, и я знал, что сделаю сейчас. Я понял это как-то сразу. Рывком, мгновенно, как включают свет в темной комнате.

Я шагнул в туман.

* * *

Диад ждал меня в десятке метров от границы тумана, возле жухлых камышей. Он пожал мне руку, как старому другу, и я искренне ответил на это пожатие.

— Я привел своих, — сказал я.

Диад кивнул:

— Хорошо... Идите, а что ты один? Оружие можете оставить, можете с собой взять, как хотите...

— Погоди. — Я посмотрел Диадю прямо в глаза. — Я хочу опять спросить тебя кое о чем.

— Конечно, — кивнул Диад.

— Джек тут уже несколько десятков лет. Хаахти — больше. Ты говоришь, что такое бывает — парни и девчонки просто отказываются уходить...

— Я сам первый раз отказался, — кивнул Диад. — Жив был тот, кто не должен был жить.

— Значит... — я помедлил, — значит, можно отказаться, но шанс...

— Шанс никуда не девается, — ответил Диад. — Он остается с тобой как обретенное умение. Например, твое умение *обращаться*. В любой момент, когда ты пожелаешь, достаточно просто напрячься — и перед тобой откроется этот туман...

— Вот как... — пробормотал я. И вспомнил Джека, каким он был, когда мы встретили его в первый раз. Он умирал от холода и голода. Но он не ушел *туда*. Я не знаю — почему. Но не ушел. Он еле полз по заснеженным лесам, уже не надеясь на спасение. Но не ушел.

Не ушел.

— Но привести с собой ты никого не сможешь, — тихо сказал Диад. — Это — только с ними можно. Вот с *ними*. Оставшись один, ты сможешь прийти лишь сам... или с тем, кто приведет к *своей* Дороге *своих* людей.

— Почему ты говоришь мне об этом?

Я увидел, что Диад улыбается — понимающе и грустно.

— Потому что я знаю, чего ты хочешь. Собрать всех-всех хороших людей, которых ты встретил за эти годы. И увести их за собой на Дорогу... Не выйдет, Олег.

— На секунду я подумал об этом, — признался я. — Но вообще я не об этом... Диад, а если... если *вот эти* ребята и девчонки, которые сейчас со мной... *они* смогут пройти *без меня*?

— Да, — кивнул Диад. — *Они* смогут пройти и *без тебя*.

Я облегченно вздохнул. Сощурился, словно через туман било солнце.

— Ну что ж, тогда я сейчас приведу их. Но сам не пойду. *Пока* не пойду. У меня есть дела.

— Подожди, — сказал Диад, видя, что я собираюсь уйти. — Это твое дело и твое право. Но что ты собираешься делать, Олег, если не секрет? Если ты хочешь найти Тиля, то он уже полгода как у *нас*. Если Лаури — то даже чуть больше.

— Значит, они живы?! — Я искренне обрадовался. — Это хорошо... Нет, Диад. Город Света. Я хочу пойти на Город Света. Я соберу людей и выжгу его, как клопное гнездо. Я знаю, — я прервал его, — знаю, что живущие там — это слуги тех, кто устроил нам селекцию. Но слуги бывают разными. И никто не заставлял эту мразь обзаводиться рабами и держать людей на цепи. Или это тоже в плане твоих магов?

— Нет, — покачал головой Диад. — Но ты, Олег, не будешь первым, кто ходил на

Город Света.

— Я знаю... — начал я, но на этот раз уже Диад оборвал меня:

— Ты не знаешь, что его разоряли. Это удавалось дважды, Олег. Может быть, ты даже станешь третьим. Но *зачем* ? Управляющий центр будет отстроен. Без него этот мир не имеет смысла, как это ни печально. Так зачем рисковать своей жизнью... и жизнями тех, кого ты поведешь за собой? Ты отыграл свое. И ты нужен для дела. Понимаешь? *Для дела!*

— Подожди, — тихо попросил я. — Ты не понял. Да я и сам не понимал до недавнего времени... Этот мир ошелушил меня. Как семечко, что ли... Я стал настоящим. Смешно, но во мне и правда скрывался Король Поединков. Бесстрашный. Ловкий. Быстрый. Неутомимый... Те, кто открыл эту школу, были правы на все сто — тут отличный отбор, хотя и тяжелый конкурс... А знаешь, когда я чувствовал себя гаже всего?

— Знаю, — кивнул Диад. — В рабстве.

— Да, — согласился я. — А знаешь почему?

— Знаю, — повторил Диад. — Унижение.

— Да, — так же повторил себя я. — В нашем мире — там, на моей родной планете... в моем пространстве... там не слишком много обращают внимания на унижение. Там унижают походя тех, кто слабее, и терпят унижение от тех, кто сильнее... и это, наверное, один из признаков конца, о котором говорят маги... «Морда цела — и слава богу!» — Я засмеялся, и мой смех заглох в тумане, как в одеяле. — Но здесь я вытерпел столько боли, что... Я научился ее терпеть. И голод, и жару, и холод, и сырость — и еще кучу всего, что *там, у нас*, считается непереносимым... Ну так вот. Я понял, что *единственная* на самом деле непереносимая вещь — это унижение, Диад. Я собирался отомстить за то, что меня унизили. Отомстить жестоко, не думая о том, буду ли я жить потом... да это и было не важно, ведь в итоге-то финалом все равно была смерть. И я хотел, чтобы она выглядела как можно более достойно.

— На груди изрубленных врагов, с выщербленным мечом в руке и улыбкой на губах, — понимающе подтвердил Диад, и его глаза коротко сверкнули.

Я кивнул:

— Да, да... Примерно так... Но сейчас все по-другому. Я не собираюсь мстить за себя. И речь не о красивой смерти. Я не хочу просто жить в тишине и спокойствии, пока *там*, в этом проклятом... центре управления, Диад, находятся в рабстве десятки мальчишек и девчонок. Которых не убивают, нет. Которых унижают. Я согласен со смертью, с кровью, с мучениями... Но с унижением я не смирюсь. Я выведу из Города Света тех, кого эта мразь называет рабами. А после этого — что ж, после этого я воспользуюсь своим правом.

Диад долго молчал. Потом поднялся на ноги и сказал:

— Я подожду твоих людей там, на улице. И... удачи тебе, Олег. Постарайся не погибнуть.

Я снова пожал ему руку. И не стал провожать взглядом, заторопившись к своим.

* * *

Увидев меня, все встали — сразу, дружно и молча, только Ленка Чередниченко, цепляясь за рукав куртки Сергея, спросила, глядя, как испуганный ребенок:

— Что... ничего не получилось? Да?

И у всех стали такие глаза... а мои глаза намокли, и я, подав руку Танюшке, весело сказал:

— Да ну, вы чего? Все нормально! Пошли!

Сразу начался шум, веселый и какой-то слегка истеричный, как в младших классах школы, когда становится ясно: долгожданная поездка (экскурсия, поход) состоится. Но Танюшка, взяв меня за руку, тихо спросила:

— Правда *все* нормально?

И я соврал — трусливо оттягивая объяснение на минуты — хоть одна, две, но

спокойные минуты:

— Да все, все, Тань. Все кончилось. Понимаешь, все кончилось!

И в сердце у меня повернулся зазубренный бурав, когда Танюшка — без улыбки, вообще без эмоций — вздохнула. Просто вздохнула. Но было в этом вздохе такое, что я отвернулся и от нее и крикнул:

— Все, пошли, пошли!..

Когда метелки камышей приветливо закивали нам, я остановился, делая вид, что перетягиваю ремни сапог. Потом, когда мимо прошли последние, я выпрямился и окликнул:

— Ребята, стойте.

Все обернулись. Сразу. Девятнадцать пар глаз на девятнадцати загорелых лицах. И я начал называть их имена:

— Джерри. Йенс. Радица. Ромка. Видов. Ясо. Клео. Колька. Лида. Игорь. Ингрид. Юджин. Сергей. Лен... и ты, Лен. Зорка. Димка. Анри... — Я помедлил и закончил, как отрубил: — Тань.

— Чего это ты? — удивленно спросил Ясо.

И Танюшка ответила:

— Он хочет уйти. Неужели не ясно?

— Ты что, бредишь? — сердито спросила ее — не меня! — Ингрид.

— Да нет же, — очень спокойно продолжала Танька. — Посмотрите ему в глаза.

— Точно, — сказал Йенс. — Точно.

— Олег?! — требовательно спросил Сергей.

— Пойдете прямо, — сказал я. — Тут рядом город, вас встретит Диад, про которого я рассказывал. Он доведет...

— Да это ты нас доведешь! — заорал Анри. — До инфар... — но я тоже повысил голос:

— Тихо! Я пока еще ваш князь! — Я обвел всех взглядом и уже тише продолжал: — Да, вы пойдете туда. Это *приказ*. И вы будете там жить. Там, где не убивают. Там, где не нужно стирать ноги, догоняя врага или уходя от погони. Там, где не нужно класть рядом с постелью — *настоящей* постелью! — оружие. Вы будете жить там и ждать меня. Я вернусь. Я вернусь, потому что мне будет куда... и потому что я буду спокоен за вас. Я вернусь.

— Мы идем с... — начал Игорь, но я и его оборвал:

— Не идете. Я иду в Город Света не умирать. И не хочу, чтобы кто-то из вас погиб, потому что... да потому что вы все заслужили жизнь! — Я ткнул в туман за их спинами с такой яростью, что они все невольно обернулись. — Вы заслужили это, каждый по-своему, но — *заслужили*!

— А ты? — спросил Ромка, гримасничая, и я понял, что он сдерживается, чтобы не заплакать. — А ты не заслужил?

— Нет, — сказал я, и сказал *искренне*. — Еще не заслужил. Я вывел вас сюда. Теперь я должен вывести других. Не *сюда* — это, как выяснилось, не в моих силах. *Оттуда*. Но для них и это будет счастьем. И никто из вас со мной не пойдет.

— Кроме меня, — сказала Танюшка.

— Хорошо, — кивнул я. — Потом тебя убьет тупая случайная толла, а я зарежусь, потому что не смогу без тебя... Да поймите же, кретины, — я сорвался на крик, — поймите же, я *хочу* вернуться и увидеть вас — вас *всех*! Уходите! Убирайтесь же! Ну?!

Я не узнавал своего голоса. В нем было столько бешеной ярости, что они попятились. Все девятнадцать.

Сергей спросил жалобно:

— А обратно... когда же ты обратно?..

— Примерно года через два, — сказал я сипло и откашлялся. — Ждите. Не будем прощаться. Все. Уходите!!!

Несколько секунд они стояли неподвижно, переминаясь с ноги на ногу. За их спиной была спокойная, мирная жизнь... и я почти слышал, как каждый из них мысленно уговаривает себя: ну ведь правда же... я заслужил, я столько пережил... а Олег вернется,

обязательно, он ведь такой... а мы подождем... *там* ...

Потом они начали поворачиваться и уходить. Последним — пятым — ушел Сергей.

Танюшка ушла первой. Повернувшись сразу и не оглядываясь.

Когда в тумане скрылся последний, я чуть не побежал следом. Да нет, я побежал... но остановился тут же. Сжал кулаки и, втягивая воздух сквозь стиснутые зубы, остался на месте.

Ушли. Выполнили мой приказ.

По щекам у меня текли слезы, но я был один — и некого было стесняться.

Я стоял один в тумане. Как на экране приснившегося мне телевизора.

Все сбылось.

@Y@rl@x@gs.

Я шел к этому одиночеству семь лет. Путем, на котором похоронил всех своих друзей. Последних — только что. Как только ты начинаешь отвечать за людей — у тебя почти не остается друзей.

А в момент, когда ты начинаешь отвечать не только за своих, — друзей не остается совсем. Остаются героические песни, и общее восхищение, и...

...и одиночество. Серый туман.

Órlōgs.

Что ж, этим и должно было закончиться.

— Я вернусь. Все равно, — сказал я сквозь слезы в туман. — К тебе, Тань. И к вам, ребята, девчонки... А если не вернусь — то вы будете жить. Теперь вы будете жить...

Я повернулся и неспешно пошел прочь, обратно, размышляя о том, что нужно сделать в первую очередь. «Вы-то со мной, Ваше Величество? — спросил я и услышал холодноватый голос Арагорна: — Теперь — навсегда, князь. И это честь для меня».

А в следующий миг туман выбросил мне навстречу рослую фигуру, и я обнажил палаш...

— Ну ты даешь. Полгода за вами гонюсь, можно сказать — не успел, — сказал Джек.

Я обалдело смотрел на него — узкое, смуглое от загара лицо, яркие пятна голубых глаз, каштановые волосы, рассыпавшиеся по плечам; над правым — рукоять бастарда, над левым — лук в чехле.

Джек улыбался. А глаза у него были счастливые.

— На Город Света собрался? — уточнил Джек. Я кивнул и снова заплакал. — А их отослал? — Я снова кивнул. — Хватит реветь... Представляю, как они обалдели... — задумчиво резюмировал Джек и добавил: — Но думаю, это обалдение уже проходит.

— Как ты сюда попал? — Я вытер глаза ладонями. — А, Джек?

— Говорю же — гонюсь полгода, с тех пор, как расстался с Нэдом на побережье Аляски... Ну и что ты собираешься делать сейчас?

— Идти на Город Света, — ответил я.

— Сразу?

— Н-ну...

— Ну а прямо *сейчас*? — настаивал Джек, и я вздохнул:

— Не знаю. Передо мной — неизвестность...

— Мне нравится название этой дороги. Пойдем по ней вместе, — серьезно сказал Джек, а потом добавил: — Только немного подождем, пока нас нагонят.

— Кто? — не понял я.

Джек посмотрел на меня внимательно и, тяжело вздохнув, сожалеюще пробормотал:

— Нет, с этим надо что-то делать... Неужели ты, кретин, *в самом деле думал*, что они тебя *бросят*?

Я обернулся.

Я прислушался.

В отдалении хрустели камыши, слышались возбужденные голоса, а потом их все перекрыл отчаянный крик Танюшки:

— Оле-е-ег!!! Олег, подожди! Мы с тобой!!!
Я улыбнулся, смаргивая с глаз слезы. Джек положил мне руку на плечо и слегка сжал его.

И так, вглядываясь в туман, я стал ждать, когда ко мне добегут мои друзья.

Среди связок в горле комом теснится крик,
Но настала пора, и тут уж кричи не кричи.
Лишь потом кто-то долго не сможет забыть,
Как, шатаясь, бойцы о траву вытирали мечи.
И как хлопало крыльями черное племя ворон,
Как смеялось небо, а потом прикусило язык,
И дрожала рука у того, кто остался жив,
И внезапно в вечность там превратился миг.
И горел погребальным костром закат,
И волками смотрели звезды из облаков,
Как, раскинув руки, лежали ушедшие в ночь,
И как спали вповалку живые, не видя снов.
А жизнь — только слово.
Есть лишь любовь — и есть смерть.
Эй, а кто будет петь, если все будут спать?
Смерть стоит того, чтобы жить,
А любовь стоит того, чтобы ждать...

Группа «Кино»

Домой надо возвращаться только на рассвете.

Или приносить рассвет с собой.

Автор